Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

XI Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статей

Том II

Екатеринбург
2020

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
С 69

Ответственный редактор: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова; д-р истор. наук, проф. Г. Е. Корнилов
Рецензенты: д-р экон. наук, проф. Т. А. Коркина, д-р экон. наук, проф. И. А. Кулькова

Институт экономики УрО РАН, Россия; Институт истории и археологии УрО РАН, Россия; Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Россия; Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, Кыргызстан; Институт исследований населения и человека Болгарской академии наук, Болгария; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия; Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей, Россия; ФИЦ комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова УрО РАН, Россия; Институт демографии и социологии Государственного университета Ильи, Грузия; Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, Узбекистан; Уральский государственный медицинский университет Минздрава, России; РОО «Форум женщин Урала», Россия

С 69 **Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов** [Текст]: сб. ст. XI Уральского демографического форума: в 2-х томах / отв. ред. д-р экон. наук О. А. Козлова; д-р ист. наук Г. Е. Корнилов. Том II. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2020. — 275 с.

ISBN 978-5-94646-636-3

Сборник статей представляет интерес для экономистов, специалистов в области управления демографическими процессами, социологии и психологии воспроизводства населения, медицины и здоровьесбережения населения, историков, географов, преподавателей, аспирантов и представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся вопросами демографической и семейной политики.

В первом томе размещены материалы научных докладов дискуссионных площадок: «Перепись населения как инструмент регулирования демографических процессов: исторический опыт» и «Социоэкономические факторы демографического развития».

Во втором томе размещены материалы научных докладов дискуссионных площадок: «Институты воспроизводства человеческого капитала: семья, школа, вуз», «Здоровье как ресурс социально-экономического развития» и «Миграция: современные вызовы».

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978-5-94646-636-3
© Институт экономики УрО РАН, 2020.

Содержание

III. Институты воспроизводства человеческого капитала (семья, школа, вуз) ... 5

Акрамова Ф. А. Психологическая помощь семье как необходимый фактор поддержки и укрепления семей ... 5

Амбарова П. А. Роль семьи в вовлеченности людей «третьего возраста» в образование ... 11

Beknazarova S. S. Modelling of Main Characteristics of Expert Mediaeducational System ... 17

Берзин А. Б. Некоторые проблемы взаимодействия учителей и родителей учащихся в современной школе ... 28

Габдрахманова Г. З. Формирование исторической памяти семьи: проекты государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу ... 33

Гараева Э. И. Репродуктивное поведение в период пандемии COVID-19 ... 39

Зборовский Г. Е. Трансфер человеческого капитала неуспешных учащихся: от школы к вузу ... 43

Калинина А. В. Демографическая повестка в условиях транзита власти ... 54

Калмыкова О. С., Калугина Д. А. Внедрение элементов дуального обучения в процесс подготовки кадров в системе среднего профессионального образования Свердловской области ... 63

Кузнецова Е. В., Левицкий М. И. Особенности коммуникаций студентов и преподавателей в условиях дистанционного обучения и их влияние на качество и эффективность учебного процесса ... 70

Мячикова К. А., Селина О. В. Особенности формирования человеческого капитала компании ОАО «РЖД» ... 77

Сафиуллин Р. Г. Человеческий капитал научно-образовательной сферы как фактор обеспечения технологического прорыва России ... 86

Семенов С. Н. Формирование творческого потенциала общества в образовании ... 94

Синельников А. Б. Добровольное отделение супружества от родительства как симптом институционального кризиса семьи ... 100

Скрябина Я. А. Многодетные семьи в Республике Башкортостан: социально-экономический и демографический аспекты ... 108

Халикова М. К. Образование в условиях постглобализации: базовые концепты ... 117

Черешова С. В. Расширение круга субъектов родительского труда в «институциональном» ключе ... 124

Черкасова В. Ю. Имидж пожилого человека в современном российском обществе ... 130

Шевалдина Е. И. Анализ деятельности Министерства образования и науки Республики Башкортостан в сфере регулирования и управления системой оказания образовательных услуг ... 138

VI. Здоровье как ресурс социально-экономического развития 144

Апахова В. М., Ваторопин А. С. Контроль здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор формирования эффективного кадрового состава 144

Дубровина А. С. Самосохранительное поведение в семье: содержание понятия в социологии 148

Козлова О. А., Секицки-Павленко О. О. Феномен внебрачной рождаемости как медико-социальная проблема 155

Короленко А. В. Продолжительность здоровой жизни как критерий активного долголетия: межстрановой и региональный анализ 161

Коропец О. А., Федорова А. Э., Меньшикова М. С. Психологическая безопасность и благополучие женщин на рабочем месте 171

Лифшиц М. Л. Закономерности уровня летальности COVID-19 в мире и прогнозная оценка числа смертей вследствие эпидемии в РФ 178

Нацун Л. Н. Заболеваемость детского населения злокачественными новообразованиями в регионах Северо-Западного федерального округа 187

Развварина И. Н., Гордиевская А. Н. Здоровье как фактор профессионального самоопределения подростков 194

Фельдман М. А., Виноградова К. А. Современные проблемы, требования и задачи медицинской помощи детям с онкологическими заболеваниями 203

Шастин А. С., Газимова В. Г., Малых О. Л., Федорук А. А., Гусельников С. Р. К вопросу о расчете отдельных показателей национального проекта «Демография» 210

Шастин А. С., Газимова В. Г., Устюгова Т. С. Утрата профессиональной пригодности. Неисследованные масштабы экономических потерь 217

V. Миграция: современные вызовы 225

Бедрина Е. Б., Фаизова А. Р. Трансграничные денежные переводы мигрантов как фактор социально-экономического развития территории исхода 225

Бухаров Д. Н. Графовая модель миграционных потоков населения 233

Дмитриева Ю. В. Интеллектуальный анализ данных в управлении миграционными процессами 238

Киселева Н. С. Образовательные намерения выпускников школ отдаленных районов г. Перми 242

Надеина Е. А. Влияние менеджмента промышленного предприятия на тренд образовательной миграции моногорода 248

Петракова Ю. Н. Миграция в Республике Беларусь в преддверии пандемии 255

Ходячих С. С. Роль миграции в демографическом развитии Белгородской области в условиях демографического кризиса 261

Чайка Е. Е., Мизеровская У. В. Особенности миграционных процессов в добывающих регионах Крайнего Севера: случай Дальнего Востока 265

III. ИНСТИТУТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА (СЕМЬЯ, ШКОЛА, ВУЗ)

УДК 378.014.61(575.1)

Ф. А. Акрамова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР ПОДДЕРЖКИ И УКРЕПЛЕНИЯ СЕМЕЙ[1]

Семья является сложным институтом, где наблюдается много проблем социально-демографического, медико-психологического, педагогического и другого характера. Для поддержки и укрепления семей необходимо оказывать им психологическую помощь, психологическое консультирование. Для проведения психологической поддержки целесообразно вести разъяснительную работу и оказывать помощь семье.

Ключевые слова: семья, психологическая помощь семье, психологическая консультация, неформальные браки, психологические факторы, социальные факторы, рекомендации

Семья и брак — сложный социальный институт, проблемы которого изучают и практически разрешают специалисты разных направлений: юристы, социологи, демографы, психологи, психиатры, сексологи, наркологи, педагоги. Семейно-брачная тематика в рамках гуманитарных наук объясняется не только расширением проблем и объектов данных наук, но и необходимостью укрепления семьи как основы общества. Без опоры на семью не могут быть разрешены многие социальные проблемы: воспитание будущего поколения, передача культурного наследия, повышение культуры быта и потребления, борьба с преступностью, алкоголизмом, психическими болезнями. Даже такие социально-экономические проблемы, как планирование производства товаров бытового назначения, строительство детских учреждений, организация мест проведения досуга трудящихся, архитектурное планирование жилых кварталов и квартир не могут быть эффективно решены без учета образа жизни, состава, функций семьи.

Однако вслед за признанием роли семьи в современных условиях семья во многом не справляется со своими социальными функциями. Из многочисленных исследований установлены такие факты, как падение воспитательной функции семьи, престижа семейных ценностей, рост числа разводов, снижение рождаемости, увеличение количества неблагополучных и так называемых проблемных семей и т. д. Из указанных проблем семьи следует вывод о необходимости оказания психологической помощи семье в выполнении различных ее функций и в кризисных ситуациях ее развития.

[1] © Акрамова Ф. А. Текст. 2020.

Социально-психологическая помощь семьям должна быть направлена на преодоление деструктивных социальных и психологических факторов, препятствующих полноценному функционированию семьи, на поддержку и укрепление семей.

Чаще всего причинами необходимости психологической помощи семьям являются следующие проблемные вопросы взаимоотношений: неопределенность семейных ролей мужа и жены, несогласованность семейных ценностей, супружеская верность, проблема стиля отношений и общения друг с другом, преодоление конфликтов, отношения с родственниками супруга, проблема взаимопонимания.

Социально-психологическая служба семьи предназначена оказать психологическую помощь, в частности, психологическую консультацию, психодиагностику, психокоррекцию для членов семьи. В рамках этой службы определяются проблема семьи, тип семьи, проводится социально-психологическое изучение личности для организации индивидуального подхода к ней. При оказании социально-психологической помощи необходимо учитывать проблему семьи (конфликт, развод, неподготовленность к семейной жизни, незнание функций семьи, … и т. д.); тип семьи (нуклеарная, многоступенчатая, молодая, бездетная, семья с одним ребенком, с двумя детьми, … многодетная, городская, сельская, смешанная, …) и другие аспекты. Однако практика работы этой службы в настоящее время недостаточно подкреплена методиками и формами работы с семьей.

Необходимость исследования проблемы социально-психологической помощи семье обусловлена решением сложной задачи — уменьшить воздействие на семью негативных последствий различных отношений.

В Узбекистане впервые научно-практические и социально-психологические аспекты деятельности психологической службы в системе образования обоснованы Ш.Р. Баротовым [2, с. 37]. В этой сфере целесообразно отметить также научные работы таких исследователей, как М. Аргой, А.А. Бодалев, В.В. Столин, В.М. Каримова, Г.Б. Шоумаров и др. [2, с. 102]. Необходимо отметить, что в настоящее время психологическая помощь проводится и в системах здравохранения, физического воспитания и спорта, транспорта, семейных отношений [2, с. 128].

Проблема неформальных браков в Узбекистане является актуальной, так как браком считается добровольный союз мужчины и женщины, заключенный с целью образования семьи с обязательным соблюдением установленных законом требований и порождающий между супругами взаимные личные и имущественные права и обязанности. Действительным признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Ежегодно в Узбекистане в ЗАГСах регистрируются около 300 тысяч браков.

Не оформленные в установленном законом порядке браки — незарегистрированные браки — даже при ведении общего хозяйства и наличии общих детей не признаются юридически. Согласно статье 64 «Права

и обязанности детей, родившихся от лиц, не состоящих в браке между собой» Семейного кодекса Республики Узбекистан незарегистрированное совместное проживание мужчины и женщины не порождает брачных прав и обязанностей, хотя дети имеют такие же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, какие имеют дети, родившиеся от лиц, состоящих в браке между собой.

При заключении брака проведение религиозного обряда — шаърийникох — не имеет юридической силы, но в религии ислам оно призвано регулировать отношения между супругами. По результатам опросов[1], более 90 % опрошенных семей отметили, что проведение обряда исламского бракосочетания является обязательным.

В отдельных регионах Узбекистана наблюдается тенденция проведения лишь обряда исламского (религиозного) бракосочетания (особенно при повторных браках) без регистрации в государственных органах ЗАГСа, что имеет ряд негативных последствий для женщин и детей. Государство, заинтересованное в образовании прочной и здоровой семьи, отрицательно относится к таким, заведомо неполноценным с юридической точки зрения, союзам.

С помощью социально-психологического опросника, составленного Центром «Оила», проведены опросы в 465 семьях Андижанской области. Цель исследования — определить причины заключения таких браков и проблемы, с которыми сталкиваются женщины и их дети в таких браках. Поэтому в качестве целевой группы для опросов были отобраны преимущественно семьи, живущие в браке, не оформленном в органах ЗАГСа, но заключенном обрядом исламского бракосочетания — никох (брак).

Опросы показали, что на момент опроса 66,0 % респондентов имели одну семью, 31,0 % — две семьи (мужчины 42,0 %), 3,0 % — три семьи. В 90 % опрошенных семей есть дети, более половины которых были рождены в незарегистрированном браке. Религиозный брак наиболее распространен в сельской местности.

Составление портрета тех, кто живет в официально не зарегистрированном браке, показало, что среди женщин — это преимущественно неработающие женщины со средним специальным образованием, со средним и ниже среднего уровнем материальной обеспеченности и с 1–2 детьми. Среди мужчин — это мужчины среднего возраста (30–40 лет), преимущественно без высшего образования, среднего достатка, с 2 и более детьми.

На вопрос «Считаете ли Вы нормой жить в незарегистрированном браке?» отрицательно ответили 88 % респондентов. Ответ был идентичным как среди женщин и мужчин, так и среди городского и сельского населения, среди всех возрастов.

[1] Информационно-аналитический доклад по результатам опроса общественного мнения «Семья и общество: духовный и нравственный мир». Центр «Общественное мнение». 2018.

В своих ответах молодые женщины указали, что основными инициаторами неофициальных религиозных браков являются их родители (49,0 % опрошенных молодых женщин), их супруги (34,0 %) и только 16,0 % — сами женщины.

Основными причинами распространения незарегистрированных браков респонденты считают проблемы в семье, материальные трудности, отсутствие возможности расторгнуть первый официальный брак и другие.

На вопрос «Знаете ли Вы о негативных последствиях незарегистрированных браков?» 85 % респондентов ответили положительно, и многие уже испытали на себе эти проблемы: 32 % –при получении документа при рождении ребенка, 19 % — при оформлении прописки по месту жительства, 11 % — при получении наследства, 12 % — при определении прав на имущество, 19 % столкнулись с проблемами безответственности со стороны партнера в семейной жизни и только 5 % ответили, что не было никаких проблем.

95 % опрошенных респондентов хотели бы жить в нормальной семье, с супругом, ответственным за судьбу детей, без ограничений в правах на собственность, имущество и быть уверенными в завтрашнем дне. Одной из главных причин проживания в неполноценном браке было отмечено то, что партнер не разведен и состоит еще в первом браке (имеет семью). Часть женщин ответили, что не могут расторгнуть первый брак из-за потери связи с мужем, который находится в трудовой миграции.

На вопрос «Бывают ли конфликты в Вашей семье?» лишь 17 респондентов ответили, что редко бывают ссоры, 76 % — иногда и 7 % указали на постоянные конфликты. То есть такая ситуация не только неблагоприятна с точки зрения юридических проблем, но и является источником постоянных конфликтов и напряженного психологического климата в семье, от чего страдают в первую очередь дети.

Таким образом, семьи нуждаются в психологической помощи в смысле узаконивания брачного союза, и здесь велико влияние социальных, психологических, экономических факторов. Социальные факторы включают в себя низкий уровень правовой грамотности, недостаточность знаний об истинном порядке и нормах семейных отношений по исламскому семейному праву, об условиях брака, правах и обязанностях сторон, условиях расторжения брака и др. В данном направлении целесообразно вести разъяснительную работу и оказывать помощь семье:

а) вести просветительскую работу среди взрослого (основными инициаторами неофициальных религиозных браков для молодых девушек и женщин являются их родители) и молодого населения, формировать в их сознании, духовном мире чувство ответственности за семью, ее материальное благополучие, образование и воспитание детей, благоприятный психологический климат в семье и др.;

б) повышать уровень правовой грамотности по семейному праву;

в) объяснять семьям негативные аспекты внебрачных отношений, особенно влияние таких отношений на психологию детей, на их дальнейшее развитие, социализацию и т. д.;

г) вести разъяснительную работу об аятах Корана, которыми регулировались семейные отношения;

д) объяснять нормы, регулирующие отношения между супругами, нравственные и правовые обязанности мужа и жены, родителей и детей.

Такой подход к проведению разъяснительных работ позволяет за короткое время передавать большой объем юридических и психологических знаний, закрепить полученные знания в жизни. В результате таких мероприятий может произойти осознание смысла жизни, своих сильных и слабых сторон, возможностей и ограничений в дальнейшей судьбе семьи. В заключение можно сказать, что психологическая помощь семье — перспективная область психологической практики, важное направление в работе службы семьи и брака. По некоторым данным, в результате психологической помощи 2/3 супружеских пар улучшили свои отношения, изменили решение о расторжении брака, стали иначе относиться к своим проблемам. Таким образом, психологическая служба, особенно психологическое консультирование, реально вносят вклад в общую социальную задачу — укрепление семьи.

Список источников

1. *Баротов Ш. Р.* Социально-психологические и научно-практические основы создания психологической службы в Узбекистане: автореф. дис. ... д-ра психол.наук. Ташкент, 1998. 37 с.

2. *Баротов Ш. Р.* и др. Психологическая служба образования: от теории к практике (учебно-методическое пособие). Бухара: Дурдона, 2017. 172 с.

3. *Бошормени-Нэгн И., Крэснер Б.* Изменяющийся облик брака // Журнал практической психологии и ипсихоанализа. 2007. № 26 (март). С. 26–34.

4. *Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 15–24.

5. *Гаспарян Ю. А.* Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб.: Петрополис, 1999. 320 с.

6. *Дружинина В. Н.* Психология семьи. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006. 176 с.

7. *Ковалев С. В.* Психология семейных отношений. М.: Педагогика, 1987. 159 с.

8. *Нартова-Бочавер С. К., Бочавер С. Ю.* Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011. 320 с.

9. Социально-психологическая и консультативная работа с семьей: хрестоматия / сост. Л.Б.Шнейдер: в 2 ч. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО Модэк, 2004. 586 с.

Информация об авторе

Акрамова Феруза Акмаловна (Узбекистан, Ташкент) — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая психология» Ташкентского Государственного Педагогического Университета имени Низами (Республика Узбекистан, 100185, г. Ташкент, ул. Бунёдкор, 27; web: www.tdpu.uz, e-mail: tgpu_info@edu.uz, tdpu_nizomiy@mail.ru; e-mail: akramova_feruza@mail.ru).

Akramova F. A.

Psychological Service Family As A Necessary Factor Of Support And Strengthening Families

The family is a complex institution, where there are many problems of socio-demographic, medical-psychological, pedagogical and other nature. To support and strengthen families, it is necessary to provide them with psychological assistance, psychological counseling. For psychological assistance, it is advisable to conduct outreach and provide services to the family.

Keywords: family, psychological service to the family, psychological counseling, informal marriages, psychological factors, social factors, recommendations.

Author

Akramova Feruza Akmalovna (Republic of Uzbekistan, Tashkent) — Ph.D., Associate Professor of the Department of General Psychology of the Tashkent State Pedagogical University named after Nizami (Republic of Uzbekistan, 100185, Tashkent, st. Bunyodkor, 27; e-mail: tgpu_info@edu.uz, tdpu_nizomiy@mail.ru; e-mail: akramova_feruza@mail.ru).

References

1. Barotov Sh. R. Socio-psychological and scientific-practical foundations of creating a psychological service in Uzbekistan: Abstract of the dissertation of the Doctor of Psychology. Tashkent, 1998. 37 p.

2. Barotov Sh. R. et al. Psychological education service: from theory to practice. (teaching aid). Bukhara: Durdona, 2017. 172 p.

3. Boshormeni-Nagn I., Kresner B. The changing face of marriage // Journal of Practical Psychology ipsikhoanaliza. 2007. No. 26 (March). P. 26–34.

4. Gavrilyuk V. V., Trikoz N. A. Dynamics of value orientations during the period of social transformations (generational approach) // Sociological studies. 2002. No. 1. P. 15–24.

5. Gasparyan Yu. A. Family on the threshold of the 21st century (sociological problems). St. Petersburg: Petropolis, 1999. 320 p.

6. Druzhinina V. N. Family psychology. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2006. 176 p.

7. Kovalev S. V. Psychology of family relationships. M. : Pedagogy, 1987. 159 p.

8. Nartova-Bochaver S. K., Bochaver S. Yu. Family Living Space: Unification and Separation. M. : Genesis, 2011. 320 p.

9. Socio-psychological and advisory work with the family: Reading / Comp. LB Schneider: at 2 o'clock. M.: Publishing House of the MPSI; Voronezh: NPO Modek, 2004. 586 p.

УДК 316

П. А. Амбарова

РОЛЬ СЕМЬИ В ВОВЛЕЧЕННОСТИ ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА» В ОБРАЗОВАНИЕ[1]

В статье рассматривается роль семьи как фактора, влияющего на образовательные потребности людей «третьего возраста» и обеспечивающего возможности их реализации. Семья трактуется как институт, способствующий сохранению и развитию человеческого капитала представителей старшего поколения россиян. Ставится проблема ограниченности ресурсов современной семьи, необходимых для полноценного удовлетворения потребности старшего поколения в продолжении образования. Представлены формы помощи людям «третьего возраста» со стороны родственников, возможные в современных условиях кризиса российской экономики и семьи.

Ключевые слова: люди «третьего возраста», «серебряное» образование, семья, семейные инвестиции в образование, человеческий капитал.

Введение. Необходимым условием сохранения и мобилизации человеческого капитала людей «серебряного» возраста является включение их в практики непрерывного образования. Важным фактором, влияющим на возможности получения образования представителями старшего поколения россиян, выступает поддержка семьи. С одной стороны, в России семья традиционно выступает сферой укрепления межпоколенческих отношений и реализации межпоколенческих трансферов. С другой стороны, сегодня семейные связи испытывают серьезные деформации, а семейные ресурсы истощаются. В этой ситуации возникает вопрос: может ли современная российская семья помочь своему старшему поколению включаться в практики «серебряного» образования и в какой мере это возможно?

Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования, проведенного авторским коллективом социологов в 2019–2020 гг. в Свердловской области[2]. В ходе исследования была применена микс-стратегия, базирующаяся на сочетании качественных и количественных методов. В данной статье использованы результаты опроса, осуществленного в декабре 2019 — феврале 2020 г. среди жителей Свердловской области в возрасте старше 45 лет (выборка квотная, n = 512 чел.). Выборкой были охвачены жители основных типов муниципальных образований области (мегаполиса, больших, средних и малых городов, поселков и сельских поселений). Инструментарий включал блоки вопросов, посвященных образовательному статусу респондентов, их готовности включаться в различные виды образования, их образовательным потребностям и способам

[1] © Амбарова П. А. Текст. 2020.

[2] В состав авторского коллектива входили социологи Уральского федерального университета: Г. Е. Зборовский, Н. В. Шаброва, Л. А. Лесина, Е. А. Шуклина. Руководитель проекта — П. А. Амбарова.

их реализации (образовательным стратегиям). Материалы опроса обрабатывались с помощью программы SPSS. Полученные данные сопоставлялись с результатами вторичного анализа социологических исследований, близких к заявленной теме.

Результаты. *Распространение модели активного долголетия.* Проведенное социологическое исследование показало, что у свердловчан старшего поколения модель активного долголетия сегодня находит ощутимый отклик. 62,2 % опрошенных вполне разделяют позитивную точку зрения на «серебряный возраст». По их мнению, жизнь в «серебряном» возрасте только начинается. Наряду с традиционными для российских пенсионеров досуговыми занятиями (см. табл. 1) получает распространение и «серьезный» досуг в виде общественно значимой деятельности. 40 % респондентов участвуют в уборке и озеленении придворовой территории, 22,3 % помогают делами детским садам, школам, досуговым учреждениям, 13,7 % бесплатно обучают чужих людей чему-либо, передавая им свой опыт, 12 % участвуют в социальных проектах по оказанию помощи нуждающимся детям, пожилым людям, инвалидам, больным, 1,4 % проявляют общественно-политическую активность (участвуют в выборах как наблюдатели, агитаторы, журналисты).

Растет уровень трудовой активности свердловских пенсионеров, интенсифицирован поиск мест «серебряной» занятости. Оснований для нарастания этой тенденции достаточно. Это и низкий уровень жизни российских пенсионеров, который снизился в условиях «коронавирусного» кризиса, и стремление помочь своей семье, детям или внукам материально, и желание оставаться активными и востребованными обществом. По данным Свердловскстата, в 2018 г. доля людей пенсионного возраста в структуре занятого населения Свердловской области составила 10,4 %. Она увеличилась по сравнению с 2017 г. на 1,3 % [1]. В 2018 г. численность занятых женщин пенсионного возраста достигла 157,1 тыс. чел., мужчин — 57,7 тыс. чел. При этом средний возраст 2,5 тыс. работников был старше 72 лет.

Полученные данные показывают, что для старшего поколения россиян семья, дом, близкие люди традиционно остаются центром их жизненных интересов. При этом неважно, какого образа жизни они придерживаются. И для тех, кто разделяет традиционный взгляд на «серебряный» возраст как период дожития, и для тех, кто усвоил и реализует стратегию активного долголетия, семья остается привычной и необходимой жизненной средой, выполняющей для людей «третьего возраста» функцию самосохранения.

Ресурсом, обеспечивающим ключевые социальные потребности людей «третьего возраста», является образование. Данные нашего опроса показывают, что 36,1 % опрошенных свердловчан хотели бы повысить уровень своего образования. В том числе 7 % представителей старшего возраста хотели бы получить среднее профессиональное, а 26 % — высшее образование. Ресурсность «серебряного» образования обеспечивает более полную

Таблица 1

Досуговые предпочтения свердловчан «третьего» возраста», в % от числа ответивших

Чем Вы предпочитаете заниматься в свободное время?	%
Смотрю телевизор	49,4
Занимаюсь домашними делами	46,4
Общаюсь с родными, друзьями	44,7
Занимаюсь детьми, внуками	34,1
Читаю	31,4
Провожу время на даче, занимаюсь огородом	29,4
Занимаюсь своим здоровьем	22,7
Рукодельничаю	22,5
Провожу время в Интернете, за компьютером	19,0
Выезжаю на природу, гуляю	17,5
Хожу на охоту, рыбалку	14,8
Хожу в театр, кино, музеи, на концерты, выставки	13,8
Разгадываю кроссворды	13,6
Отдыхаю, ничего не делаю	13,3
Занимаюсь спортом	13,3
Занимаюсь автомобилем	11,1
Занимаюсь ремонтом квартиры, дома	10,1
Занимаюсь творчеством	7,4
Практически все вышеперечисленное	0,16
Итого	416,3*

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 4,2.

реализацию их досуговых, трудовых, духовных, социальных потребностей и интересов.

Влияние семьи людей «третьего возраста» на их образовательные потребности и стратегии. Проведенное исследование показало, что родственники (муж, жена, дети, внуки) являются «значимыми другими» для людей «третьего возраста» в определении их образовательных стратегий. Важным фактором, влияющим на принятие решения о продолжении образования (в любой его форме), выступают возрастные стереотипы. Они представляют собой социально-психологические механизмы воспроизводства возрастной общности и являются сложным комплексом психологических и социальных механизмов восприятия, межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия, связанного с возрастными отношениями. Возрастные стереотипы формируются в результате взаимодействия представителей разных поколений семьи и отражают их представления друг о друге, в том числе о социальных и социально-психологических свойствах и моделях поведения, которые присущи каждому из них [2, с. 105–106].

Таблица 2

Мнение свердловчан «третьего возраста» об отношении их близких к «серебряному» образованию, в % от числа ответивших

Как Ваши близкие отнеслись бы к тому, что Вы пойдете получать образование?	%
Однозначно поддержали бы	33,0
Скорее поддержали бы	39,2
Скорее не поддержали бы	6,6
Не поддержали	2,6
Затрудняюсь ответить	18,5
Итого	100,0

Принимая решение о поступлении на курсы переподготовки и повышения квалификации, включении в просветительские и волонтерские образовательные проекты, не говоря уже о поступлении в колледж или вуз, люди «третьего возраста» ориентируются на мнение родных. Ряд исследований, проведенных отечественными социологами, показывает, как медленно и трудно меняются в России модели межгенерационных отношений и взгляды на социальный «функционал» старшего поколения[1]. Регулярный труд по дому и воспитание внуков, по сути, стали бессрочной «карьерой» советских бабушек и остались таковыми для определенной части современных бабушек и дедушек. Другая — «эмансипированная» — часть социальной общности людей «третьего возраста» постоянно сталкивается с претензиями детей в ответ на свое нежелание выполнять функции исключительно домохозяек и нянь. Соответственно, им приходится преодолевать этот барьер, реализуя свое право на продолжение образования.

Наш опрос показал, что для 72,2 % свердловчан такого барьера не существует (см. табл. 2). Они надеются на позитивное отношение к их образовательным практикам со стороны родственников либо уже уверены в нем.

Возрастные стереотипы серьезно влияют на желание людей «третьего возраста» учиться. У одной части пожилых свердловчан даже не возникает интереса к образованию в силу давления общественного мнения. У другой части имеющийся интерес к образованию не реализуется в силу отсутствия активной помощи со стороны родственников. Речь идет о таком важном факторе, как возможности семьи осуществлять финансовые инвестиции в «серебряное» образование своего старшего поколения.

Исследование показало, что подавляющее большинство людей «третьего возраста» не в состоянии самостоятельно финансировать свое образование. Они прежде всего надеются на помощь государства (85,7 % опрошенных). Только 14,1 % опрошенных готовы самостоятельно оплачивать

[1] Проект М. Титмы «Пути поколений» (1980–1990-е гг.); Проект Т. Гудковой «Модели взаимоотношений между людьми старшего поколения и их внуками в России» (Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2017 г.).

свое обучение в вузе, 4 % — в колледже. Каждый десятый мог бы оплатить дополнительное профессиональное образование. Но поскольку государство не очень щедро инвестирует в социальную политику в отношении старшего поколения, в его образование особенно, то финансовое бремя ложится, главным образом, на плечи семьи. Учитывая, что трансферты семейных финансов в образование в современной России имеют преимущественно вертикальный характер (инвестирование в образование детей и внуков), то на деньги для образования со стороны родных пожилые люди, как правило, не рассчитывают [3, с. 12].

Однако для них значимой оказывается нематериальная поддержка, которая выражается в моральном поощрении, передаче компетенций в сфере коммуникативных технологий (навыков работы на компьютере, в интернет-среде), финансов (пользование банковскими сервисами, в том числе цифровыми). Дети и особенно внуки оказывают активную помощь тем, кто уже включен в образование, при выполнении учебных заданий, письменных работ, подготовке презентаций, в поиске образовательных ресурсов. На наш взгляд, в условиях дефицита семейных ресурсов для включения старшего поколения в формальное образование такие формы поддержки имеют существенное значение и как компенсаторный механизм, и как основа для формирования и сохранения образовательной мотивации людей «третьего возраста».

Заключение. Взаимодействие семьи и старшего поколения россиян в сфере образования — малоизученная проблема современной социологии. Проведенное исследование показало выход на интересные и актуальные в теоретическом и практическом плане аспекты ресурсного обеспечения «серебряного» образования в России и Свердловской области как одном из ее регионов. Семья продолжает оставаться для большинства россиян «серебряного» возраста важной жизненной ценностью и средой, в которой они реализуют свой человеческий капитал. Поэтому в разработке политики в отношении старшего поколения, особенно ее образовательной составляющей, важно учитывать влияние семьи на формирование интереса у «серебряного» поколения к непрерывному образованию, образовательных потребностей и стратегий их удовлетворения. В условиях дефицита финансовых ресурсов, тем не менее, российская семья может взять на себя различные меры нематериальной поддержки образования старшего поколения, обеспечивая достижение межгенерационного консенсуса, толерантности, равенства.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–011–00096 «Образование как ресурс сохранения и развития социальной общности людей «третьего возраста»».

Список источников

1. В Свердловской области за год число работающих пенсионеров выросло на 1,32 % // УралБизнесКонсалтинг. 2018. 13 июля [Электронный ресурс] URL: http://urbc.ru/1068080198-

v-sverdlovskoy-oblasti-za-god-chislo-rabotayuschih-pensionerov-vyroslo-na-132.html (дата обращения: 10.04.2020).

2. *Курышева О. В.* Социально-психологическое исследование возрастных стереотипов молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2010. № 2. С. 105–116.

3. *Синявская О. В., Гудкова Т., Ермолина А. А., Карева Д. Е., Любушина Е. С., Миронова А. А., Селезнева Е. В.* Старение как социально-экономический феномен // Волонтёр. 2018. Т. 27. № 3. С. 7–15.

Информация об авторе

Амбарова Полина Анатольевна (Россия, г. Екатеринбург) — доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19), e-mail: borges75@mail.ru

P. A. Ambarova

The Role of the Family in the Involvement of the «Third Age» People in Education

The article considers the role of the family as a factor that affects the educational needs of the «third age» people and provides opportunities for their implementation. The family is interpreted as an institution that contributes to the preservation and development of the human capital of the older generation of Russians. The problem of limited resources of the modern family, which are necessary to fully meet the needs of the older generation in continuing education, is raised. The article presents the forms of assistance to the «third age» people from relatives that are possible in the current conditions of the crisis of the Russian economy and family.

Keywords: the «third age» people, «silver» education, family, family investment in education, human capital.

Acknowledgement

The article is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, project № 19–011–00096 «Education as a resource for the preservation and development of the «third age» people».

Author

Ambarova Polina (Russia, Yekateringurg) — Doctor of Sociology, Professor, Department of sociology and и technologies of government administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002), e-mail: borges75@mail.ru.

References

1. The number of working pensioners increased by 1.32 % in the Sverdlovsk region over the year [electronic resource] // UralBusinessConsulting. July 13, 2018 [Electronic resource]. URL: http://urbc.ru/1068080198-v-sverdlovskoy-oblasti-za-god-chislo-rabotayuschih-pensionerov-vyroslo-na-132.html (accessed: 10.04.2020).

2. Kurysheva O. V. Socio-psychological research of age stereotypes of youth // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy. 2010. No. 2. P. 105–116.

3. Sinyavskaya O. V., Gudkova T., Ermolina A. A., Kareva D. E., Lyubushkina E. S., Mironova A. A., Selezneva E. V. Aging as a socio-economic phenomenon // Volonter. 2018. Vol. 27. No. 3. P. 7–15.

UDK 46.209.73

S. S. Beknazarova

MODELLING OF MAIN CHARACTERISTICS OF EXPERT MEDIAEDUCATIONAL SYSTEM[1]

In this paper, we consider black-and-white (binary) images. They are easier to get, store, and process than images that have many brightness levels. However, since binary images only encode information about the object's silhouette, their scope is limited. In the future, the conditions necessary for the successful use of binary image processing methods will be formulated. Here, attention is focused on such simple geometric characteristics of images as the area of the object, its position and orientation. Such values can be used, for example, in the process of controlling a mechanical manipulator when working with parts.

Keywords: modeling, geometric characteristics, images, process of editing.

Media education system (http://mediaedu.uz) is a modern educational complex that aims to create conditions for targeted interaction of individuals with digital information and educational media resources to improve their professional competence and in the interests of their personal and cultural development[3]. The use of training expert systems based on the proposed principle in the educational process allows you to solve situational problems in the dialogue between the student and the system. An important advantage of this approach is that the learner is given the initiative to conduct a dialogue. the disadvantage of the system is the possibility of inadequate interpretation of the user's machine questions.

TIAV multimedia system — a unique modern tool that includes an interconnected set of automation tools for managing discrete-continuous processes in TIAV-multimedia system, aimed at improving the quality of the educational process.

Rational use of information resources necessary for TIAV system is an intensive factor, since with the same volume and composition of information resources used, the expansion of the development of new multicontents or its development will be the greater the "return" on each unit of these resources. The main components of the intensive factor are:

1. Improving the technical level of multimedia content development:

— creation of centralized systems for visual control and analysis of the progress of the multimedia process by the administrator-operator of the TIAV system programmer;

— TIAV system administration;

— automation of the multimedia process by developing a software package;

— improving and making changes to the software part of the TIAV system;

— changing multimedia processing schemes for TIAV objects taking into account the characteristics of the source information resources, improving the quality of multicontents;

[1] © Beknazarova S. S. Text. 2020.

— modernization of the used multimedia technology;

— improving the reliability and security of individual technologies and multimedia schemes in General.

2. Changing the volume and structure of the multimedia process:

— changing the specific weight of individual TIAV objects;

— relative decrease in the number of employees due to the increase in the volume of multimedia content development.

3. Bringing the multimedia process closer to the consumer of multimedia content to the sources of TIAV objects.

One of the Central and priority problems when creating a TIAV system is to determine the existing and, on this basis, the necessary ratios of intensive and extensive development factors. This can be done using factor analysis, the theoretical basis of which is mathematical models of various kinds. The subject of the analysis is to determine the influence of the volume and dynamics of multimedia process factors on the volume and dynamics of multimedia content, as well as on the interaction of the factors themselves [2].

The task of factor analysis of TIAV system functioning is to determine the degree of joint and private influence of individual factors on the level of multimedia content development volume.

The most common two methods of factor analysis are index and correlation. The first one is based on the decomposition of the overall index of the volume of multimedia content development by separate study into sub-indexes that characterize the influence of each factor. This method assumes that only the level of one factor changes from the base period to the one being compared, while the other factors remain unchanged. The second method is based on economic and statistical modeling and is recommended for evaluating the joint and private influence of factors on the level of multimedia content development volume under the condition of stochastic connection.

The considered methods of analyzing the functioning of the TIAV system allow us to determine the quantitative value of the isolated influence of individual factors. Meanwhile, the factors that determine the effectiveness of the system are interrelated and have a complex effect, which can not be considered as a simple sum of isolated influences. Therefore, when analyzing the functioning of the TIAV system, it is necessary to determine the quantitative value of the private influence of each factor, taking into account the influence of the entire population under consideration. The way to solve this problem is a multi-factor analysis, which allows us to reveal the essence of the multimedia processes that are taking place, to find out their role and features of their manifestation in time and space[3].

The effectiveness of using a TIAV system as a whole is determined by the extent to which specific features, limitations, and functionality of all its components were identified and taken into account when creating IT. The significant dependence of the system parameters on the accepted structure that determines their mutual influence has led to the emergence of such an approach

as optimization synthesis, based on mathematical modeling of the most important interactions in the system.

TIAV multimedia system — a unique modern tool that includes an interconnected set of automation tools for managing discrete-continuous processes in TIAV-multimedia system, aimed at improving the quality of the educational process.

The study of models taking into account system-wide requirements is the most important prerequisite for the effectiveness of the multimedia process. In these conditions, the main goal is to develop optimal design methods that should provide a mutually related solution to the complex of organizational and multimedia problems using mathematical models that allow analyzing the entire set of main factors and obtaining a set of acceptable solutions for multivariate design using computer technology. Only on this basis is it possible to purposefully design optimal technical solutions that can ensure the effective operation of the TIAV system.

The mode of operation of the TIAV system, as a rule, depends on the combined influence of many internal and external factors that determine the technological, organizational and other conditions.

The most important role in the synthesis of the functional structure TIAV system is the organization in space and time of information flows and information systems, internal implementing purposeful interaction of elements of structure and external implementing TIAV interaction of the system with other structural elements of the system.

Both internal and external links of the multimedia system are characterized by the composition of streams and addressing; TIAV links of the system are divided into input and output links by orientation.

The spatial-temporal organization of internal links TIAV system is mainly determined by the composition of its elements and their layout. When forming the TIAV system structure, it is mandatory to take into account the organization of external relations.

The end result of the procedure of the synthesis of the functional structure TIAV of the system is its structural — functional scheme — scheme information and information flows to indicate their conversion, summarizing the preliminary results of the spatial organization of multimedia process in unity of its components and a set of specifications to the diagram containing the qualitative characteristics of the basic, auxiliary and serving processes in the space-time dimension.

Cutting a specific range of colors in an image used to select some objects from their environment. The basic idea is to either (1) reproduce the colors of interest so that they appear on a general background, or (2) use the color-defined areas as a mask for further processing. The simplest approach is to generalize the method of cutting the luminance range. However, since the color pixel value is n-dimensional vector, the conversion functions for cutting the color range are more complex than the similar functions for cutting the luminance

range. In fact, the transformations of interest to us surpass in complexity all the color transformations considered so far. This is the fact that with any method of cutting the color range used in practice, each color component of the converted pixel depends on everything *n* color components of the original pixel.

One of the simplest ways to "divide" a color image is to display all the colors that lie outside the region of interest, into some neutral, non-striking color. If the colors of interest are enclosed in a cube (or hypercube, when $n > 3$) with rib length W and c center at $(a_1, a_2, ..., a_n)$ color space, which corresponds to a given prototype color, the set of necessary transformation functions is given by

$$S_i = \begin{cases} 0{,}5, & if\ a\left|r_j - a_j\right| > \dfrac{W}{2}\ for\ anyone\ 1 \le j \le n; \\ r_i, & in\ other\ cases; \end{cases} \quad i = 1, 2, ..., n. \quad (1.1\text{–}11)$$

These transformations highlight colors around a given one, replacing all the others with the color of the midpoint of the used color space (a randomly chosen neutral color). In the case of the RGB color space, a suitable point is the middle of a segment of gray colors, i. e. the color (0.5, 0.5, 0.5).

Color conversions are feasible on most of the personal computers. In conjunction with digital cameras, flatbed scanners and color inkjet printers, they turn a personal computer into a digital photo lab that allows brightness equalization and color correction (two operations that form the basis of any high-quality color reproduction system) without using traditional chemical processing tools used in conventional photo labs. Although the luminance and color corrections are useful in various areas of image processing, our discussion will focus on their most common application — improving photographs and color reproduction.

When developing and improving these transformations, evaluation is carried out using a monitor; therefore it is necessary to ensure a high degree of color correspondence between the monitors used and possible output devices. In fact, the monitor must accurately reproduce the colors of the original image presented in a digital format, as well as the final colors of the image as they appear on the print. This is best achieved by using a device-independent color model that interconnects the color coverage of monitors, output devices, and other devices used. The success of this approach is defined as the quality of the color profiles used to display each of the devices in the color model, as well as the model itself.

Often, a binary image is obtained by dividing the normal image by a threshold. It can also be reached by dividing the distance threshold on an "image" based on distance measurements.

This function, which takes two values and is called a binary image, can be obtained by dividing the halftone image by a threshold. The threshold division operation is that the characteristic function is assumed to be zero at points where the brightness is greater than a certain threshold value, and one where it does not exceed it (or Vice versa).

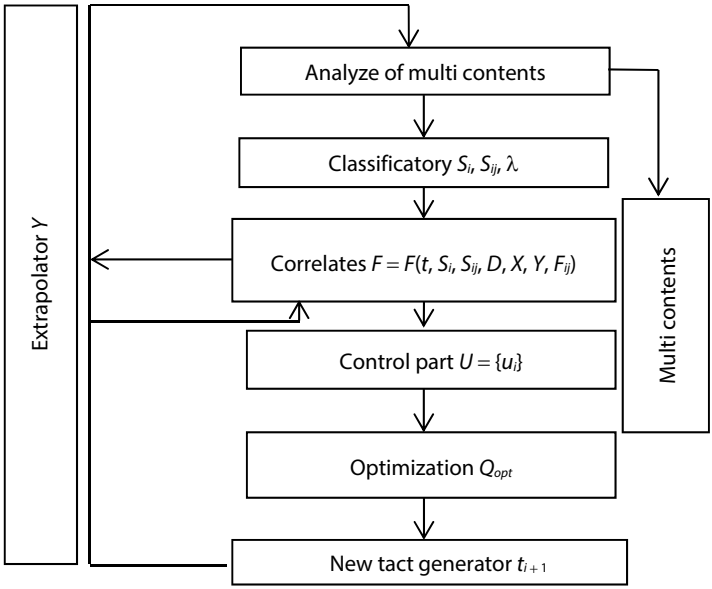


Fig. 1. *Algoritm synthesis software modules formed task-oriented management system TIAV — discrete — continuous processes multimedia system*

Synthesis algorithm software modules formed task-oriented management system TIAV — discrete — continuous processes multimedia system based on the concept of the formation of individual learning paths multi contents that takes into account the described features and apply the developed models and methods to solve the problem of class formation multi contents for individual training is given in Figure 1.

To implement the possibility of forming the initial set of alternative solutions in the system information is collected, both normative and expert estimates. Then processing subsystem expert estimates calculated consistency of expert opinion and their level of competence, allowing in the case of inconsistencies weed out unreliable data. The result of the operation of the subsystem is also the coefficient matrix closeness of the connection between of multi contents.

Formation of the initial set of alternatives is performed using a model of interaction multi contents, then realized the choice of class multi contents to be studied. Using temporal logic and model function implementation allows to generate a valid class multi contents, which is logically consistent sequence multi contents study.

Optimizing the solution obtained, subject to the limitations of time intervals learning multimedia system generates optimal individual learning paths, to meet the requirements of qualifying characteristics. Users of the system are

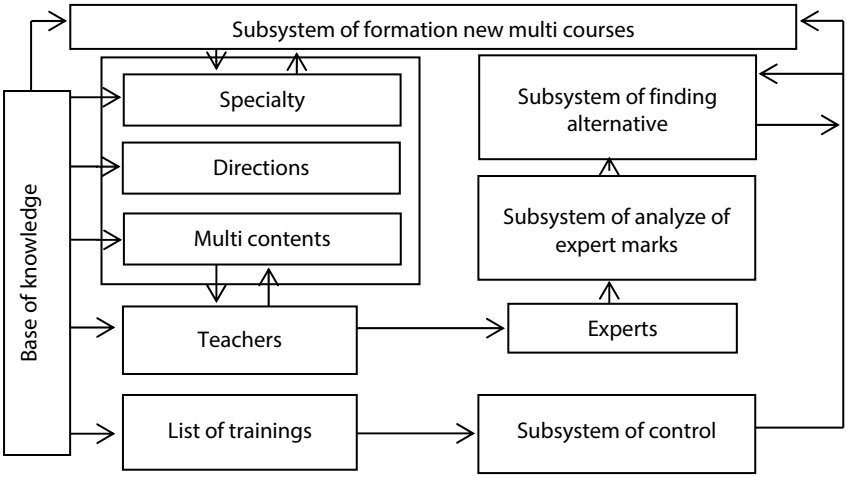


Fig. 2. *Model formalization and typing the information needed for automated decision management system TIAV — discrete — continuous processes multimedia system*

trained, teachers, experts, administrator. Access rights and data changes made on the basis of functional responsibilities and levels of management of multimedia process.

Model formalization and typing the information needed for automated decision management system TIAV — discrete — continuous processes multimedia system is shown in Figure 2.

Based on the developed models and building on them the concept of forming an individual learning path multi contents, implemented synthesis automated system for individual classes multi contents. The proposed class multi contents different from other training courses such properties as unique; lack of optimality; agility; incomplete description; organizational system.

Conceptually, a system that allows to take into account the described features and apply models and methods developed to solve the problem of class formation multi contents for individual learning, there is a system to support decision-making by optimizing the solution obtained, subject to the limitations of time intervals learning multimedia system generates optimal individual learning paths, can satisfy qualification requirements specifications. Users of the system are trained, teachers, experts, administrator. Access rights and data changes made on the basis of functional responsibilities and levels of management of multimedia process.

Considered the formation of the resulting algorithm multi contents class, based on the construction of the approximating models in the form of adaptive neuro-fuzzy networks; describes the stages of development of the approximating model projections for the three method of identification of nonlinear

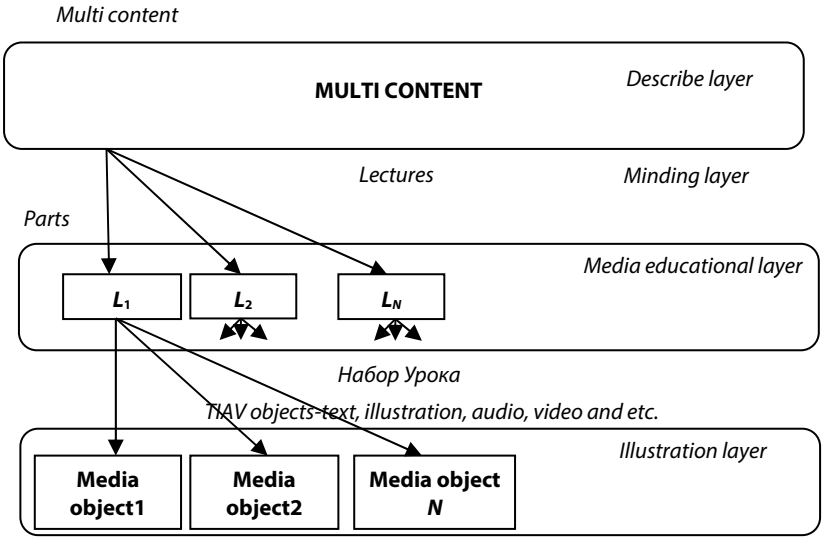


Fig. 3. *Graphical model multi contents*

dependence — with the help of the regression model, the fuzzy knowledge base of multimedia system and neuro-fuzzy model; A model formalization and typing the information needed for automated decision making in the management of multimedia processes, the possibility of taking into account different values of multimedia features.

According to the proposed model, an algorithm performed software implementation, describes the creation of multimedia software system, we calculate the cost-effectiveness of media education process.

Online system — Designer of multi contents Mediacourse Builder is designed for self-designing and creating multi contents. Each created multi content includes TIAV-objects — media text, animations, video, pictures, etc. Students can choose their interest multi content, study it and to improve our knowledge, in addition, the system provides an opportunity to test the knowledge gained by passing specific tests on selected of multi contents, it requires registration of listeners.

Structuring and preparation of teaching material multi contents carried out as follows, Figure 3.

The structure of the online system — Designer of multi contents Mediacourse Builder consists of the following main parts: an online database system — Designer of multi contents Mediacourse Builder and software kernel.

In fact database (DB) online system — Designer of multi contents Mediacourse Builder is a repository of all information portal, which is accessed through a software kernel. Portal database is a relational database — the most

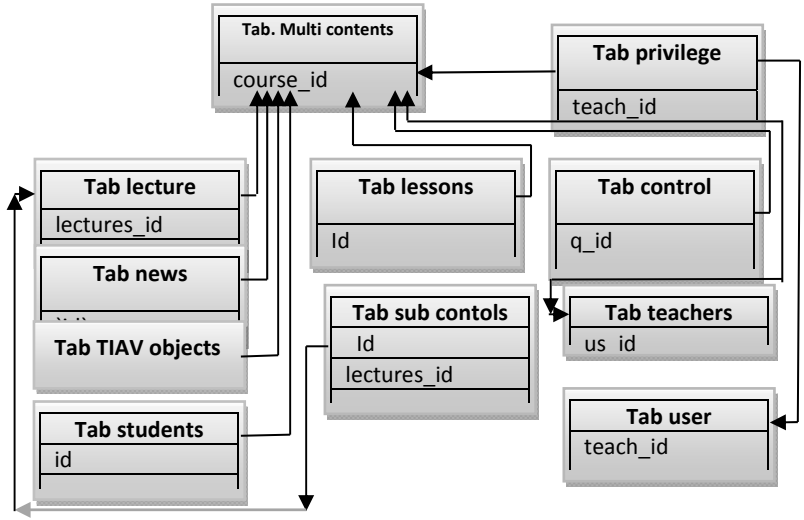


Fig. 4. *The circuit connection of database tables*

suitable and able to meet all the objectives in writing this kind of software. In accordance with the rules of relational database data base is divided into tables, in particular, and this online system — Designer of multi contents Mediacourse Builder. Online Designer of systematic multi contents Mediacourse Builder consists of the following tables: multi-course (courses), lectures (lectures), lessons (lessons), news (news), tests to check the level of knowledge (tests degree), Teachers (teacher), users (users), privileges (roles), videos (video). Figure 4 shows a diagram of the connection of all tables:

Online software core of the system — Designer of multi contents Mediacourse Builder, in turn, is divided into two systems: the online system for creating multi contents, online learning system of multi contents and consists of four modules: — admin; — Teaching; — Student; — Information.

Sometimes it is convenient to consider image components and holes in them as sets of points. This allows you to combine images using set–theoretic operations, such as combining and intersecting. In other cases, it is convenient to use Boolean operations point wise. In fact, these are just two different ways to describe the same actions on images.

Since the amount of information contained in a binary image is an order of magnitude smaller than in a halftone image that matches it in size, the binary image is easier to process, store, and forward. Naturally, a certain part of the information is lost when switching to binary images, and, in addition, the range of methods for processing such images is narrowed. Currently, there is a fairly complete theory of what can and cannot be done with binary images, which, unfortunately, cannot be said about halftone images.

First of all, we can calculate various geometric characteristics of the image, such as the size and position of the object. If there is more than one object in the field of view, you can determine the topological characteristics of the existing set of objects: for example, the difference between the number of objects and the number of holes (Euler's number).

It is also easy to mark individual objects and calculate the geometric characteristics for each of them separately. Finally, before further processing, the image can be simplified by gradually modifying it in an iterative way.

Binary image processing is well understood, and it is not difficult to adapt it to a fast hardware implementation, but you need to keep in mind the limitations. We have already mentioned the need for a high degree of contrast between the object and the background. In addition, the image we are interested in must be essentially two-dimensional. After all, all we have is the shape or silhouette of an object. From this information, it is difficult to judge its shape or spatial position.

Characteristic function b(x, y) defined at each point in the image. This image will be called continuous. Later, we will consider discrete binary images obtained by appropriately splitting the image field into elements.

Simple geometric characteristics. Let's assume again that there is only one object in view. If the characteristic function is known b(x, y), then the area of the object is calculated as follows:

$$A = \iint_I b(x,y)dxdy,$$

where integration is performed over the entire image I. If there is more than one object, this formula makes it possible to determine their total area.

Area and position. How do I determine the position of an object in an image? Since an object usually does not consist of a single point, we must clearly define the meaning of the term "position". Usually, the geometric center of an object is chosen as the characteristic point of the object (Fig. 2).

Another way to solve the problem is to try to find the angle of rotation θ, in which the matrix of second moments of size 2x2 has a diagonal appearance.

(In the Matlab package, operations for determining the center of mass, orientation, and other morphometric features are calculated using the IMFEATURE function.)

Projections. To calculate the position and orientation of an object, it is enough to know the first and second points. (This leaves a double-digit choice of direction on the axis.) To find their values, there is no need for the original image: it is enough to know its projections. This fact is of interest because projections are described more compactly and lead to much faster algorithms.

The problem of optimizing the multimedia process is characterized by a large dimension, due to the presence of a large number of elements that make up the multimedia process, as well as high parametricity, due to the complex nature of interaction within the TIAV system [4].

Quantitative and qualitative characteristics of the parameters by which subsystems interact with each other have a great influence on the choice of the optimal optimization strategy and the organization of the effective functioning of the system.

Output parameters characterize the state of the system and determine the conditions for the release of multimedia content. In the TIAV system, the output parameters are the parameters of the information flows of the process at the output of multimedia content development. Input parameters are parameters of input streams of TIAV objects or source multimedia content, as well as parameters of various environmental influences on the process of functioning of the TIAV system.

Internal parameters are divided into structural and technological. The design parameters of the TIAV system are the geometric characteristics of the hardware shaping of the system elements. Technological parameters are divided into parameters of multimedia streams and parameters of the technological mode of elements. Parameters of multimedia streams implement the interaction between the elements. These include the parameters of flow conditions and parameters properties of information flows.

In the article discusses and scientifically substantiates the basic concepts of a logistics multimedia system and information flow, describes the classification and characteristics of information flows and systems, information flow management, processing of logistics information, and organization of input information flows. Various points of view on the principles of flow control are described. The necessity of developing a unified system of principles for logistics management of a multimedia system is justified.

Reference

1. Horn B. K. P. robot Vision: TRANS. Moscow: Mir, 1989. 487 p., I l. ISBN 5–03–000570–6.

2. Rosenfeld A., Kak A. C.. Digital Picture Processing. Vol. 1, 2, Second Edition, Academic Press, New York, 1982.

3. Stoffel J. C. (ed.). Graphical and Binary Image Processing and Applications, Artech House, Inc., Massachusetts, 1982.

4. Grafton C. B. (ed.). Silhouettes a Pictorial Archive of Varied Illustrations, Dover Publications. New York, 1979.

5. Mitchell J. L., Goertzel G. Two-Dimensional Facsimile Coding Scheme, IBM Research Report RC 7499, Jan., 1979.

6. Beknazarova S. S. Models and software of the media education portal, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG, Saarbrucken, Germany, 2012, 178.

Author

Beknazarova Saida Safibullayevna (Republic of Uzbekistan, Tashkent) — Doctor of technical Sciences, associate Professor, acting Professor of the Department of "Audio-Visual technologies" of the Tashkent University of information technologies named after Muhammad al-Khwarizmi (100200, Uzbekistan, Tashkent, Amir Temur str., 108), e-mail: saida.beknazarova@gmail.com.

Бекназарова С. С.

Моделирование основных характеристик экспертной медиаобразовательной системы

В данной работе рассматриваются черно-белые (бинарные) изображения. Процесс получения, хранения и обработки изображений, имеющих много уровней яркости. Однако, поскольку двоичные изображения кодируют только информацию о силуэте объекта, их область применения ограничена. В статье сформулированы условия, необходимые для успешного использования бинарных методов обработки изображений. Здесь внимание сосредоточено на таких простых геометрических характеристиках изображений, как площадь объекта, его положение и ориентация. Такие величины можно использовать, например, в процессе управления механическим манипулятором при работе с деталями.

Ключевые слова: моделирование, геометрические характеристики, бинарные изображения, процесс редактирования.

Информация об авторе

Бекназарова Саида Сафибуллаевна (Республика Узбекистан, г. Ташкент) — доктор технических наук, доцент, врио профессора кафедры «Аудиовизуальные технологии», Ташкентский университет информационных технологий имени Мухаммеда Аль-Хорезми (100200, Узбекистан, Ташкент, ул. Амира Темура, 108), e-mail: saida.beknazarova@gmail.com.

УДК 316.35

А. Б. Берзин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧИТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ УЧАЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ[1]

Происходящая в стране трансформация системы среднего образования внесла изменения в жизнедеятельность образовательных общностей, которые оказывают существенное влияние на процессы, происходящие в школе. Особое значение приобретает взаимодействие между общностями учителей, учеников и их родителей. В этих условиях возрастает роль родительского общества, всё чаще занимающего свою самостоятельную, автономную нишу в реализации образовательной политики. Возникает необходимость более углубленного изучения места родительства в российской школе. В статье сделана попытка на основании данных проведенных с участием автора социологических опросов охарактеризовать особенности взаимодействия родителей учеников и современной российской школы, прежде всего в сферах информирования родительской общественности, урегулирования противоречий и конфликтных ситуаций в отношениях «учитель — родитель», а также причин и форм участия родителей во внутришкольной жизни. Исследование выявило существующие противоречия между учителями и родителями учеников, а также причины их возникновения.

Ключевые слова: школа, родители, учителя, ученики, взаимодействие, противоречие, конфликты, социальная общность

Происходящие перемены в различных сферах жизни российского общества самым непосредственным образом затронули среднюю школу.

Школа является важнейшим фактором, влияющим на изменения в деятельности людей и, одновременно, одним из показателей и результатом этих трансформаций. В ней осуществляется взаимодействие представителей различных социально-демографических групп (гендерных, возрастных, обладающих различным социальным статусом и т. п.), каждая из которых представляет определенную социальную общность. Их исследование имеет важное значение для понимания сути происходящих перемен.

Следует заметить, что один из крупнейших отечественных социологов В.А. Ядов вообще считает предметом социологии изучение социальных систем, которые существуют в форме социальных общностей [5, с. 4, 12–15].

Все социальные общности обладают рядом общих и специфических признаков. Некоторые исследователи насчитывают более 10 объективных и субъективных характеристик общности. К объективным относятся совместная деятельность, черты образа жизни, пространственные, ресурсные, временные параметры и т. п. В число субъективных признаков входят

[1] © Берзин А. Б. Текст. 2020.

осознание идентичности, принадлежности к общности, разделение ценностей, норм, правил и образцов поведения, характерных для данной социальной системы (подсистемы) и т. д. [1, с. 109–110].

В современной школе происходит взаимодействие, как уже отмечалось, самых различных социальных общностей. Все они являются подсистемами более широких объединений (множеств), но по своим специфическим признакам, главный из которых — включенность в совместную образовательную деятельность — можно выделить три взаимодействующие социальные подсистемы (общности) — это учителя, учащиеся и родители учащихся.

Каждая из этих общностей, из-за различной степени включенности, обладает и различной мерой воздействия на образовательный процесс. Различаются они и по роли, которую исполняют в разные периоды времени, а также по характеру взаимодействия между собой. Заметны различия по системе ценностей и интересов, которые выражают эти общности. Если для учителей и учащихся характерно стремление к передаче и усвоению знаний (познавательное взаимодействие), то для родительского сообщества на первое место выходят оказание помощи в усвоении учебного материала и защита прав и интересов их детей, учеников школы.

Необходимо отметить, что если учителя и учащиеся уже по традиции рассматриваются как две образовательные общности (Г. Е. Зборовский), то родители в качестве некой целостной подсистемы стали изучаться относительно недавно [3, с. 47–54; 4, с. 184–206].

Однако при всем этом общности объективно вынуждены действовать вместе для решения общих задач, стоящих перед современной школой и, тем самым, влияют друг на друга, изменяя в ту или иную сторону сам процесс, результаты познавательной, учебной деятельности, одновременно сохраняя, поддерживая в стабильном состоянии сам учебный процесс. Благодаря этому двуединству появляется возможность фиксировать изменения состояний как объектов, так и субъектов взаимодействия, выявлять причины происходящих сдвигов, прогнозировать их последствия [2, с. 105–106].

Для выявления особенностей взаимодействия трех отмеченных выше общностей, прежде всего, родителей учеников и современной школы, научно-исследовательской группой УрФУ и УИУ РАНХиГС в 2016–2019 годах была проведена серия социологических опросов. Более подробно остановимся на результатах опроса представителей родительского сообщества (всего опрошено 1520 чел., в том числе родителей учеников начальной (469 чел.), основной (681 чел.) школы и 10–11-х классов (343 чел.), что в целом соответствует их доле в генеральной совокупности). Это, прежде всего, характеристики причин и форм участия в жизни школы, информированность родителей о происходящих изменениях в системе общего образования, существующих отношений между учителями и родителями.

Школа рассматривается родителями учеников как источник знаний (39,3 % опрошенных), место формирования и развития способностей (28,8 %), а также способ подготовки для поступления в вуз (24,2 %).

Исходя из полученных данных, отметим, что среди родителей сохраняется традиционный взгляд на роль школы (источник знаний), однако единства во мнениях нет, так как выделились три позиции, кроме того, стал заметен прагматичный взгляд на школу.

Отметим, что на роль школы как способа формирования высокой культуры указали лишь 2,8 % опрошенных.

Абсолютное большинство опрошенных принимают в той или иной форме участие во внутришкольной жизни. Наиболее популярная форма участия — это родительские собрания (47 % от числа ответов), проведение совместных праздников (25,7 %), открытые уроки (12,3 %).

Родительские собрания остаются традиционным источником информации о предстоящих изменениях в системе образования, второе место занимают интернет-ресурсы, затем телевидение. По оценкам самих родителей, наиболее хорошо им знакомы программы развития образования на муниципальном уровне, знакомы они и с основными направлениями федеральных программ, тем не менее среди них каждый третий об этом не осведомлен. Определяя для себя предпочтительные формы получения информации в мегаполисе, родители учеников на первое место поставили мобильный мессенджер, затем различные формы дневников и только пятое место заняли родительские собрания.

Разделились мнения опрошенных по поводу причин участия во внутришкольной жизни, их взаимодействия со школой.

Значительная часть опрошенных считает, что в основе этих процессов лежит просьба администрации школы либо учителей (34,9 %), также каждый третий считает, что это нужно для оказания помощи учителям без всякой просьбы.

Также среди мнений опрошенных присутствует и прагматичный акцент — взаимодействие необходимо для получения хороших оценок (22,0 %).

Каждый десятый указал на чисто личностную причину — человек не может жить иначе, это необходимо ему для самореализации. Объективные, в том числе социально-демографические, характеристики опрошенных на эти оценки практически не влияют, за исключением рода занятий родителей и класса, в котором учатся их дети. Чаще всего оказывают помощь родители первоклассников, а также нигде не работающие родители.

Взаимодействие во внутришкольной жизни осуществляется прежде всего с учителями. Родители оценивают свои отношения как хорошие (57,2 % опрошенных) или как стремление к компромиссу, пытаются по возможности понять друг друга (37,7 %), оставшиеся 5 % характеризуют отношения как противоречивые, конфликтные, характеризующиеся взаимным непониманием.

Несмотря на низкий процент отметивших плохие отношения, все участники опроса указали на противоречия, возникающие в процессе взаимодействия — это, прежде всего, разные представления о средствах воспитания (37,5 %), личных качествах учеников (33,9 %) и учителей (26,3 %), отсутствие единства требований учителей (26,0 %). Каждый пятый опрошенный родитель недоволен методами воздействия на учеников, занижением оценок, чрезмерным объемом требований к детям.

В случае конфликтного взаимодействия родители отмечают, что учителя стремятся вместе с ними разобраться в причинах этого (82,1 % опрошенных). Однако часть родителей считает, что в этих случаях учитель бывает безапелляционен в своих суждениях (8,8 %), требует обсудить поведение ученика на педсовете (2,8 %) или наказать его дома (2,2 %).

Помехой к компромиссу, урегулированию конфликтов родители считают предвзятое отношение к ребенку (26,0 %) либо безразличие к нему (24,6 %). Однако каждый четвертый опрошенный родитель указывает на нехватку времени (24,0 %) или на неумение учителя разговаривать с людьми. При этом каждый второй (50,6 %) в этой ситуации склонен прислушиваться к мнению своего ребенка и лишь 36,1 % опираются на собственную оценку. Немаловажную роль в оценивании поведения учителя играют его личностные характеристики — умение взаимодействовать с другими людьми (56,6 %), тактичность (45,4 %), способность к сопереживанию (28,6 %).

В целом, анализируя особенности взаимодействия родителей со школой, нужно отметить в основном доброжелательный характер отношений, стремление понять друг друга и оказать помощь. Проблемными точками, как показало исследование, можно назвать прагматичный подход к школе, высокая субъективность оценок, а также различия в подходах к методам обучения и воспитания.

Список источников

1. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности: монография. Екатеринбург, 2009. 300 с.

2. *Кемеров В. Е.* Взаимодействие. // Современный философский словарь / под ред. проф. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 864 с.

3. *Чернышов А. Г.* Родители как граждане // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 47–54.

4. *Шаброва Н. В.* Социальная общность родителей как субъект гражданского общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 9. С. 184–207.

5. *Ядов В. А.* Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 3–16.

Информация об авторе

Берзин Андрей Борисович (Россия, г. Екатеринбург) — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: berzinandrey@gmail.com).

A. B. Berzin

Some Problems of Interaction Between Teachers and Parents of Students in a Modern School

The transformation of the secondary education system in the country has made changes in the life of educational communities, which have a significant impact on the processes taking place in schools. Interaction between communities of teachers, students and their parents is of particular importance. In these conditions, the role of the parent society is increasing, and it is increasingly occupying its own independent, autonomous niche in the implementation of educational policy. There is a need for a more in-depth study of the place of parenthood in Russian schools. The article attempts to characterize the features of interaction between parents of students and modern Russian schools, primarily in the areas of informing the parent community, resolving contradictions and conflict situations in the «teacher-parent» relationship, as well as the causes and forms of participation of parents in school life, based on the data of sociological surveys conducted with the participation of the author. The study revealed the existing contradictions between teachers and parents of students, as well as the reasons for their occurrence.

Keywords: school, parents, teachers, students, interaction, contradiction, conflicts , social community

Author

Berzin Andrey Borisovich (Russia, Ekaterinburg) — post-graduate student, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (620144, Russia, Ekaterinburg, 8 March str., 66; e-mail: berzinandrey@gmail.com).

References

1. Zborovsky G. E. Theory of social community: Monograph. Yekaterinburg, 2009. 300 p.

2. Kemerov V. E. Interaction. // Modern philosophical dictionary / Edited by prof. V. E. Kemerov 3rd ed. M.: Academic project, 2004. 864 p.

3. Chernyshov A. G. Parents as citizens // Vlast' (The Authority). 2019. Vol. 27. No. 1. P. 47–54.

4. Shabrova N. V. Social community of parents as a subject of civil society // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. No. 9. P. 184–207.

5. Yadov V. A. Reflections on the subject of sociology // Sociological research. 1990. No. 2. P. 3–16.

УДК 316.4

Г. З. Габдрахманова

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СЕМЬИ: ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ПО АРХИВНОМУ ДЕЛУ[1]

Впервые актуализирован потенциал и возможности значимого институционального ресурса достижения устойчивости семейной идентичности — Государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу. Феномен семейной идентичности представлен во взаимодействии с формированием исторической памяти семьи. В статье республиканский конкурс генеалогических исследований «Моя родословная» рассмотрен как оригинальный инструмент конструирования семейной памяти на мезоуровне (уровне исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан).

Ключевые слова: историческая память семьи, семейная идентичность, канал передачи, семейные сети, поколение, родословная, государственный архив

Социально-исторический контекст, обусловленный юбилейными датами общероссийского (75-летие победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) и регионального (100-летие Татарской АССР) масштаба, определяет значимость научно обоснованного изучения феномена исторической памяти семьи. «История каждого нового поколения начинается не с «чистого листа», а с того наследства, которое ему оставили предки» [1, с. 10].

В классическом социологическом осмыслении историческая память семьи представляет собой социокультурный феномен, который формируется в сознании человека под воздействием макро- и микросреды [2; 3; 4]. Семейная память выступает одним из факторов формирования исторической памяти страны в целом, и региона в частности. В научной литературе историческая память рассматривается как «способность индивида сохранять и воспроизводить в словесно-логической (устной и письменной), образной, эмоциональной, предметной форме исторические знания, полученные в системе образования и культуры, в результате усвоения опыта старших поколений, путем самообразования и общения, через аудио- и видеосредства, а также события, участником и свидетелем которых был ее обладатель» [5, с. 13]. Главным каналом передачи исторической памяти традиционно выступают устные рассказы, письма, документы, фотографии и т. д.

Научное наследие изучения исторической памяти представлено в трудах историков, социологов с учетом профильной специфики исследования данного феномена [1–8].

Анализ воздействия определенных факторов на процесс смены представлений людей о жизнедеятельности своих предков с точки

[1] © Габдрахманова Г. З. Текст. 2020.

зрения социолого-исторического подхода [8] осуществлен Е.В. Беловой и А.А. Крисановым в ходе исследования исторической памяти конкретной категории — студенческой молодежи. Историческая память семьи в указанном исследовании рассмотрена в рамках теории социокультурной динамики П.А. Сорокина. Система ценностей, которая определяет отношение молодежи к бытию и опыту предков, установленных в такой социальной группе, как семья, определена как стержень исторической памяти людей и семьи. В исследовании выявлено, что формирование исторической семейной памяти молодых людей реализуется через круг их общения. Следовательно, изучение исторической семейной памяти с точки зрения социолого-исторического подхода позволяет: проанализировать ее как социальный процесс, в центре которого находится человек, который выступает в качестве субъекта и объекта исторической памяти; выявить систему ценностей; исследовать историческую память представителей различных поколений в рамках семьи.

Опыт социологической реконструкции исторической памяти осуществлен Н.Л. Мысливец, О.А. Романовым. Важнейшим результатом их исследования стало определение сущности исторической памяти как важнейшего компонента общественного сознания, эксплицирование предпосылок формирования и выявления детерминант развития исторической памяти в условиях современности. Историческая память представлена в качестве основы формирования зрелых качеств гражданственности и патриотизма [1].

В 2020 г. нами было проведено пилотажное авторское исследование социально-фамилистических сетей современной российской семьи, в котором мы обратились к изучению потенциала институционального ресурса достижения устойчивости семейной идентичности — Государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу. Метод — анализ документов, выборка составила 1300 работ участников республиканского конкурса генеалогических исследований «Моя родословная», реализуемого Государственным комитетом Республики Татарстан по архивному делу с 2017 г. Тезисно изложим некоторые результаты.

Востребованность у населения конкурса генеалогических исследований «Моя родословная» способствовала расширению социально-пространственного контекста семейной идентичности участников. Значимым достижением стало вовлечение в него не только жителей Республики Татарстан (представлены заявки из 37 муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан), но и других регионов Российской Федерации, имеющих семейные корни в Татарстане и занимающихся восстановлением и накоплением исторической памяти своей семьи, это г. Москва, г. Санкт-Петербург, Омская, Самарская, Кировская, Иркутская, Ульяновская область, Республика Марий Эл, Республика Тыва.

Важным социальным направлением реализуемого конкурса является содействие укреплению семейных традиций и связей между поколениями.

Анализ родословной своей семьи представляет микроисследование, отражающее социальную динамику членов семьи, социальную мобильность семьи на протяжении нескольких поколений, изменение социального статуса семьи от поколения к поколению.

С одной стороны, осуществляется активизация старшего поколения в русле концепта активного долголетия. Среди взрослой категории самыми активными были участники трудоспособного возраста, далее население пенсионного возраста. Старейшие из них в 2018 и 2019 гг. — 80-летний племянник знаменитого татарского драматурга Галиасгара Камала, представивший изданную авторскую книгу по своей родословной, и 84-летний представитель Альметьевского района.

С другой стороны, реализуется содействие патриотическому воспитанию детей и молодежи на основе изучения причастности истории семьи к истории страны и родного края.

Участники детско-юношеского конкурса были разделены по 4 возрастным группам:1 группа — ученики 1–4-х классов, 2 группа — ученики 5-х классов, 3 группа — ученики 9–11-х классов, 4 группа — учащиеся профессиональных образовательных организаций в возрасте до 18 лет. Среди детского населения самыми активными участниками стали школьники младших классов (1–4 классы) при поддержке родителей и учителей, далее учащиеся 5–8 классов, учащиеся профессиональных образовательных организаций в возрасте до 18 лет и учащиеся 9–11 классов. Возраст самого младшего участника на момент проведения конкурса составил 6 лет. Об интересе к семейной исторической памяти более молодого поколения свидетельствует активное участие в конкурсе: среди всех конкурсных работ более 80 % подготовлены учащимися.

Государственное значение данного конкурса заключается в сохранении и развитии родословных традиций, укреплении семейных связей и преемственности поколений, развитии интереса к Татарстану и своей семье, формировании исторического сознания и воспитании чувства патриотизма, сохранении и развитии традиции историко-родословных исследований, приобщении к работе с архивными материалами, чтению исторической, краеведческой и художественной литературы[1].

Предполагая большое количество участников-детей, в 2019 году конкурс проходил в 2 этапа: муниципальный и республиканский (работы победителей муниципального этапа потом представили на республиканский этап), взрослые — сразу направляли работы на республиканский этап конкурса в Казань. По условиям конкурса обязательными являлись ссылки на архивные документы, пояснительные записки и исторические справки к предоставленным материалам, необходимые для верификации представленных данных. Большую работу провели не только участники

[1] Приказ Государственного комитета по архивному делу Республики Татарстан № 17–09 от 27.01.2020 г. «О республиканском конкурсе генеалогических исследований «Моя родословная».

конкурса, но и архивисты, которыми конкурсные работы были выверены на достоверность фактов (выборочно, в основном это касалось сведений о рождении).

В рамках представления своего рода, происхождения фамилии, национальных корней, истории места рождения (деревни, села) большинство участников обратились к теме патриотизма (тема Великой Отечественной войны, «Моя семья в годы Великой Отечественной войны»), семейным летописям («Моя семья — мое богатство», «Листая страницы семейного альбома», «Семейное древо», «История моей семьи в фотографиях» и т. д.) и раскрытию профессиональных династий («Рабочая династия строителей», «Я из династии пчеловодов», «Династия путейцев 2-х дорог», «Династия учителей»).

На основе анализа конкурса были выделены инструменты передачи исторической памяти семьи: не только подтверждаемые документы, но и другие интересные факты из истории семьи, которые невозможно подтвердить документально, — это материалы бесед, воспоминаний и интервью, представленные в виде аудиофайла или расширенного текста.

В преддверии 100-летия Татарской АССР Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу запустил в 2019 г. проект праздника родословной «Эхо веков в истории семьи — Тарихта без эзлебез», направленного на сохранение и развитие родословных традиций, укрепление семейных связей и преемственности поколений, привлечение интереса широкой общественности к истории Татарстана и своей семьи. Проект был поддержан Президентом Республики Татарстан Р. Н. Минниханом.

В 2019 г. зональный этап проводился Государственным комитетом Республики Татарстан по архивному делу совместно с органами местного самоуправления в муниципальных образованиях республики, разделенных на 6 зон. Зональными центрами стали города Казань, Лениногорск, Набережные Челны, поселок городского типа Алексеевское, Кукмор, Тетюши. В проекте приняли участие 43 семьи из 37 районов и городских округов, в том числе 7 семей из г. Казань. В зональном этапе один муниципальный район представлял один семейный коллектив, в котором объединены участники нескольких поколений рода без возрастных ограничений (например, в составе семейных команд из Сабинского, Буинского, Кукморского районов участвовали по 20 и более родственников).

Программа как зонального этапа, так и республиканского включала в себя 2 блока конкурсов: 1) выставка приготовленных национальных и семейных блюд, 2) конкурс семейных команд «Знакомьтесь, моя семья, мой род!», в ходе которого каждая команда презентовала родословную ярким концертным номером, демонстрировались национальные костюмы.

Победители республиканского этапа были награждены дипломами и денежными призами в размере 130 тыс. рублей за 1-е место, 75 тыс.

рублей за 2-е место, 45 тыс. рублей за 3-е место, что является хорошим стимулом и поддержкой для современной семьи.

В 2020 году конкурс генеалогических исследований «Моя родословная» должен был проводиться с 19 февраля по 20 апреля, но в связи с эпидемиологической ситуацией в регионе продлен на неопределенный срок. По итогам конкурса среди 1–5-й возрастных групп вне зависимости от возраста участника предполагается присуждение двух поощрительных призов по четырем номинациям: «Мастерство и оригинальность в изображении генеалогического древа», «За оригинальность и творческий подход в оформлении работы»; «Богатая родословная» — при составлении родословной перечислено наибольшее количество поколений и родственников; «У войны не женское лицо» — за приведенные факты о вкладе представительниц семьи в победу в Великой Отечественной войне; «За научную значимость родословной с самыми глубокими корнями». Обладателям поощрительных призов также присуждаются грамота и денежный приз.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что республиканский конкурс генеалогических исследований «Моя родословная» представляет собой оригинальный инструмент конструирования семейной памяти на мезоуровне (уровне исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан).Феномен семейной идентичности представлен во взаимодействии с формированием исторической памяти семьи.

В наших последующих научных статьях будут проанализированы работы регионального конкурса «Моя родословная» с помощью метода контент-анализа, что позволит более детально изучить фамилистические сети семей через призму исторической памяти.

Таким образом, в условиях демографического кризиса и неустойчивости института семьи ведение родословной является перспективным механизмом сохранения и развития межпоколенческих традиций, укрепления семейных связей и преемственности поколений, развития интереса к истории своей семьи. Историческая память семьи представляет собой комплексный процесс сохранения и передачи членами семьи знания, опыта, истории своих предков посредством определенных каналов передач. Актуализированные в статье понятия исторической памяти семьи и семейной идентичности в будущем позволят рассматривать ее через акторно-сетевой подход.

Список источников

1. *Мысливец Н. Л., Романов О. А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 9–19.

2. *Кларк Г.* Отцы и дети. Фамилии и история социальной мобильности: пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред. перевода А. Володин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 536 с.

3. *Ильдарханова Ч. И.* Этнокультурная идентичность семьи в гетерогенном сельском пространстве Республики Татарстан: локальное измерение // Дискуссия. 2015. № 4(56). С. 70–74.

4. *Дадаева Т. М.* Образование, историческая память и гражданская идентичность: векторы влияния (на примере студенческой молодежи вузов и ссузов Республики Мордовия) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 1. С. 41–60.

5. *Немов Д. А.* Реальное состояние и особенности формирования исторического сознания в современном российском обществе: дис. … канд. социол. наук. М., 2004. 167 с.

6. *Репина Л. П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–95.

7. *Романова К. С.* Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 31–35.

8. *Белова Е. В., Крисанов А. А.* Социальная динамика семейной исторической памяти студентов // Дискуссия. 2015. № 9. С. 54–63.

Информация об авторе

Габдрахманова Гульнара Закариевна (Россия, г. Казань) — аспирант, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а),e-mail: gulnara.zakarievna@tatar.ru.

G. Z. Gabdrakhmanova

Formation of Historical Memory of the Family: Projects of the State Committee for Archival Affairs of the Republic of Tatarstan

The article covers issues of potential and possibilities of significant institutional resource of achievement of family identity — Tatarstan state committee of archival affairs. Family identity phenomenon is presented in interaction with formation of historical family memory. Republic competition of genealogical research 'My family tree' is analyzed as an original instrument of designing a family memory on a mezzo level (level of executive bodies of state power of the Republic of Tatarstan).

Keywords: family historical memory, family identity, transmission channel, family nets, generation, family tree, state archive

Author

Gabdrakhmanova Gulnara Zakarievna (Russia, Kazan) — postgraduate student, Center for advanced economic research, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Levo-Bulachnaya str., 36a.), e-mail: gulnara.zakarievna@tatar.ru.

References

1. Myslivets N. L., Romanov O. A. Historical memory as a socio-cultural phenomenon: experience of sociological reconstruction // Bulletin of the RUDN. Series: Sociology. 2018. No. 1. P. 9–19.

2. Clark G. The son also rises. Surnames and the history of social mobility: Transl. from English. N. Edelman; scient. editor of trans. A. Volodin. M.: Gaidar institute Publishing house, 2018. 536 p.

3. Ildarhanova Ch. I. Ethnocultural identity of family in heterogenius rural space of the republic of Tatarstan: local dimension // Discussion. 2015. No. 4(56). P. 70–74.

4. Dadaeva T. M. Education, historical memory and state identity: vectors of influence (case of students' youth of the Republic of Mordovia // Humanitarian: actual problems of humanitarian science and education. 2020. Vol.20. No. 1. P. 41–60.

5. Nemov D. A. Real state and features of formation of historical consciousness in modern Russian society: dis. ... cand. sociol. nauk. M., 2004. 167 p.

6. Repina L. P. Events and images of the past in historical and cultural memory // A new past. 2016. No. 1. P. 82–95.

7. Romanova K. S. Discourses of historical memory // Discurs-Pi. 2016. No. 3–4. P. 31–35.

8. Belova E. V., Krisanov A. A. Social dynamics of family historical memory of students // Discussion. 2015. No. 9. P. 54–63.

УДК 314.3

Э. И. Гараева

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19[1]

Вирус Covid-19 стал одной из самых непредсказуемых инфекций за последние 50 лет. Длительная самоизоляция, дистанционная работа и учеба, приостановление деятельности ряда отраслей экономики, закрытие значительного числа предприятий торговли и услуг, отмена плановых приемов пациентов в медучреждениях и т. д. — все это кардинально изменило жизнь общества. Данные изменения оказывают глубокое влияние и на репродуктивное поведение человека. В данной статье приведены результаты социологического опроса женщин репродуктивного возраста по планированию беременности в условиях пандемии коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: Covid-19, коронавирусная инфекция, пандемия, репродуктивное поведение, рождаемость

В период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, особую актуальность для осмысления сложившейся ситуации приобретает теория избегания рисков, которая в качестве основополагающих факторов снижения рождаемости подчеркивает социальную неопределенность и растущую индивидуализацию рисков.

Экономические проблемы в условиях пандемии обострилась практически во всех странах мира. Несмотря на государственную поддержку малый и средний бизнес оказался на грани выживания; множество предприятий промышленного и аграрного секторов приостановили свою работу, перепрофилируются или закрываются; сфера услуг — ресторанный, гостиничный, туристический бизнес — оказалась в глубоком кризисе. Немалая часть граждан потеряла работу, а вместе с ней — и стабильный доход, вследствие чего снизилась покупательная способность.

Помимо экономических рисков, которые повышаются с рождением детей, возрастают и другие риски, непосредственно связанные с повседневной жизнью людей. Из-за роста заболеваемости и риска заражения медицинское наблюдение беременных претерпело принципиальные изменения: отменены все ранее запланированные приемы, консультации проводятся по телефону, профилактические осмотры и лечебные процедуры переносятся на другой срок, отменены партнерские роды и т. д.

По данным Минздрава, беременные, имеющие различные хронические заболевания (бронхиальная астма, сахарный диабет, гипертония и др.), составляют группу повышенного риска развития осложнений [1]. В любом случае беременным, как и другим, необходимо оберегать себя от любой инфекции.

На фоне неясного и слабо прогнозируемого эпидемиологического, экономического, социального аспектов будущего лица, принимающие

[1] © Гараева Э. И. Текст. 2020.

решения о рождении ребенка, вовсе предпочитают избегать потенциальных рисков и откладывают деторождение.

Об этом свидетельствуют данные социологического опроса женщин репродуктивного возраста г. Екатеринбурга, проведенного в июне 2020 года с помощью метода онлайн-анкетирования (n = 400). Данные, полученные в результате опроса, показали, что 47 % респонденток предпочитают отложить планирование ребенка, в то же время четверть опрошенных затруднились с выбором ответа, а почти треть женщин высказалась, что не отложили бы беременность, несмотря на пандемию и ее последствия. На момент опроса 13 % женщин были беременными, 6 % из которых отметили, что отложили бы беременность до окончания пандемии коронавируса.

Опрос также предусматривал прямой поливариантный вопрос с выбором нескольких вариантов ответов о причинах откладывания респондентами рождения детей до официального окончания пандемии коронавируса и стабилизации ситуации как в стране, так и в мире. Самыми популярными ответами стали следующие: материальные трудности отметили 48 % опрошенных, страх заразиться вирусом выбрали 31 %. Кроме этого, респонденты писали в графе «другое» свое мнение, в числе вариантов нередко встречались ответы, связанные с неуверенностью в завтрашнем дне из-за эпидемиологической ситуации в мире, например: «Если бы мы с мужем планировали ребенка, пандемия внесла бы свои коррективы. Мы бы отложили. Моя младшая дочь родилась в этом январе и хапнула многие прелести пандемии»; «Если бы специально планировала, то я бы отложила, т. к. меня вся эта ситуация последних месяцев очень напрягает, такой вот я ранимый и эмоциональный человек, кроме того, у многих уменьшились доходы, а это важно для нормальной жизни, а сколько людей работу потеряли и что будет завтра — не знают… А если случайно получилось бы, то, конечно, нет».

Следовательно, можно утверждать, что одним из последствий пост-Covid будет сокращение рождаемости, вызванное отложенной беременностью в связи с осознанием рисков.

Отложенная беременность характеризуется не только откладыванием зачатия, но и таким радикальным методом, как аборт.

Минздрав РФ 19 марта 2020 издал приказ, в котором российским государственным больницам по собственному усмотрению разрешено переносить некоторые плановые операции, чтобы снизить риск распространения инфекции. Наряду с этим стали отменять и бесплатные аборты, относя прерывание беременности к операциям, временный отказ от которых не несет угрозы жизни и здоровью. В то же время в коммерческих клиниках данная услуга по-прежнему оказывается, но стоит она примерно от 8 000 до 25 000 рублей в зависимости от региона. Однако в связи с экономическими трудностями, возникшими в период коронавируса, не все женщины могут позволить себе данную услугу платно. Как известно, процедуру

прерывания беременности откладывать категорически нельзя, иначе любое промедление делает операцию более опасной для здоровья женщины.

Впрочем, имеются исключения, при которых аборт могут сделать бесплатно, несмотря на отмены плановых операций. Как сообщает Игорь Цикорин, сопредседатель Общественного совета по защите прав пациентов при департаменте здравоохранения Москвы, «решение о прерывании беременности может быть принято лечащим врачом по медицинским показаниям, когда дальнейшая беременность угрожает жизни самой матери или есть серьезная патология плода. В таком случае операция должна быть проведена, и она не может быть отнесена к плановым. Отказать не имеют права. Также к неплановым могут быть отнесены операции по социальным показаниям. Это — для жертв насилия» [2].

Представительницы феминистских движений отнеслись к данному известию довольно негативно. Так, например, в мае 2020 года феминистки Челябинской области провели пикеты против отмены абортов. По мнению активисток, таким образом власти, ограничивая права женщин в разгар пандемии, решили улучшить демографическую ситуацию.

Отказ от абортов по ОМС до окончания пандемии может нести в себе несколько рисков. Прежде всего, это рост отказов от новорожденных в роддомах; во-вторых, самостоятельное прерывание беременности в домашних условиях с помощью народных методов и сомнительных препаратов; в-третьих, к росту числа подпольных абортов, где не требуют анализов и не интересуются заболеваниями женщины.

По статистике, в подавляющем большинстве случаев на аборт женщины идут из-за финансовых и материальных затруднений [3]. В период пандемии эта проблема обострилась во всех странах. Число желающих прервать беременность резко увеличилось именно из-за неуверенности в завтрашнем дне. Страх особенно влияет на решение женщин в тех странах, где число заболевших коронавирусом велико.

Несмотря на то, что влияние вызванной коронавирусом пандемии на репродуктивное поведение населения еще мало изучено, вполне можно утверждать, что в ближайшей перспективе оно будет негативным. Риски, связанные со здоровьем (как собственным, так и будущих детей), а также с уменьшением доходов семьи, влияют на желание супругов становиться родителями.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–311–90076.

Список источников

1. Методические рекомендации. Организация оказания медицинской помощи беременным, роженицам и новорожденным при новой коронавирусной инфекции Covid-19 [Электронный ресурс]. URL: https://static3.rosminzdrav.ru.

2. «Неплановая операция»: коронавирус отменил аборты [Электронный ресурс]. URL: https://radiovesti.ru.

3. Статистика абортов в России по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: https://rosinfostat.ru.

Информация об авторе

Гараева Эльнара Ильфатовна (Россия, г. Екатеринбург) — аспирант, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, кафедра теории и социологии управления (Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66), e-mail: el.garaeva@bk.ru.

E. I. Garayeva

Reproductive Behavior in the Period of the Pandemic COVID-19

Covid-19 has become one of the most unpredictable infections in the last 50 years. Long-term self-isolation, Remote work and study, suspension of activities in a number of sectors of the economy, closure of a significant number of trade and service enterprises, cancellation of scheduled patient admissions to medical institutions, etc. all this has radically changed the life of society. These changes have a profound effect on human reproductive behavior. This article presents the results of a sociological survey of women of reproductive age on pregnancy planning in the context of a coronavirus pandemic.

Keywords: Covid-19, coronavirus infection, pandemic, reproductive behavior, birth rate

Author

Garayeva Elnara Ilfatovna (Russia, Yekaterinburg) — Postgraduate student of the Ural Institute of management-branch RANEPA, Department of management theory and sociology (66, 8 Marta str., Yekaterinburg, 620144, Russia), e-mail: el.garaeva@bk.ru).

References

1. Guidelines. Organization of medical care for pregnant women, women in labor, and newborns with a new coronavirus infection Covid-19 [Electronic resource]. URL: https://static3.rosminzdrav.ru.

2. «Unplanned operation»: coronavirus canceled abortions [Electronic resource]. URL: https://radiovesti.ru.

3. Statistics of abortions in Russia according to Rosstat [Electronic resource]. URL: https://rosinfostat.ru.

УДК 316

Г. Е. Зборовский

ТРАНСФЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НЕУСПЕШНЫХ УЧАЩИХСЯ: ОТ ШКОЛЫ К ВУЗУ[1]

Цель предлагаемой статьи состоит в анализе трансфера человеческого капитала неуспешных учащихся на пути от школы к колледжу и вузу. Показывается значение теории человеческого капитала в осмыслении сложных и противоречивых проблем образования. Подчеркивается роль инвестиций со стороны государства, бизнеса, родителей в решение проблем преодоления образовательной неуспешности. Дается характеристика основных понятий, используемых в статье, — образовательной неуспешности, человеческого капитала, трансфера человеческого капитала. Рассматриваются четыре стадии образовательной неуспешности в связи с трансфером человеческого капитала от одной к другой на пути перехода учащихся от школы к колледжу, от него к вузу и рынку труда. В заключительной части статьи анализируются методологические подходы, которые дают возможность плодотворно исследовать проблему трансфера человеческого капитала неуспешной части учащейся молодежи на пути от школы к вузу.

Ключевые слова: человеческий капитал, трансфер человеческого капитала, неуспешные учащиеся, школа, колледж, вуз, методологические подходы

Развитие отечественного образования предполагает выявление факторов для анализа ресурсов этого процесса. Одним из основных среди них является человеческий капитал. Значительная роль в обосновании необходимости использования человеческого капитала для характеристики проблем образования, показа возможностей их решения принадлежит исследователям теории человеческого капитала.

Назовем среди них в первую очередь американских ученых, представителей Чикагской школы, Г. Беккера, Я. Минсера и Т. Шульца. Их экономические работы, в целом вся теория человеческого капитала помогают осмыслить такую проблему, как образовательная (не)успешность учащихся и пути ее преодоления. Согласно этой теории, необходимы инвестиции в человеческий капитал, которые являются основным инструментом развития системы образования и могут позитивно влиять на решение его сложных проблем. В соответствии с указанной теорией появляется возможность рассматривать формирование, накопление и трансфер человеческого капитала (не)успешных образовательных общностей в процессе их поэтапного продвижения в системе образования от школы к вузу.

Среди первых исследований, посвященных экономической интерпретации трансфера человеческого капитала, была работа Б. Йовановича и Й. Ньярко [9]. В ней рассматривались различные институты (семья,

[1] © Зборовский Г. Е. Текст. 2020.

школа, вуз, обучение на производстве), посредством которых передаются знания. Поскольку передача знаний осуществляется между поколениями, интерес представило исследование Р. Стивенс. Она на основе экономической методологии предложила изучение различных методов передачи знаний от одного поколения к другому [10].

В анализе трансфера человеческого капитала учащихся и студентов большое значение ученые придают изучению роли родителей, причем на протяжении всего жизненного цикла. Исследователи фокусируют свое внимание на связи неравенства в течение жизненного цикла и различных типов родительских инвестиций в детей. Имеются в виду временные затраты в детстве и подростковом возрасте, которые помогают развитию когнитивных способностей ребенка. Учитываются инвестиции в образование, которые улучшают качество обучения в школе и его результаты. Наконец, рассматриваются денежные инвестиции в форме передачи и завещания [8]. В экономических исследованиях за рубежом представлены модели инвестиций родителей в будущее развитие своих детей [7], изучено соотношение между родительскими инвестициями и государственными субсидиями в образование [4]. Многие работы посвящены формированию оптимальной образовательной политики для трансфера человеческого капитала и ее внедрению [6; 5].

Цель предлагаемой нами статьи состоит в анализе трансфера человеческого капитала (не)успешных учащихся на пути от школы к колледжу и вузу.

Начать этот анализ целесообразно с рассмотрения центральных понятий статьи. Первым среди них является понятие (не)успешных учащихся. Обобщающее понятие учащихся конкретизируется нами сквозь призму трех образовательных общностей — учащихся школ (школьников), студентов колледжей (техникумов) и вузов (университетов, академий). В каждой из трех образовательных общностей есть успешные и неуспешные учащиеся. Понятно, что проблемными являются прежде всего неуспешные школьники и студенты. Этот тезис тем более важен, что численность неуспешных учащихся увеличивается [1; 2; 3]. В отличие от государственной образовательной политики, акцентирующей внимание и направляющей ресурсы на поддержку в первую очередь талантливой, способной, успешной учащейся молодежи, мы считаем необходимым исследовать растущую неуспешную и проблемную ее часть.

Под образовательной неуспешностью мы понимаем качественную характеристику образовательной деятельности учащихся и студентов, отражающую меру расхождения между их личными достижениями и общественными ожиданиями от их деятельности в сфере образования. Образовательная неуспешность включает в себя проявления академической, профессионально-ориентационной и личностной несостоятельности в сфере образования. Поставленный диагноз неуспешности прослеживается на всем пути осуществления трансфера человеческого капитала

значительной части образовательных общностей — от школы к колледжу и вузу и далее к рынку труда.

Образовательная неуспешность — феномен по своему характеру процессуальный и динамический. Он обладает характеристиками развития и перехода от одного уровня обучения к другому. Нам представляется, на основе анализа реальных практик на всех уровнях образования, что академическая неуспешность образовательных общностей проходит ряд стадий.

Исследованиями (психологическими, педагогическими, социологическими) установлено, что уже в начальной школе у многих учащихся формируются симптомы образовательной неуспешности. Она начинается с самого простого явления с точки зрения его наблюдения и фиксации, но в то же время самого сложного в плане противостояния ему — нежелания многих детей посещать школу, выполнять домашние задания, в целом учиться. Эту хорошо известную ситуацию мы называем постепенным снижением образовательной мотивации.

Деформация образовательной мотивации интересует нас как начальная стадия и как важный элемент образовательной неуспешности. Однажды возникнув, нежелание осваивать и усваивать знания и умения достигает у некоторых учащихся пика уже в основной средней школе. Этому могут способствовать объективные и субъективные факторы, включая семейные, школьные, средовые, социально-экономические, психологические, педагогические. Изучение их влияния на личность и социальную общность учащихся — большая научная и практическая проблема, требующая внимания представителей различных наук.

На второй стадии образовательной неуспешности происходит ограничение накопления человеческого капитала учащихся в его образовательной и общекультурной составляющих в силу слабо выраженной учебной мотивации. Образовательно-культурным пространством второй стадии (как и первой) являются семья и школа. Человеческий капитал на этой стадии формируется не только в процессе учебы, но и в других формах деятельности (интеллектуальной, культурной, художественной, спортивной), в сфере дополнительного образования. Однако базой рассматриваемого процесса все же остается образовательная деятельность в школе. Поэтому отсутствие мотивации к обучению и соответствующей ей развивающей деятельности в образовательном пространстве семьи и школы усиливают образовательную неуспешность и переводят ее в новую стадию.

На третьей стадии сферой развития учащихся продолжает оставаться семейно-школьное образовательное пространство, но сама образовательная общность «взрослеет», ее теперь составляют старшеклассники. Приближение окончания школы сопряжено с выбором будущей профессии, уровня и формы образования, а стало быть, и с выбором дальнейшего жизненного пути. Образовательная неуспешность учащихся в рамках третьей стадии проявляется в несформированности представлений

об их ближайшем и отдаленном будущем в плане профессионального самоопределения и в неготовности к выбору образовательной программы. Совпадение момента выбора профессии с моментом падения образовательной мотивации приводит к новому витку неуспешности.

Неуспешные учащиеся могут выбрать лишь область, уровень и форму образования, но затрудняются с выбором его содержания (профиля). Негативное влияние при этом зачастую оказывает школа, определяя дальнейшую образовательную траекторию выпускников по уровню освоения лишь некоторых школьных предметов. Как результат, выбор делается не между образовательными программами (что требует четких профессиональных ориентаций и самоопределения), а между уровнями образования — средним профессиональным или высшим, чаще всего в пользу первого.

Четвертая стадия образовательной неуспешности начинается в довузовском образовании, но проявляется в полной мере в вузах. Она характеризуется неготовностью к обучению в них, дефицитом необходимых знаний, умений, навыков, компетенций, несформированностью представлений об образовании как разновидности труда, ориентаций на образование как ценности и сферы личностного развития. Эти признаки образовательной неуспешности присущи многим проблемным студентам, особенно региональных вузов.

Таким образом, стадиальная динамика образовательной неуспешности учащихся и студентов имеет кумулятивный эффект, свидетельствует о сложности рассматриваемого процесса и трудностях ее преодоления. Мы называем этот процесс трансфером неуспешности, препятствующим поэтапному развитию человеческого капитала образовательных общностей.

Вторым центральным понятием статьи выступает понятие человеческого капитала. Применительно к интересующему нас объекту исследования — учащимся и студентам — будем рассматривать их человеческий капитал как совокупность и взаимосвязь накопленных ими образовательных и культурных ресурсов, которые способствуют росту образовательного и культурного уровня учащейся молодежи и достижению благодаря этому успеха в сфере освоения образовательных и культурных ценностей. Таким образом, человеческий капитал учащихся и студентов включает в себя образовательный и культурный капитал.

Заслуга авторов теории человеческого капитала состоит в том, что они показали его способность создавать специфическую «добавленную» стоимость. Причем речь идет об инвестициях как общего, так и специфического человеческого капитала. Первые означают инвестиции в образование, знания и умения универсального характера (система формального образования), вторые — инвестиции в дополнительное образование (часто неформальное). Применительно к образовательным общностям учащихся и студентов «добавленная» стоимость касается овладения

новыми знаниями, умениями, навыками, новыми компетенциями, имеющими ценность для учащейся молодежи, особенно для ее неуспешной части. Именно эти новые достижения в конечном итоге и есть возможность преодолеть образовательную неуспешность и освоить блага, продуцируемые образованием и культурой.

С точки зрения трансфера человеческого капитала образовательных общностей большой интерес представляет его структура. Она включает несколько групп ресурсов. Во-первых, это когнитивные ресурсы. Они включают в себя знания, умения и навыки, объединенные в компетенции. Вторая группа ресурсов — некогнитивные, в рамках которых целесообразно выделить поведенческие и ценностные. Эти ресурсы включают образовательную мотивацию, способность и готовность к профессиональному самоопределению, ценностные ориентации на учебный труд, образование как сферу самореализации. Третья группа ресурсов включает в себя различные виды капитала человека — здоровье, культурный, нравственный, социальный капитал. Они тесно сопряжены друг с другом, но существенно различны. Главное же состоит в том, что эти ресурсы капитала выступают важными предикторами образовательной успешности. Поэтому они являются частью человеческого капитала образовательных общностей.

Обратимся к третьему основному понятию — трансферу человеческого капитала в системе образования. В качестве субъектов человеческого капитала в ней будут рассматриваться учащиеся школ, студенты колледжей и вузов. Здесь под трансфером человеческого капитала будем понимать движение ресурсов, накопленных его субъектами на предыдущих ступенях образования, с целью дальнейшего их обогащения, развития, капитализации.

Трансфер человеческого капитала — это перенос, перемещение названного комплекса знаний, умений, культурных достижений, коммуникационных навыков, которыми владеет учащийся, с одного уровня образования на другой, более высокий. Тогда мы говорим о накоплении, об обогащении человеческого капитала учащихся и студентов, новых возможностях его использования в целях повышения их образовательной успешности. Вместе с тем, трансфер человеческого капитала может иметь и отрицательное значение в случае разрушения, исчезновения, обеднения того запаса человеческого капитала, который уже был накоплен к определенной стадии образовательной (не)успешности.

Основные линии трансфера человеческого капитала обусловлены тремя направлениями. Во-первых, это переход детей и подростков из дошкольных учреждений в школу — ее начальное, а затем в среднее и старшее звено. По существу, речь идет о переходе с одного уровня общего образования (начального) на другие — средний и старший уровни. Во-вторых, имеется в виду поступление выпускников школ (9-х либо 11-х классов) в организации среднего профессионального образования (техникумы, колледжи) с последующим выходом на рынок труда или поступлением в вузы.

В-третьих, это выход выпускников школ на рынок труда или поступление в вузы, а после их окончания — выход на рынок труда.

Названные образовательные траектории российской молодежи хорошо изучены в эмпирическом плане отечественными социологами. Специфика и новизна нашего исследования заключается в том, что мы рассматриваем движение человеческого капитала в контексте проблемы образовательной (не)успешности. Это означает возможности выделения двух векторов трансфера — позитивного и негативного. В первом случае достигается запланированный результат — обогащение человеческого капитала, достижение такого его качества, которое удовлетворяет потребностям как его носителей (учащейся молодежи), так и потребителей (работодателей, общества, государства). Во втором случае результатом становятся стагнация и истощение человеческого капитала, в конечном счете — его обесценивание. Наше исследовательское внимание направлено на поиск возможностей преодоления действия этого негативного вектора.

В заключительной части статьи обратимся к анализу некоторых методологических подходов, которые дают возможность плодотворно исследовать проблему трансфера человеческого капитала (не)успешной части учащейся молодежи на пути от школы к вузу.

Сложность исследуемого феномена обусловила конфигурацию нашей методологии, образованную тремя уровнями подходов — общенаучным, междисциплинарным и дисциплинарным. К общенаучным мы относим системный, институциональный, социокультурный, пространственно-временной подходы. В качестве междисциплинарных нами рассматриваются теория человеческого капитала, общностный, деятельностный, аксиологический, ресурсный подходы, в качестве дисциплинарных — социологический, педагогический, психологический и социально-психологический, экономический подходы.

Мы не ставим перед собой цель рассмотрения совокупности всех вышеназванных подходов, сознательно ограничивая свою задачу в этой статье определением возможностей соединения дисциплинарных подходов в междисциплинарном поле исследования трансфера человеческого капитала образовательной неуспешности учащихся и студентов и путей ее преодоления.

Покажем потенциал методологического синтеза в рамках трех сегментов междисциплинарного исследования — институционального, общностного, индивидуально-личностного. В институциональном сегменте наиболее продуктивным является сочетание социологического и экономического подходов. Оно не только показывает глубокую связь образования и социальных и экономических институтов, задействованных в «производстве» человеческого капитала образовательных общностей, но и позволяет установить зоны глубоких институциональных разрывов (между уровнями образования и требованиями общества к ним, образованием и рынком труда), дисбаланс в «портфеле» социальных и экономических

инвестиций в человеческий капитал (не)успешных образовательных общностей. Междисциплинарное единство социологического и экономического подходов обнаруживается в выявлении институциональных «ловушек», которые создают условия для усиления образовательной неуспешности. Оно позволяет спрогнозировать ожидаемые и латентные «выходы» институциональных деструкций на различных уровнях системы образования.

Наряду с зонами сопряжения методологических подходов у каждого из них остаются возможности и для их использования в дисциплинарном анализе. Так, в рамках социологического подхода человеческий капитал образовательных общностей рассматривается через включение его в структуру общественных связей и отношений, благодаря развитию которых названные институциональные разрывы могут нивелироваться. Он позволяет характеризовать образование как один из важнейших институциональных ресурсов, необходимых для преодоления разрывов в качестве человеческого капитала различных групп учащейся молодежи.

Экономический подход, будучи тесно сопряженным с социологическим, направлен на оценку издержек, связанных с преодолением этих разрывов, затрат на человеческий капитал в условиях экономической и социальной неопределенности, выявление экономических характеристик прохождения учащимися различных аттестационных «фильтров» на успешность. Экономический подход становится актуальным в условиях изменения спроса и предложения на рынке абитуриентов, поскольку этот фактор влияет на качество приобретаемого человеческого капитала. Он показывает, как образовательная неуспешность и сопровождающие ее имитационные стратегии поведения образовательных общностей и деятельности образовательных организаций приводят к экономическим убыткам.

Большую роль в интеграции социологического и экономического подходов играет теория человеческого капитала. Ее значение для анализа поставленной проблемы не ограничивается обращением к ключевому понятию «человеческий капитал образовательных общностей». Данная теория не просто обеспечивает анализ системой других важных категорий и понятий (инвестиции в человеческий капитал, издержки на человеческий капитал, капитализация образования, модели и технологии формирования человеческого капитала, трансфер человеческого капитала, истощение человеческого капитала). Она дает возможность использовать уже устоявшиеся и проверенные принципы переноса методов исследования, оценки человеческого капитала образовательных общностей из экономики в социологию, социальную психологию, педагогику, и наоборот, переносить результаты указанных наук в сферу экономики человеческого капитала и экономики образования.

В границах общностного сегмента анализа проблемы продуктивным, на наш взгляд, является сочетание социологического и социально-психологического подходов. Благодаря такой методологической интеграции

может быть осуществлен перевод исследования человеческого капитала неуспешных образовательных общностей с индивидуально-личностного и институционального на общностный (групповой) уровень. Принципы обозначенных подходов позволяют интерпретировать образовательную неуспешность как социальный и социально-психологический конструкт, который складывается под влиянием ближайшего окружения — преподавателей, родителей, сверстников. Кроме того, подобная методологическая рамка дает возможность раскрыть подвижную сущность исследуемого феномена, помещая его в систему нормативно-ценностных координат. В таком ракурсе определяется взаимосвязанность важнейших социальных и социально-психологических детерминант процесса формирования и оценивания человеческого капитала образовательных общностей — групповых норм, ценностей, решений, группового сравнения и давления.

Социально-психологический и социологический подходы сближает исследование образовательной неуспешности как состояния переживания социальных эмоций (обиды, радости, удовлетворенности, уверенности и др.). На этой основе становится возможным проектирование социальных технологий преодоления неуспешности через изменение социальных эмоций и формирование образовательных интересов и образовательной мотивации. В основе такого проектирования лежит сближающая оба подхода важная идея связи индивидуальных и социальных изменений. Ее смысл состоит в том, что изменения в самом индивиде ведут за собой изменения социальной среды и, наоборот, трансформация социальной среды трансформирует самого индивида. Проблема повышения качества человеческого капитала учащихся и студентов с таких теоретико-методологических позиций решается путем изменения системы мотивации индивидов, составляющих неуспешные образовательные общности, а также преобразования социокультурного контекста функционирования взаимодействующих с ними социальных общностей.

В индивидуальном сегменте исследования проблемы наиболее востребованными, наряду с социологическим, оказываются психологический и педагогический подходы. Психологический подход направлен на исследование психологических компонентов в структуре человеческого капитала образовательных общностей, выявление психологических предпосылок возникновения образовательной неуспешности и ее преодоления, поиск психологических ресурсов повышения качества человеческого капитала образовательных общностей. Характеризуемый подход обладает необходимым методологическим и методическим арсеналом для изучения феноменов, которые могут быть важными предикторами перехода образовательных общностей от неуспешности к успешности. Социологический и психологический подходы объединяют возможности изучения внутриличностных механизмов формирования (не)успешности образовательных общностей, а также поиска уникальных вариаций образовательной неуспешности в типичных образовательных процессах.

Закономерно необходим в междисциплинарном исследовании неуспешных образовательных общностей и педагогический подход, который позволяет рассматривать проблему формирования и обогащения их человеческого капитала с точки зрения содержания, форм, технологий обучения и воспитания. В сочетании с социологическим и психологическим подходами педагогический формирует более полное знание о влиянии образовательной среды и различных педагогических условий, профессиональной готовности и педагогической культуры преподавательского сообщества на процесс его взаимодействия с различными образовательными общностями, в том числе неуспешными.

Важность и необходимость сочетания всех указанных выше подходов проявляется в исследовании такой проблемы, как эффективность управления образовательной деятельностью, при которой достигается высокий уровень успешности учащихся с минимальными затратами (материальными, финансовыми, кадровыми, психологическими). Помимо этого, синтез названных дисциплинарных подходов дает высокий эффект в исследовании различных групп факторов преодоления образовательной неуспешности и продвижения человеческого капитала образовательных общностей по ступеням и уровням образования, при вхождении в профессиональную и трудовую сферу.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19–29–07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

Список источников

1. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие. Тезисы доклада / под ред. Я. И. Кузьминова, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 63 с.

2. *Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С.* Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 71–92.

3. *Ковалева Г. С.* Возможные направления совершенствования общего образования для обеспечения инновационного развития страны (по результатам международных исследований качества общего образования. Доклад, представленный на заседании Президиума РАО 27 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.centeroko.ru/public.html(датаобращения: 30.01.2020).

4. *Abbott B., Gallipoli G., Meghir C., Violante G.* Education policy and intergenerational transfers in equilibrium. Technical report, Cowles Foundation Discussion paper, 2016 [Electronic resource]. URL: https://www.nber.org/papers/w18782.pdf (дата обращения 29.12.2019).

5. *Bernasconi M., Profeta P.* Public education and redistribution when talents are mismatched // European Economic Review. 2012. Vol. 56. No. 1. P. 84–96.

6. *Cremer H., Pestieau P.* Intergenerational Transfer of Human Capital and Optimal Education Policy // Journal of Public Economic Theory. 2006. Vol. 8. No. 4. P. 529–545.

7. *Del Boca D., Flinn C., Wiswall M.* Household choices and child development // The Review of Economic Studies. 2014. Vol. 81. No. 1. P. 137–185.

8. *French E., Hood A., O'Dea C.* Transfers, Bequests, and Human Capital Investment in Children over the Lifecycle // 19th Annual Joint Meeting of the Retirement Research Consortium

(August 3–4, 2017). Washington, DC [Electronic resource]. URL: https://crr.bc.edu/wp-content/uploads/2017/08/4c.-Full-paper_French.pdf (дата обращения 29.12.2019).

9. *Jovanovic B., Nyarko Y.* The Transfer of Human Capital // Journal of Economic Dynamics and Control. 1995. Vol. 19. P. 1033–1064.

10. *Stevens R.* Managing Human Capital: How to Use Knowledge Management to Transfer Knowledge in Today's Multi-Generational Workforce // International Business Research. 2010. Vol. 3. No. 3. P. 77–83.

Информация об авторе

Зборовский Гарольд Ефимович (Россия, г. Екатеринбург) — доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: garoldzborovsky@gmail.com.

G. E. Zborovsky

Transfer of Human Capital of Unsuccessful Students: from School to University

The purpose of this article is to analyze the transfer of human capital of unsuccessful students on the way from school to college and university. The article shows the significance of the theory of human capital in understanding complex and contradictory problems of education. The role of investments from the state, business, and parents in solving problems of overcoming educational failure is emphasized. The article describes the main concepts used in the article — educational failure, human capital, and human capital transfer. We consider four stages of educational failure in connection with the transfer of human capital from one to another on the way of students' transition from school to college, from it to university and the labor market. In the final part of the article, methodological approaches are analyzed, which make it possible to fruitfully study the problem of the transfer of human capital to the unsuccessful part of students on the way from school to university.

Keywords: human capital, transfer of human capital, unsuccessful students, school, college, university, methodological approaches

Author

Zborovsky Garold (Russia, Yekaterinburg) — Doctor of Philosophy, Professor, Research Professor, Department of sociology and и technologies of government administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002), e-mail: garoldzborovsky@gmail.com.

References

1. How to increase human capital and its contribution to economic and social development. Abstracts of the report / edited by Ya. I. Kuzminov, L. N. Ovcharova, L. I. Yakobson. Moscow: Ed. The house of the HSE, 2018. 63 p.

2. Klyachko T. L., Semionova E. A., Tokareva G. S. Success and Failure of School Students: Parental Expectations and Teachers' Perceptions. Voprosy obrazovaniya // Educational Studies Moscow. 2019. No. 4. P. 71–92.

3. Kovaleva G. S. Possible directions for improving General education to ensure innovative development of the country (based on the results of international research on the quality of General education. Report presented at the meeting of the RAO Presidium on June 27, 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.centeroko.ru/public.html (Accessed 30.01.2020).

4. Abbott B., Gallipoli G., Meghir C., Violante G. Education policy and intergenerational transfers in equilibrium. Technical report, Cowles Foundation Discussion paper, 2016 [Electronic resource]. URL: https://www.nber.org/papers/w18782.pdf (дата обращения 29.12.2019).

5. Bernasconi M., Profeta P. Public education and redistribution when talents are mismatched // European Economic Review. 2012. Vol. 56. No. 1. P. 84–96.

6. Cremer H., Pestieau P. Intergenerational Transfer of Human Capital and Optimal Education Policy // Journal of Public Economic Theory. 2006. Vol. 8. No. 4. P. 529–545.

7. Del Boca D., Flinn C., Wiswall M. Household choices and child development // The Review of Economic Studies. 2014. Vol. 81. No. 1. P. 137–185.

8. French E., Hood A., O'Dea C. Transfers, Bequests, and Human Capital Investment in Children over the Lifecycle // 19th Annual Joint Meeting of the Retirement Research Consortium (August 3–4, 2017). Washington, DC [Electronic resource].URL: https://crr.bc.edu/wp-content/uploads/2017/08/4c.-Full-paper_French.pdf (дата обращения 29.12.2019).

9. Jovanovic B., Nyarko Y. The Transfer of Human Capital // Journal of Economic Dynamics and Control. 1995. Vol. 19. P. 1033–1064.

10. Stevens R. Managing Human Capital: How to Use Knowledge Management to Transfer Knowledge in Today's Multi-Generational Workforce // International Business Research. 2010. Vol. 3. No. 3. P. 77–83.

УДК 314.015

А. В. Калинина

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ[1]

На основании ретроспективного анализа показано изменение демографической повестки в Российской Федерации с конца 1990-х годов по настоящее время. Дано концептуальное обоснование демографической политики. Высказано предположение о влиянии ситуации транзита власти на освещение демографических инициатив в публичном пространстве РФ. Дана характеристика ключевых нормативных документов в сфере российской демографической политики. Выявлена роль гражданского общества в формировании современной демографической информационной повестки и реализации мероприятий Национального проекта «Демография».

Ключевые слова: демографическая политика РФ, транзит власти, семейная политика, гражданское общество

Текущий политический цикл в своем ядре содержит проблему поиска оптимальных альтернатив политического устройства страны. В 2024 году истекает очередной срок полномочий действующего Президента РФ, предельно допустимый действующей Конституцией РФ. Инициирована и запущена процедура внесения поправок в Конституцию, которые неизбежно должны трансформировать социально-политическую систему страны. В этой связи на повестке дня стоит заключение нового «общественного договора», субъектом которого с одной стороны выступает государство, в лице его властных институтов, а с другой — гражданское общество. Гражданское общество заинтересовано в конструктивном сотрудничестве с государственными структурами для решения социально значимых задач, в том числе в демографической сфере. Любые формы взаимодействия подразумевают понимание целей и инструментов их достижения.

В Российской Федерации, как и в ряде других государств, демографическая политика является одним из приоритетных направлений государственной политики. Ее цели зависят как от понимания ее субъектами векторов развития страны, так и возможных политических дивидендов от принятия/отвержения населением «демографических» инициатив. Период транзита власти нуждается в крепком фундаменте легитимности, законности и поддержке власти населением.

Концептуально демографическая повестка базируется на стремлении государства решить социально-экономические задачи воспроизводства населения (трудовых ресурсов) и потребности общества в улучшении качества жизни.

М.А. Клупт убедительно высказался о современных парадигмах участия государства в демографической истории. Его точка зрения по отношению к России лежит в плоскости учета региональных ментальных

[1] © Калинина А. В. Текст. 2020.

и исторических особенностей, которые нельзя загнать в рамки концепций «первого» или «второго» демографического перехода. Особенности российского варианта участия государства в демографической сфере, по мнению М.А. Клупта, характеризуются следующим:

1. Подавляющее большинство россиян (более 80 %), судя по опросам фонда «Общественное мнение», считает, что государство должно осуществлять меры, направленные на повышение рождаемости, однако эти меры не должны включать запрет абортов.

2. Ответственность за неблагоприятную демографическую ситуацию в стране большинство населения также возлагает на государство.

3. Большинство политиков, учитывая настроения электората, выступает (по крайней мере, публично) за меры, направленные на повышение рождаемости.

4. Основным ограничителем демографической политики выступают бюджетные ресурсы, объем которых существенно зависит от величины экспортных поступлений. Ввиду этого активная демографическая политика как в СССР, так и в современной России до настоящего времени разрабатывалась и осуществлялась в периоды высоких мировых цен на нефть и затухала по мере их снижения.

5. Федеральный бюджет и Пенсионный фонд РФ играют в финансировании демографической политики большую роль, чем бюджеты нижестоящих уровней. Российская демографическая политика в этом отношении также имеет много общего с советской.

6. Федеральные органы власти поощряют мероприятия региональных властей, направленные на повышение рождаемости и финансируемые из региональных бюджетов. Демографическая ситуация в регионах рассматривается федеральными властями как один из показателей эффективности деятельности региональных властей.

7. Число российских НКО, активных в вопросах демографической и семейной политики, весьма значительно, однако эти организации малы и, в лучшем случае, обладают правом совещательного голоса [2, с. 45–46].

Схематично обозначим эволюцию демографической повестки в РФ с конца 1990-х по настоящее время, сделав акцент на периоды ее трансформации.

В период транзита власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину произошла кристаллизация понимания глубины демографических проблем и необходимости формирования демографической политики. На начальном этапе генезиса демографической политики в конце 1990-х — начале 2000-х годов осмыслены сложные процессы резкого снижения рождаемости, увеличения коэффициента смертности. Они были оформлены в нормативных документах как процесс «депопуляции». Естественная убыль населения не покрывалась миграционным приростом, как это было в начале 1990-х. К 2001 году Минтрудом, Минздравом и Минфедерации России была разработана «Концепция демографического развития Российской Федерации

на период до 2015 года», которая оформила необходимость «объединения усилий государства и общества, направленных на выработку единых подходов к сохранению и укреплению демографического потенциала Российской Федерации» [5].

Примечательно, что демографические проблемы в этот период рассматривались в рамках угроз национальной безопасности и тесной взаимосвязи с последствиями глубокого социального, экономического и духовного кризиса. В «Концепции национальной безопасности» 2000 года говорилось о деформации демографического и социального состава общества, подрыве трудовых ресурсов как основы развития производства, ослаблении фундаментальной ячейки общества — семьи, а также снижении духовного, нравственного и творческого потенциала населения [4].

Эволюционным документом, продолжающим по смыслу «Концепцию демографического развития РФ», стала «Концепция демографической политики до 2025 года», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. В тексте документа обозначены задачи стабилизации численности населения страны — к 2015 году на уровне 142–143 млн человек, и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году — до 75 лет [3]. Кроме повышения рождаемости, снижения смертности, сохранения здоровья и повышения качества жизни населения в Концепции содержится ориентир на привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции. В документе зафиксированы и рубежные точки — этапы в реализации демографической политики РФ.

На второй президентский срок В.В. Путина и пребывание его на должности премьер- министра в период президентства Д.А. Медведева приходятся разработка и реализация Федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей», пролонгированного в текущем периоде на 2019–2024 гг. Этот проект включал программы экономического стимулирования рождаемости и был подкреплен Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ. Данный действующий закон, больше известный как ФЗ о материнском (семейном) капитале, в полномасштабном объеме стал реализовываться с 2007 года.

По мнению некоторых экспертов, реализация программ за весь период своего существования оказала незначительное воздействие на уровень рождаемости, однако реальное воздействие и эффективность не имеют однозначной оценки [9, с. 24].

Как представляется, в период президентства Д.А. Медведева на демографическую повестку повлияли его либеральные воззрения и тяготение к поиску консенсуса с гражданским обществом. Проведенные в июне 2010 года Парламентские слушания «Демографическое развитие России

и роль в этом процессе гражданского общества» наглядно свидетельствуют об этом [7]. Уже тогда было понятно, что необходимо предпринимать меры в связи с ускорением темпов роста «постарелого населения», однако пенсионная реформа по увеличению пенсионного возраста как вариант решения данной проблемы властями не рассматривалась.

Особое место в определении дальнейших ориентиров в социальной и демографической политике занимает пакет программных установок В.В. Путина, названных «майскими указами» 2012 года. На данном этапе демографическая политика смыкается по содержанию с семейной политикой. В 2014 года была принята «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», в которой мы наблюдаем единство концептуальных подходов и приоритетов в реализации социальной и демографической политики в первую очередь через укрепление института семьи. Следует отметить, что миграционная политика с принятием в 2012 году «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» стала отдельным направлением, не увязанным напрямую с социальной политикой государства.

Решение о повышении пенсионного возраста принято вскоре после президентских выборов 2018 года и «майских указов» 2018 года. Пенсионная реформа, проведенная сразу после президентских выборов 2018 года, поставила под сомнение доверие к высшим органам власти. Как известно, в предвыборной программе пенсионная реформа не была озвучена.

Недоверие населения распространяется и на отношение к возможности выполнения Послания Президента Федеральному Собранию 2018 года. По данным Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН), от 30 до 46 % россиян посчитали, что самые важные задачи президентского послания 2018 г. (увеличение средней продолжительности жизни россиян до 80 лет, рост реальных доходов работающего населения и увеличение размеров пенсий, повышение доступности и качества медицинской помощи и образовательных услуг и т. д.) не будут реализованы [1, с.17].

Новым этапом формирования актуальной демографической повестки стала разработка Национального проекта «Демография». Ключевыми целями нацпроекта являются увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, увеличение суммарного коэффициента рождаемости, увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, и граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. В проекте большое внимание было уделено старшему поколению и поддержке занятости женщин-матерей, тогда как миграция была выведена за скобки демографических ориентиров данного документа.

В конце 2018 года Минтрудом России был разработан паспорт нацпроекта «Демография». Данный документ был подготовлен во исполнение

Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». А. А. Ткаченко убедительно показал, что Национальный проект «Демография» (2018) несет в себе «груз» прежних ориентиров и требований [9, с. 24] и таит в себе сложности реализации.

В 2019 г. сотрудниками Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН) был проведен анализ паспортов и экспертных мнений относительно национальных проектов «Демография», «Здравоохранение» и др. Как следует из заключения, национальные проекты до начала их реализации не проходили широкого, масштабного обсуждения ни в экспертном сообществе, ни в рамках общественных дискуссий, хотя это позволило бы устранить многие недоработки, которые возникают сегодня в ходе реализации нацпроектов [1, с.11]. Открытые данные Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук свидетельствуют о том, что заседания Экспертной группы по национальному проекту «Демография» все же проводились.

Национальный проект «Демография» включает в себя пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин –создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения», «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» и «Создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва» [6].

Среди прочих обеспечительных мер нацпроекта предусмотрены активная информационная поддержка СМИ со стороны федеральных и региональных органов власти, нацеленная на пропаганду здорового образа жизни, сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства. К концу 2024 года 70 % населения РФ должны будут охвачены мероприятиями информационно-коммуникационной кампании.

В 15-м ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию в феврале 2019 г. озвучено, что ключевыми задачами на текущий момент являются сбережение народа и поддержка семей. В. В. Путин заявил: «Мы делали и будем делать все для укрепления семейных ценностей. Россия вошла в сложный демографический период. Рождаемость снижается». РБК подсчитали время, уделенное президентом различным темам Послания. В процентном соотношении в 2018 году теме «семьи и здоровья» отведено 7 % эфирного времени, в 2019 году «пособиям и жилью для семей» президент посвятил уже 13 % всего выступления [8].

В обращении к Федеральному Собранию 2019 года предложены точечные меры по поддержке семей с детьми: расширение социальной базы ежемесячных выплат для семей на первого и второго ребенка; повышение пособия для семей с детьми-инвалидами до 10000 рублей; выведение из налогообложения части земельного участка, принадлежащего многодетным семьям; введение льготы по налогу на недвижимость для семей с детьми; погашение части ипотечных кредитов на фиксированную сумму и др. Все озвученные меры соотносятся с паспортом национального проекта «Демография».

В шестнадцатом ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию 2020 года характеристике демографической ситуации в стране уделено значительное место. Заявленная цель в области демографии — обеспечить устойчивый рост населения — обозначена на перспективу к середине наступающего десятилетия. Президентом поставлена задача увеличения суммарного коэффициента рождаемости к 2024 году с текущего положения в 1,5 до 1,7 (количество рождений на одну женщину условного поколения). Следует отметить, что исходные целевые показатели в паспорте Национального проекта «Демография» несколько отличаются (текущий коэффициент рождаемости определен там в 1,62). Предусмотрен комплекс мер экономической поддержки рождаемости, в том числе продление программы «материнского капитала» до 2026 года, увеличение его размера и выплата уже при рождении первого ребенка. Особое внимание уделено поддержке малоимущих семей, в том числе предусмотрены ежемесячные выплаты для детей в возрасте от трех до семи лет. Эти меры должны быть введены «задним числом» — с 1 января 2020 года. Возможно, это сделано для увеличения одобрения социальной политики государства, в преддверии анонсируемой в Послании конституционной реформы.

На основе анализа материалов, размещенных на официальном портале www.kremlin.ru, можно сделать вывод, что демографическая повестка является одной из ключевых в сфере разработки и реализации социальной политики государства на протяжении последних лет. Так, 26 февраля 2019 года на заседании рабочей группы Госсовета по направлению «Социальная политика» были выделены рабочие подгруппы под руководством глав субъектов Российской Федерации по разделам демографической политики. Выделение направлений «Стимулирование рождаемости», «Миграция как демографический ресурс», «Снижение уровня бедности», «Система долговременного ухода как механизм, влияющий на демографическую ситуацию», «Влияние необходимости ведения здорового образа жизни на демографические показатели» было осуществлено в рамках общей концепции и соответствовало актуальным задачам реализации национального проекта «Демография». В заседаниях рабочей группы принимали участие министр труда и социальной защиты Максим Топилин, главы субъектов Российской Федерации и их заместители, курирующие вопросы социальной политики, представители заинтересованных федеральных

органов исполнительной власти, научных и экспертных организаций. Впоследствии был подготовлен доклад, дополненный профильными ведомствами вопросами стимулирования рождаемости, репродуктивного здоровья и создания условий для занятости женщин. Данные предложения вошли в проект перечня поручений Президента РФ. Данный факт может свидетельствовать о комплексном подходе к решению демографических проблем с участием экспертного сообщества.

На данный момент времени существенное влияние на демографическую повестку в РФ оказывает экономическая и политическая турбулентность. Можно предположить, что в ближайшее время будет происходить пересмотр целевых показателей национальной программы «Демография». Ситуация существенным образом изменилась после распространения на территории страны COVID-19 и мирового экономического кризиса. Сейчас приняты беспрецедентные меры по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, приоритетами стали снижение смертности от последствий данного заболевания и защита наиболее уязвимой части населения — пожилых людей в возрасте от 65 лет и людей с хроническими заболеваниями. В сфере миграционной политики ограничено перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства, кроме определенных категорий граждан. Для уже находящихся в РФ введены послабления в продлении виз и возможности осуществлять трудовую деятельность без продления необходимых документов. Остальные направления демографической повестки сейчас находятся на периферии внимания. 25 марта 2020 года состоялось заседание рабочей группы Госсовета по вопросу «О мерах поддержки семей с детьми». Одной из тем обсуждения стало обеспечение «для каждой семьи чувства уверенности и защищенности в любой жизненной ситуации и создание условий для реализации ее репродуктивного потенциала». В обращении органов власти к гражданам превалируют вопросы организационного характера (обеспечения самоизоляции) и социальной поддержки граждан из наиболее пострадавших сфер экономики.

Успешный транзит общества и власти в новый политический цикл 2024 года зависит от многих факторов: успешности антикризисных мер по противодействию распространению COVID-19, выравнивания экономической ситуации на нефтяном рынке, обеспечения ротации элит для эффективного государственного менеджмента в сфере реализации национального проекта «Демография», наличия активного включения институтов гражданского общества в процесс инициации и контроля востребованных в обществе мероприятий семейной политики и здорового образа жизни всех возрастов.

Таким образом, можно констатировать, что демографическая повестка меняется вслед за социально-экономической и политической ситуацией нелинейно. Декларируемые цели демографической политики являются не только желаемыми ориентирами для развития страны, но и инструментом политической риторики. Гражданское общество в ситуации

турбулентности и неопределенности сегодняшней ситуации может стать актором формирования демографической повестки «снизу».

Список источников

1. *Ильин В. А., Морев М. В.* Национально ориентированная ротация элит важнейшее условие реализации национальных проектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 9–25. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.1.

2. *Клупт М. А.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Т. 1. № 1. С. 34–56. eISSN: 2409–2274.

3. Концепция демографической политики до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299 (дата обращения 06.05.2020).

4. Концепция национальной безопасности: Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-10012000-n-24/ (дата обращения 23.04.2020).

5. О Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 года № 1270-р [Электронный ресурс]. URL: http://docs2.kodeks.ru/document/901797442 (дата обращения 24.04.2020).

6. Опубликован паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]. URL http://government.ru/info/35559 (дата обращения 17.03.2020).

7. Парламентские слушания «Демографическое развитие России и роль в этом процессе гражданского общества». Информационный блок и стенограмма заседания [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29692 (дата обращения 06.05.2020).

8. Послание Путина Федеральному Собранию. Главное. Аналитический обзор [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/20/02/2019/5c6d1add9a7947c08b7e1a93 (дата обращения 03.05.2020).

9. *Ткаченко А. А.* Государственная политика и национальный проект «Демография» // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 24–34. DOI: 10.26653/1561–7785–2018–21–4-03.

Информация об авторе

Калинина Анна Викторовна (Россия, г. Тюмень) — кандидат исторических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», 625000; г. Тюмень, ул. Володарского 38; e-mail: kutaevaa@inbox.ru.

A. V. Kalinina

Demographic Agenda in the Conditions of Transit of Power

Based on a retrospective analysis, the changes in the demographic agenda in the Russian Federation from the late 1990s to the present are shown. A conceptual justification of demographic policy is given. An assumption is made about the influence of the situation of government transit on the coverage of demographic initiatives in the public space. The article describes the key normative documents in the sphere of Russian demographic policy. The role of civil society in the formation of a modern demographic information agenda and the implementation of activities of the national project «Demography» is revealed.

Keywords: demographic /population policy of the Russian Federation, transit of power, family policy, civil society

Author

Kalinina Anna Viktorovna (Russia, Tyumen) — Ph.D. Candidate (Historical Sciences), Associate Professor of Marketing and Municipal Management(Tyumen Industrial University,625000; Tyumen, ul. Volodarskogo 38); e-mail: kutaevaa@inbox.ru.

References

1. Ilyin V. A., Morev M. V. Nationally oriented rotation of the elites the most important condition for the implementation of national projects // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol.12. No. 4. P. 9–25. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.1

2. Klupt Mikhail A.Paradigms and oppositions of modern demography.Demographic Review. Publisher / National Research University Higher School of Economics. Moscow. 2014, Vol. 1. No. 1. P. 34–56. eISSN: 2409–2274

3. The concept of population policy until 2025. Decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007, No. 1351 [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299.

4. The concept of national security. Decree of the President of the Russian Federation of 10.01.2000 N 24 [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-10012000-n-24.

5. About the Concept of demographic development of the Russian Federation for the period up to 2015. Order of the Government of the Russian Federation of September 24, 2001. No. 1270-r [Electronic resource]. URL: http://docs2.kodeks.ru/document/901797442.

6. Published passport of the national project «Demography»[Electronic resource]. URL: http://government.ru/info/35559.

7. Parliamentary hearings «The demographic development of Russia and the role of civil society in this process.» [Electronic resource]. URL: http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29692.

8. Message from Putin to the Federal Assembly. The main thing [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/politics/20/02/2019/5c6d1add9a7947c08b7e1a93.

9. Tkachenko A.A. State policy and the national project «Demography»//Population. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 24–34. DOI: 10.26653 / 1561–7785–2018–21–4-03.

УДК 316.4.062

О. С. Калмыкова, Д. А. Калугина

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ДУАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕСС ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

В статье рассматриваются вопросы развития системы среднего профессионального образования Свердловской области по направлениям национального проекта «Образование», реализация которых заложена в восьми региональных проектах. В качестве особенностей реализации ключевого регионального проекта «Молодые профессионалы» отмечено осуществление дуального обучения и взаимодействие ССУЗов, предприятий и органов власти в рамках частно-государственного партнерства. Авторами определена ведущая роль Министерства образования и молодежной политики и крупнейших предприятий Свердловской области в реализации перспективных форм воспроизводства кадров со средним профессиональным образованием и квалифицированных рабочих.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, дуальное обучение, специалисты среднего звена, квалифицированные рабочие кадры, ворлдскиллс, частно-государственное партнерство.

Когда разговор заходит о проблемах образования, мы, как правило, представляем себе школу или вуз. Среднее профессиональное образование незаслуженно остается в аутсайдерах. Но это только на первый взгляд. Если обратиться к данным статистики (см. табл.), то мы увидим последовательный рост числа обучающихся и образовательных программ подготовки специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих. Эти данные свидетельствуют о популярности среднего профессионального образования у молодежи.

Институт среднего профессионального образования в России, как мы отмечали в наших исследованиях [2, с. 36], изначально формировался в тесном взаимодействии с предприятиями, отраслевыми министерствами и ведомствами, что обеспечивало взаимосвязь техникумов и колледжей с базовыми предприятиями. Отраслевые предприятия организовывали на своей базе практику студентов, помогали совершенствовать аудиторный фонд, оснащать лаборатории и полигоны, трудоустраивали выпускников. С 1996 по 31 марта 2011 г. управление и контроль за деятельностью ССУЗов осуществляло Управление среднего профессионального образования Министерства образования РФ (впоследствии Министерство образования и науки РФ). В конце 2011 — начале 2012 г. произведена почти полная передача федеральных и части отраслевых ССУЗов на региональный уровень. Связь с отраслевыми министерствами и предприятиями была

[1] © Калмыкова О. С., Калугина Д. А. Текст. 2020.

Таблица

Число образовательных программ и численность обучающихся среднего профессионального образования в РФ*

Показатель		2017 г.	2018 г.	2019 г.
Число реализуемых образовательных программ (ОП), всего, единиц	подготовки специалистов среднего звена	25 073	27 391	28 212
	подготовки квалифицированных рабочих, служащих	11 927	11 099	10 173
из них прошли профессионально-общественную аккредитацию работодателями и их объединениями	подготовки специалистов среднего звена	4526	4191	4666
	подготовки квалифицированных рабочих, служащих	2325	1717	1783
Численность обучающихся, всего, человек	подготовки специалистов среднего звена	2 388 093	2 464 491	2 576 417
	подготовки квалифицированных рабочих, служащих	557 006	542 074	543 445

* Составлено авторами по сводным отчётам по форме Федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования». / Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu (дата обращения: 04.05.2020).

нарушена. В настоящее время возникает острая необходимость в ее восстановлении.

Закон определяет среднее профессиональное образование как один из уровней профессионального образования, который направлен на «решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет целью подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования»[1]. Таким образом, исходя из данного определения, потребителями услуг системы среднего профессионального образования становятся следующие субъекты: индивид как получатель услуги, направленной на его развитие, углубление и расширение образования; общество, прежде всего в лице работодателей, которое получает кадры с необходимым набором навыков и компетенций; и государство, заинтересованное в обеспечении кадрами приоритетных отраслей экономики.

[1] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 1 мая 2019 г.) В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В систему среднего профессионального образования Свердловской области входят 174 образовательные организации, реализующие образовательные программы среднего профессионального образования (в том числе филиалы), в которых обучается более 100 тыс. студентов[1]. Из них 71 % — профессиональные образовательные организации, 19 % — филиалы профессиональных образовательных организаций, 5 % — образовательные организации высшего образования, 5 % — филиалы образовательных организаций высшего образования.

Государственные профессиональные образовательные организации подведомственны следующим органам исполнительной власти региона: 95 — Министерству образования и молодежной политики Свердловской области, 9 — Министерству культуры Свердловской области (например, ГБПОУ СО «Уральский музыкальный колледж»), 1 — Министерству здравоохранения Свердловской области (ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж»), 1 — Министерству физической культуры и спорта Свердловской области (ГАПОУ СО «Училище олимпийского резерва № 1 (колледж)») и 1 — Министерству социальной политики Свердловской области (ГБОУ ПО СО «Камышловское училище-интернат для инвалидов»).

По направлениям национального проекта «Образование» Министерством образования и молодежной политики Свердловской области осуществляется реализация 8 региональных проектов, к которым в том числе относятся:

— Региональный проект «Социальная активность», направленный на вовлечение молодежи, в том числе студентов профессиональных образовательных организаций, в добровольческую, творческую деятельность, а также в клубное студенческое движение, на поддержку общественных инициатив и проектов. Реализация проекта была передана в ведение Министерства в связи с присоединением Департамента молодежной политики Свердловской области.

— Региональный проект «Цифровая образовательная среда». Цель данного проекта состоит в создании условий для внедрения к 2024 году современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей формирование ценности саморазвития и самообразования у обучающихся путем обновления информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, подготовки кадров, а также в обеспечении широкополосного доступа в Интернет и во внедрении целевой модели образовательной среды.

— Региональный проект «Молодые профессионалы» — ключевой региональный проект для развития сферы среднего профессионального образования. «Региональный проект обеспечивает преемственность мероприятий проекта «Подготовка высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров с учетом современных стандартов и передовых

[1] Характеристика системы СПО в Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=spo (дата обращения: 24.04.2020).

технологий» («Рабочие кадры для передовых технологий»), реализуемых в Свердловской области с 2017 года, в части обеспечения подготовки кадров по наиболее востребованным на рынке труда, новым и перспективным профессиям и специальностям, внедрения международных стандартов Ворлдскиллс в массовую подготовку в системе среднего профессионального образования» [6].

В рамках регионального проекта «Молодые профессионалы» предполагается реализация следующих мероприятий:

1) создание Центра опережающей профессиональной подготовки на площадке Государственного автономного профессионального образовательного учреждения Свердловской области «Уральский колледж строительства, архитектуры и предпринимательства»;

2) создание сети из 50 мастерских, оснащенных современной материально-технической базой, на базе других государственных профессиональных образовательных организаций Свердловской области»;

3) внедрение итоговой аттестации в форме демонстрационного экзамена в профессиональных образовательных организациях (ожидаемое значение доли организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования, итоговая аттестация в которых проводится в форме демонстрационного экзамена, 50 % в 2024 году).

Одним из главных достоинств региона стал имеющийся опыт во внедрении элементов дуального обучения. В 2014 году Свердловская область стала одним из пилотных субъектов Российской Федерации, внедряющих элементы дуальной системы образования в рамках проекта, инициированного Агентством стратегических инициатив «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования» [6]. Опыт региона был обобщен в методических рекомендациях Института развития образования [1, с. 12].

Как отмечал А.Н. Шавалиев, директор Департамента профессионального образования Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, специфической особенностью дуального обучения в Свердловской области стало ее распространение в большей степени в «системе подготовки кадров для крупных предприятий металлургического, машиностроительного и оборонного профилей» [7, с. 21]. Примером внедрения является программа «Будущее Белой металлургии», реализуемая в рамках соглашения, заключенного между Группой «Челябинский трубопрокатный завод», Правительством Свердловской области и Первоуральским металлургическим колледжем. «В 2015 году программа группы ЧТПЗ «Будущее Белой металлургии» была признана Минобрнауки и АСИ лучшей практикой подготовки рабочих кадров по дуальной (практико-ориентированной) модели» [5]. «Обучение студентов проводится по дуальной системе, где 40 % учебного процесса занимает

теория, а 60 % отводится практике» [4]. Образовательный центр, созданный на базе Первоуральского новотрубного завода, не только осуществляет подготовку студентов технических специальностей колледжа, но и является площадкой проведения чемпионатов по стандартам Ворлдскиллс. Роль Министерства образования и молодежной политики Свердловской области в рамках реализации данной программы заключается в лицензировании образовательной деятельности колледжа и учебного центра завода, в осуществлении государственной аккредитации образовательной деятельности колледжа, а также в осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере образования. Приказом министерства на базе колледжа и образовательного центра был развернут Специализированный центр компетенций, в котором осуществляются подготовка и соревнования областных и российских команд по методике Ворлдскиллс. Программа «Будущее Белой металлургии» вошла в сборник лучших практик развития квалификаций [3].

Таким образом, специфической особенностью реализации модели дуального обучения в Свердловской области, как подчеркнул А. Н. Шавалиев, является осуществление взаимодействия в рамках государственно-частного партнерства по формуле «1 + 1 + 1», где третьим субъектом, помимо образовательной организации и работодателя, выступают органы исполнительной власти региона [7, с. 21]. В этой модели отражается значительная роль Правительства Свердловской области и Министерства образования и молодежной политики как возможных инициаторов заключения соглашений и реализации проектов совместно с предприятиями и профессиональными образовательными организациями в целях усовершенствования системы подготовки кадров и внедрения элементов дуальной системы обучения.

Министерство и профессиональные образовательные организации Свердловской области обладают достаточно богатым опытом в осуществлении социального партнерства в сфере среднего профессионального образования. К перспективным формам взаимодействия можно отнести представление предприятиями оборудования, участие работодателей в олимпиадном движении, в организации конкурсов профессионального мастерства, в независимой оценке знаний и компетенций, в разработке вариативной части образовательных программ, совместная реализация проектов и др. Данный опыт может стать основой для постепенного вовлечения большего числа предприятий в социальное партнерство.

Поскольку дуальная система образования — относительно новое явление для российской экономики, ее внедрение сопряжено с длительными изменениями во взаимоотношениях между предприятиями и образовательными организациями. Ускорить процессы выстраивания взаимодействия в рамках социального партнерства в сфере среднего профессионального образования поможет планомерная информационная работа. Постепенное вовлечение работодателей создаст основу для решения

проблем в области ресурсного обеспечения, прежде всего, кадрового и материально-технического.

Немаловажным является также решение вопроса о правовом регулировании социального партнерства в целях создания правовых условий для привлечения инвестиций в сферу среднего профессионального образования с целью наиболее эффективного воспроизводства кадров со средним профессиональным образованием и квалифицированных рабочих.

Список источников

1. *Байдало Е. Н., Герасимова М. А., Шлыкова Е. В.* Опыт внедрения элементов системы дуального обучения в профессиональных образовательных организациях Свердловской области: методические рекомендации. Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», 2016. –70 с.

2. *Калугина Д. А.* Основные тенденции развития социальных функций среднего профессионального образования // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 33–37.

3. Лучшие практики развития квалификаций [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/upload/0b6/Best_practices_NSPK.pdf (дата обращения: 02.05.2020).

4. Образовательный проект «Будущее Белой металлургии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbmprof.ru/o-proekte/ (дата обращения: 14.05.2019).

5. Поправки в Налоговый кодекс позволят российским компаниям экономить на подготовке кадров десятки миллионов рублей [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/news/61496/ (дата обращения: 28.12.2018).

6. Система дуального образования стартовала в 10 пилотных регионах [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/news/15749/ (дата обращения: 23.04.2020).

7. *Шавалиев А. Н.* Об особенностях подготовки квалифицированных кадров в Свердловской области на основе практико-ориентированного (дуального) обучения // Профессиональное образование и рынок труда. 2015. № 5. С. 21.

Информация об авторах

Калмыкова Ольга Сергеевна (Россия, г. Екатеринбург) — статистик отдела мониторингов развития и инфраструктуры образования государственного казенного учреждения Свердловской области «Хозяйственно-эксплуатационное управление Министерства образования и молодежной политики Свердловской области» (620075, г. Екатеринбург, ул. Малышева, д. 33, e-mail: hoz@egov66.ru).

Калугина Диана Александровна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, e-mail: director@ui.ranepa.ru).

O. C. Kalmykova, D. A. Kalugina

Introduction of Elements of Dual Training in the Training Process in the System of Secondary Vocational Education of the Sverdlovsk Region

The article deals with the development of the system of secondary vocational education in the Sverdlovsk region in the areas of the national project «Education», the implementation of which is laid down in eight regional projects. The implementation of dual training and interaction with universities, enterprises and authorities within the framework of public-private partnership were noted as features of the key regional project «Young professionals». The authors define the leading role of the Ministry of

education and youth policy and the largest enterprises of the Sverdlovsk region in the implementation of promising forms of reproduction of personnel with secondary vocational education and skilled workers.

Keywords: secondary vocational education, dual training, mid-level specialists, skilled workers, WorldSkills, public-private partnership

Authors

Kalmykova Olga Sergeevna (Russia, Yekaterinburg) — statistician of the Department of monitoring of development and infrastructure of education of the state governmental institution of the Sverdlovsk region „Economic and operational directorate of Ministry of education and youth policy of the Sverdlovsk region" (33 Malysheva str., Yekaterinburg, 620075, e-mail: hoz@egov66.ru).

Kalugina Diana Aleksandrovna (Russia, Yekaterinburg) — candidate of social Sciences, associate Professor, associate Professor of the Theory and Sociology of Development Department, Ural Instituteof Management, branch ofRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russia, 620144, e-mail: director@ui.ranepa.ru).

References

1. Baidalo E. N., Gerasimova M. A., Shlykova E. V. Experience of implementing elements of the dual training system in professional educational organizations of the Sverdlovsk region: methodological recommendations. Yekaterinburg: GAOU DPO SO «Institute of education development», 2016. 70 p.

2. Kalugina D. A. Main trends in the development of social functions of secondary vocational education.// Society and power # 6 (38) 2012. Pp. 33–37.

3. Best practices for developing qualifications [Electronic resource] URL: https://asi.ru/upload/0b6/Best_practices_NSPK.pdf (accessed: 02.05.2020).

4. Educational project «the Future of White metallurgy» [Electronic resource] URL: http://www.bbmprof.ru/o-proekte/ (accessed: 14.05.2019)

5. Amendments to the Tax code will allow Russian companies to save tens of millions of rubles on training [Electronic resource] URL: https://asi.ru/news/61496/ (accessed: 28.12.2018).

6. The system of dual education started in 10 pilot regions [Electronic resource] URL: https://asi.ru/news/15749/ (accessed: 23.04.2020)

7. Shavaliev A. N. About the features of training qualified personnel in the Sverdlovsk region on the basis of practice-oriented (dual) training.// Professional education and the labor market. 2015. No. 5. P. 21.

УДК 316

Е. В. Кузнецова, М. И. Левицкий

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИЙ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА[1]

Взаимодействие преподавателей и студентов в учебном процессе уже давно вызывает недовольство обеих сторон. Неожиданный и обязательный режим дистанционного обучения актуализировал проблемы образовательного процесса, одним из факторов которого являются коммуникации преподавателей и студентов. Цель исследования — рассмотреть влияние типов коммуникаций между преподавателем и студентом на качество учебного процесса в условиях системы дистанционного обучения. В результате проведенного анализа удалось выявить ограниченность форм и технологий преподавания, навыков коммуникаций возможностям интернет-среды, в которую были помещены участники образовательного процесса.

Ключевые слова: дистанционное обучение, коммуникации, учебный процесс, качество образования, цифровые технологии

Одной из форм развития человеческого потенциала являются коммуникации. Благодаря социальному взаимодействию у человека есть возможность разностороннего профессионального и психологического развития. Это позволяет в полной мере реализовать свой потенциал с учетом индивидуальных особенностей личности, ее целей, настроений и вектора личностного развития. Ключевую роль в развитии личности и ее самопонимании играет образовательный процесс.

В учебном процессе у коммуникаций между его участниками появляются дополнительные функции — обеспечение качества и эффективности образования. Этот фактор крайне важен ввиду специфики учебной деятельности: в отличие от игры и работы, учеба — это та форма деятельности, которая прежде всего опирается на усваивание новых навыков, следовательно, необходимо обеспечивать, поддерживать и улучшать качество получаемых навыков и компетенций.

В самом общем виде учебный процесс — это взаимодействие преподавателя и студента по поводу содержания учебного материала. Проблема заключается в том, что уже длительное время участники данного процесса высказывают взаимное недовольство формой и результатами этого взаимодействия.

Со стороны преподавателей претензии выражаются в том, что «студенты не мотивированы на учебу», «не готовятся к занятиям», «не проявляют активности на семинарах», «ориентированы только на потребление информации в готовом виде и не демонстрируют способности к ее переработке (сохранению, запоминанию, структурированию, анализу)».

[1] © Кузнецова Е. В., Левицкий М. И. Текст. 2020.

В то же время студенты выражают неудовольствие по поводу устаревших форм и методов преподавания, неактуальных знаний, отсутствия связи с практикой. Кроме того, студенты часто демотивированы подобными устаревшими формами образования, а кроме того, зачастую не понимают, для чего им нужен тот или иной навык, и как следствие — халатно относятся к образовательному процессу.

Обобщенный и несколько утрированный вывод выглядит так: «студенты не учатся так, как хотелось бы преподавателям; преподаватели не учат тому и так, как хотелось бы студентам» [3].

Изменение данной ситуации зависит от многих факторов, которые целостно и метододично представляются в работах разных авторов [4].

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть влияние типов коммуникаций между преподавателем и студентом на качество учебного процесса в условиях системы дистанционного обучения.

Анализ проведем по трем основным направлениям коммуникаций учебного процесса. В данном случае важна их типизация, так как учебный процесс многогранен, и различные способы его реализации станут критериями.

Первое направление (тип) коммуникации, выделяемый в данной типизации, — технические коммуникации. Под ними подразумеваются такие коммуникации, основной задачей которых является передача фактов и информации, то есть они отвечают за техническо-компетентностную часть образовательного процесса.

В случае «традиционного» очного образования данный тип коммуникаций преимущественно представлен лекционными и отчасти — семинарскими занятиями. Преподаватель сообщает информацию, четко структурируя ее, акцентируя внимание на наиболее важных деталях и нюансах, возможно, представляя в форме диаграмм и таблиц. При этом он имеет важное преимущество: доску и мел, на которой можно по ходу лекции чертить схемы и отмечать наиболее важные моменты предлагаемого материала. В случае же дистанционного обучения такие «спонтанные» заметки на экране требуют специального программного обеспечения, которое, во-первых, дорогое, а во-вторых — не всегда имеет необходимый функционал. Кроме этого, использование мыши как устройств ввода в данном случае является недостатком, так как мешает корректному отображению вводимой информации.

В случае дистанционного обучения данная функция коммуникации оказывается отягчена различными помехами и недостатками технически-аппаратной части. Например, проблема визуализации информации: если в «традиционном» образовании преподаватель мог продемонстрировать наглядный материал (плакаты советских времен, способы реанимации в случае остановки сердца, наглядные пособия по структуре иностранных языков), то в случае дистанционного образования основным (и чуть ли не единственным) способом визуализации становится презентация.

Это существенно сокращает количество каналов информации, а также наносит ущерб общему качеству: презентация — это нетактильная форма предоставления материала, а интерактивизация презентации требует немалых усилий, хотя и возможна.

В условиях пандемии 2020 года пред учебными заведениями была поставлена безотлагательная задача: перевод на полное дистанционное обучение всего контингента студентов и штата преподавателей. Эти условия, в которых существенно возросла нагрузка на педагогов и учащихся, Президентом РФ названы «экстраординарными» [5]. Данная ситуация, при всех своих недостатках и угрозах, послужила стимулом к развитию дистанционного обучения, а также позволила в «критическом» режиме выявить множество его недостатков.

В контексте технических коммуникаций был выявлен внезапный недостаток, преодолеть который оказалось не так просто. Многие книги (в особенности современных авторов) защищены авторским правом, и легальный доступ в Интернете к ним отсутствует. Тем не менее, в учебных планах многих институтов предусмотрен конспект первоисточников. Однако библиотеки, где можно было бы бесплатно воспользоваться книгами, закрыты.

Значительно пострадала и такая форма технически-социальной коммуникации, как деловые игры — из-за невозможности проведения большинства таких игр в интернет-среде. Это коммуникация и со сверстниками, и с преподавателем, который в данном случае выступает и советчиком, и «гейм-мастером» деловой игры.

Второй тип коммуникаций — эмоциональные. В данном случае оказывается важным, передает ли преподаватель свои эмоции, «зажигает» ли он студентов своим энтузиазмом по отношению к предмету. Как было указано ранее, ученики и в «классической» форме обучения слабо мотивированы на качественное изучение предмета. Однако при этом преподаватели находят заинтересованных студентов и предлагают им различные формы развития: конкурсы, научные статьи, конференции и т. д. Однако в этом случае немаловажным фактором становится эмоциональная заинтересованность: студента, у которого высокий уровень мотивации в учебной деятельности, часто можно заметить по дополнительным, отходящим от непосредственной темы вопросам, по эмоциональному отклику на слова преподавателя, по его обращению на кафедру с дополнительными вопросами и предложениями. В случае же с дистанционным обучением эмоциональная коммуникация крайне ограничена и выявление потенциальных «звёзд» науки оказалось затруднено.

Так же сильно пострадала и мотивация учащихся: лишенные эмоциональной поддержки, он стали себя чувствовать «роботами», выполняющими домашние задания и усваивающими учебный материал. Получается примерно та ситуация, которую Ленин назвал «научной системой выжимания пота» [2]. Однако Тейлор мотивировал своих работников зарплатой,

причем выше средней по рынку, а также, в сухом остатке, его система не была ориентированной чисто на «выжимку» результата, а всего лишь рационально организовывала труд [1]. В случае же учебного процесса студенты редко видят смысл выполнения того или иного домашнего задания, так как навык перспективного мышления крайне тяжело развивается в условиях современного мира: люди привыкают жить, и хуже того — мыслить — сегодняшним днем. Из-за этого мотивация оказывается крайне низкой, а без эмоциональной поддержки преподавателя она и вовсе падает до нуля.

Третий тип коммуникаций — это обратная связь. Обратная связь присутствует в любой коммуникации, однако для вопросов исследования выделим ее как отдельный тип коммуникации.

Дело в том, что при обычном образовании имеется два основных типа обратной связи: мгновенная и отложенная. Причем мгновенная преобладает: на семинаре студент получает возможность немедленно получить обратную связь при ответе или вопросе, а также и сам может дать такую же обратную связь. Формы коллоквиумов и деловых игр еще сильнее расширяют эти возможности. По сути, даже на лекции преподаватель часто уточняет, все ли положения материала понятны, и просит задать вопрос, что развивает данный тип обратной связи.

В случае же дистанционного образования многие формы очной работы стали недоступны и были вынесены в модифицированном виде как домашние задания. Отсюда — преобладание отложенной обратной связи. Студент, как правило, получает ответ не сразу, а по прошествии некоторого времени, из-за чего создается ощущение «разрыва», препятствующего нормальному социальному контакту и уничтожающего ценность обратной связи. Дело в том, что задав вопрос (или сделав домашнее задание), человек поднимает уровень актуальности этих знаний в своей психике. После этого они некоторое время остаются повышенно-актуальными. Если в это время обратной связи так и не поступило, то психика, ввиду своей мобильности, переключается на другой объект, а актуальность вопроса падает. И когда ответ все-таки получен, он уже не считается столь же ценным, как изначально.

Тем не менее, стоит отметить и преимущество обратной связи в дистанционном режиме: так как не требуется непосредственный и мгновенный ответ, то имеется возможность тщательно все обдумать, исключить возможность ошибки и некорректности в общении. Вследствие этого повышается общее качество обратной связи, что приносит значительную пользу, делая каждую единицу информации более ценной. Более того, такой «неспешный» режим ответа (в частности, электронная почта) позволяет проводить углубленную коммуникативную социализацию, ориентированную на общение во взрослой жизни: не секрет, что основной контингент общения школьников и студентов — сверстники, навыки же общения с людьми другого социального статуса и положения часто оказываются неразвитыми.

Авторы данной статьи, являясь участниками вебинаров в Уральском институте управления — филиале РАНХиГС, проводимых на платформах eTutorium и Microsoft Teams, на себе испытали как достоинства, так и недостатки дистанционных коммуникаций между студентами и преподавателями.

Из достоинств студентами и преподавателями были выделены отсутствие необходимости тратить время на проезд в транспорте, экономия денег, упрощение коммуникации, в том числе за счет использования социальных сетей, большее количество времени на домашние дела и хобби.

Однако все же дистанционный формат вызывает массу негативных отзывов и в целом недовольство новой формой обучения.

Среди прочих было выделено множество недостатков технической части: «зависания» образовательных платформ, проблемы с доступом, время семинаров тратилось на освоение функционала платформы. Также не у всех участников образовательного процесса была в наличии необходимая для занятий аппаратура: некоторые веб-платформы имеют определенные системные требования; кроме того, камера и микрофон, судя по вебинарам, были в наличии не у каждого студента.

Подобные проблемы чисто технического характера оказывают значительное влияние на процесс коммуникации: из-за проблем в аппаратной части он оказывается нарушен, как следствие — падение качества образования и нарушение всех трех типов коммуникаций.

Также преподаватели и студенты единодушно отметили такой немаловажный фактор, как изменение учебной нагрузки, причем в сторону увеличения: подготовки к занятиям и домашних заданий стало больше, чем обе стороны, конечно же, оказались недовольны. При этом, по их же мнению, качество образования все равно снизилось: самостоятельная работа оказалась не столь эффективной, как в условиях «классического» образования.

В целом всех студентов и преподавателей объединяет «тоска по вузу, по друзьям, коллегам, по живому общению», что подчеркивает значимость эмоционального контакта в коммуникациях учебного процесса.

Авторам видится необходимость двойного подхода к решению проблемы: устранение непосредственно коммуникативных проблем, создаваемых условиями дистанционного обучения, с одной стороны, и устранение технических проблем, с другой. К данному вопросу необходимо подойти комплексно, в частности, вузам следует организовать свои собственные площадки дистанционного образования, создать оперативный штат службы поддержки и провести обучение преподавателей использованию технически-аппаратной части.

Также необходимо обеспечить максимально «живое» общение студентов с преподавателями с помощью видеосвязи. В этом деле также могли бы помочь цифровые технологии виртуальной и дополненной реальности. Кроме этого, требуется разработка специального программного

обеспечения для проведения деловых игр и интерактивизации учебного процесса.

Список источников

1. *Гуща П. В., Константинов С. А.* Научные положения Ф. Тейлора и их влияние на развитие систем материального стимулирования труда [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-polozheniya-f-teylora-i-ih-vliyanie-na-razvitie-sistem-materialnogo-stimulirovaniya-truda (дата обращения: 25.05.2020).

2. *Ленин В. И.* Научная система выжимания пота // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23 [Электронный ресурс] URL: https://leninism.su/works/61-tom-23/2306-lnauchnayar-sistema-vyzhimaniya-pota.html (дата обращения: 25.05.2020).

3. *Кирилюк Л. Г.* Коммуникация как способ конструирования знаний // В поисках нового университета. Альманах 2. Серия «Университет в перспективе развития» / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ; под ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2002. 108 с. [Электронный ресурс] URL: http://charko.narod.ru/tekst/alm2/kiriluk.htm.

4. *Кругликов В. Н.* Интерактивные образовательные технологии: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. Н. Кругликов, М. В. Оленникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 353 с. (Бакалавр. Академический курс). ISBN 978–5-534–02930–7.

5. Стенограмма совещания с Президентом РФ по ситуации в системе образования в условиях пандемии короновируса [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63376 (дата обращения: 25.05.2020)

Информация об авторах

Кузнецова Елена Владимировна (Россия, Екатеринбург) — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, e-mail: elena.kuznetsova@ui.ranepa.ru

Левицкий Максим Ильич (Россия, Екатеринбург) — студент факультета «Менеджмент», Уральский институт управления — филиал РАНХиГС,e-mail: maksimtigr@list.ru

E. V. Kuznetsova, M. I. Levitsky

Features of Communication between a Student and Lecture in Distance Learning Environment, Their Impact on the Quality and Effectiveness of Educational Process

The interaction of teachers and students in the educational process has long been displeasing to both parties. An unexpected and mandatory mode of distance learning has actualized the problems of the educational process, one of the factors of which is the communication of teachers and students. The purpose of the study is to consider the influence of types of communication between a teacher and a student on the quality of the educational process in a distance learning system. As a result of the analysis, it was possible to identify the limitations of the forms and technologies of teaching, communication skills, and the capabilities of the Internet environment in which the participants of the educational process were placed.

Keywords: distance learning, communication, educational process, quality of education, digital technologies

Authors

Kuznetsova Elena Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Sociology of Management, Ural

Institute of Management — Branch of RANEPA (Россия, 620144, г.Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); e-mail: elena.kuznetsova@ui.ranepa.ru.

Levitsky Maxim Ilyich (Russia, Yekaterinburg) — student of the faculty «Management», Ural Institute of Management — Branch of RANEPA (66, 8 Marta str., Yekaterinburg, 620144, Russia); e-mail:maksimtigr@list.ru.

References

1. Gushcha P. V., Konstantinov S. A. The scientific position of F. Taylor and their influence on the development of systems of material stimulation of labor. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-polozheniya-f-teylora-i-ih-vliyanie-na-razvitie-sistem-materialnogo-stimulirovaniya-truda (accessed date: 05.25.2020).

2. Lenin V. I. The scientific system of squeezing sweat // Lenin V.I. Complete Works. T. 23 [Electronic resource]. URL: https://leninism.su/works/61-tom-23/2306-lnauchnayar-sistema-vyzhimaniya-pota.html (accessed date: 05.25.2020).

3. Kirilyuk L. G. Communication as a way of constructing knowledge // In search of a new university. Almanac 2. Series “University in Development Perspective” Belarusian State University. Center for Problems of Education Development, BSU. Ed. M.A. Gusakovsky. Mn.: BSU, 2002. 108 p. [Electronic resource] URL: http://charko.narod.ru/tekst/alm2/kiriluk.htm (accessed date: 05.24.2020).

4. Kruglikov V. N. Interactive educational technologies: textbook and workshop for academic undergraduate / V. N. Kruglikov, M. V. Olennikova. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 353 p. (Bachelor. Academic course). ISBN 978–5-534–02930–7.

5. Transcript of the meeting with the President of the Russian Federation on the situation in the education system in the context of the coronavirus pandemic [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63376 (accessed date: 05.25.2020).

УДК 332.13

К. А. Мячикова, О. В. Селина

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КОМПАНИИ ОАО «РЖД»[1]

Воспроизводство человеческого капитала — одно из важных условий его наращивания, с чьей помощью увеличивается эффективность работы человека. В статье изучены источники человеческого капитала, такие как семья, школа, вуз. Продемонстрирована значимость человеческого капитала, его основные функции и особенности, также раскрыта сущность его воспроизводства. Описаны актуальные программы воспроизводства человеческого капитала на примере российской государственной компании ОАО «Российские железные дороги». Подробно рассмотрена работа детских садов, школ, высших учебных заведений и Корпоративного университета РЖД. Также во внимание берется корпоративная политика компании, основными целями которой являются вовлечение персонала в инициативную деятельность и повышение производительности. Наращивание человеческого капитала позволяет увидеть на практике большой и долговременный экономический эффект. Работа основана на анализе взаимодействия отдельно взятых социальных институтов и выбранной компании в качестве примера.

Ключевые слова: человеческий капитал, воспроизводство, трудовые ресурсы, семья, школа, университет, ОАО «РЖД».

Инновационное развитие на современном уровне развития экономики напрямую связанно с человеческим капиталом, его развитие и качество играют немаловажную роль в модернизации предприятия. В настоящий момент человеческий капитал является одним из основных ресурсов, необходимых для фундамента экономического роста.

Под «человеческим капиталом» принято понимать цикл продуктивной деятельности человека в пределах его жизненного времени. При его характеристике используется классификация от индивидуального человеческого капитала к расширенным понятиям, таким как человеческий капитал фирмы и национальный человеческий капитал.

Человеческий капитал — производительный фактор в форме интеллектуальных способностей и практических навыков, полученных в процессе образования и практической деятельности человека, а также совокупность знаний, умений и навыков.

Воспроизводство человеческого капитала — это инвестиции в способности человека, его знания, умения и навыки, что обусловливает необходимость дополнительных вложений в совершенствование индивидуальной личностной базы. Инвестиции в формирование и развитие человеческого капитала представляют собой вложения денежных, материальных и нематериальных средств. По мере накопления данного капитала увеличивается

[1] © Мячикова К. А., Селина О. В. Текст. 2020.

производительность человеческого ресурса, что приносит долговременный экономический эффект.

Наращивание человеческого капитала осуществляется за счет образования, реализуемого в семье и специальных дошкольных и школьных учреждениях, а также при получении специального профессионального образования, в том числе высшего.

В течение жизни человек постепенно проходит различные этапы, основными из которых являются:

— семья, где закладывается модель поведения человека в обществе;

— школа, где закладывается фундамент знаний, которые в последующем будут активно применяться;

— высшее учебное заведение — место, где человек приобретает узконаправленные профессиональные навыки.

Формирование личности первоначально начинается с семьи, где формируются черты характера, убеждения, взгляды, мировоззрение человека, после чего он начинает активно взаимодействовать с социумом. Семья — это базовая составляющая общества, первый социальный институт, куда попадает человек. Семья выступает как отдельный экономический субъект, со своими доходами, расходами, с разделением труда и обязанностей. При разделении труда учитываются такие факторы, как состояние здоровья и пожелание каждого члена семьи, что позволяет охарактеризовать личный трудовой ресурс. Исходя из сложившейся внутри семьи системы отношений появляется возможность привить любовь не только к культурным ценностям, но и к труду. Еще с малых лет определяется то, каким станет человек в дальнейшей жизни, и во многом это зависит от семьи.

В последующем важным этапом в жизни человека является школа. Школа — место, где человеку дают базовый объем знаний в области гуманитарных, естественных и общественных наук, что представляет собой фундамент для воспроизводства человеческого потенциала.

При современных условиях на школу возлагается несколько задач: получение знаний, которые послужат основой для приобретения будущей профессии, приучение к более строгой дисциплине, расширение кругозора, а также развитие коммуникативных навыков.

Если же в семье возможность использования человеческого капитала только зарождалась, то в школе она активно начинает набирать обороты. В процессе получения среднего общего образования выявляются способности человека, направления, в которых ему перспективнее развиваться и увеличивать собственные внутренние резервы.

Именно от обучения в школе напрямую зависит конкурентоспособность обучающегося, перспективы развития человеческого капитала и возможности его максимальной реализации. В этот период формируются базовые знания и умения будущего специалиста. Российский исследователь Е.А. Святодух в своей работе обосновывает этот тезис: «Формирование человеческого капитала начинается еще в детстве и в школьные годы. В этом

возрасте ребенок осваивает основы культуры, нормы общения — язык, речь, основные жизненные принципы поведения и общения, то есть первоначально формируются некие институты как базис последующего увеличения человеческого капитала. Таким образом, база человеческого капитала — это те знания, умения, навыки, способности, которые формируются и накапливаются в период обучения в школе, вузе или других учебных заведениях и еще не задействованы в трудовой деятельности» [6, с. 230].

Получение школьного образования является обязательным для человека, что нельзя сказать о высшем образовании. Все зависит от установок и стремления самого человека добиваться новых вершин. Желание получать знания зарождается еще в детстве, что указывает на семью как на основной источник воспроизводства человеческого капитала. Для того, чтобы не останавливаться на достигнутом, необходимо проявлять уже полученные школьные знания к моменту поступления в вуз. Данная стратегия мотивирует личность к непрерывному обучению и к профессиональной подготовке, что требует совершенствования своих навыков, умений, стремления получения все больше новой и полезной информации.

Высшее учебное заведение создает условия накопления человеческого капитала за счет систем поощрения для тех, кто активно занимается учебной деятельностью и стремится реализовать свои возможности. Высшее образование является важным источником навыков, использующихся для удовлетворения различных потребностей. Каждый человек сам выбирает специальность для будущего обучения, результатом которого будет активное использование собственных трудовых ресурсов и получение дохода. Данный выбор — важный этап саморазвития, о котором не задумываются в школе, а уже более конкретно рассматривают при поступлении в университет. Вуз за период обучения подготавливает специалиста по выбранному направлению, формирует знания в области будущей профессии, тем самым является перспективной инвестицией в развитие способностей человека и готовит специалиста для работодателя, что позволяет увеличивать трудовые ресурсы предприятия.

Одним из ярких примеров воспроизводства человеческого капитала по описанной системе, начиная с самого детства человека до получения им высшего образования, может выступить открытое акционерное общество «Российские железные дороги».

ОАО «РЖД» — российская государственная компания, владелец инфраструктуры общего пользования и единственный перевозчик российской сети железных дорог. Так как компания является монополистом на территории РФ, она также выступает крупнейшим работодателем России, который заинтересован в объемном штате сотрудников, являющихся профессионалами своего дела.

Для того чтобы сформировать свой трудовой ресурс, у компании имеется собственная система образования: от детского сада и школы — до университета и начала работы в компании.

Наличие детских садов РЖД позволяет с малых лет познакомить ребенка с железной дорогой, с ее основными устройствами с помощью специально оборудованных железнодорожных уголков и мини-музеев. Малышам дается возможность проявить свои творческие способности, в этом им помогают организаторы различных конкурсов на тему железной дороги, также они оформляют целые альбомы о династиях железнодорожников, о людях, которые из поколения в поколение делают выбор связать свою жизнь с железной дорогой. Это помогает ознакомить детей с возможностями развития в компании.

С детских садов все только начинается, для детей постарше предлагается обучение в школе по общеобразовательным программам с уклоном на железнодорожный профиль. А для того, чтобы дети не теряли интерес, необходим в том числе развлекательный характер процесса обучения, для чего и создаются тематические смены в ведущих детских лагерях страны «Артек», «Океан», «Смена».

ОАО «РЖД» начинает заявлять о себе как о будущем работодателе в период формирования у человека интересов, тем самым привлекая к себе потенциальных работников. Благодаря мини-копиям железнодорожных предприятий школьнику дается возможность опробовать себя в самых востребованных для компании профессиях [5].

Активно наращивать человеческий капитал позволяет заинтересованность компании в компетенциях будущего и формирование новых навыков. ОАО «РЖД» делает огромные вложения в воспроизводство трудовых ресурсов, делая инвестиции в развитие творческого мышления, исследовательских навыков у человека и умения работы в команде.

Следующим этапом является высшее учебное заведение, где человек получает базовые знания для дальнейшей работы по выбранной специальности. Компания нуждается в высококвалифицированных кадрах разной специализации: от инженеров до экономистов. Для получения этих профессий имеется 9 железнодорожных вузов в разных уголках страны:

1. Дальневосточный университет путей сообщения (ДВГУПС) — в Хабаровске;
2. Иркутский университет путей сообщения (ИрГУПС);
3. Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ);
4. Омский университет путей сообщения (ОмГУПС);
5. Петербургский университет путей сообщения (ПГУПС);
6. Ростовский университет путей сообщения (РГУПС)
7. Самарский университет путей сообщения (СамГУПС);
8. Сибирский университет путей сообщения — в Новосибирске;
9. Уральский университет путей сообщения (УрГУПС) — в Екатеринбурге [1].

Университеты удовлетворяют потребность компании в специалистах и являются основным инструментом для увеличения трудовых ресурсов. Студенты показывают высокие результаты в образовании, всесторонне

развиваются, участвуя в различных конкурсах и соревнованиях. В период обучения студентам предоставляются различные льготы и стипендии, а после получения диплома о высшем образовании ОАО «РЖД» гарантирует трудоустройство в компанию.

Также присутствует ряд инициатив ОАО «РЖД» по взаимодействию с вузами:

1. Выставочные экспозиции в отраслевых вузах.
2. Участие в чтении лекций в вузах железнодорожного транспорта руководителями ОАО «РЖД».
3. «День компании в вузе» — мероприятие, на котором можно пообщаться с представителями компании, а также узнать возможности будущего трудоустройства.
4. Электронные площадки для взаимодействия с организациями-провайдерами обучения в части программ дополнительного профессионального образования для структурирования и повышения производительности выполняемой работы в рамках подготовки плана, с помощью которого можно производить повышение квалификации персонала.
5. Образовательные программы Корпоративного университета РЖД.
6. Новый механизм организации целевой подготовки на полигонах железной дороги с целью сокращения заключаемых договоров.
7. Новые подходы к подготовке специалистов со средним профессиональным образованием в условиях целевого обучения.
8. Популяризация железнодорожного образования на международном рынке.
9. Обновление критериев по присуждению премий и грантов ППС ОАО «РЖД».
10. Систематизация работы по проведению спортивно-массовых и физкультурно-оздоровительных мероприятий.

На данный момент в компании работает более 300 молодых сотрудников, что обуславливает необходимость поддержки молодежи. Именно для этого существует специальная целевая программа «Молодежь ОАО «РЖД». Программа обновляется каждые 5 лет, чтобы идти в ногу со временем. Она учитывает стратегию дальнейшего развития компании, ориентируется на ее цели, учитывает актуальность тенденций и особенности поколений. С ее помощью раскрывается потенциал внутренних ресурсов каждого сотрудника, а также идет активное привлечение к инновационной деятельности. В реальных условиях можно заметить эффективность данной работы, так как ежегодно тысячи специалистов принимают участие в молодежных проектах. Помимо этого существуют программы для молодых руководителей, новаторов, рабочих и добровольцев [4].

Одна из программ для привлечения сотрудников возрасте до 35 лет — Молодежный конкурс проектов «Лучшие практики корпоративного волонтерства». Конкурс направлен на развитие корпоративного волонтерства в ОАО «РЖД», выявление и распространение лучших практик

добровольческой деятельности. Всего для участников предлагаются 9 номинаций для реализованных проектов и одна под названием «Идея» для планируемых к реализации проектов [3].

На этом развитие способностей и навыков персонала не заканчивается. 25 ноября 2009 года Совет директоров ОАО «РЖД» утвердил Проект создания системы дополнительного корпоративного бизнес-образования руководящего состава ОАО «РЖД». 1 июля 2010 года — День учреждения Корпоративного университета РЖД. И вот уже 10 лет университет является экспертом в непрерывном развитии человеческого капитала холдинга ОАО «РЖД».

Основными целями деятельности являются предоставление услуг в области дополнительного профессионального образования, предоставление новых знаний и повышение уровня развития корпоративных компетенций руководителей и специалистов ОАО «РЖД».

Корпоративный университет РЖД создает уникальные образовательные продукты для каждого, продвигает лучшие практики, идеи и инициативы, развивает лидеров нового поколения, создает эффективную развивающую среду с использованием современных инструментов оценки персонала. Еще одним положительным моментом является то, что у обучающихся появляется возможность получить диплом MBA (Магистр делового администрирования — квалификационная степень магистра в менеджменте).

Также активно развивается международное сотрудничество, организовываются образовательные проекты в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы. Обучение проходит как по комплексным образовательным программам, так и в формате деловых стажировок на объектах ОАО «РЖД». На данный момент 258 213 руководителей и специалистов прошли обучение по 253 очным и дистанционным программам обучения [2].

Нельзя забывать о факторах внешней среды, которые непосредственно влияют на формирование сотрудника нового формата. С развитием технологий во всех отраслях растут требования к персоналу. К примеру, Digital-маркетинг подразумевает под собой то, что автоматизации подлежит все, а соответственно из этого вытекают автоматизация HR-процессов и появление новых профессий.

Набирают обороты требования не только к сотрудникам, но и к работодателям. С новым поколением связано появление новых инициативных людей, желающих получать результат здесь и сейчас, удобный график работы и благоприятную среду для взаимодействия, иными словами, комфортные условия для труда.

С развитием всех направлений выигрывает тот, кто оперативнее внедряет тот или иной продукт. Корпоративный университет РЖД ориентируется на все перечисленные факторы и содействует появлению работников новой формации.

Что означает специалист новой формации для ОАО «РЖД»? Он должен быть компетентен как в профессиональных вопросах, так и в корпоративных. Профессиональная компетентность сотрудника включает в себя: углубленные знания точных наук, ориентированность в новых отраслевых технологиях, осведомленность и понимание современных цифровых технологий. Корпоративная компетентность включает в себя хорошие коммуникативные навыки, способность к творческому и аналитическому мышлению, умение распознавать эмоции на практике, адаптация к изменениям, умение непрерывно и оперативно получать новые знания. Для формирования этих навыков применяются новые технологии обучения, одни из которых — это открытая информационно-образовательная среда и использование визуализации, такой как тренажерная подготовка [7].

После прохождения всех этапов, начиная со школы, ОАО «РЖД» не ограничивается вузом, а продолжает свою образовательную программу. Компания очень высоко ценит человеческий капитал и понимает, что его необходимо развивать. Приобретение новых навыков и усовершенствование уже имеющихся выступают благоприятным фактором для увеличения эффективности работы. На основе данной деятельности можно сделать вывод о том, что большие вложения в воспроизводство трудовых ресурсов равны большому экономическому эффекту, так как на протяжении многих лет у нас есть возможность наблюдать за успешным развитием компании.

Развитие науки, формирование информационного общества — основные составляющие человеческого капитала, которые выдвигают на первый план знания и образование. От качества образования, полученного в учебных заведениях, напрямую зависит потенциал каждого человека, а непрерывное образование позволяет не останавливать процесс развития индивидуальных способностей, тем самым наращивая человеческий капитал.

Список источников

1. Вузы РЖД: институты и университеты [Электронный ресурс]. URL: https://edunews.ru/universities-base/spisok/institut-rzhd.html (дата обращения 08.05.2020).

2. Корпоративный Университет РЖД [Электронный ресурс]. URL: http://universitetrzd.ru/#box-tile (дата обращения 08.05.2020).

3. Молодежный конкурс проектов «Лучшие практики корпоративного волонтерства» [Электронный ресурс]. URL: https://old-young.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5633 (дата обращения 08.05.2020).

4. Работа в РЖД / Возможности для развития / Молодежная политика [Электронный ресурс]. URL: https://social.rzd.ru/ru/9865/page/103290?id=17962#main-header (дата обращения 08.05.2020).

5. Работа в РЖД / Возможности для развития / Развитие детей [Электронный ресурс]. URL: https://social.rzd.ru/ru/9865/page/103290?id=17963#main-header (дата обращения 08.05.2020).

6. *Святодух Е. А.* Воспроизводство человеческого капитала: методология исследования и российские реалии // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. № 44. С. 228–232.

7. *Селина О. В.* Особенности реализации целевой программы в ОАО «РЖД» на современном этапе развития холдинга // Фундаментальные исследования. 2015. № 11–6. С. 1249–1252.

Информация об авторах

Мячикова Ксения Александровна (Россия, г. Екатеринбург) — студентка группы ЭКэк-317 факультета экономики и управления, Уральский государственный университет путей сообщения (620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66, e-mail: myachikova.ks@bk.ru).

Селина Ольга Викторовна (Россия, г. Екатеринбург) — научный руководитель, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика транспорта», ФГБОУ ВО Уральский государственный университет путей сообщения (620034, г Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66, e-mail: ovselina@usurt.ru).

K. A. Myachikova, O. V. Selina

Features of Forming Human Capital of the Company JSC "Russian Railways"

The reproduction of human capital is one of the important conditions for building it up, with whose help human efficiency increases. The article examined the sources of human capital, such as family, school, university. The importance of human capital, the basic functions and features are demonstrated, the essence of its reproduction is also disclosed. Actual programs for the reproduction of human capital are described using the example of the Russian state company Russian Railways OJSC. The work of kindergartens, schools, higher educational institutions and the Corporate University of Russian Railways is examined in detail. The corporate policy of the company is also taken into account, the main objectives of which are to engage personnel in initiative activities and increase productivity. The growth of human capital allows us to see in practice a large and long-term economic effect. The work is based on the analysis of the interaction of individual social institutions and the selected company as an example.

Keywords: human capital, reproduction, labor resources, family, school, university, JSC Russian Railways.

Authors

Myachikova Ksenia Aleksandrovna (Russia, Yekaterinburg) — student of the Faculty of Economics and Management, Ural State University of Railway Engineering (620034, Yekaterinburg, 66 Kolmogorova Street, e-mail: myachikova.ks@bk.ru).

Selina Olga Viktorovna (Russian Federation) — Yekaterinburg, Scientific supervisor, Ph. D. in Economics, associate Professor of the Department of transport Economics, Ural State University of Railway Engineering (620034, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, 66 Kolmogorova Street, e-mail: ovselina@usurt.ru).

References

1. High schools of Russian Railways: institutes and universities. Access mode: https://edunews.ru/universities-base/spisok/institut-rzhd.html.

2. Corporate University of Russian Railways. Access mode: http://universitetrzd.ru/#box-tile.

3. Youth competition of projects «Best practices of corporate volunteering». Access mode: https://old-young.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5633.

4. Work in Russian Railways / Opportunities for development / Youth policy. Access mode: https://social.rzd.ru/ru/9865/page/103290?id=17962#main-header.

5. Work in Russian Railways / Opportunities for development / Child development. Access mode: https://social.rzd.ru/ru/9865/page/103290?id=17963#main-header.

6. Svyatoduh E. A. Reproduction of human capital: research methodology and Russian realities // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2007. No. 44. P. 228–232.

7. Selina O. V. Features of implementation of the target program in JSC «Russian Railways» at the present stage of development of the holding / / Fundamental research. 2015. No. 11–6. P. 1249–1252.

УДК 910.3

Р. Г. Сафиуллин

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОРЫВА РОССИИ[1]

В статье рассматриваются современные проблемы развития интеллектуального капитала России, важнейшей составляющей инновационной экономики. Рассмотрены территориальные особенности в распределении исследователей с учеными степенями и их подготовки по субъектам страны. В России за 2000–2018 годы наметилась негативная тенденция сокращения численности исследователей с учеными степенями. В территориальном отношении к этому тренду добавляется тенденция регионализации. За 2000–2018 годы доля Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного федеральных округов в территориальной концентрации интеллектуального капитала (исследователей с учеными степенями) характеризовалась ростом. При этом происходит сокращение численности исследователей с учеными степенями в Центральном и Северо-Западном округах. В России формируются следующие типы регионов по локализации интеллектуального капитала: а) «притяжения интеллектуального капитала»; б) «бегства ученых-исследователей»; в) «деградирующие по интеллектуальному капиталу»; г) «стагнирующие».

Ключевые слова: человеческий и интеллектуальный капитал, регионализация, территориальная концентрация, тренды.

Проблемы современного развития научно-образовательной сферы России вызывают споры среды управленцев и ученых. Имеются разные взгляды и мнения относительно особенностей организации и управления научно-образовательной сферой страны [2,4,6,7,8]. Важнейшей составляющей инновационной экономики является используемый человеческий капитал, формируемый через систему образования. Чем выше качество и эффективность подготовки кадров в школьной и вузовской системах образования, тем выше будет конкурентоспособность человеческого капитала и, соответственно, инновационной экономики страны.

Ведущие страны мира (США, КНР, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия и др.) стратегическое устойчивое развитие обеспечивают за счет формирования инновационной экономики, основой которой является постоянная технологическая модернизация в социальной, экологической, экономической и управленческой видах деятельности. В передовых странах мира человеческий капитал в научно-образовательной сфере характеризуется постоянным ростом. В США с 1970 по 2017 гг. произошел почти шестикратный рост персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в Китае за 1995–2017 годы увеличилась численность исследователей в 5,2 раза, в Японии за 1975–2017 годы — в 1,8 раза.

[1] © Сафиуллин Р. Г. Текст. 2020.

Таблица 1

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в ведущих странах мира, тыс. человек*

Страна	1970	1990	1995	2000	2004	2006	2008	2010	2014	2017
США	1108	2180				5500		5000	6000	6500
Китай			752	922	1153	1503	1965	2520	3800	3878
Япония	491 (1975)		948	897	896	935	909	655	866	872
Россия	600	1943	1211	1007	952	917	870	737	732	683**
Германия			459	485	471	489	522		604	667
Франция			318	328	349	354	372			429
Великобритания			277	299	314	335	342		362	420
Бразилия				119			213			348
Италия			76	66						127

* Составлено автором по: [3, с. 31; 6, с. 234].

** Данные за 2018 год.

В России с 1970 по 1990 гг. численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, увеличилась в 3,2 раза, а за 1990–2017 годы уменьшилась почти в три раза. По сути, по численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, Россия сегодня отброшена на уровень 1970 года (табл. 1).

Бурный этап индустриального развития России в 1970–1986 годы сопровождался таким же бурным развитием науки. К 1990 году численность занятых научными исследованиями и разработками выросла с 600 тыс. человек до 1 млн 943 тыс. человек, или в 3,2 раза. Ни одна страна мира не имела в то время таких темпов роста человеческого капитала в научно-образовательной сфере.

Период реформ, связанный с переходом страны к созданию многоукладной рыночной экономики, сопровождался катастрофическим сокращением объемов ВВП. В результате численность занятых научными исследованиями и разработками в России за 1990–2000 годы сократилась на 48,2 %, что коррелировалось с сокращением объемов промышленного производства (почти на 50 %). Однако рост экономики страны за 2000–2008 годы не сопровождался ростом численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками. При увеличении ВВП страны за этот период численность занятых научными исследованиями и разработками уменьшилась на 137 тыс. человек (или на 13,6 %). Наступивший в 2009 году мировой экономический кризис, а затем стагнация сырьевой экономики России, до 2019 года определили дальнейшее сокращение численности занятых научными исследованиями и разработками. После почти четвертьвековой «спячки» Правительства РФ, заключавшейся в том, что Минобрнауки, печатая рыночные циркуляры по научной и вузовской сферам, не вмешивалась в деятельность РАН и вузов, в 2013 году решила

Таблица 2

Численность исследователей с учеными степенями в России, тыс. чел.*

Категории ученых	1991	2000	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего, в том числе:	134,2	105,9	105,1	109,3	108,3	109,6	111,5	108,4	103,3
Доктора наук	16,2	22,0	26,8	27,8	27,5	28,0	28,1	27,4	26,1
Кандидаты наук	118,0	84,0	78,3	81,6	80,8	81,6	83,5	81,0	77,3

* Составлено автором по: [3, с. 27].

активно заняться их реформированием. Принятое 30 декабря 2012 года распоряжение Правительства РФ об утверждении плана мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», получившая название «дорожная карта» по реформированию научно-образовательной сферы России, была направлена, прежде всего, на сокращение численности занятых научными исследованиями и разработками в структурах РАН и вузовском секторе под лозунгами повышения конкурентоспособности и качества российской науки и высшего образования [4].

За период с 1991 по 2017 гг. численность исследователей с учеными степенями в России сократилась на 30,9 тыс. человек (23,0 %). Позитивным фактом является то, что численность докторов наук возросла почти на 10 тыс. человек. Это привело к улучшению качества интеллектуального капитала, задействованного в научной сфере страны. Доля докторов наук в общей численности исследователей с учеными степенями увеличилась с 13,7 % в 1991 году до 25,3 % в 2017 году. В целом по стране наметилась негативная тенденция сокращения важнейшей составляющей интеллектуального капитала страны: за 2015–2017 годы численность докторов наук уменьшилась на 2 тыс. человек (почти на 9 %), а численность кандидатов наук за 1991–2017 годы — на 40,7 тыс. человек, или на 34,5 % (!) (табл. 2).

Исходя из такого тренда в динамике численности кандидатов наук, занятых в научно-инновационной сфере страны, абсурдным является предложение ректора Санкт-Петербургского государственного горного университета В. Литвиненко на совместном заседании президиума Госсовета и Совета по науке и образованию РФ 6 февраля 2020 года: «Вторая проблема, Владимир Владимирович, я коротко буквально, это проблема аспирантуры. Надо ее сократить минимум в три раза. Если мы готовим для научно-педагогических кадров, то они должны быть именно уровня мирового, чтобы делали прогрессы. Надо инвестировать в стажировки, двойные защиты: здесь он защищает кандидатскую, в этот же период со знанием языка, чтобы стимулировать то же самое, язык, отправлять своих коллег, у нас есть таких восемь университетов, и туда, чтобы он одновременно был там доктором философии. Это надо административно решить» [8].

В территориальном отношении к этому тренду сокращения численности исследователей с учеными степенями добавляется тенденция регионализации. Размещение интеллектуального капитала (исследователи с учеными степенями) в 2005 году характеризовалось высокой территориальной концентрацией в Центральном (56,7 %) и Северо-Западном (14,5 %) ФО. Их суммарная доля в концентрации интеллектуального капитала достигала 71,2 %. На Сибирский ФО приходилось 10,4 % интеллектуального капитала страны. Таким образом, в этих трех регионах было сконцентрировано свыше 81 % интеллектуального капитала. «Лидерами» в концентрации интеллектуального капитала страны были города Москва (44,2 %), С.-Петербург (12,3 %), Новосибирск (5,1 %). На три ведущих научных центра приходилось 61,6 % концентрации интеллектуального капитала страны (табл. 3).

В 2018 году по-прежнему в Центральном (52,6 %), Северо-Западном (11,5 %) и Сибирском (10,6 %) ФО была сконцентрирована основная часть интеллектуального капитала страны — 74,7 %. Однако за 2005–2018 годы наметилась тенденция постепенного перемещения интеллектуального капитала в другие регионы страны. Это определялось увеличением роли самих регионов в подготовке исследователей с учеными степенями через систему бюджетной подготовки аспирантов в государственных вузах и расширяющуюся систему коммерческой подготовки аспирантов в государственных и негосударственных вузах, ростом спроса на научные исследования на местах в связи с вступлением экономики страны с 1999 до 2008 г. (после дефолта 1998 года) в восстановительный производственный цикл, который завершился кризисом 2009 года. Это было особенно характерно для следующих регионов: Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский края, республики Татарстан и Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Саратовская, Тюменская, Томская области.

В результате доля Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного ФО в территориальной концентрации интеллектуального капитала (исследователи с учеными степенями) за 2005–2018 годы возросла с 18,5 до 25,3 %.

На основе анализа динамики численности исследователей с учеными степенями за 2005–2018 годы можно выделить два наметившихся тренда:

— сокращение численности исследователей с учеными степенями в целом по Центральному и Северо-Западному федеральным округам (на 9,2 %);

— увеличение численности исследователей с учеными степенями в целом по Южному, Северо-Кавказскому, Приволжскому, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному ФО.

В Центральном и Северо-Западном ФО численность исследователей с учеными степенями за 2005–2018 годы сократилась на 6,5 тыс. человек, что равно суммарному накопленному интеллектуальному капиталу Южного и Северо-Кавказского ФО в 2018 году. «Лидерами» в сокращении

Таблица 3

Численность исследователей с учеными степенями по регионам России, тыс. чел.*

Регион	2005	2010	2014	2016	2018
Россия	99,4	105,1	109,6	108,4	100,3
Центральный ФО, в том числе:	56,4	61,1	59,5	56,8	52,8
Москва	43,9	47,4	45,6	43,2	39,6
Московская область	8,12	8,60	8,18	8,09	8,23
Воронежская область	0,90	0,92	1,02	0,95	0,96
Калужская область	1,00	0,94	0,86	0,80	0,65
Северо-Западный ФО, в том числе:	14,4	13,5	14,0	12,8	11,5
Санкт-Петербург	12,2	11,3	11,2	10,2	9,1
Ленинградская область	0,60	0,58	0,67	0,62	0,58
Южный ФО, в том числе:	2,8	3,2	4,5	5,0	4,7
Ростовская область	1,16	1,34	1,47	1,38	1,33
Краснодарский край	0,87	1,04	1,70	2,23	1,96
Северо-Кавказский ФО, в том числе:	1,36	1,88	2,64	3,51	2,77
Республика Дагестан	0,53	0,52	0,58	1,02	0,68
Кабардино-Балкарская Республика	0,23	0,28	0,31	0,49	0,37
Ставропольский край	0,26	0,49	1,01	1,20	1,16
Приволжский ФО, в том числе:	7,6	7,9	8,8	9,3	9,0
Нижегородская область	2,22	2,13	2,31	2,39	2,20
Саратовская область	0,72	0,73	0,78	1,07	1,01
Республика Татарстан	1,40	1,40	1,59	1,64	1,81
Пермский край	0,59	0,62	0,77	0,78	0,76
Республика Башкортостан	1,00	1,02	1,25	1,17	1,11
Уральский ФО, в том числе:	3,7	3,6	4,5	4,9	4,6
Свердловская область	2,30	2,23	2,66	2,75	2,64
Тюменская область	0,51	0,75	0,93	1,12	0,70
Челябинская область	0,76	0,50	0,83	0,84	1,14
Сибирский ФО, в том числе:	10,3	10,7	11,8	12,0	10,6
Новосибирская область	5,1	5,1	5,3	5,2	5,0
Томская область	1,50	1,65	1,78	2,23	1,86
Иркутская область	1,33	1,38	1,37	1,28	1,23
Дальневосточный ФО, в том числе:	2,92	3,29	3,85	4,15	4,32
Республика Саха (Якутия)	0,57	0,62	0,79	0,76	0,70
Приморский край	1,42	1,54	1,57	1,71	1,60
Хабаровский край	0,34	0,37	0,53	0,73	0,74

* Составлено автором по: [5, с. 990–993].

численности исследователей с учеными степенями являются ведущий научный центр мирового значения г. Москва (на 4,3 тыс. человек, или 16,5 %) и г. Санкт-Петербург (3,1 тыс. человек, или 25,4 %).

Самыми привлекательными для исследователей с учеными степенями на современном этапе являются регионы Южного, Северо-Кавказского, Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного ФО. Темп прироста численности ученых за период с 2005 по 2016 гг. в целом по Северо-Кавказскому ФО составил 158 % (абсолютный прирост 2151 человек), по Южному ФО — 80 % (абсолютный прирост 2220 человек), по Дальневосточному ФО — 44 % (абсолютный прирост 1293 человека), Уральскому ФО — 39 % (абсолютный прирост 1445 человек), Приволжскому ФО — 22 % (абсолютный прирост 1667 человек) и Сибирскому ФО — 16 % (абсолютный прирост 1674 человека).

В регионах указанных федеральных округов темп прироста численности ученых сильно различается, что во многом определяется уровнем социально-экономического развития, производственной специализаций, экономико- и транспортно-географическим положением регионов. Так, рост численности ученых в Краснодарском крае составил 2,6 раза, в абсолютных цифрах прирост составил 1,3 тыс. человек. В Республике Дагестан прирост соответственно на 93 % и 491 человек, в Ставропольском крае — на 439 % и 1136 человек, в Республике Татарстан — на 29 % и 411 человек, в Республике Башкортостан — на 18 % и 175 человек, в Саратовской области — на 47 % и 343 человека, в Свердловской области — на 31 % и 710 человек, в Челябинской области — на 50 % и 381 человек.

Территориально наибольшее абсолютное сокращение численности исследователей — докторов наук наблюдается в Москве, и началось оно с 2010 года — 1773 человека, в С.-Петербурге с 2005 года — на 656 человек. Также и темпы сокращения численности исследователей — докторов наук в этих центрах научно-исследовательской деятельности оказались выше среднероссийских — соответственно 13,5 % и 23,0 %. Это свидетельствует о новом тренде в сфере территориальной организации науки в России: замедление инновационного развития страны ведет к снижению привлекательности научного вида деятельности в ведущих экономических центрах и деконцентрации численности исследователей — докторов наук в Московской и С.-Петербургской агломерациях.

Исходя из тренда десятипроцентного сокращения численности докторов наук за четыре года можно составить экспертный прогноз на 2024 год. Численность докторов наук в России к этому сроку может сократиться с очень большей долей вероятности ввиду суженного воспроизводства докторов наук через систему докторантуры, и составит около 21,5 тыс. человек. В результате численность докторов наук к 2024 году сократится на 23,2 % по сравнению с 2014 годом. В Республике Башкортостан темп сокращения численности докторов наук за 2014–2018 годы составил 7,5 %. В 2024 году их численность уменьшится до 242 человек, что «возвращает» республику на уровень 2010 года.

Таким образом, для восточных ФО (Уральский, Сибирский, Дальневосточный) характерна высокая территориальная концентрация

ученых-исследователей в пределах одного региона. В Уральском ФО 56 % численности ученых-исследователей приходятся на Свердловскую область, в Сибирском ФО — 50 % численности ученых-исследователей локализовано в Новосибирской области, в Дальневосточном — до 50 % в Приморском крае, где сосредоточены научно-исследовательские институты Дальневосточного отделения РАН и вузы. Подготовка докторов наук в стране превратилась «в штучный товар». При сохранении сложившихся трендов и без принятия экстренных мер по возрождению подготовки докторов наук на правительственном уровне к 2024 году докторантура может самоликвидироваться ввиду ее неэффективности. В целом по стране трансформационные процессы в системе докторантуры можно охарактеризовать как устойчивую деградацию за период 2005–2016 гг.

Благодарность

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 007–00256–18–01 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2020 г.

Список источников

1. Индикаторы науки: 2019: стат. сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. Л. Дьяченко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 328 с.

2. *Михалева О. М.* Роль человеческого капитала в инновационном развитии территории // Вестник Брянского госуниверситета. 2019. № 1. С. 183–188.

3. Наука. Технологии. Инновации: 2019: краткий стат. сб. / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 84 с.

4. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019.

6. *Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М.* Региональная политика России: реалии, проблемы, ожидания // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации. М.: РУДН, 2010. С. 224–235.

7. *Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М., Фаронова Ю. В.* РФ и мировое научно-образовательное пространство // Инновационные процессы в современной науке: сб. Прага: Vydavatel «Osvícení»: 2017. С. 627–636.

8. Стенограмма совместного заседания президиума Госсовета и Совета по науке и образованию. 6 февраля 2020 года.

Информация об авторе

Сафиуллин Радик Газизович (Россия, г. Уфа) — доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, пр. Октября, 71, Уфа, Республика Башкортостан, 450054; e-mail: SafiullinRG@yandex.ru.

R. G. Safiullin

Human Capital of Scientific and Educational Sphere as a Factor of Ensuring Technological Breakthrough of Russia

The article considers modern problems of development of intellectual capital of Russia, the most important component of innovation economy. Territorial features in the distribution of researchers

with scientific degrees and their preparation by subjects of the country are considered. In Russia in 2000–2018 there was a negative trend of reduction of the number of researchers with scientific degrees. In territorial terms, the trend of regionalization is being added to this trend. In 2000–2018, the share of Volga, Ural, North Caucasus, Southern and Far Eastern districts in the territorial concentration of intellectual capital (researchers with scientific degrees) was characterized by growth. At the same time, the number of researchers with scientific degrees in the Central and North-West districts is decreasing. In Russia the following types of regions are formed on localization of intellectual capital: a) «attraction of intellectual capital»; b) «escape of scientists-researchers»; C) «degraded by intellectual capital»; d) «stagnating».

Keywords: human and intellectual capital, regionalization, territorial concentration, trends

Author

Safiullin Radik Gazizovich (Russia, Ufa)— Doctor of Geographical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social and Economic Research of UFIC RAS, Republic of Bashkortostan, 450054, Ufa, Avenue October 71; e-mail: SafiullinRG@yandex.ru.

References

1. Indicators of Science: 2019: Statistical Collection / L. M. Gohberg, K. A. Ditkovsky, E. L. Dyachenko, etc.; National. research Un-t «Higher School of Economics». Moscow: NU HSE, 2019. 328 p.

2. Mihaleva O. M. The Role of Human Capital in the Innovative Development of the Territory // Journal of the Bryansk State University. 2019. No. 1. P.183–188.

3. Science. Technologies. Innovations: 2019: short statistical collection / N. V. Gorodnikov, L. M. Gohberg, K. A. Ditkovsky, etc.; National. исслед. Un-t «Higher School of Economics.» – Moscow: NU HSE, 2019. 84 p.

4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2620-r of 30 December 2012 On Approval of the Action Plan (Road Map) «Changes in Social Sectors Aimed at Improving the Efficiency of Education and Science.»

5. Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2019. Rosstat. Moscow, 2019.

6. Safiullin R. G., Safiullina R. M. Regional policy of Russia: realities, problems, expectations // Peace and Russia: regionalism in the context of globalization. M .: RUDN, 2010. P. 224–235.

7. Safiullin R. G., Safiullin R. M., Faronova Yu. V. Of the Russian Federation and the world scientific and educational space // Innovative processes in modern science. Praga: Vydavatel «Osvícení», 2017. P. 627–636.

8. Stenogram of the joint meeting of the Presidium of the State Council and the Council for Science and Education. February 6, 2020.

УДК 37.026:316.42

С. Н. Семенов

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА В ОБРАЗОВАНИИ[1]

Сегодня в развитии экономики особое значение придается человеческому капиталу, в котором выделяется интеллектуальный капитал, важнейшей стороной которого является творческий потенциал «человеческого фактора» производства. Он формируется, прежде всего, в системе образования, однако эффективность этого процесса сдерживается недостаточной разработанностью философски-теоретической концепции творчества.

Ключевые слова: человеческий капитал, творческий потенциал, креативность, профессиональные проблемы, система образования.

Приоритетная роль человеческого капитала в развитии общества выделяется большинством исследователей как характерная черта современной экономики. Соответственно, воспроизводство, причем расширенное (в том числе и в качественном плане), человеческого капитала становится ключевым фактором прогресса общества. Поскольку человеческий капитал включает в себя такую сторону, как интеллектуальный капитал, важнейшей стороной которого является именно творческий, креативный потенциал «человеческого фактора производства», т. е. творческие способности и активность и руководителей, и персонала, — постольку проблемы формирования творческого потенциала населения становятся и проблемами экономическими, а главное — стратегическими для государств и народов, для корпораций и отраслей общественного производства. В этом плане, с учетом роли в этом процессе семьи, ведущая роль должна принадлежать системе образования на всех ее уровнях. Действительно, проблема развития творческих способностей в системе образования разрабатывается во всем мире, предпринимаются многочисленные практические меры в данном направлении.

Однако эффективности данной работы препятствуют два обстоятельства. Прежде всего — отсутствие подлинного междисциплинарного подхода к проблеме. Исследования и практически ориентированные разработки в настоящее время сосредотачиваются в каких-то «локальных» областях (либо по отраслям знания — философия, педагогика, менеджмент, экономика, техника, искусство и т. п.; либо вокруг некоторых авторов, их подходов и «школ»). Связи же между этими «локусами» либо вовсе отсутствуют, либо носят весьма случайный характер (часто, обращаясь к исследованиям в смежных сферах, привлекают далеко не самые значимые материалы). Подобный подход был бы не так опасен в том

[1] Семенов С. Н. Текст 2020.

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

случае, если бы познание творчества вышло на уровень некоторого базового общенаучного его понимания, на основании которого было бы можно сосредоточиться на частных аспектах как на конкретных проявлениях творчества. Но сегодня реальное понимание проблематики творчества (креативности) очень далеко от содержательных общепринятых характеристик, что делает частные подходы к творчеству без понимания его общей сути абстрактными, т. е. заведомо частичными и даже случайными по выводам.

Как раз здесь и возникает второе обстоятельство, мешающее «прикладным» разработкам в сфере профессиональной креативности, в том числе в образовании. Дело в том, что на общенаучное понимание творчества выдвигается его характеристика как создания «нового и социально значимого», а также как психического процесса с решающей ролью бессознательного («инсайт» — «озарение», интуиция). При этом собственно креативность, ее источники ищутся исключительно «в голове» отдельного субъекта. Соответственно, мы имеем представление о некоторой неясной по характеру действия реализации способности, которую можно пытаться выявить, стимулировать и даже развивать, опираясь, по сути дела, лишь на некоторые внешние, эмпирически полученные знания о явлениях, без понимания сущности.

Поэтому в исследованиях креативного потенциала в экономике мы получаем лишь рекомендации о подборе творческих специалистов и о создании условий и стимулов для их работы (См.: [4]). Попытки же как-то обучать творческому подходу чаще всего связаны или с простейшими методиками активизации («мозговой штурм» и т. п.) и систематизации («морфологический анализ») психики (См.: [1]), или с «латеральным» подходом (Ф. Котлер) [3, с. 118], т. е. с идеей «делать что-то необычное», или с принципиально «вывернутыми» наоборот действиями (нанимать ненужных и неприятных сотрудников; поощрять не выполняющих указания; браться за бесполезные и абсурдные проекты и т.п [7, с. 31]. Рассматривая же предложения по реформированию образования в аспекте развития творческих способностей, мы видим, как просто введение ознакомительных курсов, описывающих как различные методики повышения креативности, так и весьма экзотические предложения о стимулировании деятельности мозга введением человека в измененные состояния сознания, в том числе и с помощью особых химических веществ, воздействующих на мозг, или подключением к ЭВМ. Причем последние предложения — не от фантастов, а от ведущих специалистов федерального Агентства стратегических исследований (См.: [2, 5, 6,]. Что же касается практики центра «Сириус», по образу которого начинают строить работу и в регионах, — это вполне работающий, но мало тиражируемый и очень древний по сути подход — обучение у ведущих мастеров своего дела. То есть системе образования в целом он может дать очень мало — это чисто элитарный и притом «ремесленный» в средневековом смысле подход.

Полагаем, что как учебные курсы, действительно развивающие творческие способности на разных уровнях образования, так и подходы к реформированию образования в целом в плане его ориентации на формирование креативной личности — должны опираться на содержательное, внутреннее, сущностное понимание творчества, путей развития творческих способностей и специфики профессионального творчества.

Именно в проблемах творчества, пока еще далеко не «общепонятного», ярко проявляется необходимость междисциплинарного подхода. Дело в том, что экономическое, управленческое, дидактически-педагогическое и т. п. воздействия на творчество будут эффективны лишь при более-менее адекватном понимании его сущностных черт. Иначе мы пытаемся стимулировать «что-то новое», активизировать некие «озарения», что приводит к весьма случайным результатам.

Трудность познания творчества и его специфика обуславливают необходимость его предварительного философского осмысления, чтобы получить методологические ориентиры для его постижения. И первый важный вывод здесь — его сущность надо искать не «в голове» человека, не в неких «психических процессах» или «возбуждениях зон мозга», а в тех преобразованиях, которые субъект (творец) производит в предмете творчества (в объекте) в ходе творческого акта. Только так мы можем получить объективную, научную концепцию творческого акта — а следовательно, и понять, как и почему этот акт обеспечивают определенные психические процессы. А из этого можно перейти к пониманию как специфики творчества в определенных сферах человеческой деятельности (профессиональному творчеству), так и к возможных способов формирования творческого потенциала личности и общества. Полагаем, что имеется вполне достаточно оснований (в том числе и в практическом опыте разработки и внедрения с 80-х годов XX века в Уфе экспериментальных учебных курсов) охарактеризовать творческий акт как диалектический синтез несовместимых ранее реалий («единство противоположностей»). Этот синтез реализуется не «бессознательным», т. е. низшим по уровню, но «сверхсознательным», т. е. высшим, культурным типом целостного мышления, органически соединяющего знания (понятия), эстетические образы и ценностно-оценочные моменты (См.: [11]).

В этой связи именно неприятие диалектической методологии превращает большинство известных «методик творчества» в частично и приблизительно ориентирующие на креатив системы приемов, достигающие успеха, лишь когда они «полуосознанно» выходят на противоречие и его разрешение. «Парадоксы», «метафоры», «инкубации», «инсайты» — все это становится понятным и обретает свое место в рамках понимания творчества как всецело культурного (не биологического!) явления, как целостного диалектического сверхсознательного мышления, разрешающего противоречия в мыслях и действиях, т. е. реальные проблемы, не разрешимые стандартными методами. Из известных на сегодня подходов

наиболее интересна ТРИЗ (теория решения изобретательских задач) Г.С. Альтшулера, но именно в ее исходном, диалектически ориентированном варианте (выход современной ТРИЗ «на Запад» привел к потере многими ее вариантами диалектического «духа» и к ее превращению в набор рекомендаций по «культуре умственного труда»).

Очевидно, что творческим потенциалом обладают те, кто способен мыслить диалектически (в том числе стихийно), т. е. разрешать противоречивые проблемы. Именно такие люди являются «одаренными», именно такие специалисты нужны производству, именно их следует мотивировать на решение реальных проблем и именно такое мышление должно формировать образование, в том числе и профессиональное.

Однако на сегодня мы имеем лишь разрозненные и часто скорее описательные или слишком частные по подходу специальные и дополнительные курсы, ориентирующие на развитие творческого потенциала (в том числе и за рубежом). Проводимый нами в ИНЦ «Майевтика — XXI» (г. Уфа) совместно с Госкомобразования СССР (НИИ ВО) в 80-х годах XX века эксперимент в Уфе и Целинограде (Казахская ССР) показал эффективность внедрения курсов основ профессионального творчества в качестве не «спецкурсов», а итоговых курсов профессиональной подготовки. При этом требуется ориентация всей системы обучения на подобную итоговую подготовку специалиста, способного к профессиональному творчеству.

При этом формирование творческих способностей, как способностей к целостному профессиональному мышлению (т. е. включающему и эстетически-образное осмысление профессиональной проблемы, без чего вообще невозможен творческий акт; и ценностную ориентацию на противоречия и самые перспективные подходы), требует не только высококачественной специальной, но и общегуманитарной подготовки. Нами уже в 1990-е годы была предложена модель построения обязательной части гуманитарного образования по любой специальности, включающая в себя знания — эстетически образные и ценносто-аксеологические аспекты, впоследствии дополненная и развитая ([См.: 12; 8; 9]).

Однако сегодня в российских вузах нарастает прямо противоположная тенденция — под разными нелепыми предлогами (а суть — в «профессиональном кретинизме») ликвидируются «необязательные» (по решению чиновников от образования) курсы эстетики, этики и т. д., заменяясь бессмысленными узкоспециальными «курсами», которые устареют раньше, чем студенты закончат вуз. Если кто-то думает, что это и есть «профессионализация», то на деле это деградация высшего образования, поскольку оно — не усовершенствованное профтехучилище. Во всяком случае, если подлинный профессионал должен обладать профессиональной креативностью, то это прямо препятствует формированию творческого потенциала специалиста. Общегуманитарная подготовка — часть специального образования! (См.: [10]).

Таким образом, творческий потенциал, как важнейшее качество «человеческого капитала» современного общества, должен формироваться в системе образования. Но для оптимальной реализации этой функции система образования нуждается в серьезном реформировании, причем сегодня этот процесс идет весьма противоречиво. Для его оптимизации следует разработать и внедрить систему учебных курсов, ориентированных на подлинное понимание сущности профессионального творчества.

Список источников

1. *Дегтярев С. Н.* Разработка стратегии креативно ориентированного обучения // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 3. С. 40 45.

2. *Евзрезов Д. В., Майер Б. О.* «Образование 2030» вызов системе образования. 1.Форсайт образования план создания «людей одной кнопки»? // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № (2)18. С. 117–131.

3. *Котлер Ф., Триас де Бес Ф.* Латеральный маркетинг: технология поиска революционных идей : пер. с англ. М.: Альпина ПАБЛИШЕРС.,2010. 206 с.

4. *Мельников О. Н., Мельников И. О., Чибисова В. Т.* Алгоритм комплексного обеспечения повышения эффективности проявления инновационной активности специалистами современных организаций // Российское предпринимательство. 2016. –Т.19. № 17. С. 2087–2102.

5. Образование [Электронный ресурс]. URL: www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec (дата обращения 03.03.2015).

6. *Песков Д.* Революция в образовании: шесть трендов [Электронный ресурс]. URL: www.rabe.ru/files/187.doc (дата обращения 02.03.2015).

7. *Саттон Р.* Охота за идеями. Как оторваться от конкурентов, нарушая все правила: пер. с англ. М.: Альпина ПАБЛИШЕРС, 2016. 335 с.

8. *Семенов С. Н., Семенова А. Н.* Проектирование содержания гуманитарного образования: плюрализм и инварианты. К современным проблемам российской высшей школы // Философия образования. 2005. № 2(13). С. 113–121.

9. *Семенов С. Н.* Творческое мышление (сущность, механизмы, пути оптимизации). Уфа: РИО БашГУ, 2005. 144 с.

10. *Семенов С. Н.* Философия, методология и теория творчества впервые на российских философских конгрессах // Вестник Российского философского общества. 2016. № 1(77). С. 45–48.

11. *Семенов С. Н.* Творческий акт: сущность, логика и психология (зарубежные и отечественные подходы) // Философия творчества. Ежегодник / РАН, ИФ. 2018. Вып. 4. –М.: ИИнтеЛЛ, 2018. С. 113–138.

12. *Штейнберг В. Э., Семенов С. Н.* Технология логико-эвристического проектирования профессионального образования на функционально-модульной основе / под ред. В. С. Кагерманьяна. М.: НИИ ВО, 1983. 40 с.

Информация об авторе

Семенов Сергей Николаевич (Россия, г. Уфа) — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований, ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (УФИЦ РАН) (450054, Уфа, проспект Октября, 71. @-mail: semenov777@mail.ru.

S. N. Semenov

Formation of the Creative Potential of Society in Education

Today, in the development of the economy, special importance is attached to human capital, in which intellectual capital is allocated, the most important side of which is the creative potential of the» human factor « of production. It is formed primarily in the educational system, but the effectiveness of this process is limited by the lack of development of the philosophical and theoretical concept of creativity.

Keywords: human capital, creative potential, creativity, professional problems, education system

Author

Semenov Sergey Nikolaevich (Russia, Ufa) — PhD in philosophy, senior research fellow At the center for strategic and interdisciplinary research of THE Ufa Federal research center of the Russian Academy of Sciences (UFA, Russia) (71 Oktyabrya Prospekt, Ufa, 450054; e-mail: semenov777@mail.ru).

References

1. Degtyarev S. N. Development of a strategy for creatively oriented learning // Innovative projects and programs in education. 2015. No. 3. P. 40–45.

2. Evzrezov D. V., Mayer B. O. «Education 2030» a challenge to the education system. 1. education foresight-a plan to create «one-button people»? // Bulletin of the Novosibirsk state pedagogical University. 2014. No. 2 (18). 2014. P. 117–131.

3. Kotler Philip., Trias de Bes Fernando . Lateral Marketing: A New Approach to Finding Product, Market, and Marketing Mix Ideas. M. Alpina Publishers. 2010. 206 p.

4. Melnikov O. N., Melnikov I. O., Chibisova V. T. Algorithm for complex support of increasing the effectiveness of innovative activity by specialists of modern organizations // Russian business. 2016. –Vol. 19. No. 17(17). P. 2087–2102.

5. Education [Electronic resource]. URL: www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec (03.03.2015).

6. Peskov D. Revolution in education: six trends [Electronic resource]. URL: www.rabe.ru/files/187.doc (02.03.2015).

7. Sutton Robert. Weird Ideas That Work. How to Build a Creative Company. –M. Alpina Publishers, 2016. 335 p.

8. Semenov S. N., Semenova A. N. Designing the content of humanitarian education: pluralism and invariants .To modern problems of the Russian higher school // Philosophy of Education. 2005. Vol. (2)13. P. 113–121.

9. Semenov S. N. Creative Thinking (essence, mechanisms, the way of optimization). Ufa: RIO BashSU, 2005. 140 p.

10. Semenov S. N. Philosophy, methodology and theory of creativity-for the first time at Russian philosophical congresses //Bulletin of the Russian Philosophical Society. 2016. No. (1)77. P. 45–48.

11. Semenov S. N. Creative Act: Essence, Logic and Psychology (Foreign and Domestic Approaches) // Philosophy of Creativity. 2018. No. 4. P. 113–138.

12. Shteinberg V. E., Semenov S. N Technology of logical-heuristic design of professional education on a functional-modular basis / Ed. V. S. Kagermanyan. M.: NII WO, 1983. 40 p.

УДК 314.57

А. Б. Синельников

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СУПРУЖЕСТВА ОТ РОДИТЕЛЬСТВА КАК СИМПТОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА СЕМЬИ[1]

Разделение супружества и родительства всегда имело место в случаях вдовства, в ситуации бесплодного брака, или, напротив, рождения внебрачных детей у женщин, которые не хотели стать одинокими матерями, а также в случаях развода (когда жена требовала расторжения брака из-за пьянства или жестокости мужа либо муж разводился с неверной супругой). Эти кризисы касались конкретных лиц и семей, а не основ семьи как социального института. Институциональный кризис семьи начинается, когда отделение супружества от родительства становится добровольным, вызывается субъективными причинами и считается социально приемлемым. Данные опроса супружеских пар, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2018–2019 гг. при участии автора этой статьи, показывают, что многие респонденты считают, что сожители не должны регистрировать брак, даже если у них родился ребенок, а супруги имеют моральное право на развод с нелюбимыми мужьями или женами, даже если у них есть дети. Без изменения этих социальных норм демографическая политика не достигнет своих целей.

Ключевые слова: супружество, родительство, регистрация брака, сожительство, развод, кризис семьи, демографическая политика

По определению А.И. Антонова, «Семья — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства, и, тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [5, с. 44]. Но эта дефиниция применима лишь к полнокомплектным семьям, которые до недавнего времени во всем мире считались, а в большинстве стран и в наши дни считаются естественными [1, с. 32] и нормативными.

Подавляющее большинство населения России признает нормой только нуклеарную семью. Совместное проживание с родителями мужа или жены почти всегда рассматривается как вынужденное и временное с точки зрения супругов, считающих себя отдельной семьей, а тестя, тещу, свекра и свекровь — родственниками, но не членами семьи. Родство дедов и бабушек с внуками тоже признается родственной, но не внутрисемейной связью. Самый близкий и важный вид кровнородственных связей — это родительство. Его следует рассматривать отдельно от родства, т. е. других кровнородственных связей. Внутри нуклеарной семьи возможны лишь три вида связей: 1) супружество — связь между мужем и женой; 2) родительство — связь между родителями и детьми; 3) родство — связь между

[1] © Синельников А. Б. Текст. 2020.

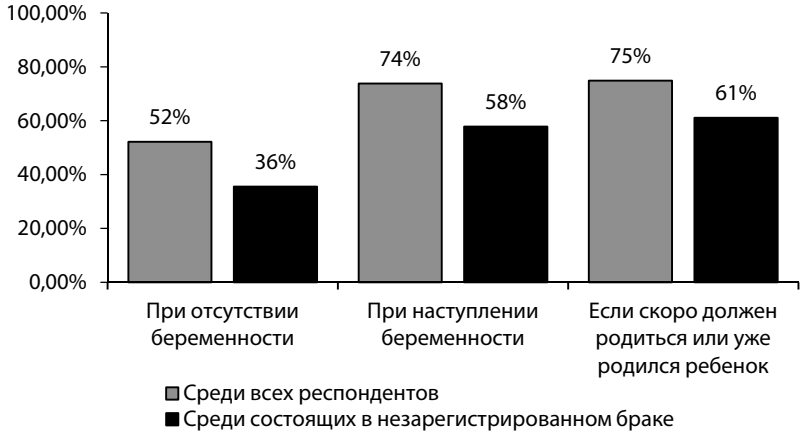


Рис. 1. *Мнения о том, следует ли регистрировать брак, в % к числу респондентов с данным семейным положением (по данным СеДОЖ-2019, в % к числу ответивших)*

братьями и сестрами. При полном комплекте связей семья — полнокомплектная (супруги с несколькими детьми), при неполном — неполно комплектная, т. е. неполная (один из родителей с ребенком/детьми), либо бездетная или однодетная супружеская пара. Уменьшение комплектности связей препятствует реализации функций семьи — воспитания детей (в неполных и однодетных семьях) и воспроизводства населения (при массовой однодетности и добровольной бездетности). В полных семьях с одним ребенком нет родства, в бездетных семьях нет ни родительства, ни родства, в неполных семьях нет супружества, а родительство носит усеченный характер (материнство без отцовства, либо отцовство без материнства).

Добровольное отделение родительства от супружества — это один из признаков кризиса семьи как социального института. Но самый главный признак состоит в том, что население не считает это кризисом, не рассматривает естественную семью как нормативную, а отделение супружества от родительства — как нарушение социальной нормы.Об этом можно судить по данным опроса почти 2,5 тыс. респондентов, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2018–2019 гг. (СеДОЖ-2019).

Супружество без родительства — это бездетность, в том числе и добровольная (*childfree*), которая стала приемлемой для значительной части населения. По данным СеДОЖ-2019, 20,7 % респондентов считают, что «быть счастливым можно и не имея детей» [5, с. 273].

Родительство без супружества имеет две формы: 1) рождения вне брака; 2) развод в семьях с детьми. Поскольку лишь около половины (52 %) респондентов считают, что «гражданские супруги» должны узаконить свои отношения даже тогда, когда беременность не наступает, социальная

норма, обязывающая все совместно проживающие пары рано или поздно зарегистрировать брак, постепенно утрачивает силу. А среди людей, состоящих в т.н. гражданском браке, которых эта норма касается лично, лишь около трети (36 %) считают, что этот союз надо оформить, даже если беременность не наступит. Эти данные отражают отношение к законному браку как самоценности, независимо от того, есть ли дети. Но если они должны родиться или уже родились, то ценность законного брака намного повышается.

Три четверти (74 %) из общего числа респондентов считают, что брак необходимо зарегистрировать при наступления беременности, а 75 %, т. е. лишь на 1 % больше, — в ситуации, когда должен скоро родиться или уже родился ребенок. Среди состоящих в незарегистрированном браке доля сторонников его регистрации заметно меньше, но все же превышает половину от их числа (соответственно 58 % и 61 %). Судя по малому различию между этими двумя цифрами (3 %), для респондентов почти нет разницы между случаями, когда «гражданская жена» только что забеременела или когда она скоро должна родить либо уже родила. Большинство «гражданских супругов» считают, что эту проблему следует решать путем регистрации брака, а не с помощью аборта. Аборты более типичны для женщин, забеременевших от партнеров, которых они не считают «гражданскими мужьями», а также для тех, которые уже имеют столько детей, сколько желают. Первая беременность от «гражданского супруга», скорее всего, закончится родами. Но это может произойти и без оформления брака. 21 % среди состоящих в «гражданском браке» респондентов считают, что даже в такой ситуации регистрировать брак не надо. Не так уж редко (в 9 % случаев) это мнение разделяют и респонденты, состоящие в законном браке.

Во многих случаях «внебрачные» дети, особенно на первых порах, воспитываются обоими родителями, которые живут вместе, но не зарегистрировали брак, поскольку не уверены в прочности отношений. Эти сомнения обоснованы — вероятность распада для внебрачного союза выше, чем для законного брака. Разрыв отношений между законными или «гражданскими» супругами, имеющими детей, приводит к отделению супружества от родительства. То же самое происходит после разводов в семьях с детьми. Как правило, инициаторами развода становятся жены [3, с. 133].

Если решение о разводе является реакцией жены на неверность, пьянство, рукоприкладство или отсутствие заботы о семье со стороны мужа, то это решение — вынужденное и объективно мотивированное. Если же муж ни в чем не виноват, а жена требует развода просто потому, что разлюбила его, то ее решение о разводе — добровольное и субъективно мотивированное. Когда общественное мнение признает эту субъективную причину развода уважительной, а поведение его инициаторов (мужей, разлюбивших жен, и жен, разлюбивших мужей) — правильным, разрушаются не только те семьи, в которых «любовь прошла», но и социальный институт семьи в целом. Эти «домашние революции» носят массовый характер

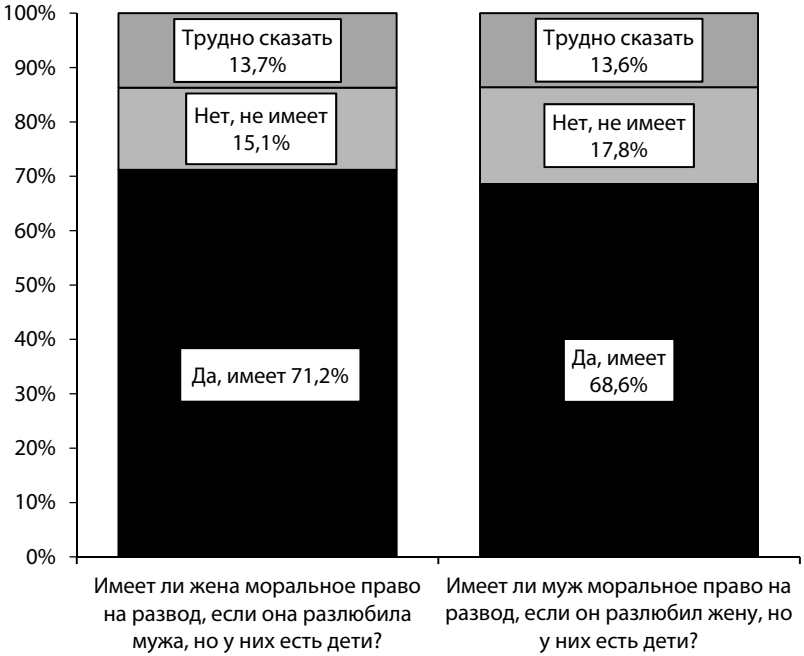


Рис. 2. *Мнения о том, имеет ли супруг, разлюбивший другого супруга, моральное право на развод, если в семье есть дети (по данным СеДОЖ-2019, в % к числу ответивших)*

и не менее деструктивны для семьи как основы социума, чем социальные революции — для государства и общества [3, с. 146].

Подавляющее большинство респондентов (71,2 %) считают, что жена, разлюбившая мужа, имеет моральное право на развод, даже если у них есть дети. Лишь 15,1 % полагают, что такого права у нее нет. Еще 13,7 % затруднились ответить. Логика противников развода понятна: муж может быть ни в чем не виноват и не согласен на развод, а интересы детей имеют приоритет перед остывшими чувствами матери к отцу. Но в этих случаях инициаторы развода не принимают никаких логических контраргументов, а руководствуются только личными интересами, которые для них важнее интересов супругов и детей [3, с. 133]. Однако своих эгоистических целей они достигают далеко не всегда. В новый брак вступают вовсе не все разведенные [4, с. 98–99]. Повторные браки не более удачны, чем первые [3, с. 138] и не менее часто заканчиваются разводом [2, с. 76–77].

Мужчины признают за женами такое право практически так же часто, как и сами женщины (70,6 % против 71,8 %). Гендерное различие во мнениях по этому вопросу ничтожно (1,2 %) и статистически незначимо.

Бездетные респонденты признают право жены на развод с нелюбимым мужем несколько чаще, чем имеющие детей, москвичи — чаще, чем жители других регионов, неверующие — чаще, чем верующие, люди с высокими доходами и с высокой их самооценкой — чаще, чем люди со средними и низкими доходами и с невысокой самооценкой своих доходов. Все различия между сравниваемыми группами респондентов статистически значимы.

Мнения о том, имеет ли муж моральное право на развод с нелюбимой женой, оказались практически такими же. 68,6 % как среди мужчин, так и среди женщин считают, что даже в семье с детьми у мужа есть право на развод с нелюбимой супругой, 17,8 % полагают, что такого права у него нет, а 13,6 % затруднились с ответом. Дифференциация мнений о праве мужа на развод зависит от тех же факторов, которые были перечислены выше, когда речь шла об аналогичном праве жены. Состоящие в «гражданском» браке чаще признают право мужа на развод, чем состоящие в законном браке. Различия между мнениями законных и «гражданских» супругов о моральном праве жены на развод менее заметны и не выходят за рамки статистической погрешности.

Респонденты, считающие приемлемым разрушение семей с детьми по субъективной причине «любовь прошла», чаще, чем те, для кого это неприемлемо, допускают и другие сценарии добровольного отделения супружества от родительства: сожительство, отказ от регистрации брака даже в случаях рождения детей или, напротив, добровольную бездетность.

Подавляющее большинство респондентов признают моральное право на разрушение семьи с детьми за супругом, у которого «любовь прошла». Поэтому мало кто может быть уверен в прочности своей семьи. Понимая, что от развода нельзя застраховаться, многие люди не хотят вступать в законный брак, предпочитая сожительство, которое ради приличия называют «гражданским браком». Распад этих союзов не влечет за собой потерю жилья и другой ценной собственности, что часто происходит после расторжения законных браков.

Как разводы (если они происходят по вышеописанному сценарию), так и сожительства, и рождение детей вне брака — это симптомы институционального кризиса семьи. Главная причина кризиса семьи состоит в преобладании крайнего индивидуализма (когда люди руководствуются лишь своими желаниями) над фамилизмом (когда они согласуют свои интересы с интересами других членов семьи). Без этого семья не может существовать. Эгоисты, которые ни с кем не считаются, либо не вступают в брак, либо расторгают его, чтобы вернуть себе личную свободу [3, с. 132], либо вообще остаются бездетными, чтобы избежать родительских обязанностей.

В анкете СеДОЖ-2019 респонденты ранжировали 15 жизненных ценностей. Среди тех из них, которые поставили ценность

«свобода и самостоятельность в жизни» на одно из трех первых мест, считают, что жена имеет право на развод, 76,2 %, а муж — 74 %. Среди тех, которые поставили эту индивидуалистическую ценность на одно из трех последних мест (13-е, 14-е или 15-е), признали это право для жены 66,7 %, а для мужа — 63,9 %. Разница как для мужей, так и для жен составила около 10 % и оказалась статистически значимой (критерий $t > 3$).

Среди респондентов, которые высоко ценят свободу и самостоятельность в жизни (1–3 места), 26,2 % считают, что можно быть счастливым и не имея детей. Это еще не большинство, поскольку добровольная бездетность в России пока что не очень популярна, но уже составляет весьма значительный процент. Среди тех, кто ставит эту ценность на 13–15 места, данное мнение разделяют лишь 14,4 %. Разница статистически достоверна ($t > 4$).

Преобладает мнение, что в ситуации, когда скоро должен родиться или уже родился ребенок, «гражданские супруги» должны зарегистрировать брак. Однако среди респондентов, которые высоко ценят свободу и самостоятельность в жизни, доля сторонников регистрации брака в подобных случаях все же заметно меньше, чем среди тех, для кого эта ценность находится на последних местах (71,2 % против 80,8 %). Различие значимо ($t > 3$).

Разделение супружества и родительства уменьшает число как браков, так и рождений. Отказ от регистрации браков и замена их сожительствами ведет к снижению рождаемости, поскольку, при прочих равных условиях, в среднем на одну сожительствующую пару рождается значительно меньше детей, чем на одну законную супружескую пару. Неуверенность в прочности отношений приводит к отказу как от регистрации брака, так и от рождения детей [4, с. 105–106]. Сожительство — это промежуточное семейное положение между одиночеством и законным супружеством. Уменьшение числа законных браков и рост числа сожительствующих пар подрывают основы социального института семьи [4, с. 108].

Меры демографической политики в России долгое время стимулировали главным образом рождения вторых и последующих детей в уже существующих семьях. Лишь недавно эти меры (в частности право на материнский капитал) были распространены и на семьи, где родился первенец. Следует стимулировать уже и вступление в законный брак. Чем больше заключается браков, тем больше рождается детей. Необходимо увеличить не только материальную, но и моральную поддержку семьи со стороны государства, поднять престиж и прочность законного брака, внести изменения в Семейный кодекс, пересмотреть правила расторжения брака, чтобы люди не боялись потерять жилье и другую ценную собственность. Не менее важна пропаганда семейных ценностей и воспитательная работа с новыми поколениями, направленная на преодоление эгоизма и формирование правильного отношения к супружеству и родительству. Без этого демографическая политика не достигнет своих целей.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18–011–01037 «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 — 2020 гг.)».

Список источников

1. *Карлсон А.* Общество Семья Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход: пер. с англ. под ред. профессора А. И. Антонова. М., 2003. 288 с.

2. Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 428 с.

3. *Синельников А. Б.* Развод революция в семье // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 130–146. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15245250_26881539.pdf (дата обращения 30.05.2020).

4. *Синельников А. Б.* Семья и брак кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715.

5. Социология семьи: учебник / под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 640 с.

6. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др.; под. ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. с. 273. 486 с. 3,1 Мб. (Электронное издание сетевого распространения). ISBN 978–5-317–06320–7. https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019.

Информация об авторе

Синельников Александр Борисович (Россия, г. Москва) — доктор социологических наук, профессор социологического факультета, кафедра социологии семьи и демографии МГУ имени М. В. Ломоносова (119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, строение 33, социологический факультет; e-mail: sinalexander@yandex.ru).

A. B. Sinelnikov

Voluntary Separation of Marriage from Parenthood as a Symptom of the Family's Institutional Crisis

The separation of marriage and parenthood has always had a place in cases of widowhood, in a situation of infertility or, on the contrary, the birth of illegitimate children among women who did not want to become single mothers, and in cases of divorce (when the wife demanded divorce for drunkenness or cruelty of the husband or the husband had divorced the wrong wife). These crises concerned specific individuals and families, not the foundations of the family as a social institution. The institutional crisis of the family begins when the separation of marriage from parenthood becomes voluntary, is caused by subjective reasons, and is considered socially acceptable. Data from a survey of married couples conducted by the Department of Family Sociology and Demography of the Faculty of Sociology of Moscow State Lomonosov University in 2018–2019 with the participation of the author of this article show that many respondents believe that cohabitees should not register marriage even if they have a child, and spouses have a moral right to divorce their unloved husbands or wives even if they have children. Without changing these social norms, demographic policy will not achieve its goals.

Keywords: matrimony, parenthood, marriage registration, cohabitation, divorce, family crisis, demographic policy

Author

Sinelnikov Alexander Borisovich (Russia, Moscow) — Professor, Doctor of Sociology, Moscow State Lomonosv University, Faculty of Sociology, Department of Family Sociology and Demography. (119234, Moscow, Leninsky Gory 1–33, MGU, Faculty of Sociology; e-mail: sinalexander@yandex.ru).

References

1. Carlson A. Society The Family The Person: The Social Crisis of America. The Alternative Sociological Approach / Translated from English. Edited by Prof. A. Atnonov. M., 2003. 288 p. (in Russ.)

2. Russia's Population in 2013: 23rd Annual Demographic Report / Executive editor S.V. Zakharov ; National Research University Higher School of Economics. Moscow: Izd. dom Vysshej shkolyj ekonomiki [HSE Publishing House], 2015. 428 p. (in Russ.)

3. Sinelnikov A. B. Divorce Is A Revolution In The Family // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016. No. 2. P. 130–146. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15245250_26881539.pdf (Accessed on 30 May 2020).

4. Sinelnikov A. B. Family And Marriage: Crisis Or Modernization? // Sotsiologicheskiy Zhurnal [Sociological Journal]. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715 (in Russ.)

5. Sociology of the Family. The Textbook / Under The Editorship Of Professor A. I. Antonov. 2nd edition, revised. and add. M.: INFRA-M, 2005. 640 p. (in Russ.)

6. The Family-Child Lifestyle Values (Sedoj 2019): An Analytical Report On The Results Of An Interregional Sociological And Demographic Study: Moscow, MGU, Faculty of Sociology / Under General Editorship OfAntonov A. I. M.: MAKS Press, 2020. 486 p. 3,1 Mb. https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019. (in Russ.)

УДК 314

Я. А. Скрябина

МНОГОДЕТНЫЕ СЕМЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[1]

Одним из приоритетов демографической политики как в целом Российской Федерации, так и ее регионов, является повышение рождаемости населения. В системе мер по повышению репродуктивности особое место занимает социальная поддержка многодетности. Социально-экономическая ситуация, в которой находится большинство многодетных семей, далека от благополучной, что является фактором, детерминирующим низкое качество человеческого потенциала, а значит, и человеческого капитала, носителями которого являются дети из таких семей. В статье по результатам социологического исследования, проведенного среди многодетных семей, анализируются социально-экономические условия, уровень и образ жизни многодетной семьи; состояние здоровья, развития, социализации детей из таких семей. Определены актуальные проблемы для многодетных семей и оценены перспективы на будущее.

Ключевые слова: многодетная семья, воспроизводство человеческого капитала, репродуктивные установки, социальная помощь, социальная поддержка

Наибольшее значение для рассмотрения процессов воспроизводства населения имеет демографическая типология семей по трем основным параметрам: числу детей в семье, полноте состава семьи и ее родственно-поколенной структуре [5, с. 161]. В демографии, исходя из числа детей, семьи подразделяется на малодетные — 1–2 ребенка в семье, среднедетные — 3–4 детей, многодетные — 5 и более детей. Соответственно, в зависимости от норм детности выделяют три типа репродуктивного поведения: малодетное, среднедетное и многодетное.

Семья выступает основным субъектом репродуктивного поведения, в рамках которого «сводятся к общему знаменателю» репродуктивные установки индивидов, формируются общесемейные потребности в детях, реализуется репродуктивная функция. Перемены, которые происходили в российском обществе, вместе с общемировыми демографическими тенденциями, повлияли на число детей в семье: от многодетности мы сначала перешли к среднедетности, а затем к однодетности как идеальной модели семьи [1]. В России был поэтапный, достаточно прямолинейный и плавный переход от «многодетности» к среднедетности и от среднедетности к малодетности [2, с. 177].

В условиях нового этапа демографического кризиса, вызванного, прежде всего, падением рождаемости, в который Республика Башкортостан, как и Россия в целом, вступила в конце 2016 г., особую актуальность приобретает исследование проблем, перспектив и значимости многодетных семей.

[1] © Скрябина Я. А. Текст. 2020.

Определимся с терминологией. В демографии многодетная семья — это семья с пятью и более детьми. В Демографической энциклопедии под многодетной семьей понимается общая характеристика высокого уровня рождаемости. Многодетность семьи определяется числом рождений, которое в зависимости от социально-экономической, социально-демографической, этно-религиозной и других характеристик населения может колебаться от 4–5 и более до 7–8 и более детей в семье, что делает категорию «многодетная семья» неопределенной [3, с. 479].

С позиции становления человека многодетная семья определяется как качественно особая семья, в которой трое и более детей, где родители формируют основы детской взаимопомощи и взаимоподдержки, воспитывают в духе взаимоподчинения и взаимотерпения, учат самообслуживанию, заботе о младших, старших и слабых, транслируют традиции, обучают бережливости и ведению домашнего хозяйства, где дети получают нормальное духовно-нравственное воспитание [9].

В российском законодательстве многодетная семья рассматривается как семья, в составе которой есть трое и более детей в возрасте до 18 лет (до 23 лет при условии их обучения на дневных факультетах ССУЗов, вузов и на период срочной службы в армии). То есть многодетная семья рассматривается как льготная категория граждан, имеющая особые привилегии для получения материальной помощи и особого статуса. В Республике Башкортостан многодетной признается семья, имеющая в своем составе трех и более несовершеннолетних детей, в том числе усыновленных и принятых под опеку (попечительство). В целом каждый регион сам устанавливает размер многодетности, исходя из реальных масштабов этого явления в регионе, а также из своих бюджетных возможностей, поскольку признание семьи многодетной влечет за собой определенный набор мер социальной поддержки. В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации многодетными считаются семьи с тремя и более детьми до 18 лет.

По данным Всероссийских переписей населения по Республике Башкортостан, в 2002 г. удельный вес многодетных семей в числе семей (домохозяйств), имеющих детей моложе 18 лет, составил 8,0 %, в 2010 г. — 8,4 %. В период между переписями 2002–2010 гг. увеличилась и доля детей в многодетных семьях, соответственно, с 17,5 до 18,3 процента.

По данным переписи населения 2010 г., Республика Башкортостан по числу многодетных семей занимает четвертое место в РФ после Республики Дагестан, Чеченской Республики и г. Москва, а по удельному весу (8,4 %) — 18-е место. Самая высокая доля многодетных семей в Республике Ингушетия (53,8 %) и Чеченской Республике (46,8 %), самая низкая — в г. Санкт-Петербург (3,6 %) и Мурманской области (3,0 %).

Как отмечает А.А. Цыренова, формирование человеческого капитала начинается с микроуровня — семьи, основного неформального социального института, в рамках которого создается потенциальный человеческий

капитал [7, с. 50]. Именно семья инвестирует большие средства на рождение, воспитание, образование, здоровье и культуру детей, вкладывает в раскрытие врожденных способностей и талантов, в приобретение знаний, практического опыта и первичных трудовых навыков.

В 2018 г. проведено авторское исследование многодетных семей Республики Башкортостан. Основные его цели — составление социально-экономического и демографического портрета многодетных семей, оценка предоставляемых мер социальной поддержки, определение степени важности различных проблем для многодетных семей и оценка перспектив на будущее. Опросом было охвачено 200 многодетных семей, в том числе 72 семьи опрошены по методу случайной выборки, и 128 матерей, награжденных медалью Республики Башкортостан «Материнская слава» и получивших единовременное денежное вознаграждение в соответствии с республиканским законодательством. Подобных исследований в регионе ранее не проводилось, в то время как в республике, в отличие от большинства регионов России, пока еще не до конца утрачена традиция многодетности, в значительной степени сохраняется мотивация семей, направленная на рождение трех-четырех детей.

В исследовании приняли участие 190 многодетных мам и 10 многодетных отцов. Самая многочисленная группа респондентов — в возрасте 35–44 лет (62,2 %). По семейному положению 151 респондент (75,5 %) состоит в официальном браке, 14 человек (7,0 %) — в гражданском (незарегистрированном) браке, 7 многодетных мам разведены, 5 — матери-одиночки, 6 вдов, 17 женщин живут в повторном браке. В городской местности проживают 64 опрошенные многодетные семьи и 136 — в сельской.

Более половины семей (113, или 56,5 %) имеют пятерых детей, из них 13 многодетных семей опрошены по случайной выборке; шестерых детей — 16 семей (в т. ч. 2 семьи по случайной выборке); восемь детей только в одной семье, опрошенной по случайной выборке.

В ближайшие три года 150 многодетных родителей, или 75,0 % респондентов, не планируют рождение детей, да и скорее всего вообще не предполагают больше иметь детей.

Ожидаемое число детей как наиболее точный индикатор рождаемости позволяет спрогнозировать, сколько детей в конкретных условиях своей семьи и исходя из личных предпочтений планирует иметь семья за весь брачный период.

Среднее имеющееся число детей у всех респондентов — 4,72 ребенка, ожидаемое — 4,76, в том числе по случайной выборке — 3,71, ожидаемое — 3,88 ребенка. Среднее имеющееся число детей у награжденных многодетных респондентов — 5,29, ожидаемое число детей — 5,30. На рисунке 1 представлены репродуктивные установки респондентов.

Разрыв между имеющимся и ожидаемым числом детей у всех респондентов практически нулевой. Такой результат свидетельствует о том, что репродуктивные планы многодетных семей в основном реализованы

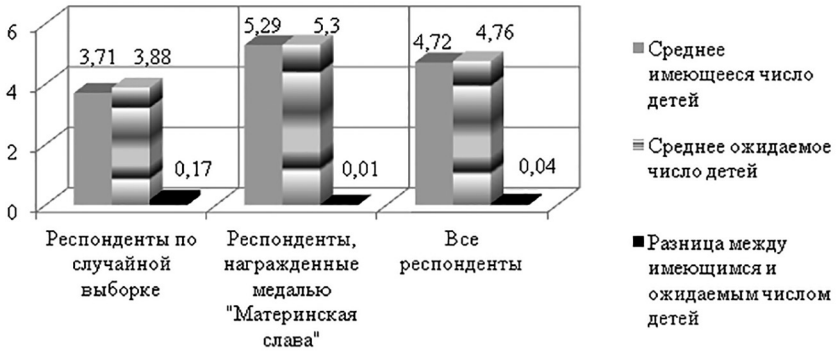


Рис. 1. *Репродуктивные установки респондентов*

и рождение в них пятого-шестого и более детей маловероятно. Три-четыре ребенка в семье — это предел в какой-то степени качественной рождаемости в современных социально-экономических условиях.

По данным исследований, многодетные семьи имеют повышенный риск бедности, поскольку с рождением каждого ребенка расходы семьи увеличиваются. В настоящее время и медицинские и образовательные услуги все более становятся платными, соответственно, семьи, имеющие несколько детей, по сравнению с бездетными семьями или имеющими только одного ребенка оказываются в тяжелых материальных условиях.

По данным выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) видно, что доходы многодетных семей существенно ниже, чем в других категориях семей с детьми. Располагаемые ресурсы в 2018 г. в домохозяйствах с тремя и более детьми были в 1,8 раза ниже, чем в домохозяйствах с одним ребенком. В таблице 1 представлено распределение семей с различным числом детей по самооценке своего финансового положения [8].

Как видно из данных таблицы 1, в Башкортостане выше удельный вес многодетных семей, которые оценивают свое финансовое положение как «не хватает денег даже на еду», в то же время больше тех, у кого средств достаточно, чтобы купить все, что считают необходимым. Более половины многодетных семей (52,7 %) отметили, что материальное положение семьи устраивает их частично, 10,4 % респондентов — совершенно не устраивает, 19,9 % — полностью устраивает. Твердой уверенности в будущем благополучии многодетные семьи не ощущают. Так, у одной трети респондентов (35,3 %) есть уверенность только в отношении своего ближайшего будущего. Основными источниками доходов многодетных семей выступают заработная плата (74,5 %), социальные выплаты (56,2 %); сельскохозяйственная продукция собственного производства (45,5 %).

В республике 26550 многодетных семей (71,3 %) проживают в сельской местности, что составляет 12,3 % от всех сельских семей, имеющих детей

Таблица 1

Распределение семей с различным числом детей по оценке своего финансового положения (ОБДХ РФ — 2018 г. (в процентах от всех домохозяйств соответствующей категории)

Домохозяйства по количеству детей	Домашние хозяйства, оценившие свое финансовое положение следующим образом					
	не хватает денег даже на еду	затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	не можем позволить покупку товаров длительного пользования	не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры	средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным	затруднились ответить
Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств, 2018 г.						
Домашние хозяйства без детей	0,8	15,4	49,0	31,0	3,0	0,8
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет	1,2	16,5	49,3	31,0	3,1	0,8
в т. ч.:						
одного ребенка	1,0	14,7	48,8	31,0	3,8	0,7
двух детей	1,2	17,1	49,4	29,2	2,5	0,6
трех и более детей	2,1	21,8	52,8	17,4	0,7	0,2
Социологический опрос многодетных семей в Республике Башкортостан, 2018 г.						
Семьи, имеющие трех и более детей	6,5	20,9	37,3	17,4	4,0	13,9

в возрасте до 18 лет. Среди городского населения удельный вес многодетных семей составляет 3,3 %. Таким образом, многодетность в большей степени свойственна сельскому населению Башкортостана. Соответственно, при ответе на вопрос «Какую роль играет продукция домашних животных и с земельного участка для Вашей многодетной семьи?» 69,4 % сельских респондентов отметили, что продукция с приусадебного участка выступает основным источником доходов семьи; 94,7 % сельских респондентов за счет своей продукции полностью обеспечивают себя продуктами питания. Очевидно, что основную массу в совокупных доходах сельских многодетных семей составляют натуральные доходы.

Высокий уровень нуждаемости многодетных семей подтверждается тем, что из 200 опрошенных многодетных семей 152 семьи значительные средства тратят на питание: 81 семья расходует примерно половину, 31 семья — примерно две трети, 40 семей — почти всё. Отметим, что чем больше число детей в семье, тем выше удельный вес расходов на питание, соответственно, при одновременном сокращении расходов на одежду,

культурно-досуговые, духовные потребности, дополнительное образование, поддержание здоровья.

В таких социально-экономических условиях многодетным семьям трудно поддерживать формирование человеческого капитала не только на необходимом для здоровья, образования, накопления знаний и развития способностей уровне, но и для ведения домашнего хозяйства.

Воспроизводство человеческого капитала на уровне семьи зависит от уровня образования родителей, их социальной активности, поддержания здорового образа жизни.

Ряд ученых по результатам эмпирических исследований, проведенных в России, пришли к выводу, что образование родителей, взаимоотношения между родителями и детьми выступают факторами успешности детей. Так, Е. С. Петренко и Е. Г. Галицкая отмечают, что уровень образования членов семьи является стимулом образовательной активности и детей, и взрослых [4, с. 240]. По данным нашего исследования, 26,6 % респондентов имеют высшее образование, 61,8 % — среднее, среднее специальное, 11,6 % — неполное среднее образование. Чем ниже уровень образования, тем больше в семье число детей. Вполне очевидно, что проблема получения высшего профессионального образования является актуальной для многодетных родителей. Следует учесть, что в этом направлении необходимо решать две задачи: во-первых, установить льготы при поступлении в любой вуз для обоих многодетных родителей; во-вторых, развивать сферу услуг по уходу за детьми. В целом социальная политика государства с учетом активизации современных женщин в недомашней сфере должна ориентироваться не только на материальную поддержку многодетных семей, но и на поворот социальной инфраструктуры в сторону семьи с детьми. Не случайно респонденты среди наиболее актуальных проблем многодетной семьи выделили две: 63,3 % респондентов указали на низкие доходы и 44,7 % — на нехватку времени для отдыха[1].

Проблема проведения досуга остра для всех семей, имеющих детей, особенно для многодетных и малообеспеченных. Большинство респондентов (75,6 %) ответили, что дети в свободное время помогают по дому, по хозяйству, 55,3 % — старшие смотрят за младшими детьми, 46,7 % — занимаются в спортивных секциях, 28,9 % — посещают культурно-досуговые учреждения, 21,3 % — посещают развлекательные мероприятия. Ни один из респондентов не отметил, что в их многодетной семье существует традиция совместного проведения досуга, способствующая привитию семейных ценностей, сплоченности членов семьи, поддержанию здорового образа жизни.

Занятия в спортивных и культурно-досуговых учреждениях помогают детям раскрыть свои таланты и способности, активно и с пользой проводить часть свободного времени. Так, 53 респондента указали, что ни один ребенок в семье не занимается ни в каких секциях, в 29 многодетных

[1] Итого превышает 100 %, так как допускалось несколько вариантов ответа.

семьях — только один, в 76-ти — двое детей, в 29-ти — трое, в 12-ти — четверо, в 1 семье — все пятеро детей. В качестве основных причин, по которым дети не занимаются, 61,7 % респондентов указали, что близко к дому нет таких учреждений, в том числе 72,2 % проживающих в сельской местности, почти каждый пятый (17,8 %) — нет материальной возможности.

Фундамент здоровья закладывается родителями. Высокие физические и психологические нагрузки, связанные с вынашиванием, рождением и воспитанием детей, отражаются на здоровье многодетной мамы. Как хорошее оценивают здоровье мамы 36,9 % респондентов; 28,3 % обеспокоены серьезными проблемами с зубами; 24,2 % указали на нехватку времени на медицинские обследования и посещение врачей; у 17,7 % — нет денег на медицинское обследование; 15,2 % — каждая последующая беременность ослабляет здоровье матери.

Условия и образ жизни семьи, в которой воспитываются дети, отражаются на их физическом и психическом здоровье. Именно родители несут ответственность за обеспечение здорового образа жизни детей. Большинство респондентов (104, или 52,0 %) ответили, что вообще не употребляют алкогольные напитки, 83 опрошенных, или 41,5 % — один раз в месяц или по праздникам, семейным торжествам, 5 человек, или 2,5 % — 2–3 раза в неделю, 8 человек воздержались от ответа. Большинство респондентов (155 человек, или 77,5 %) отмечает, что они ведут здоровый образ жизни.

В основном дети в многодетных семьях болеют не часто, а основными причинами заболеваемости выступают отсутствие возможности при инфекционных заболеваниях изолировать детей друг от друга, нехватка денег на покупку многих лекарственных препаратов и на услуги платных врачей.

Каждую вторую многодетную семью не устраивает жилье: жилая площадь ниже социальной нормы, у большинства многодетных семей, проживающих в сельской местности, отсутствуют элементарные бытовые условия — нет водопровода, центрального отопления и канализации. Одна треть многодетных семей (32,5 %) пытаются сами решить свои жилищные проблемы, 20,4 % — ждут помощи от местных властей, 16,8 % — не имеют возможностей для решения жилищной проблемы, каждая десятая семья надеется на материнский капитал.

В Республике Башкортостан меры государственной поддержки многодетных семей осуществляются на региональном уровне в сфере охраны здоровья и организации отдыха детей;в сфере образования; по обеспечению жилыми помещениями; по оплате жилого помещения и коммунальных услуг; в области содействия занятости многодетных родителей.

В 2019 г. в 40 муниципальных образованиях республики дополнительно действовали муниципальные меры поддержки семей с детьми и были установлены тарифы «Семейный», «Семья — это выгодно!» на предоставление услуг организациями, находящимися на территории муниципального

района (городского округа) всех форм собственности. Основные получатели — семьи с 3 и более несовершеннолетними детьми.

Проведенное исследование показало, что в настоящее время многодетные российские семьи, воспитывающие трех и более детей, испытывают большие материальные трудности, жилищно-бытовые проблемы, нехватку времени для отдыха и для занятий с детьми. Но ожидая рождения очередного ребенка, многодетные родители полнее ощущают смысл жизни, видят продолжение себя в детях, испытывают эмоциональное обогащение жизни. Настоящим и будущим многодетным родителям респонденты пожелали здоровья, счастья, благополучия, терпения, любить своих детей, больше общаться с ними, беречь их. На наш взгляд, размер социальной поддержки должен соответствовать хотя бы минимальному уровню, способному обеспечить детям необходимое по количеству и качеству питание, одежду, возможность развиваться, а государство, определяя размер и формы поддержки, должно учитывать, что семьи, «воспитывающие четырех или большее число детей, оказывают тем самым услугу обществу, компенсируя недостаточное число детей в других семьях» [6, с. 501].

В качестве дополнительных мер можно предложить повышение информированности о существующих и новых формах социальной поддержки, введение льгот к 1 сентября и на обслуживание в учреждениях здравоохранения; расширение прав работающих многодетных родителей (установление льготных режимов труда, применение гибких форм занятости, дополнительные отпуска и др.); закрепление законодательно первоочередного права на трудоустройство многодетных родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, и др. В целом необходимо усиление мер, направленных на укрепление семьи, предотвращение разводов, на формирование ценности семьи с несколькими детьми, состоящей в законном браке.

Список источников

1. *Архангельский В. Н.* Факторы рождаемости. М. : ТЕИС, 2006. 399 с.

2. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

3. Демографическая энциклопедия / редкол.: Ткаченко А. А., Аношкин А. В., Денисенко М. Б. и др. М.: ООО Издательство «Энциклопедия», 2013. 944 с.

4. *Петренко Е. С., Галицкая Е. Г.* Ресурсный потенциал семьи и образовательные траектории детей и взрослых // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 240–254.

5. *Синельников А. Б.* Типы семей и демографическая политика в России // Демографические исследования : сб. / отв. ред. А. И. Антонов. М. : КДУ, 2009. 292 с.

6. *Сови А.* Общая теория населения. М., 1977. Т. 2. 520 с.

7. *Цыренова А. А.* Развитие человеческого капитала в условиях трансформации институциональной среды. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 88 с.

8. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/docs/1361.

9. Многодетная семья определение и льготы [Электронный ресурс]. URL: https://lgotnik.online/lgoty/mno.

10. Основы духовной культуры [Электронный ресурс]. URL: https://rus-spirit-culture-enc.slovaronline.com/1214-многодетная_семьяgodetnaya-semya-opredelenie-i-lgoty.

Информация об авторе

Скрябина Яна Альбертовна (Россия, г. Уфа) — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, (450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди,40. E-mail: skryana67@mail.ru).

Y. A. Skryabina

Large Families in the Republic of Bashkortostan: Socio-Economics and Demographic Aspects

One of the priorities of the demographic policy of the Russian Federation as a whole and its regions is to increase the birth rate of the population. In the system of measures to increase reproduction, a special place is occupied by social support for multiple children. The socio-economic situation in which the majority of large families are located is far from prosperous, which is a factor that determines the low quality of human potential, and hence the human capital that is carried by children from such families. Based on the results of a sociological study conducted among large families, the article analyzes the socio-economic conditions, level and lifestyle of a large family; the state of health, development, and socialization of children from large families. Current problems for large families are identified and prospects for the future are assessed.

Keywords: large family, reproduction of human capital, reproductive attitudes, social assistance, social support.

Author

Skryabina Yana Albertovna (Republic Bashkortostan, Ufa) — Candidate of Economic Sciences, associate Professor of economic theory and socio-economic policy, Bashkir academy of public administration and management under the Head of Republic Bashkortostan (450008, Ufa city, ZakiValidi str.,40. E-mail: skryana67@mail.ru).

References

1. Arhangelsky V. N. Fertility factors. M.: TEIS, 2006. 399 p.

2. Demographic modernization of Russia, 1900–2000 / Ed. A.G. Vishnevsky. M.: New Publishing House, 2006. 608 p.

3. Demographic Encyclopedia / editorial: Tkachenko A. A., Anoshkin A. V., Denisenko M. B. et al. M.: Encyclopedia Publishing House LLC, 2013. 944 p.

4. Petrenko E. S., Galitskaya E. G. Resource potential of the family and educational trajectories of children and adults // Issues of education. 2007. No. 3. –P. 240–254.

5. Sinelnikov A. B. Types of families and population policy in Russia // Demographic Studies: Sat. / holes ed. A. I. Antonov. M.: KDU, 2009. 292 p.

6. Sovi A. General theory of population. M., 1977. Vol. 2. 520 p.

7. Tsyrenova A. A. The development of human capital in the transformation of the institutional environment. Ulan-Ude: Publishing House of VSTU, 2006. 88 p.

8. State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation for 2018 [Electronic resource]. URL: https://rosmintrud.ru/docs/1361.

9. The basics of spiritual culture [Electronic resource]. URL: https://rus-spirit-culture-enc.slovaronline.com/1214-многодетная_семьяgodetnaya-semya-opredelenie-i-lgoty.

УДК 377

М. К. Халикова

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ: БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ[1]

В статье, исходя из социокультурных реалий третьего тысячелетия, суть которых есть постглобализация, информатизация, техногенное развитие, социально-нравственные изменения, духовные и геополитические вызовы, пересмотр культурных ценностей, рассматривается проблемы развития личности, сохранения духовных и ценностных основ цивилизации. Аргументируется необходимость формирования новой образовательной парадигмы и ее теоретической и методологической базы в аспекте концепции устойчивого развития, концептуальные основы которой заключаются в переходе к образованному, динамично развивающемуся миру, с высоким уровнем духовной, правовой, экологической культуры, что означает умелое, рациональное, справедливое, ответственное использование природных ресурсов и достижений цивилизации для культурного и экономического роста, а также значимость формирования компетентной личности, понимающей свою роль и предназначение в мире, способной принимать верное решение в ситуации морального и профессионального выбора, умеющей прогнозировать возможные последствия своей деятельности, обладающей социальными, общекультурными и профессиональными навыками, гибкостью, самодостаточностью, ответственностью не только за судьбу своего государства, но и всего человечества.

Ключевые слова: постглобализация, технологии, образование, устойчивое развитие, парадигма образования, компетенции, навыки XXI века.

Обучайте детей, ибо они рождены для времени,
которое не принадлежит Вам.
Хадис

Правильно образовывать юношество
имеет несколько большее значение,
чем покорить Трою.
Меланхтон

Great mission of the civilization — is to teach people thinking.
(Великая задача цивилизации — научить людей мыслить).
Томас Эдисон

Постглобализация, четвертая промышленная революция, индустриализация, развитие web-, нано- и биотехнологий привели к тому, что кардинально изменилось семантическое пространство — эгрегор планеты.

В мире не без усилий СМИ, шоу-бизнеса, отдельных социальных групп, субкультур, а также политиков, экономистов, маркетологов, психологов, семиологов, социологов происходит насаждение нового поведения,

[1] © Халикова М. К. Текст. 2020.

неоэтических норм, стереотипов, масс-культуры, трансформации человеческого сознания.

Сотни институтов работают над тем, чтобы сформировать новый тип людей — «*homo consumens*» — «человек потребляющий».

Этические ценности оказываются в зоне риска. Со сменой приоритетов и ценностей меняется психодинамика масс. Конвергентный характер технологий разлагает гуманистические и моральные основы культуры.

Процветает культ вседозволенности, потребления и материальных благ, возводя в тренд гламур, тщеславие, честолюбие, эгоизм, телоцентризм, меркантилизм, утилитаризм. В свое время великий ученый Альберт Эйнштейн с сожалением отмечал материалистическое отношение к жизни, которое толкает к чрезмерному эгоизму.

В эпоху глобального цифрового воспроизведения, искусственного интеллекта, биотехнологий и размытости традиционных ценностных структур вопросы брака и семьи утрачивают первостепенное значение, исключительно актуальной становится тема гендерной идентичности, природная и физиологическая данность пола воспринимается как феномен и мифологема, гендер создается культурой и выбирается, снимаются психологические барьеры с взаимоотношений, техногенная цивилизация предлагает альтернативные вариации семьи и возможности репродукции.

Возникают социальная иерархия, общественная амбивалентность, перераспределение социальных благ (богатство, власть, влияние, престиж, льготы), классовая поляризация, меняются социальная психология личности и ценностные структуры.

O tempora, o mores! — Цицерон произнес эти слова много веков тому назад, но как никогда они актуальны в наши дни.

Стало понятно, что формат производства, в основе которого лежит «теория экономической выгодности развития потребительского общества», стимулирующий потребительский интерес социума, потребительское отношение к жизни, чужд человеческой природе, пагубен для прогресса.

Он изменил естественный ход и темп развития цивилизации. Быстрее и быстрее, больше и больше, — таковы его каноны.

Как справедливо утверждал Махатма Ганди, и что доказуемо нашим временем, «Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность».

В серии романов Дугласа Адамса под названием «Путешествие автостопом по галактике» есть интересное размышление автора про дельфинов и людей. «…Люди планеты Земля полагали себя много умнее дельфинов, аргументируя этот тезис своими достижениями: колесо, Нью-Йорк, войны и так далее, в то время как дельфины беззаботно плескались в воде. Дельфины, в свою очередь, были уверены в своем превосходстве над людьми — по тем же соображениям» (1, с. 67).

4 миллиарда лет планете Земля.

Один миллион лет «*homo sapiens*» — «человеку разумному».

Но за это время мы смогли изменить облик планеты.

Разрушительный характер для планеты и цивилизации всегда имели деструктивные геополитические теории, возникшие в разные времена истории: расизм, фашизм, нацизм, всеобщий нигилизм.

Так, например, один из основателей классической геополитики Фридрих Ратцель в своей книге «Море, источник могущества народов» указывал на необходимость государств развивать свою военно-морскую мощь для достижения статуса «мировой державы».

В трактате «О законах пространственного роста государств» Ратцель выделяет несколько законов экспансии:

1. Протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры.

2. Пространственный рост государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма.

3. Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости.

4. Граница — это орган, расположенный на периферии государства.

5. Осуществляя свою пространственную экспансию, государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории.

6. Изначальный импульс экспансии приходит извне, так как государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией.

7. Общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает само себя (2, с. 34).

В этих сложнейших нелинейных социополитических условиях особо остро стоит проблема образования и воспитания молодого поколения, которое призвано формировать облик следующего периода цивилизации.

Образование, являясь квинтэссенцией культуры, вплоть до настоящего времени занималось обобщением истории и достижений во всех областях человеческой мысли, пыталось ответить на фундаментальные вопросы человеческого существования.

Образование есть непрерывный процесс, назначение которого не столько в изучении накопленного знания, сколько в расширении миропонимания и формирования концептуальной картины мира.

Неуклонно возрастающие требования со стороны личности, социума являются движущей силой развития образования, а способность отвечать этим требованиям — главным показателем его успешности.

Социокультурные реалии третьего тысячелетия требуют новой стратегии взаимоотношения человека с миром, формирования другого эстетического мировоззрения и образовательной парадигмы.

Каким должно быть образование в современных условиях?

Прежде всего необходимо задуматься над решением концептуальных проблем человечества, порожденных техногенным развитием и утилитарным отношением к природе, и над тем, какой вклад каждый из нас сможет внести в спасение мира.

Возникшая в мире ситуация с пандемией болезней также является своеобразной попыткой планеты достучаться до людей.

Каждый кризис, каждый коллапс — это своеобразный катарсис, самоочищение, поиск новых форм, и велика вероятность того, что новые виды, обладающие более правильным сознанием, сумеют правильно распорядиться возможностями и благами цивилизации.

На планете идет мощный преображающий процесс. В нем участвуют все основные системообразующие стихии: огонь, вода, земля, воздух.

Преображается не только внешний мир планеты, этот урок также направлен на пробуждение самых светлых чувств человеческой души, генерацию энергии созидания, творения, добра.

Это путь эволюции, который мы должны пройти, и как написано в священных текстах, «Создатель не взвалит человеку на плечи бремя, которое этот человек не в силах снести».

Эта ситуация призвана сформировать новое мышление, новое видение.

С этой позиции особый смысл приобретают слова Маленького принца: «Есть такое твердое правило. Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету».

Человечеству необходимо объединиться как одна большая семья, чтобы сохранить жизнь на планете, которая является единым домом для всех, сохранить экосистему и всё ее природное разнообразие.

И помнить о том, что «мы в ответе за тех, кого приручили».

Суть образования XXI века ярко изложена в словах Иммануила Канта: «Дети должны воспитываться не для настоящего, а для будущего, возможно лучшего состояния рода человеческого».

Человечность, ответственность, чистота помыслов, добро и любовь — это те универсальные человеческие истины, многократно упомянутые в книгах Сент-Экзюпери, которые должны лежать в основе прогресса.

Необходимо понять, что существуют детерминизм и универсальная взаимосвязь человека, его внутреннего мира и явлений объективной действительности.

Живя в социуме, мы должны признавать права и благо каждого, следуя незыблемому канону «*lebenundlebenlassen*» — жить и давать жить другим.

Нам, как представителям восточной цивилизации, зародившей великие этические учения — зороастризм, даосизм, суфизм, ислам и относительно которой Запад утверждал «*Exorientlux*» — «Луч с Востока», необходимо всегда помнить о своих нравственных истоках.

Нетленная нравственная триада зороастрийцев — «благие мысли, благие слова, благие деяния» — останется актуальной во все времена.

Об этих истинах мы должны помнить в суете каждого дня, чтобы не потерять истинные ориентиры своего пребывания в этом мире.

Модернизация образования на основе концепции устойчивого развития с учетом глобальных политических, экономических, социальных, нравственных тенденций мирового развития и формирование ключевых компетенций личности в аспекте идеи образования на протяжении всей жизни могут послужить концептуальной основой при построении модели развития образовательных систем мира.

Такая система образования отвечает требованиям развивающегося общества, позволяет работать на перспективу, учитывает возможные перемены завтрашнего дня, потребности будущих поколений. Она служит развитию положительных личностных качеств, повышению качества обучения, оперативному реагированию на возникающие политические, духовные, экологические вызовы и угрозы регионального, государственного и мирового масштаба.

Основная цель системы образования на основе устойчивого развития — не только подготовка специалистов, обладающих современными знаниями, но и формирование компетентной личности, способной принимать правильное решение в ситуации морального и профессионального выбора, умеющей прогнозировать возможные последствия своих деяний, способной к сотрудничеству, обладающей самодостаточностью, гибкостью, толерантностью, ответственностью не только за судьбу своего государства, но и всего человечества.

Человечество должно взять знания о природе и объединить их в целостную систему принципов для разработки картины мира, благодаря которой человек мог бы почитать природу потому, что природа достойна почитания. Далай Лама отмечал, что сегодня *more than ever before, life must be characterized by a sense of Universal responsibility, not only nation to nation, and human to human, but also human to other forms of life* («…более чем когда-либо прежде, жизнь должна характеризоваться чувством всеобщей ответственности, не только нации перед нацией, и человека перед человеком, но и человека перед другими формами жизни» — *пер. ред.*).

Ситуация сегодняшнего дня требует обращения к личности, учета в процессе обучения и воспитания индивидуальных и личностных особенностей и способностей, оптимального соотношения духовного и технократического начал.

В поисках новой парадигмы образования все проводимые инновационные изменения направлены на то, чтобы сформировать у личности качества, необходимые для жизни в XXI веке:

Лидерство;

Ответственность;

Креативность;

Толерантность;

Желание и способность учиться на протяжении всей жизни;
Гибкость и приспособляемость;
Адаптация к различным ролям;
Проявление инициативы;
Time-management;
Критическое мышление;
Коммуникативные навыки;
Навыки сотрудничества;
Уважение к личности, правам человека;
Умение находить нестандартные решения;
Умение проявлять инициативу;
Умение решать проблемы;
Эффективное использование межличностных навыков;
Экологическая культура;
Развитие, внедрение новых идей;
Открытость новым и разнообразным перспективам;
Работа над творческими идеями;
Выяснение причинно-следственных связей;
Понимание взаимосвязей между системами;
Постановка существенных вопросов для прояснения различных позиций;
Анализ и синтезирование информации для решения проблем;
Эффективное формулирование мыслей и идей путем их четкого выражения;
Демонстрация возможности эффективно сотрудничать с различными группами;
Гибкость и готовность к применению необходимых компромиссов с целью осуществления общей задачи;
Принятие ответственности за результаты совместной работы;
Информационная грамотность;
Умение быстро и эффективно искать информацию;
Критически и компетентно оценивать информацию, умение правильно и творчески использовать данные для решения проблем;
Базовое понимание этических вопросов, связанных с использованием информации;
Уважение и толерантность к историческому и культурному наследию народов мира;
Способность понимать свою роль и предназначение в мире;
Владение различными социальными ролями в сфере гражданско-общественной и социально-трудовой деятельности;
Духовное и интеллектуальное саморазвитие;
Эмоциональная саморегуляция и самоподдержка.

Все эти аспекты должны учитываться в образовании будущего.

Главной целью является сконцентрировать объем мудрости, необходимый для человеческой эволюции и личного развития. По мнению Томаса

Эдисона, великая задача цивилизации в том, что она должна учить людей мыслить.

Важным показателем качества образования является обращение к духовности, общечеловеческим ценностям.

Именно такая модель образования станет фундаментом для развития общества будущего.

Список источников

1. *Адамс Д.* Путешествие автостопом по галактике. М. , 2014.
2. *Ратцель Ф.* О законах пространственного роста государств. М., 1903.
3. Education for sustainable development strategy. UNESCO, 2009.

Информация об авторе

Халикова Мохира Кундибаевна (Республика Узбекистан, г. Ташкент) — доктор философии, доцент, руководитель специальных учебных курсов научно-практического исследовательского центра «Оила» при Кабинете Министров Республики Узбекистан (г. Ташкент, ул. Ш. Рашидова, 16).

M. K. Halikova

Once Again to the Question about Moral Sources and Continuity of Generations

The article is based on the socio cultural realities of the third millennium, the essence of which is post-globalization, informatization, technological development, social andmoral changes — the problems of personality development, preservation of the spiritual and value foundations of civilization ar econsidered.

Itargues the need for a new educational paradigm based on the concept of sustainable development. The basic foundations of which are the transition to an educated, dynamically developing world, with a high level of spiritual, legal, environmental culture, which means skillful,responsible use of natural resources and civilization's achievements for cultural and economic growth, as well as the importance off orming a competent person capable of making th eright decision in a situation of moral and professional anionic choice. Thatformation socia lskills, flexibility, self-sufficiency, responsibility not only for the fate of its state, but of all mankind.

Keywords: post-globalization, technology, education, educationalparadigm, sustainabledevelo pment,competencies, 21st centuryskills.

Author

Khalikova Mohira Kundibaevna (Uzbekistan, Tashkent) — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Special Training Courses of the Scientific and Practical Research Center «Oila» under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, (Tashkent city, Sh. Rashidov str., 16).

References

1. Adams D. Hitchhiking the galaxy. M., 2014.
2. Ratzel D. On the laws of spatial growth of states. M., 1903.
3. Education for sustainable development strategy. UNESCO, 2009.

УДК 314.32

С. В. Черешова

РАСШИРЕНИЕ КРУГА СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ» КЛЮЧЕ[1]

Работа посвящена особенностям государственного регулирования в сфере родительского труда применительно к субъектам такого труда. Отмечается перспективность ориентации государственной политики на расширение круга субъектов родительского труда за счет вовлечения иных лиц и институтов. Автор рассматривает установки субъектов родительского труда относительно круга желательных субъектов этого труда и анализирует предпочтения субъектов родительского труда, ориентированных на вовлечение в процесс родительского труда государства и его институтов.

Ключевые слова: труд, родительский труд, субъект родительского труда, социальный институт

Направления государственной демографической политики в России на ближайшие пять лет нормативно закреплены в Концепции демографической политики Российской Федерации [4]. Главные задачи и цели в русле этих направлений, поставленные перед Правительством Российской Федерации на ближайшие годы, нашли свое отражение в не так давно принятом Национальном проекте «Демография» [5]. Базовыми направлениями улучшения демографической ситуации в стране стали: финансовая поддержка родителей при рождении детей и содействие занятости женщин с детьми до 3 лет. Фактически на государственном уровне объектом государственной поддержки стал только институт семьи. Вопросы расширения круга лиц, которому может быть делегирован родительский труд для облегчения родительской нагрузки, остались вне поля нормативного регулирования.

Между тем, расширение круга лиц, вовлекаемых в выполнение родительского труда, и признание субъектов делегирования на государственном уровне в качестве полноценного субъекта родительского труда, может стать эффективным шагом на пути облегчения родительского труда и улучшения самочувствия его традиционных субъектов. Осознание традиционными субъектами родительского труда в полной мере возможности и доступности делегирования своих функций иным социальным институтам может стать серьезным ресурсом для улучшения демографической обстановки в стране.

А.П. Багировой дано определение делегированного родительского труда, который является особым видом родительского труда, предполагающим процесс передачи части функций родителей другим субъектам родительского труда для достижения целей по воспитанию и уходом за ребенком

[1] © Черешова С. В. Текст. 2020.

в процессе его развития [1, с. 66]. В качестве иных субъектов родительского труда эксперты предлагают рассматривать не только специалистов сферы образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, социальной защиты [5, с. 294], но и наравне с ними сами учреждения образования, здравоохранения, культуры и спорта, бизнес-сообщество, государство и общество в целом [2, с. 60], т. е. любую институциональную форму, вовлеченную в процесс воспроизводства человеческих ресурсов.

В 2018 году в г. Екатеринбурге нами было проведено социологическое исследование (опрошено более 600 человек по принципу половозрастной квотной выборки, а также характеру участия в выполнении родительского труда), в ходе которого мы просили респондентов ответить в том числе и на вопрос, кто, по их мнению, должен заниматься родительским трудом, а кто — не должен быть его исполнителем ни при каких обстоятельствах.

Вполне естественно, что лидером рейтинга наиболее одобряемых субъектов родительского труда стали родители, 98,5 % респондентов посчитали эту категорию идеальным исполнителем. Более половины респондентов в качестве желательных субъектов родительского труда оценивают близких родственников ребенка (бабушки, дедушки и другие). Третьим по списку оказалось государство — ему готовы доверить воспитание детей 28,3 % респондентов. Несмотря на то, что государство возглавило «антирейтинг» приоритетных субъектов родительского труда, все же только менее половины респондентов посчитали его нежелательным субъектом родительского труда. Можно сказать, что ситуация, когда в родительский труд включается кто-то иной, субъектами родительского труда не отвергается, просто является менее желательной.

Характер представлений о том, кто может считаться субъектом родительского труда, а кто нет, является важной детерминантой идентификационного поведения самих субъектов родительского труда. Ориентация на приоритетный круг субъектов родительского труда, в зависимости от готовности респондентов делегировать часть своих функций государственным институтам и учреждениям (включением либо исключением их из списка тех, кто должен заниматься выполнением родительского труда), позволила нам выделить два типа идентификационных установок: ориентация на ограниченный круг субъектов и ориентация на расширенный круг субъектов родительского труда. Так, 62,5 % респондентов относятся к типу, ориентированному на ограниченный круг субъектов родительского труда, и готовы делегировать свой труд исключительно частным лицам (родственники, еще реже частные наемные работники). Вместе с тем 37,5 % опрошенных ориентированы на расширенный круг субъектов родительского труда и продемонстрировали свою готовность разделить свои обязанности с более широким кругом лиц. Государственные институты и учреждения, по их мнению, могут и должны выполнять часть функций в сфере воспитания детей.

Таблица 1

Распределение опрошенных по подтипам идентификационного поведения

Тип идентификационного поведения (представление о том, кто должен заниматься выполнением родительского труда в обществе)	**Подтип идентификационного поведения (комбинации субъектов родительского труда)**	**% от числа ответивших**
Частный /Ограниченный круг субъектов	Исключительно родители	23,7
	Родители и родственники	20,0
	Родители, родственники и няни / тьюторы	16,3
	Родственники / родители и наемные работники / без привлечения школ, досуговых, дошкольных и медицинских учреждений	2,6
Итого по сегменту		62,5
Институциональный/ Расширенный круг субъектов (с привлечением государственных институтов)	Родители и государство в целом	10,6
	Родители, родственники и государство	14,2
	Родители, родственники и школа	6,9
	Родители, родственники и досуговые центры	2,3
	Родители, государство, няни, тьюторы	3,1
	Государство / церковь / школа, досуговые и дошкольные учреждения	0,5
Итого по сегменту		37,5
Итого		100,0

Ориентация действующих субъектов по готовности и потребности разделять родительский труд с кем-либо еще, позволяет нам выделить подтипы идентификационного поведения субъектов родительского труда, которые представлены в таблице 1.

Остановимся подробнее на группе, ориентированной на расширенный круг субъектов родительского труда. Большинство (89 %) людей этой группы считают родительский труд не менее простым, чем любой другой труд, то есть таким же полноценным или даже сложнее. Для остальной части опрошенных характерно чуть более «простое» восприятие родительского труда — аналогичный показатель отличается от указанного на 10 %.

Интересно, что включение государства и иных институциональных форм в круг желательных субъектов родительского труда связано с концепцией воспитания ребенка (см. табл. 2).

Люди, которые готовы делегировать часть родительского труда государственным структурам, более склонны к директивной концепции, к авторитарным методам воспитания (они примерно в 1,5 раза чаще,

Таблица 2

Оптимальная модель реализации родительского труда, по мнению респондентов, %

Подход к воспитанию ребенка (степень директивности)	Тип идентификационного поведения	
	Расширенный круг субъектов	Ограниченный круг субъектов
Ребенка необходимо обеспечить востребованным образованием и профессией несмотря на его интересы	62	38
Важно показать ребенку все доступные альтернативы при выборе образования и профессии, но оставить за ним право выбрать их самостоятельно	20	37
Ребенок должен сам и только сам выбирать свое будущее, вмешиваться в этот выбор нельзя	18	25

по сравнению с другой частью опрошенных, говорят о необходимости обеспечения ребенка востребованным образованием и профессией без учета его личных интересов и желаний). Тогда как большинство «противников государственного родительского труда» (62 %) наделяют ребенка правом более или менее самостоятельного выбора (образования, профессии, будущего).

Подавляющее большинство (81 %) респондентов, включающих государство в круг субъектов родительского труда, значительно чаще, чем другие люди (в 1,5 раза), подчеркивают необходимость получения того или иного вознаграждения за родительский труд. Другими словами, обязательное включение государственных институтов в сферу родительского труда в представлении респондентов тесно связано с необходимостью вознаграждения за этот труд.

Респонденты, считающие государство важным субъектом родительского труда, подчеркивают важность и приоритетность денежного вознаграждения субъектов такого труда, а также льготного медицинского обслуживания (см. рис. 1).

Нематериальное вознаграждение в виде счастья и благодарности детей привлекает лишь треть респондентов, ориентированных на расширенный круг субъектов родительского труда. Если рассматривать только финансовое вознаграждение, то наиболее существенные различия между респондентами двух описанных групп касаются конкретно разового вида выплат (разница в 4 раза).

Выявленные особенности субъектов родительского труда, включающих в приоритетный круг его субъектов различные институты и учреждения, в том числе государство, позволяют предположить, что такие субъекты воспринимают родительский труд как полноценную работу, которую должно оплачивать государство. Иными словами, включение различных

Рис. 1. *Приоритетные виды вознаграждения*

институтов и учреждений в процесс родительского труда отождествляется с материальной поддержкой. Почти треть респондентов в той или иной мере рассчитывает на поддержку со стороны институтов, задействованных в процессе воспитания и образования детей, что является довольно весомым показателем. Обеспечение со стороны государства доступности делегирования родительского труда таким институтам и обеспечение доверия к ним со стороны родителей будут являться откликом государства на реальный запрос субъектов родительского труда и поможет реализовывать государственную политику в области поддержки родительства в более эффективном направлении.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Список источников

1. *Багирова А. П., Ворошилова А. И., Ильвес Э. В.* и др. Родительский труд: возможности государственного регулирования : монография / под общ. ред. А. И. Ворошиловой, проф. А. П. Багировой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.

2. *Внуковская Т. Н.* Теория и методология рисков репродуктивного труда. М.: Мир науки, 2014.

3. *Ильвес Э. В.* Родительский труд как феномен прекаризированной занятости // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015.

4. Концепция демографической политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299 (дата обращения: 06.05.2020 г.)

5. Национальный проект «Демография» / Минтруд России [Электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 23.02.2020 г.)

Информация об авторе

Черешова Светлана Васильевна (Россия, г. Екатеринбург) — аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620075, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. E-mail: s.v.chereshova@yandex.ru

S. V. Chereshova

Extension of the Circle of Subjects of Parent Labor in the "Institutional" Key

The work is devoted to the features of state regulation in the field of parental labor, as applied to the subjects of such labor. It is noted that the orientation of state policy toward expanding the circle of subjects of parental labor through the involvement of other individuals and institutions is promising. The author examines the attitudes of the subjects of parental labor relative to the circle of desirable subjects of parental labor and analyzes the preferences of the subjects of parental labor oriented towards involving the state and its institutions in the process of parental labor.

Keywords: labor, parental labor, subject of parental labor, social institution

Author

Chereshova Svetlana Vasilevna (Russia, Yekaterinburg) — Postgraduate Student of the Chair of Sociology and Technology of the State and Municipal Administration Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, 51, Lenin Ave., (620075, Yekaterinburg, 51, Lenin Ave. E-mail: s.v.chereshova@yandex.ru.

References

1. Bagirova A. P., Voroshilova A. I., Ilves E. V. et. al. Parental work: possibilities of state regulation: monograph /under the general. ed. A. I. Voroshilova, prof. A. P. Bagirova. Yekaterinburg: Publishing House Ural. University, 2018.

2. Vnukovskaya T. N. Theory and methodology of reproductive labor risks. M.: World of science. 2014.

3. Ilves E. V. Parental labor as a phenomenon of precarious employment // Demographic processes in the post-Soviet space: Collection of materials of the VI Ural Demographic Forum with international participation. Yekaterinburg. 2015.

4. The concept of demographic policy in the Russian Federation for the period until 2025 [Electronic resource]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299 (accessed: 05/06/2020).

5. The national project «Demography» / Ministry of Labor of Russia [Electronic resource]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography (accessed: 02.23.2020).

УДК 316.45

В. Ю. Черкасова

ИМИДЖ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

Научная новизна данного исследования заключается в анализе современного восприятия обществом граждан пожилого возраста. Образ пожилого человека в представлении большинства Россиян довольно неоднозначен и чаще всего негативен. Здесь мы сталкиваемся с определенным противоречием: с одной стороны, увеличивающееся старение населения, с другой стороны, ориентация общества на культивирование молодости и обостряющиеся социально-экономические проблемы пожилых людей. Имидж пожилого человека формируется под влиянием реальной ситуации, качества жизни, создается органами власти, с помощью мер социальной политики и транслируется СМИ. В статье анализируются все составляющие имиджа, дается его определение, выделяются ключевые проблемы пожилых людей и отношение к ним. Эмпирическая база публикации основывается на результатах исследования ВЦИОМ и материалах мониторинга Министерства социальной политики социально-экономического положения лиц пожилого возраста.

Ключевые слова: имидж, граждане пожилого возраста, социология пожилого возраста, восприятие пожилых

Отношение современного российского общества к пожилым людям можно охарактеризовать как снисходительно-пренебрежительное. «Возраст дожития» –такова официальная категория, которую используют в своей деятельности органы власти, также участвуя в формировании имиджа пожилого человека. Данное понятие характеризует не только возрастной критерий, но и, как правило, качество жизни в этом возрасте.

На уровне слоганов существует огромное количество призывов: «уважать старших», «позвонить родителям», «заботиться о пожилых» и т. д. Но, когда дело доходит до практических действий, и население, и чиновники далеко не всегда демонстрируют всё перечисленное. Из взглядов общества во многом и определяется имидж пожилого человека.

Дефиниция «имидж» в последние годы стала довольно распространенной и в обиходе, и в лексиконе представителей целого ряда наук, а также специалистов-практиков. В числе первых, кто обратился к этому понятию, были специалисты в области publicrelations, рекламы и политики. Несколько позже этот термин стал все активнее культивироваться в психологии, социологии, культурологии, менеджменте.

Существует огромное количество определений понятия «имидж», наше понимание данной дефиниции ближе всего к определению А. Ю. Панасюка: «Имидж человека — это мнение о нем у группы людей, в результате сформированного в их психике образа этого человека, возникшего вследствие

[1] © Черкасова В. Ю. Текст. 2020.

Таблица

Мнение респондентов об отношении с уважением к пожилым людям, %

	Все опрошенные	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Безусловно с уважением	7	7	8	8	8	6
Скорее с уважением	43	51	43	49	42	38
Скорее без уважения	35	36	38	31	36	32
Безусловно без уважения	10	3	7	8	8	16
Затрудняюсь ответить	5	3	4	4	6	8

прямого их контакта с ним или вследствие полученной о нем информации от других людей» [1, с. 5].

Соответственно, формирование имиджа — это не всегда целенаправленный процесс. Имидж пожилого человека может складываться из реального опыта и быть близким к стереотипу, формироваться под воздействием СМИ, государственной политики и сложившихся в обществе традиций восприятия.

Проведенное в 2017 году исследование ВЦИОМ было посвящено выяснению отношения населения к пожилым людям [2]. Среди изучаемых параметров: уважение (табл.), соблюдение прав, внимание, уделяемое пожилым людям, а также их проблемы.

Половина респондентов (50 %) полагает, что в обществе к пожилым людям относятся с уважением, 45 % утверждают, что это не так.

Существует разброс мнений по возрастным группам. Молодые люди и люди среднего возраста в большей степени уверены, что общество воспринимает пожилых с уважением, нежели сами пожилые, которые, видимо на собственном горьком опыте, убедились, что это не соответствует действительности.

Интересно восприятие пожилого человека у молодежи, которая, с одной стороны, отстаивает уважении к старости (больше остальных групп респондентов), а с другой –ассоциирует старость с немощью и не доверяет мудрости, нажитой с годами, больше полагаясь на Википедию.

Еще хуже результаты с ответом на вопрос: «*Достаточно ли уделяется внимания пожилым людям?*». Около 76 % респондентов полагают, что недостаточно, при этом так считают все возрастные группы респондентов. Более половины опрошенных (59 %) полагают, что в нашем обществе не соблюдаются права пожилых людей.

К проблемам, с которыми сталкиваются пожилые люди, общественное мнение относит: бедность, низкие пенсии (59 %); ухудшение здоровья, болезни (45 %); одиночество (25 %); ощущение ненужности, невостребованности в обществе (24 %) (см. рис.).

Чем младше респонденты, тем больше они ориентируются на стереотипные проблемы, о которых больше всего пишут СМИ. Бедность и низкие пенсии отметили 64 % опрошенных в возрасте 18–24 и 50 % респондентов

Рис. *Мнение населения о проблемах, с которыми сталкиваются пожилые люди (в % от ответивших)*

старше 60 лет. Неуважение со стороны молодых среди основных проблем выбрали 38 % молодёжи, но при этом так считают только 14 % пенсионеров. Создаётся ощущение, что молодежь относится к себе более критично, нежели ее воспринимает старшее поколение.

Также влияет на имидж реальное положение пожилых людей, их восприятие собственных проблем и отношение государства к ним.

Министерство социальной политики Свердловской области проводит ежегодное социологическое исследование «Социально-экономическое положение граждан пожилого возраста», выявляя объективные проблемы пожилого населения. Результаты данного исследования дают возможность рассмотреть существующую реальность, а также отношение современного государства к пожилым людям, рассматривая их, прежде всего, как объект социальной политики [3].

Для изучения социально-экономического положения граждан пожилого возраста в Свердловской области министерством было опрошено 5000 мужчин и женщин, постоянно проживающих на территории области.

В результате анализа полученных данных были выявлены следующие проблемы людей пожилого возраста.

За последние несколько лет существенно ухудшилось материальное положение пожилых людей, такие данные видны в динамике при анализе предыдущих отчетов Министерства социальной политики.

На 2019 год средний достаток имели 41,0 % респондентов: им хватает денег на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения. Чуть больше трети респондентов (37,7 %) ответили, что им хватает только на еду, а затруднения вызывает даже покупка одежды. За чертой бедности оказались 7,8 % респондентов — им не хватает денег даже на еду. Выше среднего имеют достаток 10,7 %, им денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования.

Основными источниками дохода для респондентов являются пенсия (98,3 %) и социальные выплаты (20,8 %). По сравнению с прошлыми годами значительно снизилась динамика таких источников дохода, как социальные выплаты (на 29,5 %), материальная помощь близких и родственников (на 29,4 %) и доходы от реализации собственной продукции (на 9,9 %). Исходя из полученных данных, можно предположить, что на полученные результаты напрямую влияет общее падение уровня жизни, обусловленное кризисом. В связи с ухудшением материального положения у пожилых людей остается меньше возможностей для реализации собственной продукции, а родственникам все труднее им помогать. Больше всего вызывают затруднения у респондентов расходы на лекарственное обеспечение (60,3 %) и оплата услуг ЖКХ (54,8 %). Рекомендациями к данным выводам может служить: организация рабочих мест для граждан пожилого возраста, налаживание новых структур трудоустройства пенсионеров, поиска им подходящей работы. В данном направлении нельзя прекращать интенсивную работу, возможно, стоит разработать систему льгот и поощрений для работодателей, которые предоставляют рабочие места пенсионерам. Помимо этого, стоит больше внимания уделять системе льготного обеспечения пенсионеров при оплате ими услуг ЖКХ, приобретении лекарств, различных товаров потребления.

Чуть меньше половины опрошенных пенсионеров (48,6 %) полностью удовлетворены своими жилищными условиями, 36,5 % скорее удовлетворены ими. Не удовлетворены полностью своим жильем только 3,0 %, также 9,6 % скорее не удовлетворены. Самой главной причиной неудовлетворенности респондентов своими жилищными условиями является ветхое и почти аварийное состояние этого жилья (24,2 %). Следующей по важности причиной является недостаточная площадь жилья (20,6 %), затем плохие отношения с соседями (9,8 %), отсутствие удобств (8,4 %) и плохие отношения с совместно проживающими родственниками (4,8 %).

Существенная часть респондентов (56,8 %) оценивает свое здоровье как среднее, 29,5 % считают его плохим, 9,4 % отмечают, что их состояние здоровья хорошее, только 0,6 % считают его отличным, а очень плохим свое состояние здоровья считают только 4,0 % респондентов. Если говорить о динамике данного показателя, то по сравнению с предыдущим годом увеличилось количество респондентов, оценивающих свое состояние здоровья как среднее, плохое и очень плохое.

Около трети респондентов (38,6 %) скорее удовлетворены качеством предоставления медицинских услуг в целом, 12,1 % полностью удовлетворены, 23,7 % скорее не удовлетворены и 11,0 % совершенно не удовлетворены. Если говорить о динамике данного показателя, то увеличивается количество респондентов, которые скорее удовлетворены существующей системой бесплатного и льготного лекарственного обеспечения, но снижается число полностью удовлетворенных действующей системой лекарственного обеспечения. Основными проблемами

в сфере медицинских услуг и лекарственного обеспечения для респондентов являются большие сроки получения льгот, длинные очереди на прием к специалистам, высокие цены на лекарства и медицинские услуги и некомпетентность медицинского персонала. Если говорить о глобальных изменениях, то в сфере медицинского обслуживания в первую очередь необходимо обратить внимание на одну из главных проблем, которая волнует респондентов: это долгое оформление льгот на получение лекарственных средств. Большинство опрошенных, которые не реализуют свое право на льготы, руководствуются именно этой причиной. Соответственно, чтобы решить данную проблему, необходимо пересмотреть и усовершенствовать механизм предоставления льгот для пожилых людей. Также необходимо уделить внимание качеству и системе медицинского обслуживания в целом, так как многие респонденты отмечают такую проблему в сфере медицинского обслуживания, как очереди. От очередей можно избавиться за счет увеличения количества участковых терапевтов за счет узких специалистов, а также расширения полномочий частных медицинских центров.

Работают в настоящий момент 9,7 % от числа респондентов. Существует снижение количества работающих граждан пожилого возраста за последние несколько лет, что может быть связано с экономическим кризисом и связанными с ним увольнениями и сокращениями, которые коснулись в первую очередь работников пенсионного и предпенсионного возрастов. Основные причины, по которым респонденты не работают, это невозможность трудоустроиться из-за пенсионного возраста (35,4 %) и по состоянию здоровья (30,3 % респондентов).

Если говорить об удовлетворенности респондентов различными условиями трудовой занятости, то в целом большинство респондентов в той или иной степени удовлетворены данными условиями. Больше всего они не удовлетворены заработной платой. Большинство (62,1 %) из тех респондентов, которые работают в настоящий момент, нашли работу с помощью родственников, друзей и знакомых, 31,4 % нашли работу через центр занятости, а 6,5 % — по объявлению в газете, Интернете и т. д. Рекомендациями к данным выводам может служить: организация рабочих мест для граждан пожилого возраста, налаживание новых структур трудоустройства пенсионеров, поиска им подходящей работы.

Наиболее популярными видами связи среди респондентов являются мобильная связь (80,5 %) и стационарный телефон (46,2 %). На третьем месте — почта (17,1 %), а на четвертом Интернет (16,6 %). Большинство респондентов (60,4 %) отмечают, что совсем не владеют информационно-компьютерными технологиями и сетью Интернет, еще 11,6 % плохо владеют данными технологиями. Владеют средне данными технологиями 15,2 % и владеют хорошо 4,0 % респондентов. Примерно две трети респондентов от количества тех, кто в той или иной степени владеют компьютерными технологиями и сетью Интернет, научились этому при помощи

родственников и друзей. Из тех респондентов, кто не владеет данными технологиями, хотели бы научиться этому 17,4 % (636 человек).

Чаще всего пожилые люди посещают клубы, дворцы культур, реже всего — кинотеатры. Лучше всего респонденты информированы о деятельности клубов и дворцов культур, хуже всего о деятельности театров и кинотеатров. В качестве новых направлений, которые были бы интересны им лично, респонденты предложили туризм и путешествия, восточные и бальные танцы, занятия кройкой и шитьем, йогу и др. спортивные направления. В деятельность школ пожилого возраста вовлечены 11,9 % респондентов. Подавляющее большинство респондентов, занимающиеся в школах пожилого возраста, в той или иной степени удовлетворены их деятельностью. Учитывая вышесказанное, необходимо расширить информационную кампанию в плане пропаганды и освещения деятельности музеев, библиотек, театров. Это увеличит информационную открытость данных заведений и привлечет к себе больше посетителей, в том числе и пенсионеров. Так же необходимо продумать проект информационной кампании для освещения деятельности школ пожилого возраста, так как в их деятельности участвуют лишь 11,9 % респондентов, а многие вообще не знают о существовании подобных учреждений. Более того, необходимо сделать упор также на информационное освещение деятельности школ компьютерной грамотности для пенсионеров.

При диагностике субъективного ощущения одиночества, где респондентам предлагалось оценить ряд высказываний с точки зрения проявления в их жизни, получились следующие результаты: большая часть респондентов не чувствует одиночество, но их беспокоит такая проблема, как нехватка общения. Полностью удовлетворены своей жизнью в целом 20,0 % респондентов, больше половины (57,4 %) скорее удовлетворены своей жизнью. В той или иной степени не удовлетворены своей жизнью в целом 14,1 % респондентов. Что касается самых главных проблем, которые волнуют респондентов, то это неуверенность в завтрашнем дне и переживания по поводу потери близких.

Наибольшее влияние на жизнь респондентов оказал рост обязательных платежей (52,8 %), инфляция, рост цен и недостаточно активная индексация пенсий и пособий (44,9 %), снижение качества медицинских услуг (47,4 %). Вторым «эшелоном» по степени влияния идут такие события и явления, как сокращение объемов личного потребления (39,0 %), несправедливое распределение доходов (27,7 %) и экологические проблемы в стране и регионе (24,0 %). Если говорить о решении психологических проблем, то здесь поможет развитие и расширение спектра направлений в школах пожилого возраста и различных клубах по интересам. Так, пожилые люди будут находиться в постоянном контакте с людьми своего круга, и проблема одиночества, нехватки общения уйдет на второй план.

Еще одной составляющей частью имиджа пожилого человека является формирование образа с помощью средств массовой информации.

В современных СМИ образ пожилого человека ассоциируется, как правило, с болезнями и проблемами, что формирует страх перед старостью и культ молодого общества.

В исследовании Д. А. Баландиной на основании контент-анализа были выделены некоторые характеристики пожилых людей, которые приписывают им СМИ [4, с. 3].

Позитивные высказывания: активный, живущий в свое удовольствие пенсионер; образованный; здоровый; сохраняет трудовую активность; живет для себя; активная старость со множеством увлечений и хорошим уровнем жизни; молодые пожилые; активные избиратели; отличается неплохим самочувствием; возраст не помеха; активные люди пожилого возраста; отзывчивый, старательный; общительный; веселый; мудрый, добрый, благородные старики.

Негативные высказывания: российский старик — бедный, больной, малоактивный; старики иногда бывают такие же беспомощные, как дети; все для стариков должно быть свое, удобное; теряет свою функциональность, стал медленнее ходить, хуже думать, у него ухудшилась память, есть проблемы с самообслуживанием; одинокий; ненужный; лишний; психически больной; группа риска; социально уязвимые граждане; пожилые или инвалиды — легкая добыча; пожилая одинокая женщина; бесцельно ездит по коридору в своей коляске; как дети в песочнице; пожилой мужчина, уставший.

Автор утверждает, что отрицательных характеристик присутствует существенно больше. Кроме того, о пожилых людях часто пишут в криминальной хронике, формируя образ беспомощного глупого человека, которого легко обмануть, а также при описании социальных проблем, для усугубления их тяжести.

Всё это создает негативный имидж пожилых людей — бедных, больных, неактивных, ждущих помощи от государства. Данный образ необходимо менять с помощью адекватных мер социальной политики, уважительного отношения чиновников и активностью самих пожилых людей, стремящихся улучшить качество своей жизни.

Список источников

1. *Панасюк А. Ю.* Имидж: определение центрального понятия имиджелогии [Электронный ресурс]. URL: http://imageology.ru/content/view/19/ (дата обращения 20.05.2019).

2. ВЦИОМ. «Срок дожития» и другие перлы, или о старости в России. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116443 (дата обращения 20.05.2019).

3. Министерство социальной политики Свердловской области. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Социально-экономическое положение граждан пожилого возраста в Свердловской области».

4. *Баландина Д. А.* Конструирование образа пожилого человека (по материалам контент-анализа статей интернет-издания «Коммерсантъ») [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/80399/1/978–5-91256–440–6_2019_170.pdf (дата обращения 21.05.2019).

Информация об авторе

Черкасова Виолетта Юрьевна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС (Екатеринбург, ул. 8марта 66). E-mail: violett.cherckasowa@yandex.ru.

V. J. Cherkasova

Image of an Elderly Person in Modern Russian Society

The scientific novelty of this study is the analysis of the current perception of society of elderly citizens. The image of an elderly person in the view of most Russians is quite ambiguous and often negative. Here we are faced with a certain contradiction — on the one hand, the increasing aging of the population, on the other hand, the orientation of society towards the cultivation of youth and the growing socio-economic problems of older people. The image of an elderly person is formed under the influence of the real situation, quality of life, created by authorities, through social policy measures and broadcast by the media. The article analyzes all the components of the image, defines it, highlights the key problems of older people and their attitudes. The empirical base of the publication is based on the results of VTSIOM research and monitoring materials of the Ministry of social policy of the socio-economic status of the elderly.

Keywords: Image, elderly citizens, sociology of the elderly, perception of the elderly

Author

Cherkasova Violetta Yurievna (Russia, Yekaterinburg) — Department of Management Theory and Sociology, Ural Institute of Management, Branch of RANEPA (Yekaterinburg, March 8 str., 66, e-mail: violett.cherckasowa@yandex.ru.

References

1. Panasyuk A. Yu. Image: definition of the central concept of imageology [Electronic resource]. URL: http://imageology.ru/content/view/19/ (Date of treatment 05/20/2019).

2. VTsIOM. «Lifetime» and other gems, or about old age in Russia [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116443 (Date of treatment 05/20/2019).

3. Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk Region. Analytical report based on the results of the sociological study «Socio-economic situation of elderly citizens in the Sverdlovsk region.»

4. Balandina D. A. Construction of the image of an elderly person (based on the content analysis of articles of the Internet edition «Kommersant»). [Electronic resource]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/80399/1/978–5-91256–440–6_2019_170.pdf (Date of treatment 05/21/2019).

УДК 251.735.027

Е. И. Шевалдина

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОКАЗАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ[1]

В данной статье анализируется деятельность Министерства образования и науки Республики Башкортостан в сфере регулирования и управления системой оказания образовательных услуг. Изучается профессиональный состав государственных гражданских служащих аппарата министерства, гендерный состав государственных служащих, распределение работников, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы по возрасту, по стажу государственной службы. В статье представлены результаты независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, повышение квалификации, образовательная деятельность, качество образования, независимая оценка.

Министерство образования и науки Республики Башкортостан является республиканским органом исполнительной власти, осуществляющим в пределах своей компетенции управление в сфере образования. В своей деятельности министерство руководствуется Конституцией Российской Федерации[2], Конституцией Республики Башкортостан[3], федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами Республики Башкортостан, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, указами и распоряжениями Главы Республики Башкортостан, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации и Правительства Республики Башкортостан, иными нормативными правовыми актами, а также Положением[4].

Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 18 декабря 2014 года № 595 «Об установлении предельной численности аппарата и лимитов количества служебных легковых автомобилей исполнительных органов государственной власти Республики Башкортостан» утверждена предельная численность аппарата Министерства

[1] © Шевалдина Е.И. Текст. 2020.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ).

[3] Конституция Республики Башкортостан (принята Верховным Советом Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 года № ВС-22/15) (в ред. от 4 марта 2014 года).

[4] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 13.02.2013 № 43 «Об утверждении Положения о Министерстве образования Республики Башкортостан» (в ред. от 10.07.2019).

Рис. 1. *Профессиональный состав государственных гражданских служащих аппарата министерства*

образования Республики Башкортостан — по штату 124, занимают должности 119 единиц[1].

От общего числа фактически занятых по состоянию на 1 января 2019 года высшее профессиональное образование имели 119 человек (100 %), из них кандидатов наук — 6, имеющих два высших образования — 30 человек, присвоена высшая квалификация — 3 человекам.

Из них по отраслям науки:

— математические и естественные науки — 2 человека (1,9 %);
— инженерное дело и технические науки — 11 человек (9,5 %);
— образование и науки об обществе — 60 человека (50,5 %);
— экономика и управление — 45 человек (38,1 %) (рис. 1).

Прошли профессиональную подготовку и повышение квалификации 35 человек (29,4 %). Количество принятых на работу молодых специалистов, окончивших учебное заведение в 2018 году, — 13 человек.

Гендерный состав государственных служащих министерства в процентном отношении представлен на рис. 2 (женщин — 99 человек, мужчин — 20 человек).

Распределение работников, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы, приведено на рис. 3 (в

[1] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 18.12.2014 № 595 «Об установлении предельной численности работников аппаратов и лимитов количества служебных легковых автомобилей исполнительных органов государственной власти Республики Башкортостан» (в ред. от 24.10.2019).

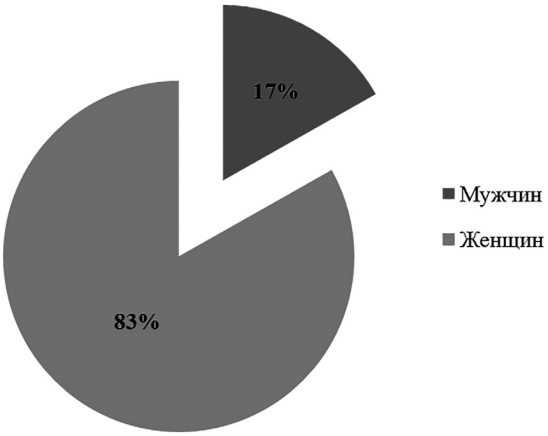


Рис. 2. *Гендерный состав государственных служащих Министерства образования и науки Республики Башкортостан, %*

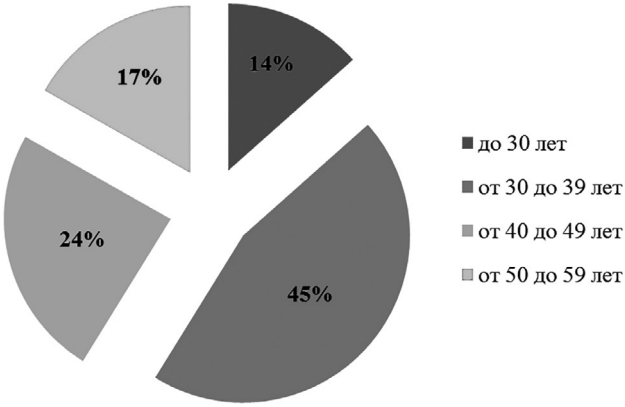


Рис. 3. *Распределение работников, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы, по возрасту, %*

возрасте до 30 лет — 16 человек; от 30 до 39 лет — 54 человек; от 40 до 49 лет — 29 человек; в возрасте от 50 до 59 лет — 20 человек.

Рассмотрим распределение работников, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы, по стажу государственной службы (рис. 4).

Таким образом, коллектив работников, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы, достаточно опытный, обладающий необходимой квалификацией и уровнем и профилем образования. Средний возраст государственных служащих — от 30

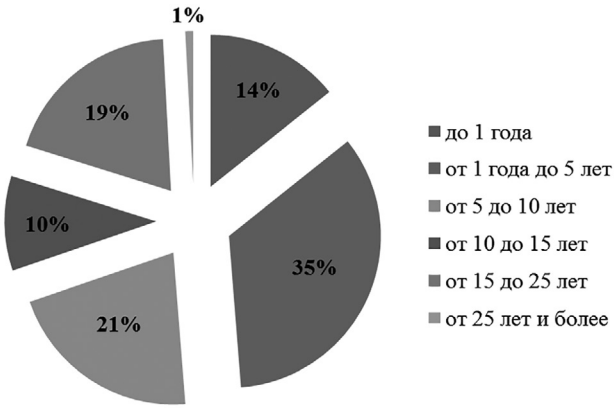


Рис. 4. *Распределение работников, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы, по стажу государственной службы, %*

до 39 лет. Примерно половина работников обладает стажем от 5 лет и более.

Министерством образования и науки Республики Башкортостан проводится работа по организации качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность (далее — НОКО). Утверждено Положение об Общественном совете при Министерстве образования Республики Башкортостан по НОКО (далее — Общественной совет по оценке качества)[1], определен перечень организаций, в отношении которых проводится НОКО в 2018–2020 годах[2].

На сегодняшний день ведется подготовительная работа по независимой оценке качества образования, которая будет направлена на получение сведений об образовательной деятельности, о качестве подготовки обучающихся и реализации образовательных программ, включая в себя независимую оценку качества условий осуществления образовательной

[1] Приказ Министерства образования Республики Башкортостан от 07.05.2018 № 628 «Об Общественном совете при Министерстве образования Республики Башкортостан по проведению независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности» (вместе с «Положением об Общественном совете при Министерстве образования Республики Башкортостан по проведению независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность»).

[2] Приказ Министерства образования Республики Башкортостан от 25.09.2018 № 1146 «О проведении независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности муниципальными образовательными организациями Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: https://education.bashkortostan.ru/documents/ (Дата обращения 22.02.2020)

деятельности организациями, ее осуществляющими, утвержден перечень подлежащих проведению независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности. За три года НОКО будет охвачено 2938 образовательных организаций, в том числе 2772 муниципальные организации и 166 организаций, подведомственных Министерству образования и науки Республики Башкортостан.

В целом, независимая оценка качества показала высокие результаты. Большая часть организаций (53,8 %) получила оценку «хорошо». Наибольшие баллы организации получили по критериям доброжелательности, компетентности работников и общей удовлетворенности качеством образовательной деятельности — 89 % и 88 % соответственно [1]. По итогам НОКО в 2018 году Республика Башкортостан заняла 25-е место в Российской Федерации.

В 2019 году при Министерстве образования и науки по решению Общественной палаты Республики Башкортостан приказом от 26.03.2019 № 359 создан Общественный совет по проведению НОКО в составе 7 человек[1]. Оценка проводилась в соответствии с показателями, утвержденными приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 13 марта 2019 года № 114[2]. В качестве организаций-операторов для выполнения работ по сбору и обобщению информации о качестве условий осуществления образовательной деятельности организациями в 2019 году выступили пять организаций для участия в торгах, из них выиграло торги общество с ограниченной ответственностью «АС».

По результатам независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности, осуществляемой государственными образовательными организациями, сформирован план по устранению недостатков, выявленных в ходе НОКО подведомственными Министерством образования Республики Башкортостан, утвержденный приказом 25.02.2019 № 230.

Независимая оценка качества условий в 2019 году проводилась по таким общим критериям, как:

— открытость и доступность информации об организациях, осуществляющих образовательную деятельность;

[1] Приказ Министерства образования Республики Башкортостан от 26.03.2019 № 359 «Об Общественном совете по проведению независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность, при Министерстве образования Республики Башкортостан» (Зарегистрировано в Госкомюстиции РБ 15.05.2019 № 13056).

[2] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 13.03.2019 № 114 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность по основным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования, основным программам профессионального обучения, дополнительным общеобразовательным программам» (Зарегистрировано в Министерством юстиции России 25.04.2019 № 54499).

— комфортность условий, в которых осуществляется образовательная деятельность;

— доброжелательность, вежливость работников;

— удовлетворенность условиями ведения образовательной деятельности организаций;

— доступность услуг для инвалидов.

Результаты проведения НОКО за 2019 год по каждой образовательной организации, количественные результаты независимой оценки по общим критериям, а также сведения об общественном совете размещены на официальном сайте для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях[1].

Список источников

1. Публичный отчет Главы Республики Башкортостан о результатах независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, которые расположены на территории Республики Башкортостан с 01.01.2018 по 31.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://education.bashkortostan.ru/documents/ (Дата обращения 22.02.2020).

Информация об авторе

Шевалдина Елена Ивановна (Россия, г. Уфа) — кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «УГНТУ» (Республика Башкортостан, г. Уфа, Чернышевского, 145); e-mail: Shevaldinalena@mail.ru.

E. I. Shevaldina

Analysis of the Activities of the Ministry of Education and Science of the Republic of Bashkortostan in the Field of Regulation and Management System of Educational Services

This article analyzes the activities of the Ministry of education and science of the Republic of Bashkortostan in the field of regulation and management of the system of providing educational services. Studied the professional staff of the state civil servants of the Ministry, the gender composition of public servants of the Ministry of education and science of the Republic of Bashkortostan, the distribution of workers holding public office or positions in public civil service age, according to length of service. The article presents the results of an independent assessment of the quality of educational activities.

Keywords: professional training, professional development, educational activities, quality of education, independent evaluation.

Author

Elena Shevaldina (Russia, Ufa) — candidate of social sciences, associate Professor, Ufa state oil technical University (Ufa, Chernyshevsky str.), 145; e-mail: Shevaldinalena@mail.ru.

References

1. Public report of the Head of the Republic of Bashkortostan on the results of an independent assessment of the quality of services provided by organizations in the field of culture, health, education, and social services located on the territory of the Republic of Bashkortostan from 01.01.2018 to 31.12.2018 [Electronic resource]. URL: https://education.bashkortostan.ru/documents/ (accessed 22.02.2020).

[1] https://bus.gov.ru.

VI. ЗДОРОВЬЕ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.443

В. М. Апахова, А. С. Ваторопин

КОНТРОЛЬ ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО КАДРОВОГО СОСТАВА[1]

В статье рассматривается проблема контроля здоровья сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Характеризуются способы выявления надлежащего уровня их физического и психологического здоровья для прохождения службы в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Проводится количественный анализ причин увольнения молодых сотрудников на первом году службы в уголовно-исполнительной системе вследствие влияния высоких психологических нагрузок на их способность осуществлять трудовые функции с соответствующим уровнем качества. Подчеркивается необходимость дополнительных мер по оценке состояния здоровья сотрудников исправительных учреждений, что позволит в итоге обеспечить их эффективную работу и сохранение удовлетворительного уровня физического и психологического здоровья.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, персонал исправительных учреждений, здоровье сотрудников, военно-врачебная комиссия, выездные профилактические осмотры

В настоящее время уголовно-исполнительная система нацелена на формирование и использование кадрового состава с высокими показателями эффективности. В условиях специфической трудовой деятельности сотрудники исправительных учреждений постоянно испытывают значительные физические и психологические нагрузки. Для высокой эффективности трудовой деятельности они должны обладать достаточным уровнем здоровья и сохранять его на протяжении всей службы. В настоящее время наблюдается высокий уровень текучести кадров, особенно среди молодых специалистов (до 20 % увольнений в первый год службы в зависимости от типа учреждения) [1, с. 249]. В таблице представлены данные по причинам увольнений молодых сотрудников на первом году службы.

Основной причиной увольнения по собственному желанию молодые специалисты называют неготовность к трудовой деятельности в напряженных условиях, связанных с высокими психологическими нагрузками.

Отметим также, что по результатам исследования А. В. Аксеновой, 11,06 % курсантов образовательных учреждений ФСИН имеют

[1] © Апахова В. М., Ваторопин А. С. Текст. 2020.

Таблица

Количественный анализ причин увольнения молодых сотрудников на первом году службы в уголовно-исполнительной системе РФ в период 2015–2018 гг.[*]

Показатель	Значения показателей по годам, %			
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество уволенных на первом году службы от общего количества уволенных сотрудников УИС	2,9	4,7	5,7	12,4
В том числе:				
По собственному желанию	51,3	57,7	56,4	60,4
По отрицательным основаниям (прогулы, дисциплинарные нарушения режима труда и отдыха)	1,7	2,8	1,1	1,4
В связи с нарушением условий контракта	1,8	1,9	2,1	2,4
По иным причинам (организационно-штатные мероприятия, болезни, окончание контракта, восстановление предшествующего сотрудника, переход на службу в иной орган власти)	45,2	37,6	40,4	35,8

[*] См. Доклады о результатах и основных направлениях деятельности федеральной службы исполнения наказаний. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/ (дата обращения: 05.05.2020).

психологические трудности при прохождении преддипломной практики по месту будущей службы [1, с. 251]. Все это влияет на формирование эффективного кадрового состава исправительных учреждений.

К основным институтам формирования кадрового состава можно отнести военно-врачебную комиссию [3, с. 64]. Ее заключение обязаны получить абитуриенты, претендующие на обучение в учреждениях образовательной системы ФСИН России. Военно-врачебная комиссия является многокомпонентным институтом, который позволяет выявить уровень психологической и физической готовности к будущей трудовой деятельности в напряженных условиях.

Военно-врачебная комиссия составляет заключение о состоянии сотрудника при поступлении и прохождении службы, что дает возможность постоянно отслеживать состояние его физического и психологического здоровья.

В то же время наблюдаются и негативные моменты, препятствующие формированию объективного заключения военно-врачебной комиссии, такие как: большой временной промежуток между проверками, преднамеренное искажение результатов сотрудниками и курсантами, принятие кадровых мер только при серьезных отклонениях.

В связи с этим можно предложить следующие рекомендации.

1. Большой временной промежуток между проверками может быть сокращен с учетом категории (должности) сотрудников

уголовно-исполнительной системы и степени их психологических нагрузок. Младший и старший начальствующие составы имеют различный объем непосредственных контактов с осужденными, что должно определять частоту проверок. В особенности это касается учреждений, в которых наблюдается негативная социальная обстановка (предрасположенность к массовым беспорядкам, высокий уровень нарушений режима осужденными). Сейчас более частые проверки затрагивают лишь тех сотрудников, которые функционируют в рамках учреждений особого режима (для пожизненного заключения), тогда как для принятия эффективных кадровых решений необходимо обследовать сотрудников независимо от типа исправительного учреждения.

2. Следует учитывать психофизиологические характеристики персонала, когда речь идет об управлении карьерой. Определенные категории должностей в уголовно-исполнительной системе предполагают различный уровень психических и физических нагрузок, который известен заранее. Это позволяет выявлять соответствие характеристик работника и релевантных требований к определенной должности при планировании карьеры.

3. Для снижения негативного влияния стресса на психологическую подготовку курсантов и сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимо применять дополнительный комплекс мер по сохранению оптимального уровня их здоровья. Например, можно использовать выездные профилактические осмотры. В настоящее время они доказали свою эффективность в отношении осужденных. В результате своевременного выявления у них физических и психологических отклонений в 2019 г. смертность снизилась почти на 12 %: от заболеваний на 7 %, от туберкулеза — более чем на 5 %, от ВИЧ-инфекции — почти на 13 %, от заболеваний сердечно-сосудистой системы — на 4,5 % [2, с. 200]. Используя эти осмотры, можно дополнительно обследовать и персонал исправительных учреждений. Стоит отметить и экономическую эффективность данной меры, т. к. не требуется дополнительное финансирование транспортных и организационных расходов — необходима лишь оплата труда специалистов, работающих на выездных профилактических осмотрах.

Таким образом, необходимо более эффективно использовать потенциал медицинских подразделений уголовно-исполнительной системы для своевременной оценки уровня физического и психологического здоровья сотрудников исправительных учреждений и, соответственно, формирования эффективного кадрового состава ФСИН России.

Список источников

1. *Аксенова А. В.* Оценочные показатели готовности курсантов выпускных курсов образовательных организаций ФСИН России к дальнейшей службе // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 249–252.

2. *Вострокнутов М. Е., Пономарев С. Б.* Прогнозирование исхода коинфекции ВИЧ/Туберкулез у пациентов, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, с применением ма-

тематического моделирования // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 1. С. 191–202.

3. *Романов А. А., Тарасов А., Валян Э., Африкян Г.* Социальные гарантии для сотрудников уголовно-исполнительной системы // Правосудие. 2018. № 5 (46). С. 63–68.

Информация об авторах

Апахова Валентина Максимовна (Россия, г. Екатеринбург) — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: apahova.valentina@gmail.com).

Ваторопин Александр Сергеевич (Россия, г. Екатеринбург) — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: asvatoropin@gmail.com).

V. M. Apakhova, A. S. Vatoropin

Monitoring the Health of Employees of the Penitentiary System as a Factor in the Formation of an Effective Staff

The article deals with the problem of monitoring the health of employees of correctional institutions of the criminal Executive system. The article describes ways to identify the appropriate level of their physical and psychological health for service in institutions of the penal system. A quantitative analysis of the reasons for the dismissal of young employees in the first year of service in the penitentiary system due to the influence of high psychological loads on their ability to perform labor functions with an appropriate level of quality is carried out. The need for additional measures to assess the state of health of correctional officers is emphasized, which will eventually ensure their effective work and maintain a satisfactory level of physical and psychological health.

Keywords: penal system, correctional institutions, correctional personnel, health of employees, military medical commission, field preventive examinations

Authors

Apakhova Valentina Maksimovna (Russian Federation, Yekaterinburg) — post graduate student, Ural institute of management, branch of The Russian presidential academy of national economy and public administration (620144, Yekaterinburg, 8 Marta Street, 66; e-mail: apahova.valentina@gmail.com).

Vatoropin Alexander Sergeevich (Russian Federation, Yekaterinburg) — doctor of sociology, associate professor, head of the Department of theory and sociology of management, Ural institute of management, branch of The Russian presidential academy of national economy and public administration (620144, Yekaterinburg, 8 Marta Street, 66; e-mail: asvatoropin@gmail.com).

References

1. Aksenova A. V. Evaluation indicators of readiness of cadets of final courses of educational organizations of the Federal penitentiary service of Russia for further service // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2018. No. 4. P. 249–252.

2. Vostroknutov M. E., Ponomarev S. B. Predicting the outcome of HIV/Tuberculosis co-infection in patients held in penitentiary institutions using mathematical modeling // Modern problems of healthcare and medical statistics. 2019. No. 1. P. 191–202.

3. Romanov A. A. Social guarantees for employees of the criminal Executive system // Justice. 2018. No. 5 (46). P. 63–68.

УДК 314.012

А. С. Дубровина

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЕМЬЕ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ[1]

В статье обосновывается необходимость изучения самосохранительного поведения с точки зрения социологии, анализируется роль семьи в формировании привычек по отношению к здоровью. Рассматривается содержание данного понятия в классической, а также в современной отечественной и зарубежной социологии. На основе интерпретации самосохранительного поведения в семье, данной отечественными и зарубежными исследователями, предлагается авторское определение данной категории.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесбережение, самосохранительное поведение, семья, образ жизни

В настоящее время актуальность для социологического изучения приобретают здоровье и самосохранительное поведение. Это связано с несколькими причинами, одной из которых являются негативные тенденции в сфере здоровья населения. По данным Росстата, среди взрослого населения страны в 2018 г. было зарегистрировано на 2 552 заболеваний больше, чем в 2017 г.[2], а среди детей в возрасте от 0 до 14 лет с 2015 г. по 2018 г. число заболеваний возросло на 1 367,9 тыс.[3]

Актуальность этого положения подтверждается необходимостью принятия определенных мер со стороны государства. В 2020 г. правительство РФ планирует внести ряд поправок в Конституцию[4], среди которых изменения в пункте 1 статьи 72, касающиеся вопросов здоровья и здоровьесберегающего поведения: «…обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью…»[5].

Кроме того, актуальным является социологическое изучение самосохранительного поведения в контексте семьи. Наряду с другими социальными институтами семья играет ключевую роль в формировании здоровьесберегающих практик детей. Социологический анализ поведения в сфере здоровья семьи имеет свою специфику: ребенок рассматривается как участник социальной системы — семьи, в которой состояние его

[1] © Дубровина А. С. Текст. 2020.

[2] Здравоохранение в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 29.

[3] Там же. С. 64.

[4] На момент создания статьи.

[5] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / одобрен Государственной Думой и Советом Федерации 11.03.2020.

здоровья оказывает влияние на благополучие всей социальной группы. Помимо этого, семья формирует модели поведения, а родители транслируют социальные нормы, в том числе нормы самосохранительного поведения.

Самосохранительное поведение является одной из важнейших категорий социологии здоровья. Оно оказывает влияние на формирование социального здоровья и потенциала общества, поэтому необходимо изучать эту категорию для того, чтобы понимать, каким образом можно воздействовать на социальные группы и отдельных индивидов, тем самым повышая уровень социального здоровья.

Существует множество точек зрения на определение категории самосохранительного поведения и его связи с семьей как с социальной группой. Мы попытаемся систематизировать их с помощью анализа зарубежной и отечественной социологической литературы, а также представить свое видение этой категории.

Проблема самосохранительного поведения берет свое начало в классических социологических концепциях. Французский социолог Э. Дюркгейм, изучая самоубийство, рассматривал в качестве движущей силы такого поведения ослабление инстинкта самосохранения [2]. Он отмечал, что инстинкт самосохранения устанавливается в сознании человека не с такой силой, как, например, нормы морали и поэтому способен ослабляться при определенных условиях. Также Дюркгейм в своих работах рассматривал социальное здоровье, которое он связывал с благополучием как индивида, так и группы, и общества в целом [3]. По его мнению, от уровня социального здоровья зависят социальное развитие общества и благосостояние людей.

Немецкий социолог М. Вебер в рамках своей теории социального действия говорил о том, что поведение по отношению к здоровью складывается из повседневных практик человека, которые, в свою очередь, формируются под воздействием традиций, сложившихся в конкретном обществе [6].

Другой немецкий социолог, Г. Зиммель, изучал специфику самосохранительного поведения по отношению к отдельным индивидам и общностям [9]. Он рассматривал самосохранение в качестве одной из основных обязанностей личности наряду с такими качествами, как самообладание, самосовершенствование личности и чувство собственного достоинства.

Еще один классик социологии, П. Сорокин, также обращался к теме самосохранительного поведения. В частности, он определял индивидуальное и коллективное самосохранения как важнейший инстинкт, который лежит в основе выживания любой социальной группы [8]. По его мнению, подавление этого инстинкта приводит к революциям, люди перестают вести себя дисциплинированно и цивилизованно.

Исходя из рассмотренных определений самосохранительного поведения у ранних социологов, можно сказать о том, что их понимание данной

категории широкое. Помимо индивидуального самосохранения они акцентировали внимание на коллективном самосохранении и представляли его в качестве базового инстинкта человека, группы и общества, а также указывали на его обязательный характер и относили его к одной из повседневных практик жизнедеятельности.

Ряд более поздних исследователей, но уже отечественных, также занимались изучением самосохранительного поведения.

Так, М.В. Игошев рассматривает самосохранительное поведение с позиции социетального подхода [5]. По его мнению, в формировании культуры самосохранительного поведения важнейшую роль играют нормы поведения и ценности, которые он называет социетальной и фидуциарной подсистемами общества. Основные функции этих подсистем — интеграция и воспроизводство образца. Автор, ссылаясь на проведенные исследования, обосновывает свою позицию тем, что в современном российском обществе ценность здоровья хотя и является одной из основополагающих, но уступает материальным ценностям. Исходя из этого, Игошев подчеркивает необходимость формирования бережного отношения к своему здоровью и здоровью своих близких у людей разных когорт и социальных групп. Позицию исследователя о связи социальных ценностей и формирования самосохранительного поведения необходимо брать во внимание при изучении данной проблемы. Ценности играют важнейшую роль в поведении индивида, формируют мотивы к действию. Особенно актуальным это положение является в настоящее время, когда ценности конкретного индивида и социальных групп претерпевают изменения в связи с меняющимися экономическими, политическими и другими условиями.

И.В. Журавлева под самосохранительным поведением понимает поведение личности по отношению к собственному здоровью, в которое входит витальное, или санитарное, поведение — осознанные и целенаправленные действия человека на самосохранение в течение всей его жизни в нескольких аспектах — физическом, психическом и социальном [4]. Особенность ее подхода заключается в том, что самосохранительное поведение она относит к основным компонентам отношения к здоровью — «сложившаяся на основе имеющихся у индивида знаний оценка собственного здоровья, осознание его значения, а также действия, направленные на изменение состояния здоровья» [4, с. 37].

Другой исследователь, П.Г. Абдулманапов, придерживается схожего определения этой категории: самосохранительное поведение — это форма социального поведения, включающая в себя сознательные действия индивида, направленные на сохранение своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношениях [1]. По его мнению, социологическое изучение этой категории должно включать в себя анализ конструирования различных индивидуальных типов самосохранительного поведения, которые соединяются в единую модель по воспроизводству самосохранительного поведения. Эта модель, в свою очередь, имеет

структуру с элементами, связанными между собой и взаимодействующими с внешней средой. В структуру самосохранительного поведения включены такие элементы, как потребности, установки, мотивы и действия. К факторам социальной среды, которые оказывают влияние на самосохранительное поведение, автор относит общепринятые стандарты здорового образа жизни, качество жизни, отношение к самоубийству и социально опосредованные представления о желаемой продолжительности жизни. Воздействие этих факторов на структурные элементы обеспечивает выстраивание индивидуальной модели самосохранительного поведения индивида.

Б. С. Павлов в своих работах не только рассматривает самосохранительное поведение, но и обосновывает влияние семьи на него [7]. В результате проведенных автором эмпирических исследований он сделал вывод о том, что родители относят здоровье своих детей к социальным составляющим благополучия. Однако исследователь подчеркивает, что в ходе более глубокого социологического анализа обнаруживается истинный мотив ценности здоровья для людей — здоровье ценно не само по себе, а как средство достижения определенных целей. Например, здоровье учащихся важно как средство достижения успехов в учебе. Также Павлов отмечает, что главную роль в формировании ценностных ориентаций детей и подростков играет семья, поскольку эти ценностные ориентации формируются в процессе первичной социализации именно в семье.

Современные зарубежные исследователи также анализировали связь самосохранительного поведения с семьей.

Г. Саттон объяснял влияние семьи на самосохранительное поведение тем, что члены семьи зачастую имеют схожие привычки, касающиеся их образа жизни [11]. Например, они могут иметь схожие привычки в питании, в распределении времени на отдых, а также придерживаться одинакового подхода к поддержанию здоровья. Действительно, семья как малая группа имеет свои взгляды на многие вопросы, особенно касающиеся самосохранительного поведения. Внутри семьи, так или иначе, присутствует влияние на ее членов. То есть, можно говорить о том, что семья формирует привычки, касающиеся образа жизни и самосохранительного поведения.

Другой исследователь, Д. Амберсон, установила связь между близкими взаимоотношениями в семье и позитивным поведением по отношению к здоровью, т. е. самосохранительным поведением [12]. По ее мнению, семейные отношения оказывают значительное влияние на другие сферы жизнедеятельности человека, в том числе и на активность в отношении здоровья. Отношения в семье повышают социальный контроль человека над негативным поведением по отношению к здоровью. Однако стоит сделать предположение вопреки утверждению автора: даже близкие отношения в семье не могут полностью гарантировать контроль над негативным поведением по отношению к здоровью. Поскольку в разных семьях существуют свои определенные нормы питания, физической активности,

частота прохождения профилактических медицинских осмотров и т. д. Эти нормы могут иметь такой характер, при котором самосохранительные меры в семье являются недостаточными, при этом отношения внутри семьи не обязательно могут быть плохими.

Р. Конгер выдвинул схожее предположение о том, что позитивные отношения в семье связаны с меньшим уровнем рискованного для здоровья поведения [10]. В этом предположении исследователь учитывал материальное положение семье. По его мнению, в семьях с низким материальным положением возрастает вероятность конфликтов, которые негативно сказываются на семейных отношениях и, как следствие, приводят к ослаблению самосохранительных практик. Также в таких семьях уменьшаются или отсутствуют возможности для полноценного отдыха, что негативно влияет на здоровье членов семьи.

Зарубежные авторы, изучая самосохранительное поведение, отмечают его связь с семьей, которая формирует самосохранительные практики у индивида, поскольку у членов семьи присутствуют схожие привычки, те или иные повседневные практики. Кроме того, исследователи делают основной акцент на образе жизни членов семьи и взаимоотношениях внутри нее. Вопрос о влиянии образа жизни на формирование самосохранительных практик внутри семьи, безусловно, представляется актуальным для изучения в современных условиях, когда меняются условия труда, появляются новые формы досуга.

Рассмотрев взгляды отечественных и зарубежных исследователей на самосохранительное поведение, можно изложить следующую трактовку данной категории: самосохранительное поведение является социальным поведением, оно отражает отношение индивида к собственному здоровью и представляет собой сознательные действия, целью которых является сохранение и укрепление физического, психологического и социального здоровья. Фундаментом для самосохранительного поведения служат социальные нормы и ценности, которые усваиваются, главным образом, в семье в процессе социализации, в ходе которой происходит формирование набора повседневных самосохранительных практик и привычек. Этот процесс осуществляется под влиянием взаимоотношений в семье, социально-экономического статуса семьи.

Безусловно, тема самосохранительного поведения в семье имеет под собой широкую теоретико-методологическую базу, однако некоторые аспекты темы остаются малоизученными и требуют проведения отдельных эмпирических исследований. Например, механизмы формирования самосохранительного поведения в семье, регулярность действий и практик, направленных на заботу о здоровье; кто из членов семьи в большей степени реализует заботу о здоровье других членов семьи и с чем это связано; каким образом состав семьи влияет на формирование самосохранительного поведения у детей и т. д. Эти и другие аспекты являются ценными и актуальными в исследовательском контексте.

Список источников

1. *Абдулманапов П. Г.* Теоретико-методологические основы изучения самосохранительного поведения населения // УЭПС. 2016. № 2. С. 82–86.

2. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.

3. *Дюркгейм Э.* Социология и теория познания: хрестоматия по истории психологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 394 с.

4. *Журавлева И. В.* Отношение к здоровью индивида и общества. М. : Наука, 2006. 238 с.

5. *Игошев М. В.* Социетальный подход в трактовке самосохранительного поведения // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. С. 39–41.

6. *Козырев Г. И.* Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 124–129.

7. *Павлов Б. С.* Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. № 2. С. 109–113.

8. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

9. *Томас К.* Георг Зиммель об общественных силах // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 3. С. 87–95.

10. *Conger R. D.*, et. al. Linking economic hardship to mortal quality and instability // Journal of Marriage and the Family. 1990. No. 3. P. 643–56.

11. *Sutton G. C.* Assortative marriage for smoking habits // Ann. Hum. Biol. 1980. No. 7 (5). P. 449–56.

12. *Umberson D.* Family status and health behaviors: social control as a dimension of social integration // J Health Soc Behav. 1987. No. 28 (3). P. 306–19.

Информация об авторе

Дубровина Анастасия Станиславовна (Россия, Пермь) — магистрант по направлению подготовки «Социология управления» философско-социологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, e-mail: anastasiya.inbox@mail.ru).

A. S. Dubrovina

Self-Preservation Behavior in the Family: Content of the Concept in Sociology

The article substantiates the need to study self-preservation behavior from the point of view of sociology.It analyzes the role of the family in the formation of habits in relation to health. The content of this concept is considered in classical, modern domestic and foreign sociology. Based on the interpretation of self-preservation behavior in the family given by domestic and foreign researchers, the author's definition of this category is proposed.

Keywords: health, health saving, self-preservation behavior, family, lifestyle

Author

Dubrovina Anastasiya Stanislavovna (Russia, Perm) — master's degree student in the direction of preparation «Sociology of Management» of the Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University (614990, Perm, Bukireva Street, 15, e-mail: anastasiya.inbox@mail.ru).

References

1. Abdulmanapov P. G. Theoretical and methodological foundations of the study of self-preservation behavior of the population // UEPS. 2016. № 2. P. 82–86.

2. Durkheim E. Suicide: A Sociological Etude. M. : Mysl, 1994. 399 p.

3. Durkheim E. Sociology and Theory of Knowledge: A chrestomathy on the History of Psychology. M. : Publishing House Mosk. University, 1980. 394 p.

4. Zhuravleva I. V. Attitude to the health of the individual and society. M. :Nauka, 2006. 238 p.

5. Igoshev M. V. The social approach to the interpretation of self-preservation behavior // Theory and Practice of Social Development. 2013. № 7. P. 39–41.

6. Kozyrev G. I. Social action, interaction, behavior and social control // Sociological studies. 2005. № 3. P. 124–129.

7. Pavlov B. S. Family and self-preservation behavior of youth // The economy of the region. 2008. № 2. P. 109–113.

8. *Sorokin P. A.* Human. Civilization. Society. M., 1992. 215 p.

9. Thomas K. Georg Simmel about Social Forces // Bulletin of Moscow Un. Ser. 18

10. Sociology and Political Science. 2002. No. 3. P. 87–95.

11. *Conger R. D.*, et. al. Linking economic hardship to mortal quality and instability // Journal of Marriage and the Family. 1990. No. 3. P. 643–56.

12. *Sutton G. C.* Assortative marriage for smoking habits // Ann. Hum. Biol. 1980. No. 7 (5). P. 449–56.

13. Umberson D. Family status and health behaviors: social control as a dimension of social integration // J Health Soc Behav. 1987. No. 28 (3). P. 306–19.

УДК 314.32.06

О. А. Козлова, О. О. Секицки-Павленко

ФЕНОМЕН ВНЕБРАЧНОЙ РОЖДАЕМОСТИ КАК МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА[1]

В статье приведен анализ медико-социальной взаимосвязи между распространением внебрачной рождаемости и здоровьем женщин и детей. Рассмотрена динамика внебрачной рождаемости в России в период с 2000 по 2018 гг. Выявлены основные проблемы, касающиеся здоровья и социально-экономического неблагополучия внебрачных детей и их матерей.

Ключевые слова: второй демографический переход, внебрачная рождаемость, здоровье

Существенные трансформации брачно-семейных отношений коренным образом преобразуют систему ценностей как индивида, так и общества в целом. Рождение и воспитание ребенка вне брака уже не являются предметами общественного порицания. Вместе с тем, это сопряжено со значительными экономическими, социальными и медицинскими рисками, что дает основание считать внебрачную рождаемость значительной медико-социальной проблемой современного российского общества.

На протяжении всей истории институт семьи как в России, так и в странах Европы претерпел многочисленные изменения. Трансформацию брачно-семейных отношений на данном этапе развития общества большинство экспертов связывают со вторым демографическим переходом, суть которого заключается в фундаментальной перестройке воспроизводства населения [2]. Эта коренная перестройка проявляет себя через усиление индивидуализма, увеличение доли и числа сожительств, увеличивающийся возраст вступления в брак, через широкую распространенность контрацептивов, увеличение занятости и уровня образования женщин, распространение внебрачной рождаемости. В конечном итоге, влияние всех вышеупомянутых факторов, приводит к снижению уровня рождаемости [10].

Традиционно число детей в России, рожденных вне брака, было низким, особенно в сравнении со странами Западной Европы. Однако в начале 1990-х гг. в результате системных реформ существенно изменились ценностные ориентации общества, что незамедлительно сказалось на резком увеличении числа детей, рожденных вне брака.

К 2000 г. число детей, рожденных вне брака, составило 354 253 чел., а их доля составила почти 28 % от числа всех рожденных детей, т. е. каждый третий ребенок в России в 2000 г. рождался вне официального брака. Вплоть до 2007 г. уровень внебрачной рождаемости в нашей стране возрастал в среднем на 3,3 % в год. Максимального значения доля внебрачных детей достигла в 2005 г. — 29,9 %, а их численность составила 437 075 чел. (рисунок).

[1] © Козлова О. А., Секицки-Павленко О. О. Текст. 2020.

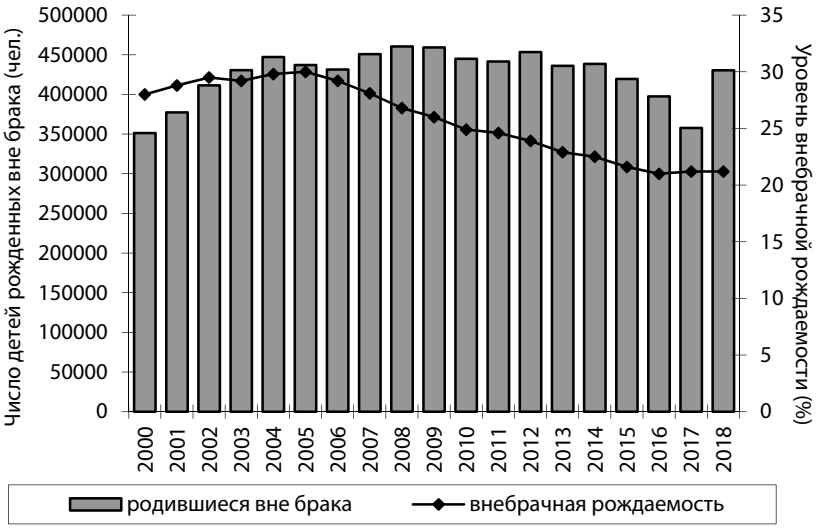


Рис. *Динамика внебрачной рождаемости в Российской Федерации в 2000–2018 гг. (Составлено по данным: Родившиеся живыми по брачному состоянию матери. Демографический ежегодник России 2019. Стат. сборник. М.; Федеральная служба государственной статистики. Росстат. 2019. С. 67)*

После 2007 г. с введением мер демографической политики уровень внебрачной рождаемости начал стабильно снижаться, при этом численность детей, рожденных вне брака, до 2015 г. оставалась почти неизменной. Начиная с 2015 г. в России наблюдается заметный спад как абсолютных, так и относительных показателей внебрачной рождаемости. Это происходит главным образом за счет снижения общей рождаемости в стране. В конце исследуемого периода удельный вес числа рожденных вне брака детей составил 21 % (340 364 чел.), т. е. почти каждый пятый ребенок. Несмотря на снижающийся уровень, внебрачная рождаемость в стране по-прежнему остается крайне высокой, что указывает на изменившуюся и прочно укрепившуюся в нашем обществе модель репродуктивного поведения.

Рождение ребенка вне официального брака представляет собой крайне сложный с точки зрения классификации феномен, и зачастую это связано с эволюцией семьи [6]. Внебрачный ребенок может родиться как в полной семье с фактической точки зрения, так и быть рожденным матерью-одиночкой. В первом случае родители сознательно не регистрируют брак или откладывают его регистрацию. Во втором случае речь может идти как о юных матерях (как правило, маргинального типа), так и о женщинах старших возрастов, которые решили родить ребенка «для себя». Для нашего исследования наибольший интерес представляют неполные

материнские семьи, т. к. именно эта категория семей является наиболее уязвимой в плане экономического, социального и медицинского благополучия. Условно такие семьи можно разделить на два типа:

1) материнская неполная семья, в которой возраст матери менее 20 лет;

2) материнская неполная семья, в которой возраст матери 35 и более лет.

Так, для женщин в возрасте до 20 лет наступившая беременность чаще всего является незапланированной. Значительная часть из них не имеет законченного образования, работы, соответствующих жилищных и материальных условий для рождения и воспитания ребенка. Зачастую такие будущие матери являются психологически незрелыми. Эксперты отмечают, что у данной категории женщин в сравнении с другими возрастными группами психологический стресс отражается на течении гестационного процесса и осложняется преэклампсией, а это в свою очередь повышает риски как материнской, так и перинатальной смертности.

Для второй группы женщин, представляющих категорию матерей-одиночек, беременность является осознанным и запланированным шагом. Как правило, они не имеют проблем с жильем и наличием работы. Рождение ребенка для них не связано с надеждами на заключение брака, и ребенок воспринимается ими как реализация материнства. Вместе с тем именно эта категория женщин (особенно первородящих) подвержена рискам осложнения беременности и родов в связи с репродуктивными особенностями женщин в возрасте 35 и более лет [4].

Большинство исследователей сходится во мнении, что здоровье матерей-одиночек значительно хуже, чем у женщин, состоящих в браке. Такие женщины, как правило, менее склонны своевременно обращаться за медицинской помощью. Для них характерно ведение нездорового образа жизни, употребление алкоголя, табакокурение. Ученые Смоленской государственной медицинской академии в своем исследовании пришли к выводу, что среди матерей-одиночек заболеваемость сердечно-сосудистыми болезнями в 2 раза выше, чем у женщин, состоящих в браке. Также незамужние женщины в 1,2 раза больше подвержены риску дородовой госпитализации, у них чаще встречаются инфекционно-воспалительные заболевания половой сферы. Высокий уровень гинекологической и экстрагенитальной заболеваемости среди незамужних женщин обуславливает повышенную частоту преждевременных родов. По сравнению с замужними женщинами, у незамужних почти в 2 раза выше риск оперативного родоразрешения. В совокупности это приводит к материнскому травматизму и высокой вероятности возникновения послеродовых инфекционных осложнений [7]. По мнению специалистов, дети из неполных семей в 2,3 раза чаще подвержены риску по биологическому анамнезу. Риск по порокам развития у внебрачных детей выявлялся в 46,2 % случаев, по трофическим и эндокринным нарушениям — в 40,4 % случаев, а по анемии

— в 72,2 % случаев. Дети из неполных семей в 2 раза чаще болеют острыми респираторно-вирусными заболеваниями. Также отмечается, что у внебрачных детей наследственная отягощенность встречается в 34,5 % случаев, в то время как у детей, рожденных в браке, в 21,1 % случаев [8]. К подобным заключениям приходят и другие исследователи проблем внебрачной рождаемости [5].

Для успешного формирования личности ребенка, для его здоровья и последующей социальной реализации институт семьи играет ключевую роль. Именно в семье у детей закладываются основы здорового образа жизни, нравственные принципы и ценностные ориентиры. В этом ключе неполная материнская семья представляет собой с экономической точки зрения специфическую ячейку потребления. В таких семьях характер нужд иной, нежели в полных семьях. Такие семьи отличаются от полных семей объемом и структурой доходов и расходов. Как отмечает Л.А. Попова, в России уровень благосостояния неполных семей значительно ниже, чем на Западе. Зачастую в таких семьях в полной мере не реализуются социально-психологические и социокультурные функции [6, с. 63]. Недостаток средств приводит к тому, что в неполных семьях условия жизни значительно хуже, что ведет к высокой заболеваемости. Это подтверждают данные различных исследований и мониторингов.

Так, по результатам двадцатилетнего «Мониторинга условий формирования здорового поколения», проводимого с 1995 г. ИСЭРТ РАН при поддержке Департамента здравоохранения Вологодской области, было выявлено, что здоровье детей в неполных семьях хуже, чем в полных. Доля здоровых детей в возрасте до 1 года в неполных семьях составляет 18,2 %, в возрасте до 7 лет — 10 % и в возрасте до 13 лет — 10,3 %. Удельный вес детей с функциональными отклонениями в неполных семьях: в возрасте до 1 года — 63,6 %, до 7 лет — 65 % и до 13 лет — 51,7 %. Доля детей, имеющих хронические заболевания в неполных семьях, составляет в возрасте до 1 года — 18,2 %, до 7 лет — 25 % и до 13 лет — 37,9 %. Кроме того, результаты мониторинга демонстрируют, что недостаток денежных средств в значительной мере ограничивает потребности ребенка в полноценном питании, витаминизации, возможности купить лекарства, оздоравливать ребенка путем посещения платных специалистов или в санаториях и профилакториях [1, 9].

К подобным выводам склоняются А.П. Денисов и И.А. Банюшевич. В своей работе «Факторы, влияющие на состояние здоровья детей раннего возраста из различных типов семей» авторы на основании выборочного анонимного анкетирования женщин Омской области пришли к заключению, что в неполных семьях денег порой не хватает даже на еду [3].

В настоящее время в условиях проведения государством активной демографической политики возрастает необходимость в решении задач медико-социального характера. На наш взгляд, особое внимание общественности и научного сообщества должно быть обращено к вопросам

сохранения традиционной структуры семьи и снижению внебрачной рождаемости. Именно полная и благополучная семья предоставляет оптимальные условия для рождения и полноценного воспитания последующих поколений и является залогом здорового общества.

Благодарность

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–010–01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Список источников

1. *Артеменко В. В.* Роль семьи в формировании здоровья детей // Интернетконференция «Дети и молодежь». URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33373495/ (дата обращения: 10.05.2020).

2. *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. Избранные демографические труды. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М. : Наука, 2005. 214 с.

3. *Денисов А. П., Банюшевич И. А.* Факторы, влияющие на состояние здоровья детей раннего возраста из различных типов семей // Омский научный вестник. 2012. № 2 (114). С. 11–14.

4. *Лунева И. С., Иванова О. Ю., Хардиков А. В., Абросимова Н. В.* Факторы, влияющие на рождаемость в современной России. // Российский вестник акушера-гинеколога. 2019. № 19 (2). С. 14–20. URL: https://doi.org/10.17116/rosakush20191902114 (дата обращения: 10.05.2020).

5. *Орлова В. С.* Внебрачная рождаемость как медико-социальная проблема современности // Научные ведомости. 2008. № 6 (46). С 12–18.

6. *Попова Л. А.* Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 2007. 92 с.

7. *Пунина М. А., Шестакова В. К., Авчинников А. В., Гусева И. В., Соколова М. С., Окко Н. И.* Внебрачная семья как фактор риска нарушения состояния здоровья ребенка // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2007. № 4. С. 100–106.

8. *Пунина М. А., Чижова Ж. Г., Шестакова В. Н., Авчинников А. В.* Состояние здоровья детей из неполных семей и их готовность к школьному обучению // Поликлиника. 2006. № 1. с. 23. URL: http://www.poliklin.ru/article200601a07.php (дата обращения: 10.05.2020).

9. *Шабунова А. А.* Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С.116–128.

10. *Van de Kaa D. J.* The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries. URL: https://scinapse.io/papers/2185048759 (дата обращения: 10.05.2020).

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследования социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: olga137@mail.ruolga137@mail.ru).

Секицки-Павленко Ольга Олеговна (Россия, Екатеринбург) — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru).

O. A. Kozlova, O. O. Sekicki-Pavlenko

The Phenomen of Extramarital Birth as a Medical and Social Problem

The purpose of this article is to analyze the medical and social relationship between the spread of extramarital births and the health of women and children. The dynamics of extramarital birth rate

in Russia in the period from 2000 to 2018 is considered. The main problems related to the health and socio-economic problems of illegitimate children and their mothers are identified.

Keywords: second demographic transition, extramarital birth rate, single mothers, the health of irregular children, the health of single mothers

Authors

Kozlova Olga Anatolyevna (Russia, Yekaterinburg) — doctor of economics, professor, head of the Center for socioeconomic dynamics research, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaja Street, 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Sekicki-Pavlenko Olga Olegovna (Russia, Yekaterinburg) — a leading economist. Institute of Economics, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaja Street, 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 18–010–01049.

References

1. *Artemenko V. V.* The role of the family in shaping children's health // Internetconference «Children and Youth». URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33373495/ (accessed: 10.05.2020).

2. *Vishnevsky A. G.* Demographic revolution. Selected Demographic Works. Vol. 1. Demographic theory and demographic history. M. : Nauka, 2005. 214 p.

3. *Denisov A. P., Banyushevich I. A.* Factors affecting the health status of young children from various types of families // Omsk Scientific Bulletin. 2012. No. 2 (114). P. 11–14.

4. *Luneva I. S., Ivanova O. Yu., Khardikov A. V., Abrosimova N. V.* Factors affecting the birth rate in modern Russia// Russian Bulletin of the Obstetrician-Gynecologist. 2019. No. 19 (2). P. 14–20. URL: https://doi.org/10.17116/rosakush20191902114 (accessed: 10.05.2020).

5. *Orlova V. S.* Extramarital birth rate as a medical and social problem of the present // Scientific Bulletin. 2008. No. 6 (46). P. 12–18.

6. *Popova L. A.* Extramarital birth: trends, causes, patterns of development of an illegitimate family. Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Syktyvkar, 2007. 92 p.

7. *Punina M. A., Shestakova V. K., Avchinnikov A. V., Guseva I. V., Sokolova M. S., Okko N. I.* An illegitimate family as a risk factor for a violation of a child's health status // Bulletin of the Smolensk State Medical Academy. 2007. No. 4. P. 100–106.

8. *Punina M. A., Chizhova Zh. G., Shestakova V. N., Avchinnikov A. V.* Health status of children from single-parent families and their readiness for schooling // Clinic. 2006. No. 1. P. 23. URL: http://www.poliklin.ru/article200601a07.php (accessed: 10.05.2020).

9. *Shabunova A. A.* Twenty Years of Monitoring Child Health: Organization, Results, Conclusions // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2015. No. 2 (38). P. 116–128.

10. Van de Kaa D. J. The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries. URL: https://scinapse.io/papers/2185048759 (accessed: 10.05.2020).

УДК 314.484

А. В. Короленко

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ КАК КРИТЕРИЙ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: МЕЖСТРАНОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ[1]

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни является одним из важнейших критериев активного и здорового долголетия населения. Автором была обозначена позиция России в рейтинге стран по величине продолжительности здоровой жизни. Осуществлена группировка регионов страны по величине ОПЗЖ, а также по числу лет «нездоровья». Проведена типология российских регионов по соотношению продолжительности здоровой жизни и числа лет «нездоровья».

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность здоровой жизни, активное долголетие, здоровье, годы «нездоровья»

Введение. Активное долголетие (или активное старение) в широком понимании подразумевает процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения [3]. Среди его ключевых компонентов традиционно выделяют физическую, социальную и трудовую активности [1]. При этом физическая активность напрямую сопряжена с деятельностью по сохранению, укреплению состояния здоровья и поддержанию ресурсных возможностей организма. Решающим фактором, выступающим своеобразным «триггером», который запускает процессы трудовой и социальной активности, является здоровье [2, 5]. Здоровье населения измеряется большим количеством индикаторов, при этом важную роль в отражении его популяционного состояния играют интегральные показатели. Одним из них является ожидаемая продолжительность жизни при рождении, показывающая количество лет, которое предстоит прожить родившемуся представителю гипотетического поколения при условии сохранения на протяжении всей его жизни половозрастных параметров смертности расчетного года. Однако, как известно, ОПЖ не учитывает качество прожитой жизни, в том числе состояние здоровья и его потери. Решить данную проблему был призван предложенный Д. Салливаном в 1971 г. интегральный показатель, учитывающий продолжительность жизни с потерями от плохого состояния здоровья, — ожидаемая продолжительность здоровой жизни (disability free life expectancy) [4]. При ее расчете помимо классических таблиц смертности применяются данные о самооценках здоровья, получаемых из репрезентативных опросов населения.

Показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) активно используется Всемирной организацией здравоохранения и его

[1] © Короленко А. В. Текст. 2020.

подразделением в Европейском союзе для мониторинга ситуации в сфере здоровья в различных странах и разработки практических рекомендаций по увеличению его среднего уровня, также как и уменьшению дифференциации по нему [4]. В России ОПЗЖ впервые была включена в перечень показателей официальной статистики лишь в 2019 г.[1], что связано с его присутствием в числе целевых ориентиров национального проекта «Демография»[2]. Так, согласно нацпроекту к 2024 г. ОПЗЖ в стране планируется увеличить до 67 лет. Расчет показателя производится Росстатом по методу Д. Салливана и базируется на данных таблиц смертности (табличное число доживающих до возраста *x* лет), а также выборочного наблюдения состояния здоровья населения (удельный вес респондентов, оценивших состояние своего здоровья как «плохое» и «очень плохое»)[3].

Целью данного исследования является изучение межстрановых и региональных особенностей ожидаемой продолжительности как здоровой, так и «нездоровой» жизни как критериев активного долголетия населения.

Информационной базой выступили данные Всемирной организации здравоохранения (Global Health Observatory) и Федеральной службы государственной статистики РФ.

Результаты исследования. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России и странах мира. Рассмотреть позицию России по величине продолжительности здоровой жизни в сравнении со странами мира позволяют данные Глобальной обсерватории здоровья (ВОЗ). По последним сведениям за 2015 г. в рейтинге 183 стран мира по величине ОПЗЖ Россия занимала 104-е место (63,4 года), соседствуя с такими развивающимися государствами, как Никарагуа (63,8 года), Ливия (63,7 года), Казахстан и Тринидад и Тобаго (по 63,3 года; таблица 1). От лидеров рейтинга — Японии (74,9 года), Сингапура (73,9 года), Южной Кореи (73,2 года), Швейцарии (73,1 года) и Израиля (72,8 года) — страна отстает на 10 и более лет. Величина продолжительности здоровой жизни в возрасте 60 лет и старше в России составляет 15,1 года, что в среднем на 5 лет уступает аналогичному показателю у стран-лидеров и на 3–4 года выше показателя стран-аутсайдеров.

---

[1] Об утверждении методики расчета показателя «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет)»: Приказ Федеральной службы государственной статистики от 25 февраля 2019 г. № 95 // КонсорциумКодекс: Электронный Фонд Правовой и Нормативно-Технической Документации. Url: http://docs.cntd.ru/document/552499807 (дата обращения: 20.04.2020).

[2] Паспорт Национального проекта «Демография»: Утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16 // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/info/35559/ (дата обращения: 20.04.2020).

[3] Об Утверждении методики расчета показателя «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет)»: Приказ Федеральной службы государственной статистики от 25 февраля 2019 г. № 95 // Консорциум-Кодекс: Электронный Фонд Правовой и Нормативно-Технической Документации. Url: http://docs.cntd.ru/document/552499807 (дата обращения: 20.04.2020).

Таблица 1

Страны мира по величине ОПЗЖ, 2015 г. (лет)

№	Страна	ОПЗЖ			ОПЗЖ в возрасте 60 лет		
		Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
5-ка стран-лидеров							
1	Япония	74,9	72,5	77,2	21,1	18,9	23,1
2	Сингапур	73,9	71,8	75,9	20,2	18,2	22,0
3	Республика Корея	73,2	70,8	75,3	20,0	17,9	21,7
4	Швейцария	73,1	71,7	74,3	19,9	18,7	21,0
5	Израиль	72,8	71,6	73,9	19,5	18,6	20,4
Россия и соседние страны							
102	Никарагуа	63,8	60,4	67,1	15,0	12,9	16,9
103	Ливия	63,7	62,3	65,3	13,9	13,1	14,7
104	Россия	63,4	59,0	67,8	15,1	12,5	17,1
105	Казахстан	63,3	59,8	66,8	14,3	12,2	15,9
106	Тринидад и Тобаго	63,3	61,2	65,5	14,2	12,8	15,6
5-ка стран-аутсайдеров							
179	Лесото	46,6	45,2	47,9	11,7	10,9	12,3
180	Чад	46,1	45,2	47,1	11,2	10,8	11,6
181	ЦАР	45,9	44,7	47,1	11,9	11,3	12,4
182	Ангола	45,9	44,8	47,0	11,7	11,2	12,1
183	Сьерра-Леоне	44,4	43,9	44,8	9,8	9,7	9,9

* ранжировано по величине ОПЗЖ (оба пола).

Источник: Healthy life expectancy (HALE). Global Health Observatory data repository // World Health Organization. URL: https://apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en.

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в регионах России. По расчетным данным Росстата за 2019 г. средняя ожидаемая продолжительность здоровой жизни российского населения составила 60,3 года. Среди регионов самый высокий показатель ОПЗЖ наблюдается в Республике Ингушетия (67,2 года), тогда как самый низкий — в Чукотском АО (49,1 года). Таким образом, разрыв между регионами с максимальной и минимальной величиной показателя значителен и составляет 18,1 года.

В ходе группировки субъектов РФ по величине продолжительности здоровой жизни были выделены пять групп регионов: с очень высоким, высоким, средним, низким и очень низким значениями показателя (таблица 2). В первую группу с самой высокой продолжительностью жизни без нарушений здоровья попали 5 регионов: республики Ингушетия, Дагестан, Чечня, Татарстан и г. Москва. В них ОПЗЖ превышает 65 лет. В числе субъектов с высоким значением ОПЗЖ оказались 26 регионов. Наиболее многочисленной оказалась группа регионов со средним уровнем

Таблица 2

Регионы России по уровню ожидаемой продолжительности здоровой жизни, 2019 г. (лет)

Уровень	Регионы
Очень высокий (63,6–67,2)	**5 регионов:** Респ. Ингушетия (67,2), Респ. Дагестан (66,2), Чеченская Респ. (66,1), Респ. Татарстан (65,4), г. Москва (65,1)
Высокий (60,0–63,5)	**26 регионов:** Респ. Мордовия (62,7), Калининградская обл. (62,4), Московская обл. (62,3), Респ. Северная Осетия (62,2), г. Санкт-Петербург (62,1), Респ. Адыгея (61,5), Астраханская обл. (61,5), Чувашская Респ. (61,3), Удмуртская Респ. (61,2), Калужская обл. (61,1), Костромская обл. (61,1), Ульяновская обл. (60,8), Саратовская обл. (60,7), Ярославская обл. (60,6), Самарская обл. (60,6), Краснодарский край (60,5), Респ. Калмыкия (60,4), Респ. Тыва (60,4), Хабаровский край (60,3), Сахалинская обл. (60,3), Респ. Крым (60,2), Волгоградская обл. (60,2), Новосибирская обл. (60,2), Забайкальский край (60,1), Ленинградская обл. (60,0), Пермский край (60,0)
Средний (56,3–59,9)	**46 регионов:** Курская обл. (59,9), Кировская обл. (59,8), Свердловская обл. (59,7), Оренбургская обл. (59,5), Мурманская обл. (59,4), Томская обл. (59,3), Ставропольский край (59,1), Иркутская обл. (59,1), Архангельская обл. (59,0), Респ. Башкортостан (58,9), Нижегородская обл. (58,9), Алтайский край (58,9), Омская обл. (58,9), Новгородская обл. (58,8), Пензенская обл. (58,8), Челябинская обл. (58,8), Тульская обл. (58,7), Респ. Карелия (58,7), Вологодская обл. (58,7), Владимирская обл. (58,6), Респ. Коми (58,6), Тюменская обл. (58,6), Респ. Алтай (58,6), Респ. Саха (Якутия) (58,6), Камчатский край (58,5), Рязанская обл. (58,4), Ханты-Мансийский АО (58,3), Воронежская обл. (58,2), КарачаевоЧеркесская Респ. (58,2), Тамбовская обл. (58,1), Тверская обл. (58,1), Ростовская обл. (58,0), Кемеровская обл. (57,9), Красноярский край (57,7), Приморский край (57,7), Смоленская обл. (57,5), Курганская обл. (57,4), Амурская обл. (57,4), Кабардино-Балкарская Респ. (57,3), Белгородская обл. (57,2), Ивановская обл. (57,2), Липецкая обл. (57,1), Респ. Бурятия (57,1), Псковская обл. (56,9), Респ. Хакасия (56,8), Ямало-Ненецкий АО (56,5)
Низкий (52,7–56,2)	**7 регионов:** Магаданская обл. (56,1), Респ. Марий Эл (56,0), г. Севастополь (55,9), Брянская обл. (55,7), Орловская обл. (55,7), Ненецкий АО (55,7), Еврейская авт. обл. (53,0)
Очень низкий (49,1–52,6)	**1 регион:** Чукотский АО (49,1)

Источник: составлено автором.

продолжительности здоровой жизни (46 регионов). Низкая ОПЗЖ отмечалась в 7 субъектах (Магаданской области, Республике Марий Эл, г. Севастополе, Брянской, Орловской областях, Ненецком АО и Еврейской автономной области).

В рамках данного исследования также применялся показатель числа лет, прожитых в состоянии «нездоровья». Он представляет собой разницу между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и ожидаемой продолжительностью здоровой жизни и показывает, сколько человеку предстоит прожить за пределами здоровой жизни (т. е. с нарушениями в состоянии здоровья). Произведенные расчеты показали, что самое большое число лет «нездоровья» характерно для Кабардино-Балкарской Республики (19,2 года) и Чукотского АО (19,0 года), тогда как меньше всего в состоянии «нездоровья» находится население Республики Тыва (7,2 года; таблица 3). Более 15 «нездоровых» лет предстоит прожить населению 18 регионов России, от 10 до 15 лет — 62 регионов, менее 10 лет — 5 регионов.

Интересным представляется сопоставление уровня продолжительности здоровой жизни с числом лет «нездоровья» в российских регионах. Оно позволило распределить российские регионы по следующим типам (таблица 4):

1) регионы с долгой здоровой и продолжительной «нездоровой» жизнью (2);

2) регионы с долгой здоровой и средне-продолжительной «нездоровой» жизнью (23);

3) регионы с долгой здоровой и непродолжительной «нездоровой» жизнью (5);

4) регионы со средне-длительной здоровой и продолжительной «нездоровой» жизнью (10);

5) регионы со средне-длительной здоровой и средне-продолжительной «нездоровой» жизнью (36);

6) регионы с недолгой здоровой и продолжительной «нездоровой» жизнью (6);

7) регионы с недолгой здоровой и средне-продолжительной «нездоровой» жизнью (1).

Проведенная типология доказывает факт существенной дифференциации субъектов РФ по соотношению параметров продолжительности здоровой и «нездоровой» жизни. При этом особого внимания заслуживают регионы с низкой или средней продолжительностью здоровой жизни, но длительными годами «нездоровья». Этот феномен указывает на проблему противоречия государственных ориентиров на здоровое долголетие и продление социальной активности населения, в том числе в ключе повышения пенсионного возраста и реального состояния здоровья граждан, которое характеризуется наличием серьезных функциональных нарушений, препятствующих здоровому долголетию. Именно поэтому, помимо ОПЗЖ как одного из критериев активного долголетия, следует применять и показатель числа лет «нездоровья».

Заключение. Как показало проведенное исследование, Россия находится в нижней половине рейтинга стран мира по величине продолжительности здоровой жизни населения, соседствуя с такими развивающимися

Таблица 3

Регионы России по величине лет «нездоровья» (лет)

Число лет «нездоровья»	Регионы
Более 15 лет	**18 регионов:** Кабардино-Балкарская Респ. (19,2), Чукотский АО (19,0), Карачаево-Черкесская Респ. (18,0), Ямало-Ненецкий АО (17,7), г. Севастополь (17,6), Ненецкий АО (17,5), Белгородская обл. (17,0), Респ. Марий Эл (16,9), Орловская обл. (16,9), Ханты-Мансийский АО — Югра (16,7), Брянская обл. (16,6), Липецкая обл. (16,2), Респ. Ингушетия (16,2), Ростовская обл. (15,7), Ставропольский край (15,6), Тамбовская обл. (15,5), Воронежская обл. (15,4), Еврейская авт. обл. (15,1)
10–15 лет	**62 региона:** Пензенская обл. (14,8), Рязанская обл. (14,8), Ивановская обл. (14,6), Респ. Калмыкия (14,4), Респ. Саха (Якутия) (14,4), Смоленская обл. (14,4), Респ. Хакасия (14,3), г. Санкт-Петербург (14,2), Тюменская обл. (14,2), Волгоградская обл. (13,9), Псковская обл. (13,8), Курганская обл. (13,7), Респ. Башкортостан (13,7), Респ. Бурятия (13,7), Ленинградская обл. (13,6), Магаданская обл. (13,6), Респ. Северная Осетия (13,6), Томская обл. (13,6), Тульская обл. (13,5), Красноярский край (13,5), Нижегородская обл. (13,4), Омская обл. (13,4), Краснодарский край (13,4), Архангельская обл. (13,3), Челябинская обл. (13,3), Владимирская обл. (13,3), г. Москва (13,3), Кировская обл. (13,2), Тверская обл. (13,1), Вологодская обл. (13,1), Респ. Дагестан (12,9), Приморский край (12,8), Респ. Карелия (12,8), Алтайский край (12,7), Респ. Коми (12,7), Оренбургская обл. (12,5), Респ. Крым (12,5), Курская обл. (12,4), Саратовская обл. (12,4), Астраханская обл. (12,4), Мурманская обл. (12,4), Респ. Адыгея (12,4), Ярославская обл. (12,3), Самарская обл. (12,2), Ульяновская обл. (12,2), Чувашская Респ. (12,1), Свердловская обл. (12,1), Камчатский край (12,1), Новосибирская обл. (12,1), Кемеровская обл. (11,9), Новгородская обл. (11,7), Респ. Алтай (11,7), Удмуртская Респ. (11,6), Московская обл. (11,6), Пермский край (11,3), Амурская обл. (11,3), Респ. Мордовия (11,3), Калужская обл. (11,3), Костромская обл. (11,3), Калининградская обл. (11,2), Иркутская обл. (10,5), Сахалинская обл. (10,0)
Менее 10 лет	**5 регионов:** Чеченская Респ. (9,8), Хабаровский край (9,8), Респ. Татарстан (9,6), Забайкальский край (8,9), Респ. Тыва (7,2)

Источник: рассчитано и составлено автором.

государствами, как Никарагуа, Ливия, Казахстан, Тринидад и Тобаго. Внутри страны наблюдается существенная дифференциация регионов по уровню ОПЗЖ. Так, разрыв между регионами с максимальной и минимальной ее значениями составляет 18,1 года. Наибольшую продолжительность здоровой жизни имеет население республики Ингушетия (67,2 года), тогда как наименьшую — Чукотского АО (49,1 года). По величине ОПЗЖ были выделены 5 групп регионов: с очень высоким (5), высоким (26), средним

Таблица 4

Регионы России по соотношению ОПЗЖ и числа лет «нездоровья» (лет)

ОПЗЖ	Число лет «нездоровья»		
	Более 15 лет	**10–15 лет**	**Менее 10 лет**
Очень высокая (63,6–67,2)	**Долгая здоровая и продолжительная «нездоровая» жизни**	**Долгая здоровая и средне-продолжительная «нездоровая» жизнь**	**Долгая здоровая и непродолжительная «нездоровая» жизни**
	Респ. Ингушетия	г. Москва, Респ. Дагестан	Респ. Татарстан, Чеченская Респ.
Высокая (60,0–63,5)	Брянская обл.	Астраханская обл., Волгоградская обл., г. Санкт-Петербург, Калининградская обл., Калужская обл., Костромская обл., Краснодарский край, Ленинградская обл., Московская обл., Новосибирская обл., Пермский край, Респ. Адыгея, Респ. Калмыкия, Респ. Крым, Респ. Мордовия, Респ. Северная Осетия, Самарская обл., Саратовская обл., Сахалинская обл., Удмуртская Респ., Ульяновская обл., Чувашская Респ., Ярославская обл.	Забайкальский край, Респ. Тыва, Хабаровский край
Средняя (56,3–59,9)	**Средне-длительная здоровая и продолжительная «нездоровая» жизнь**	**Средне-длительная здоровая и средне-продолжительная «нездоровая» жизнь**	—
	Белгородская обл., Воронежская обл., Кабардино-Балкарская Респ., Карачаево-Черкесская Респ., Липецкая обл., Ростовская обл., Ставропольский край, Тамбовская обл., Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО	Алтайский край, Амурская обл., Архангельская обл., Владимирская обл., Вологодская обл., Ивановская обл., Иркутская обл., Камчатский край, Кемеровская обл., Кировская обл., Красноярский край, Курганская обл., Курская обл., Мурманская обл., Нижегородская обл., Новгородская обл., Омская обл., Оренбургская обл., Пензенская обл., Приморский край, Псковская обл., Респ. Алтай, Респ. Башкортостан,	

Окончание табл. 4 на след. стр.

Окончание табл. 4 на след. стр.

ОПЗЖ	Число лет «нездоровья»		
	Более 15 лет	**10–15 лет**	**Менее 10 лет**
		Респ. Бурятия, Респ. Карелия, Респ. Коми, Респ. Саха (Якутия), Респ. Хакасия, Рязанская обл., Свердловская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Томская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Челябинская обл.	
Низкая (52,7–56,2)	Недолгая здоровая и продолжительная «нездоровая» жизни	Недолгая здоровая и средне-продолжительная «нездоровая» жизни	—
	г. Севастополь, Еврейская авт. обл., Ненецкий АО, Орловская обл., Респ. Марий Эл	Магаданская обл.	
Очень низкая (49,1–52,6)	Чукотский АО	—	—

Источник: составлено автором.

(46), низким (7) и очень низким (1) ее уровнем. Что касается числа лет, прожитых в состоянии «нездоровья», то по данному показателю лидирует Республика Карачаево-Черкессия (19,2 года), тогда как наименьшего значения он достигает в Республике Тыва (7,2 года). В 18 регионах продолжительность «нездоровых» лет жизни составляет более 15 лет, в 62 регионах — 1015 лет и в 5 регионах — менее 10 лет. Сопоставление уровня ОПЗЖ и количества лет «нездоровья» позволило распределить регионы по 7 типам: регионы с долгой здоровой и продолжительной «нездоровой» жизнью (2), с долгой здоровой и средне-продолжительной «нездоровой» жизнью (23), с долгой здоровой и непродолжительной «нездоровой» жизнью (5), со средне-длительной здоровой и продолжительной «нездоровой» жизнью (10), со средне-длительной здоровой и средне-продолжительной «нездоровой» жизнью (36), регионы с недолгой здоровой и продолжительной «нездоровой» жизнью (6), регионы с недолгой здоровой и средне-продолжительной «нездоровой» жизнью (1). Такая типология позволяет одновременно оценивать для населения региона продолжительность как здоровой жизни, так и жизни с ограничениями в его состоянии.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–511–00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

Список источников

1. *Колосницына М. Г., Хоркина Н. А.* Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 27–46.

2. *Короленко А. В., Барсуков В. Н.* Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4 (32). С. 643–657.

3. Программная справка ЕЭК ООН № 13 по вопросам старения «Активное старение» // Европейская экономическая комиссия ООН. 2012. 16 с.

4. *Рамонов А.* Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России // Демоскоп Weekly. 2011. № 463–464. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0463/demoscope0463.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

5. Старшее поколение и будущее / под ред. Н. М. Римашевской. М. : Экономическое образование, 2014. 212 с.

Информация об авторах

Короленко Александра Владимировна (Россия, Вологда) — научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 53; e-mail: coretra@yandex.ru).

A. V. Korolenko

Healthy Life Expectancy as a Criterion for Active Longevity: Cross-Country and Regional Analysis

Healthy life expectancy is one of the most important criteria for active and healthy longevity of the population. The purpose of this study is the cross-country and regional analysis of characteristics of the expected duration of both healthy and «unhealthy» life of the population. The information base consists of data from the World Health Organization and the Federal state statistics service. The author has shown the position of Russia in the ranking of countries in terms of healthy life expectancy. The Russian's regions were grouped by the size of the HALE, as well as by the number of years of «ill health». The typology of Russian regions according to the ratio of healthy life expectancy and the number of «unhealthy» years is carried out.

Keywords: healthy life expectancy, active longevity, health, years of «ill health»

Author

Korolenko Aleksandra Vladimirovna (Russia, Vologda) — researcher assistant, Federal state budgetary institution of sciences «Vologda research center of the Russian academy of sciences» (160014, Vologda, Gorkogo str., 53; e-mail: coretra@yandex.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and BRFBR, project number 20–511–00036 Bel_a "Introducing the active longevity concept in Russia and Belarus in conditions of irreversibility of demographic aging".

References

1. Kolosnitsyna M. G., Khorkina N. A. Public policies of active aging: the world experience // Demographic review. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 27–46.

2. Korolenko A. V., Barsukov V. N. Health condition as a factor of labor activity of the population of retirement age // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2017. No. 4 (32). P. 643–657.

3. UNECE Policy note No. 13 on ageing «Active ageing» // UN economic Commission for Europe. 2012. 16 p.

4. Ramonov A. The expected duration of a healthy life in Russia // Demoscope Weekly. 2011. No. 463–464. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0463/demoscope0463.pdf (accessed: 20.04.2020).

5. The Older generation and the future // edited By N. M. Rimashevskaya. M. : Economic education, 2014. 212 p.

УДК 331.44

О. А. Коропец, А. Э. Федорова, М. С. Меньшикова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖЕНЩИН НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ[1]

Представленное в статье эмпирическое исследование носит качественный характер и направлено на поиск и анализ факторов, влияющих на психологическую безопасность работающих женщин. В качестве основного метода исследования использовано нарративное интервью. В результате исследования выяснено, что на психологическую безопасность женщин на рабочем месте влияют различные факторы, в том числе наличие гарантированных трудовых отношений и психологического контракта с непосредственным руководителем.

Ключевые слова: психологическая безопасность, благополучие, прекаризация, рабочее место, женщины, нарративное интервью, трудовые отношения

Современное состояние трудовых отношений и их влияние на различные аспекты жизнедеятельности и эмоциональные состояния работников являются предметом междисциплинарных исследований в области социальной психологии и психологии труда, экономики и социологии труда, а также в области медицины труда [6]. Наряду с позитивными изменениями в сфере трудовых отношений появляются и негативные явления, в частности прекаризация труда. Экономист Г. Стендинг ввел понятие «прекариат» и для описания социально-экономической группы с определенными характеристиками: необеспеченность рабочими местами, отсутствие дополнительных социальных гарантий и некоторых гражданских прав. Прекариат растет за счет мигрантов, женщин и учащихся. В более общем виде под прекаризацией труда понимается переход от постоянных гарантированных трудовых отношений к неустойчивым формам занятости, приводящим к практически полной потере работником социально-трудовых прав [12]. Прекаризация занятости является одной из причин психологического неблагополучия человека, она создает ощущение эмоциональной нестабильности, тревожности, чувства неуверенности в будущем [2].

По нашему мнению, процесс ухудшения условий труда при одновременном снижении правовых и социальных гарантий неизбежно будет оказывать влияние на психологическую безопасность работников. Психологическую безопасность личности определяют как состояние защищенности сознания, выделяя три уровня анализа феномена психологической безопасности в профессиональной деятельности: индивидуальный, групповой и организационный [10]. Каждый из этих уровней имеет свои индикаторы для определения психологической безопасности. Например, рассматривая психологическую безопасность как групповой феномен,

[1] © Коропец О. А., Федорова А. Э., Меньшикова М. С. Текст. 2020.

А. Эдмондсон определяет ее через восприятие людьми последствий межличностного риска в конкретном контексте [8]. Понятие психологической безопасности неотделимо от понятия «угрозы» [1]. Применительно к психологической безопасности личности на рабочем месте фактор прекаризации занятости оказывается наиболее вероятной угрозой для психологической безопасности различных групп работников. Как показывают существующие исследования, женщины являются одной из наименее защищенных социальных групп в ситуации возрастающей прекаризации трудовых отношений [3, 5, 7]. В исследованиях также показано, что 47 % женщин на работе поручают выполнять задачи более низкого уровня, которые не поручают коллегам мужского пола; 66 % женщин чувствовали себя исключенными из ключевых ситуаций общения на работе из-за пола, а 40 % считали, что нужно меньше говорить о своей семье, чтобы к ним относились более серьезно [10]. По данным И.Р. Муртазиной, женщины в целом оценивают качество своей жизни ниже, чем мужчины, что не может не сказаться на общем уровне их благополучия [4]. Экономическое, правовое и социальное равенство мужчины и женщины в обществе на сегодняшний момент законодательно закреплено. Однако существующая на практике гендерная дискриминация на рынке труда в разных странах все чаще вынуждает женщин соглашаться работать по краткосрочному трудовому договору или работать без трудового договора. По нашему мнению, ситуация, при которой трудовые отношения могут быть расторгнуты работодателем в любое время, способствует развитию страха потери работы и негативно влияет на психологическую безопасность женщины на рабочем месте и на ее благополучие.

Представленное в статье эмпирическое исследование носит качественный характер и направлено на поиск и анализ факторов, влияющих на психологическую безопасность работающих женщин. В качестве метода исследования для выявления факторов, влияющих на психологическую безопасность женщин на рабочем месте, использован метод нарративного интервью [5]. Рассмотрим адаптированную нами схему проведения нарративного интервью для изучения психологической безопасности женщин на рабочем месте.

На первой фазе (фаза инициирования) женщинам была объяснена цель исследования в доступном для их восприятия формате и подчеркнута общественная важность темы исследования. Также на этом этапе было получено разрешение на стенографическую транскрипцию интервью. В качестве нарративного импульса использовалась следующая формулировка: «*Расскажите, чувствуете ли вы себя безопасно в психологическом плане на своей работе, и что на это влияет*». Пояснялось, что психологическая безопасность — это состояние защищенности личности, а также возможность свободно и комфортно выражать свое мнение на рабочем месте.

На второй фазе (фаза основного повествования) задачей интервьюера было создать максимально комфортные условия для того, чтобы

интервьюируемый мог высказать свою точку зрения. Стимулировать продолжение повествования можно при помощи вербальных и невербальных приемов активного слушания. Когда рассказчик завершал свою историю, интервьюер задавал уточняющий вопрос: «*Вы хотите что-то еще добавить к своему рассказу?*».

На третьей фазе (фаза опроса) задавались вопросы, касающиеся темы исследования, на языке, понятном респонденту. На этапе расспроса для прояснения деталей относительно психологической безопасности работника можно использовать следующие формулировки вопросов:

— «*Насколько свободным и безопасным является выражение своего мнения перед руководством и/или коллегами в вашей организации?*»;

— «*Вы можете попросить своих коллег и/или руководителя о помощи по рабочим и личным вопросам?*»;

— «*Что или кто угрожает вашей психологической безопасности на рабочем месте?*»;

— «*Какие факторы, на ваш взгляд, являются условием психологической безопасности на рабочем месте?*»;

— «*Как влияет на психологическую безопасность на работе наличие официального трудоустройства или продолжительность (срок) трудового договора?*».

Таким образом, был собран дополнительный материал за пределами самогенерирующегося нарратива. В конце интервьюер просил респондента резюмировать свою историю.

На четвертой фазе (фаза заключительного разговора) собиралась контекстная информация, которая могла быть важной для последующего анализа нарратива. Эта фаза начиналась с выражения благодарности респонденту и завершалась небольшим свободным разговором после интервью.

Для апробации вышеописанной схемы нарративного интервью в 2020 г. было осуществлено зондажное исследование. В исследовании приняли участие 35 женщин в возрасте от 23 лет до 51 года: официально трудоустроены 77,14 % женщин (57,14 % бессрочные трудовые договоры, 20 % срочные трудовые договоры сроком от 1 года до 5 лет), работают без официального трудоустройства 22,86 % респондентов. Участие в исследовании носило добровольный характер. Обработка и интерпретация нарративов включали в себя изучение индивидуальных и коллективных траекторий. Индивидуальные траектории респондентов отличались большим разнообразием, выделение сходства в нарративах позволило сформировать коллективные траектории, а поиск различий показал отличительные черты в нарративах респондентов с разным типом трудоустройства.

Первичный анализ нарративов женщин показал, что существенные отличия относительно уровня психологической безопасности женщин, трудоустроенных официально и неофициально, отсутствуют. Психологически безопасным свое рабочее место считают 66,67 % официально трудоустроенных женщин и 62,5 % неофициально трудоустроенных респондентов.

Однако 37,5 % респондентов, работающих без трудового договора, и 71,43 % женщин, работающих по срочным трудовым договорам, считают, что чувствовали бы себя в большей психологической безопасности при официальном трудоустройстве и бессрочном трудовом договоре. Важными условиями психологической безопасности рабочего места, по мнению большинства интервьюируемых людей, являются: благоприятный социально-психологический климат в коллективе (77,14 %), хорошие отношения с руководством (62,5 %), уверенность в завтрашнем дне (51,43 %). Наличие правильно организованной двусторонней горизонтальной и вертикальной обратной связи также положительно влияет на психологическую безопасность женщин. Угрозы психологической безопасности на рабочем месте респонденты связывают со следующими факторами: плохое отношение со стороны руководителя (45,71 %), страх потери работы (37,14 %), наличие недругов среди коллег (28,57 %), высокая конкуренция за рабочее место (14,29 %).

Качественный анализ нарративов показывает, что при отсутствии официального трудоустройства или при работе по срочному трудовому договору женщина может себя чувствовать в психологической безопасности при условии психологического контракта с руководителем, а также наличии эмоциональной и финансовой поддержки со стороны семейного окружения. Эти факторы можно обозначить как субъективную гарантированность трудовых отношений. Также на психологическую безопасность влияет положительная оценка собственной востребованности на рынке труда и наличие хороших отношений с коллегами и с руководителем. Результаты эмпирического исследования подтверждают гипотезу о том, что на психологическую безопасность женщин на рабочем месте влияют макро- и микрофакторы. Психологическая безопасность женщин на рабочем месте, безусловно, связана с благоприятным социально-психологическим климатом в коллективе, с эффективностью внутренней горизонтальной и вертикальной коммуникации в организации. Наличие объективных (официальное оформление трудовых отношений, срок трудового договора) или субъективно воспринимаемых гарантий трудовых отношений (самооценка востребованности на рынке труда, поддержка семейного окружения, психологический контракт с руководителем) также положительно влияют на психологическую безопасность.

Полученные результаты создают основу для организационного консультирования женщин с неблагоприятным уровнем психологической безопасности рабочего места. Управление психологической безопасностью женщин должно осуществляться на трех уровнях: на уровне личности, на уровне организации и на уровне общества. На уровне личности для повышения психологической безопасности рекомендованы карьерный коучинг, направленный на повышение профессиональной самооценки, а также обучающие программы для развития профессиональных и коммуникативных навыков и управления стрессом. На уровне организации

возможные мероприятия могут заключаться в коучинге руководителей для повышения коммуникативной и управленческой компетенции, проведении тренингов по командообразованию и сплочению коллектива, созданию эффективной внутриорганизационной коммуникации. На уровне государства и общества должны быть предприняты меры для снижения дискриминации женщин на рынке труда и для уменьшения уровня безработицы среди женщин. Дальнейшее исследование может быть направлено на изучение взаимосвязей между личностными особенностями и уровнем психологической безопасности работающих женщин.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–010–00952.

Список источников

1. *Баева И. А.* Психология безопасности как основа анализа экстремальной ситуации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 145. С. 6–18.

2. *Дружилов С.* Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. Вып. 41. № 1. Ч. 2. С. 53–61.

3. *Мельникова А. С.* Особенности женской дистанционной занятости в интернет-бизнесе // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Т. 1. Екатеринбург, 2019. С. 262–268.

4. *Муртазина И. Р.* Качество жизни и личностные характеристики взрослых в контексте здорового образа жизни // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. URL: https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN119.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

5. *Пеша А. В.* Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований // Вестник Омского университета. 2018. № 4. С. 111–125.

6. *Плутова М. И., Коропец О. А., Пеша А. В.* Профилактика эмоционального выгорания работников производственных организаций // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. № 5. URL: https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN517.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

7. *Тонких Н. В.* Исследование отношения женщин к социально-экономическим условиям дистанционной занятости // Вестник Омского университета. 2018. № 4. С. 153–166.

8. *Edmondson A. C., Lei Z.* Psychological safety: The history, renaissance, and future of an interpersonal construct // Annu. Rev. Organ. Psychol. Organ. Behav. 2014. Т. 1. No. 1. P. 23–43.

9. *Işık N. E.* The role of narrative methods in sociology: stories as a powerful tool to understand individual and society // SosyolojiAraştırmalarıDergisi. 2015. Т. 18. No. 1. P. 103–125.

10. *Ming C.* et al. A Review on Psychological Safety: Concepts, measurements, antecedents and Consequences variables // 2015 International Conference on Social Science and Technology Education. Atlantis Press. 2015. P. 433–440.

11. *Mundy L.* Why is Silicon Valley so awful to women // The Atlantic. 2017. Т. 319. P. 6073.

12. *Standing G.* The precariat // Contexts. 2014. Т. 13. No. 4. P. 10–12.

Информация об авторах

Коропец Ольга Анатольевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: okor78@mail.ru).

Федорова Алена Эдуардовна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, PhD, доцент кафедры управления персоналом и психологии, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.e.fedorova@urfu.ru).

Меньшикова Мария Сергеевна (Россия, Екатеринбург) — PhD, инженер-исследователь, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; email: maria.menshikova@uniroma1.it).

O. A. Koropets, A. E. Fedorova, M. S. Menshikova

Psychologikal safety and well-being of women in the workplase

The empirical research presented in the article is of a qualitative nature and is aimed at the search and analysis of factors affecting the psychological safety of working women. A narrative interview was used as the main research method. The study showed that the psychological safety of women in the workplace is influenced by various factors, including the availability of guaranteed labor relations and a psychological contract with the immediate supervisor.

Keywords: psychological safety, well-being, precarization, workplace, women, narrative interviews, labor relations

Authors

Koropets Olga Anatolyevna (Russia, Yekaterinburg) — candidate of psychological sciences, associate professor of the department of personnel management and psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (620002, Yekaterinburg, Mira Street, 19; email: okor78@mail.ru).

Fedorova Alena Eduardovna (Russia, Yekaterinburg) — Candidate of Economic Sciences, PhD, Associate Professor of the department of Personnel Management and Psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (620002, Yekaterinburg, Mira Street, 19; email: a.e.fedorova@urfu.ru).

Menshikova Maria Sergeevna (Russia, Yekaterinburg) — PhD, research engineer, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (620002, Yekaterinburg, Mira Street, 19; email: maria.menshikova@uniroma1.it).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 20–010–00952.

References

1. Baeva I. A. Psychology of safety as the basis for the analysis of extreme situations // Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. 2012. No. 145. P. 6–18.

2. Druzhilov S. The precariat and informal employment in Russia: socio-psychological aspects // Humanitarian scientific research: Journa. 2015. Iss. 41. No. 1 (2). P. 53–61.

3. Melnikova A. S. Features of female distance employment in the Internet business // Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region. Vol. I. Yekaterinburg, 2019. P. 262–268.

4. Murtazina I. R. Quality of life and personality characteristics of adults in the context of a healthy lifestyle // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. No. 1. URL: https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN119.pdf (accessed: 10.05.2020).

5. Pesha A. V. Influence of non-standard forms of employment on the physical and psychosocial health of women. Research Review // Bulletin of the Omsk University. 2018. No. 4. P. 111–125.

6. Plutova M. I., Koropets O. A., Pesha A. V. Prevention of emotional burnout of workers in industrial organizations // World Science magazine. 2017. Vol. 5, No. 5. URL: https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN517.pdf (accessed: 10.05.2020).

7. Tonkikh N. V. Research on the attitude of women to the socio-economic conditions of distance employment // Bulletin of the Omsk University. 2018. No. 4. P. 153–166.

8. Edmondson A. C., Lei Z. Psychological safety: The history, renaissance, and future of an interpersonal construct // Annu. Rev. Organ. Psychol. Organ. Behav. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 2343.

9. Işık N. E. The role of narrative methods in sociology: stories as a powerful tool to understand individual and society // SosyolojiAraştırmalarıDergisi. 2015. Vol. 18. No. 1. P. 103125.

10. Ming C., et al. A Review on Psychological Safety: Concepts, measurements, antecedents and Consequences variables // 2015 International Conference on Social Science and Technology Education. Atlantis Press. 2015. P. 433–440.

11. Mundy L. Why is Silicon Valley so awful to women // The Atlantic. 2017. Vol. 319. — P. 60–73.

12. Standing G. The precariat // Contexts. 2014. Vol. 13. No. 4. P. 10–12.

УДК 314

М. Л. Лифшиц

ЗАКОНОМЕРНОСТИ УРОВНЯ ЛЕТАЛЬНОСТИ COVID-19 В МИРЕ И ПРОГНОЗНАЯ ОЦЕНКА ЧИСЛА СМЕРТЕЙ ВСЛЕДСТВИЕ ЭПИДЕМИИ В РФ[1]

В работе представлены результаты эконометрического анализа факторов, влияющих на летальность COVID-19 в различных странах, и проведена прогнозная оценка числа умерших в России вследствие эпидемии. Подтверждено, что доля умерших от завершившихся случаев болезни зависит от уровня тестирования (количество тестов на одного зараженного и на тысячу населения). Кроме того, выявленная летальность заболевания зависит от доли завершенных случаев, от возрастной структуры населения и от того, насколько рано по сравнению с другими странами эпидемия пришла в страну (без учета Китая). Показано, что доля умерших медработников в общей смертности от нового коронавируса в РФ на порядок выше, чем в развитых странах. Это говорит и о занижении данных умерших от COVID-19 в РФ, и о неудовлетворительном качестве российской системы здравоохранения.

Ключевые слова: COVID-19, регионы России, смертность, летальность, эконометрическое моделирование

Эпидемия COVID-19 началась в России на месяц позже, чем в Италии, однако избежать негативного сценария, взяв за образец подход Германии и некоторых других стран, не удалось. С 19 апреля по 9 мая РФ держалась на втором месте по числу ежедневных новых случаев заражения после США (рис. 1)[2] и в начале мая вышла на второе место после США по числу активных случаев. Обычно это все живые зараженные, кто еще не выздоровел, но в Великобритании — все, кто не умер, поэтому на рисунке 2 Россия на третьем месте. На полдень 10 мая первая десятка по общему числу заражений выглядела следующим образом: США (1 347 318), Испания (264 663), Италия (218 268), Великобритания (215 260), Россия (209 688), Франция (176 658), Германия (171 324), Бразилия (156 061), Турция (137 115), Иран (107 603). На рисунке 1 и рисунке 2 представлены первые 7 из них, страны в легендах указаны по убыванию последнего значения. На рисунке 1 линии начинаются от 100 случаев в день, на рисунке 2 — от 1 000 активных случаев.

[1] © Лифшиц М. Л. Текст. 2020.

[2] По числу новых выявленных случаев заражения за 3 мая: на первом месте США (26 261), затем РФ (10 581), Бразилия (4 588), Великобритания (4 339), Перу (3 394), Индия (2 806) и Канада (2 760). За 9 Мая: США (25 524), Россия (10 817), Бразилия (10 169), Великобритания (3 896), Перу (3 168), Индия (3 113), Испания (2 666), Пакистан (2 301), Мексика (1 906), Саудовская Аравия (1 704), Турция (1 546), Иран (1 529), Канада (1 268), Чили (1 247), Катар (1 130), Италия (1 083), Беларусь (951), Сингапур (753), Германия (736), Швеция (656), Бангладеш (636), ОАЭ (624), Франция (579), Индонезия (533), ЮАР (525), Украина (504).

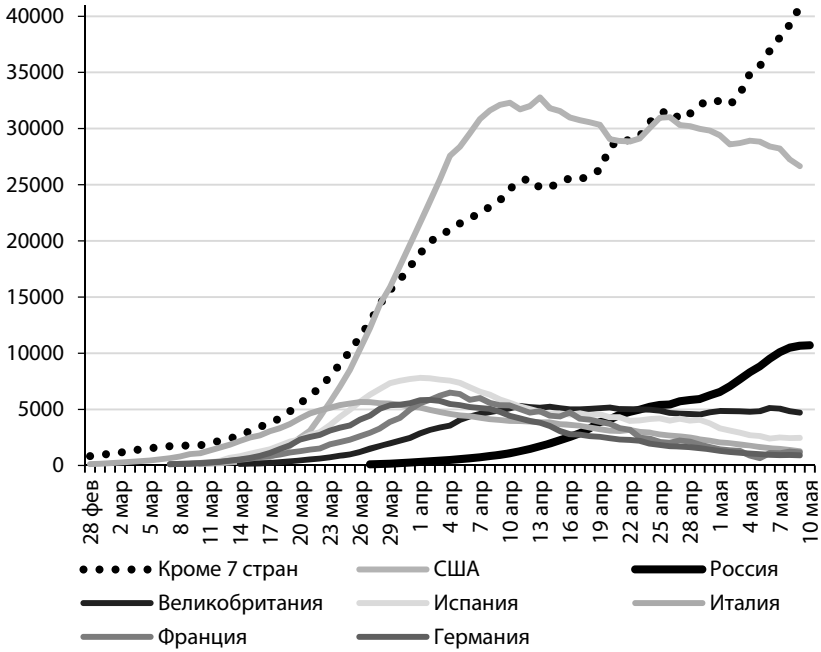


Рис. 1. *Новые выявленные случаи заражения, скользящая средняя (7 дней)*

Если сравнивать страны по числу зараженных на 1000 жителей, то 10 мая РФ находилась на 45 месте, хотя пока невозможно сказать, как будет выглядеть Россия к концу пандемии. В одних странах пик эпидемии уже позади (примерно в половине стран число активных случаев снижается, а в 9 странах из 208 к 10 мая не осталось ни одного больного), но в ряде других, в том числе в России, Бразилии, Индии, Пакистане эпидемия лишь разгорается. В России на 10 мая выздоровели 12,6 % от выявленных зараженных (для сравнения: в Германии 84,1 %).

На графиках и в расчетах использованы данные о COVID-19 с сайта Worldometer (https://www.worldometers.info/coronavirus/). В представленных ниже эконометрических моделях использованы также данные Всемирного банка (https://data.worldbank.org/), Росстата (www.gks.ru) и российского сайта Coronavirus (https://coronavirus-monitor.ru/coronavirus-v-rossii/).

К сожалению, сайт Worldometer не выделяет медицинских работников в числе зараженных и умерших, а это самая трагическая сторона нынешней пандемии, к тому же это позволило бы сравнить организацию систем здравоохранения. Но во многих странах создаются Списки памяти умерших зараженных медработников. Еще более существенным минусом

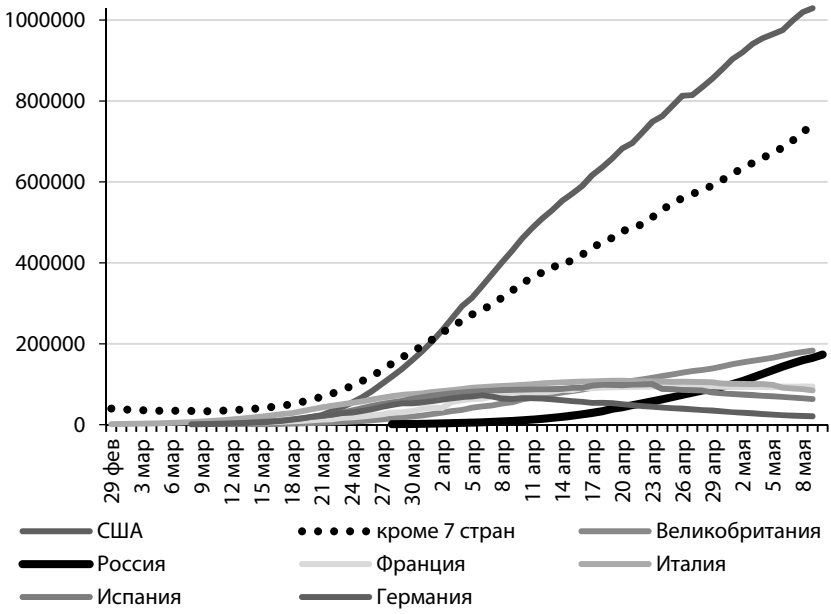


Рис. 2. *Число активных случаев COVID-19*

имеющихся статистических данных является то, что данные о смертности от COVID-19 в разных странах несопоставимы. В одних, как в Италии, к умершим от COVID-19 относят всех умерших инфицированных, в других — далеко не всех. Хотя последние исследования ученых показывают, что новый коронавирус вызывает не респираторное заболевание, механизм гораздо сложнее [1], следовательно, подход Италии более верный. ВОЗ лишь 16 апреля опубликовала рекомендации[1], согласно которым «смерть от COVID-19 — это смерть от сопутствующих заболеваний при вероятном или подтвержденном случае COVID-19, если нет другой очевидной причины, например травмы. При этом между заболеванием COVID-19 и смертью не должно быть даже самого короткого периода выздоровления от вируса. В качестве причины смерти COVID-19 не может быть приписан другому заболеванию (например, раку) и должен быть зафиксирован независимо от ранее существовавших причин, которые предположительно приводят к началу тяжелого течения»[2]. Однако трактовка этих слов

[1] Международные методические рекомендации по удостоверению и кодированию COVID-19 в качестве причины смерти. Всемирная организация здравоохранения. 20 апреля 2020. URL: https://www.who.int/classifications/icd/guidelines_cause_of_death_covid-19.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

[2] В Беларуси смертность врачей от коронавируса в 30 раз больше, чем в мире // The Village Беларусь. URL: https://www.the-village.me/village/city/news-city/281911-smertnost-doctor (дата

в разных странах не одинакова. Кроме того, надо иметь в виду, что до публикации этих рекомендаций в мире было зарегистрировано уже 148 тыс. смертей от COVID-19 из 270 тыс., на основании которых автором построены эконометрические модели, описанные ниже, при этом каждая страна следовала собственным правилам.

Подход к статистическому учету числа выздоровевших в разных странах также не одинаковый. Великобритания, Нидерланды и Норвегия вообще не публикуют эти числа, поэтому в нашем эконометрическом исследовании пришлось исключить эти страны из рассмотрения. В некоторых других странах, напротив, возможно, слишком торопятся объявить больных людей выздоровевшими.

Тем не менее, даже с этими важными ограничениями при эконометрическом моделировании можно проследить некоторые закономерности уровня летальности COVID-19 (доли умерших от завершившихся случаев) в разных странах. Именно этот показатель в процентах взят в качестве объясняемой переменной в моделях 1 и 2 (таблица). Для моделей использованы данные, имевшиеся на сайте Worldometer 8 мая, 01:00 GTM, а также данные Всемирного Банка для возрастной структуры населения.

В таблице представлены коэффициенты b_i эконометрических уравнений вида

$$Y = b_0 + b_1 \times x_1 + \ldots + b_n \times x_n + \varepsilon,$$

где Y — объясняемая переменная, x_i — регрессоры, ε — остаток уравнения.

В таблице приняты следующие обозначения: *Constant* — свободный член уравнения; Тесты/заражения — количество тестов на одного выявленного зараженного; Завершенные, % — процентная доля завершенных случаев (выздоровления плюс смерти) среди всех заразившихся; 65+/15+ — процентная доля населения в возрасте 65 и старше от населения в возрасте 15 и старше; Дата_250 — фиктивная переменная, которая принимает значение 1 для Южной Кореи и прибавляет 1 за каждый день, насколько позже в данной стране зафиксирован 250-й инфицированный (например, для Италии это 3, для России 28); Тесты/население — количество тестов на тысячу населения страны; *Adj.* R^2 — скорректированный коэффициент детерминации; N — число наблюдений. Коэффициенты являются случайными величинами, поэтому после каждого в скобках стоит его стандартное отклонение (стандартная ошибка). Уровень значимости коэффициентов обозначен звездочками — это вероятность того, что мы незначимый регрессор сочтем значимым: * — 0,1; ** — 0,5; *** — 0,01; **** — 0,001; отсутствие звездочек — вероятность более 10 %.

Модели рассчитывались по данным 107 стран и территорий из 208, которые были выбраны по следующим критериям: общее количество заразившихся не менее 450 (к началу дня 8 мая таких было 122); на сайте Worldometer имеются данные о тестировании (отсеялись 9) и о числе

обращения: 10.05.2020).

Таблица

Регрессоры, объясняющие различия летальности от COVID-19 в разных странах

Регрессоры	Модель 1		Модель 2	
	Коэффициент	Ст. ошибка	Коэффициент	Ст. ошибка
Constant	21,36****	(3,76)	22,19****	(3,76)
Тесты/заражения	–0,05070**	(0,02398)	–0,04386*	(0,02412)
Завершенные, %	–0,1995****	(0,0347)	–0,1934****	(0,0345)
65+/15+	0,3233***	(0,1224)	0,3452***	(0,1220)
Дата_250	–0,1403**	(0,0649)	–0,1581**	(0,0651)
Тесты/население			–0,05395*	(0,03209)
Adj. R^2	0,351		0,362	
N	107		107	

выздоровлений (убраны еще 3); на сайте Всемирного банка имеются данные о возрастной структуре населения (исключены из рассмотрения еще 3).

Согласно моделям, наибольшее влияние на выявленную летальность оказывает доля завершенных случаев, потому что, как правило, в начале эпидемии в поле зрения первыми попадают наиболее тяжелые случаи.

Следующей по значимости идет возрастная структура населения. Обратим внимание, что здесь фактором является доля людей 65 лет и старше не от всего населения, а только от взрослого, поскольку дети, являясь переносчиками инфекции наряду со всеми, очень редко имеют клинические проявления болезни. Как правило, в России также наблюдается повышенная смертность не там, где население в целом более старое, а там, где выше доля пожилых людей во взрослом населении. Например, в южных республиках население в целом молодое, потому что велика доля детей, однако доля пожилых людей во взрослом населении здесь также больше среднероссийской, поскольку выше продолжительность жизни. В России значение показателя «65+/15+» (17,9) существенно меньше, чем в Италии (26,3) и Испании (22,7), следовательно, можно ожидать, что и летальность окажется меньше.

Регрессор «Дата_250» входит в модель со знаком минус, потому что, хотя ни надежных лекарств от COVID-19, ни протокола лечения по-прежнему нет, с течением времени мировое врачебное сообщество все-таки нарабатывает опыт, положительный и отрицательный.

В модели 2 значимы два фактора, характеризующих уровень тестирования: на одного заболевшего и на тысячу населения, оба лишь на 10-% уровне, хотя важность тестирования неоспорима. Модель 1 приведена для того, чтобы показать, что в отсутствие одного из этих регрессоров значимость другого оказывается выше: на уровне 5 %. Но все равно это меньше, чем выявленная значимость некоторых других факторов.

Причин здесь несколько. Прежде всего, в разных странах используют разные тесты, качество которых не одинаково, причем в начале пандемии

качественных тестов не было вообще нигде. Все страны с течением времени стремятся наращивать тестирование на одного заболевшего, чтобы установить наличие или отсутствие вируса у как можно большего числа лиц, кто мог контактировать с заболевшим. Однако с 27 апреля по 7 мая этот показатель снизился в 27 странах и территориях из 107. В 5-ти из них это произошло просто потому, что число сделанных тестов по каким-то причинам на сайте не обновлялось (Египет, Алжир, Гватемала, Мали, Нормандские о-ва). Можно предположить, что в остальных 22 число заболевших растет более высокими темпами, чем число тестирований, потому что или качество первоначального тестирования было особенно низким, или время было упущено, и ситуация вышла из-под контроля. Перечислим их в порядке убывания снижения этого показателя по абсолютной величине: ОАЭ, Гана, Россия, Кения, Бахрейн, Колумбия, Беларусь, Нигерия, Боливия, Бразилия, Чили, Гондурас, Майотта, Катар, Афганистан, Пакистан, Мексика, Перу, Армения, Нигер, Сингапур, Бангладеш. Таким образом, Россия оказалась в тройке худших. Возможно также, что в некоторых из этих стран многократно тестируются лишь узкие слои населения, а тестированию остальных жителей не уделяется должного внимания.

Рассмотрим теперь, у каких наблюдений в модели 2 получились наибольшие и наименьшие остатки по отношению к стандартному отклонению, и попробуем хоть немного разобраться в причинах.

За рамки трех сигма выходит только Гондурас (3,63), далее идут Бельгия (2,93), Швеция (2,22), Венгрия (2,16), Боливия (2,11), Эквадор (1,89), Филиппины (1,86), Франция (1,77), Индонезия (1,65). Наибольшие по модулю отрицательные остатки меньше по абсолютной величине, чем положительные: Сингапур (–2,31), Катар (–1,84), Япония (–1,75), Беларусь (–1,65), Россия (–1,51), Саудовская Аравия (–1,40), Сербия (–1,28), Чили (–1,28), Армения (–1,19).

Любопытно, что 8 из этих 18 стран ранее были перечислены в числе стран, где, возможно, были наибольшие проблемы с тестированием. Неудовлетворительное тестирование могло привести как к росту смертности (Гондурас, Боливия), так и к занижению числа реальных смертей (Россия, Беларусь, Чили, Катар, Армения, Сингапур).

К большим положительным отклонениям от значений, рассчитанных по модели 2, также могли привести как реальные проблемы (например, полный отказ Швеции от карантина, вспышки смертности в домах престарелых во Франции), так и особенности статистического учета (например, в Бельгии к умершим от COVID-19 причисляли всех умерших в домах престарелых, у кого подозревалось это заболевание, даже если не было подтверждения[1]). Что касается больших отрицательных отклонений, то можно вспомнить, что Японию не раз хвалили в СМИ за хорошую организацию

[1] Гасюк А. В Бельгии объяснили самый высокий в мире уровень смертности от COVID-19 // Российская газета. М., 2020. URL: https://rg.ru/2020/04/22/obiasnen-samyj-vysokij-v-mire-uroven-smertnosti-ot-covid-19-v-belgii.html (дата обращения: 10.05.2020).

борьбы с эпидемией, при этом здесь любой желающий может зайти в местную поликлинику и сделать КТ[1].

Но можно ли утверждать, что в Беларуси и России также хорошая организация здравоохранения? Здесь уместно вернуться к вопросу о доле медицинских работников в числе заразившихся новым коронавирусом и в числе умерших зараженных. Во всем мире медработники входят в группу риска, потому что контактируют с зараженными людьми, при этом нигде в мире в начале пандемии не было достаточного количества средств защиты. ВОЗ оценивает долю медработников среди всех заразившихся в мире примерно в 16 %[2], хотя она сильно различается по странам: в Испании 20 %, в Италии 10 %, в Германии 2,8 %, в США 1,5 %[3]. У медицинского персонала в Москве, где обеспеченность средствами защиты лучше, чем в регионах, вероятность заразиться в 12 раз выше, чем у остальных москвичей[4].

Однако ситуация с долей среди умерших зараженных в мире принципиально иная, ведь у медработников есть возможность раннего выявления болезни и своевременного лечения. В Италии доля медработников среди умерших зараженных 0,6 %, в Германии — 0,2 %, в США — 0,3 %[5], т. е. обычно доля медработников среди умерших заразившихся в 5–15 раз меньше, чем доля среди всех выявленных заразившихся. В России же и Беларуси дела обстоят иначе. В белорусском Списке памяти на 5 мая было 14 имен медработников[6], т. е. доля среди зарегистрированных умерших от эпидемии была около 13 %. В российском Списке[7] на 10

[1] Гэллоуэй Л. В каких странах у Covid-19 меньше всего шансов и почему // BBC. 2020. URL: https://www.bbc.com/russian/vert-tra-52404096?fbclid=iwar00rkby1s7i5l4ngvnhwlyqm0yw9fc34pmhsnu3eexedecqdarfnzwpbrs (дата обращения: 10.05.2020).

[2] Рыскулова Н. Коронавирус: в Казахстане и Кыргызстане заразилось много медиков. Власти говорят, что они сами виноваты // BBC. Бишкек. 2020. URL: https://www.bbc.com/russian/features-52493773 (дата обращения: 10.05.2020).

[3] Султанова Т. В. Молдове доля зараженных врачей — одна из самых высоких в мире. COVID-19 в цифрах // NewsMaker, 2020. URL: https://newsmaker.md/rus/novosti/v-moldove-dolia-zarajhennyh-vrechei-odna-iz-samyh-vysokih-v-mire-covid-19-v-tsifrah/ (дата обращения: 10.05.2020).

[4] Соколов А. Почему в России не хватает средств защиты от коронавируса // Ведомости, 2020. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/05/01/829484-ne-hvataet-sredstv-zaschiti?utm_campaign=editorchoice09052020&utm_medium=email&utm_source=newsletter (дата обращения: 10.05.2020).

[5] Трофимович А. Смертность от COVID-19 среди медиков в Беларуси в 15–30 раз выше других стран Европы? Как такое получилось // Сильные Новости, 2020. URL: https://gomel.today/rus/article/society-1558/ (дата обращения: 10.05.2020).

[6] Белорусские медики погибли во время пандемии COVID-19. Список памяти. — URL: https://www.svaboda.org/a/30582868.html (дата обращения: 10.05.2020).

[7] Список врачей, медсестер, санитарок, лаборантов и других медицинских работников, погибших во время пандемии КОВИД. URL: https://sites.google.com/view/covid-memory/home?fbclid=iwar0oub2jgh2mff7nkf6zkkts4jxcgwopwiegtxfx7mpxifshqqjvd1-zsma (дата обращения: 10.05.2020).

мая было 147 имен в 33 регионах РФ, это 7,7 % от всех жертв COVID-19 в России на тот день, из них 47 в Москве (4,4 % от умерших зараженных), 27 в Дагестане (150 %), 21 в Московской области (11 %), 14 в Санкт-Петербурге (26 %), 5 в Краснодарском крае (23 %), по два в республиках Коми (14 %), Мордовия (25 %) и Сев. Осетия (20 %), Ставропольском крае (10 %) и Ярославской обл. (18 %), по одному в Адыгее (14 %), Астраханской обл. (17 %), Башкортостане (7 %), Белгородской обл. (17 %), Владимирской обл. (8 %), Волгоградской обл. (8 %), Ивановской обл. (10 %), Калининградской обл. (9 %), Красноярском крае (7 %), Курской обл. (17 %), Ленинградской обл. (17 %), Новгородской обл. (17 %), Пензенской обл. (13 %), Ростовской обл. (4,8 %), Р. Татарстан (20 %), Тверской обл. (10 %), Томской обл. (50 %), Тульской обл. (8 %), Ульяновской обл. (25 %), Р. Хакасия (13 %), Челябинской обл. (25 %), Чеченской Р. (13 %), и Р. Чувашия (13 %). Это говорит и о занижении данных умерших от COVID-19 в РФ, и о неудовлетворительном качестве российской системы здравоохранения.

Обнаружена также значимая корреляция между числом заразившихся в регионах (взяты числа за 10 апреля, Москва и область брались в сумме) и изменением числа умерших в феврале 2020 г. по сравнению с февралем 2019 г.: 0,404, в основном за счет Московского региона и Краснодарского края. Однако неясно, можно ли предположить, что в этих регионах от COVID-19 начали умирать еще до того, как были выявлены первые заболевшие, поскольку корреляция с мартовскими данными отсутствует.

Таким образом, относительно низкая доля умерших от COVID-19 в России и Беларуси, очевидно, является, прежде всего, следствием особого подхода к определению причины смерти. Например, если рак, атеросклероз или диабет осложнили течение болезни, возникшей вследствие заражения новым коронавирусом, то в большинстве стран COVID-19 указывается как причина смерти или одна из причин, а в России принято указывать только одну основную причину, и в перечисленных случаях указывают обычно рак, острую сосудистую патологию и диабет[1], т. е., в сущности, такое определение причины смерти противоречит рекомендациям ВОЗ.

Итак, для прогнозной оценки общего числа жертв эпидемии в России вполне можно обратиться к построенным моделям из таблицы.

Обычно число выявленных зараженных снижается медленнее, чем растет. Поэтому, если предположить, что сейчас Россия достигла или почти достигла пика выявленной заболеваемости в день, то общее число зараженных за время эпидемии составит в стране от 750 тыс. до 1 млн чел., тогда общее число жертв эпидемии может составить 14–19 тыс. чел. Однако стандартная ошибка уравнений велика из-за больших погрешностей в исходных данных и небольшой выборки, поэтому для более точного прогноза нужны дополнительные исследования через некоторое время.

[1] Новая коронавирусная инфекция (COVID-19). Правила работы патологоанатомических отделений. Временные рекомендации. Версия 2. Москва, 27 апреля 2020. С. 23–28. URL: http://patolog.ru/sites/default/files/metodichka_dz_.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Список источников

1. *Varga Z., Flammer A. J., Steiger P., Haberecker M., Andermatt R., Zinkernagel A. S., Moch H.* Endothelial cell infection and endotheliitis in COVID-19. Lancet, 395 (10234). P. 1417–1418. DOI: 10.1016/s0140–6736(20)30937–5.

Информация об авторе

Лифшиц Марина Лазаревна (Россия, Московская область) — аспирант Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lifmarina@yandex.ru).

M. L. Lifshits

Regularities of the Covid-19 Mortality Level in the World and Forecast of the Number of Death Due to Epidemic in Russia

The paper presents the results of an econometric analysis of factors affecting the lethality of COVID-19 in various countries and provides a predictive estimate of the number of deaths in Russia due to the epidemic. It has been confirmed that the proportion of deaths from completed cases of the disease depends on the level of testing (the number of tests per infected and per thousand population). In addition, the detected lethality of the disease depends on the proportion of completed cases, on the age structure of the population and on how early the epidemic arrived in the country compared to other countries (China is not taken into account). It was shown that the proportion of deceased health workers in the total mortality from a new coronavirus in the Russian Federation is an order of magnitude higher than in developed countries. This suggests an underestimation of the data of deaths from COVID-19 in the Russian Federation, and the unsatisfactory quality of the Russian healthcare system.

Keywords: COVID-19, Russian regions, lethality, mortality, econometric modeling

References

1. Varga Z., Flammer A. J., Steiger P., Haberecker M., Andermatt R., Zinkernagel A. S., Moch H. Endothelial cell infection and endotheliitis in COVID-19. Lancet, 395 (10234). P. 1417–1418. DOI: 10.1016/s0140–6736(20)30937–5.

Author

Marina Lifshits (Russia, Moscow region) — post-graduate student, Institute of Economics, Ural branch of RAS (620014, Yekaterinburg, Moscow st., 29; e-mail: lifmarina@yandex.ru).

УДК 314.44

Л. Н. Нацун

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫМИ НОВООБРАЗОВАНИЯМИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА[1]

Злокачественные новообразования являются одной из наиболее значимых угроз здоровью детского населения России. Цель исследования — выявление и характеристика масштабов региональной дифференциации заболеваемости детей злокачественными новообразованиями на примере Северо-Западного федерального округа. Информационную базу исследования составили научные труды отечественных авторов, а также открытые статистические данные Федеральной службы государственной статистики и Министерства здравоохранения РФ. В работе представлена группировка регионов Северо-Западного федерального округа по уровню и динамике абсолютных показателей заболеваемости детей злокачественными новообразованиями. Установлено, что для большинства рассмотренных регионов характерен рост абсолютных и относительных показателей заболеваемости, что обусловливает актуальность дальнейших исследований, посвященных вопросам доступности и качества медицинской помощи онкологического профиля для детского населения.

Ключевые слова: здоровье детского населения, заболеваемость, злокачественные новообразования, обеспеченность населения медицинской помощью, региональная дифференциация

Сохранение и укрепление здоровья детского населения является одним из приоритетных направлений социально-демографической политики страны [2]. Мониторинговые исследования здоровья детей показывают, что за прошедшие годы после реформ 90-х оно, в целом, улучшилось [6]. В то же время не полностью решенными остаются проблемы младенческой смертности [1, 5] и детской инвалидности [4]. На протяжении длительного периода в России регистрируется прирост доли детей-инвалидов в составе общего контингента инвалидов. Причем данный процесс наблюдается на фоне сокращения общей инвалидизации населения [7]. Главными причинами детской инвалидности в России являются психические расстройства и расстройства поведения, болезни нервной системы, врожденные аномалии [3]. За период с 2005 по 2018 гг. по всем перечисленным причинам регистрировался прирост показателей. Наиболее существенным был прирост психических расстройств (на 119 %), болезней эндокринной системы (на 104 %) и новообразований (на 83 %) (табл. 1).

Как следует из приведенных данных, новообразования занимают 6-е место в ряду причин детской инвалидности. Для злокачественных новообразований характерен высокий уровень летальности, что делает их

[1] © Нацун Л. Н. Текст. 2020.

Таблица 1

Первичная инвалидность детей в возрасте 0–17 лет в Российской Федерации (чел.)

Классы заболеваний	Значение показателей по годам						Прирост, %
	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	
Всего	51 985	73 545	71 347	72 801	73 106	73 936	42
В том числе:							
психические расстройства и расстройства поведения	8 878	14 409	14 249	16 575	17 825	19 428	119
болезни нервной системы	8 735	13 143	13 925	14 566	14 465	14 197	63
врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	11 521	16 974	15 725	14 969	13 108	12 216	6
болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	3 524	4 813	4 930	5 368	6 997	7 198	104
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	3 028	3 716	3 551	3 442	3 437	4 003	32
новообразования	2 024	3 084	3 087	3 263	3 505	3 703	83
болезни уха и сосцевидного отростка	1 517	2 611	2 483	2 666	2 768	2 724	80
болезни глаза и его придаточного аппарата	2 026	3 732	2 706	2 453	2 652	2 337	15
болезни органов дыхания	1 863	1 580	1 641	1 322	1 431	1 403	–25
болезни органов пищеварения	843	1 045	977	803	936	974	16
болезни мочеполовой системы	1 085	1 421	1 474	1 188	895	961	–11
болезни системы кровообращения	761	1 032	1 164	1 214	895	949	25
травмы, отравления и некоторые другие воздействия внешних причин	2 473	2 138	2 018	1 502	1 181	941	–62
туберкулез	792	930	760	613	489	352	–56
отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	668	512	514	471	356	335	–50

Источник: Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней. Росстат. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/zdr4–3.xls (дата обращения: 10.05.2020).

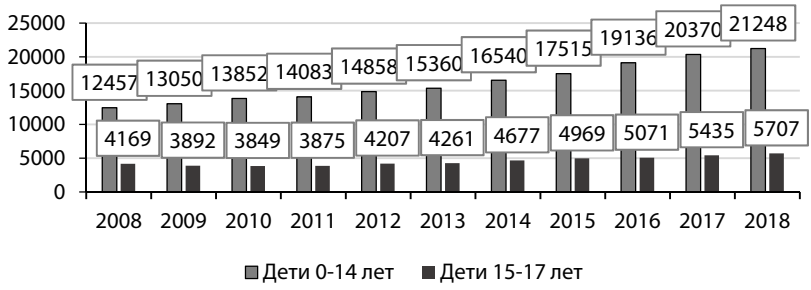


Рис. *Заболеваемость детей злокачественными новообразованиями в РФ, чел. (источник: Заболеваемость детей злокачественными новообразованиями // Росстат. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/3–8(1).xls (дата обращения: 10.05.2020))*

серьезной угрозой для жизни детей. Так, в 2018 г. уровень одногодичной летальности, обусловленной злокачественными новообразованиями, достигал 22 %[1].

Численность детей 0–14 лет, имеющих злокачественные новообразования, за 10 лет (с 2008 по 2018 гг.) увеличилась на 71 %, число подростков с такими диагнозами за этот же период выросло на 37 % (рис.).

Учитывая, что в стране прослеживается отчетливая тенденция роста контингента детей, имеющих злокачественные новообразования, важно проанализировать сложившуюся ситуацию в региональном разрезе, а также ответить на вопрос, насколько готовы учреждения здравоохранения к приему и лечению детей с такими диагнозами. В статье мы рассмотрим ситуацию, сложившуюся в регионах Северо-Западного федерального округа. Согласно данным статистического наблюдения Минздрава, на них в 2018 г. приходилось 10 % от общероссийской численности детей, больных злокачественными новообразованиями. Большая часть этих случаев была зарегистрирована в г. Санкт-Петербурге (42 %). Второе место по численности детей с диагностированными злокачественными новообразованиями занимали Калининградская область и Республика Коми (по 10 %), третье — Архангельская и Вологодская области (по 9 %). В то же время наиболее высокие показатели заболеваемости в относительном выражении регистрировались в Ненецком автономном округе (24 случая на 100 тыс. чел. детского населения), Республике Коми, Калининградской области (по 20,7 случая на 100 тыс. чел.) и г. Санкт-Петербурге (17,9 случая на 100 тыс. чел. детского населения) (табл. 2).

В 2018 г., по сравнению с 2012 г., абсолютный показатель заболеваемости детского населения злокачественными новообразованиями наиболее существенно вырос в Новгородской области (в 3 раза), Калининградской области (в 2,5 раза) и Республике Коми (в 2,3 раза). Снижение показателя

[1] Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2018 г. / Департамент здравоохранения Вологодской области медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 2019. 83 с.

Таблица 2

Заболеваемость злокачественными новообразованиями среди детского населения регионов Северо-Западного Федерального округа

Показатели заболеваемости детей 0–17 лет злокачественными новообразованиями*	В абсолютном выражении, чел.					В расчете на 100 тыс. чел. детского населения			
	Значение показателей по годам				Прирост, %	Значение показателей по годам			
	2012	2013	2017	2018		2012	2013	2017	2018
Российская Федерация	3291	3388	3939	3879	18	12,3	12,6	13,2	12,9
Северо-Западный федеральный округ	275	280	334	381	39	12,2	12,3	13,0	14,7
г. Санкт-Петербург	103	111	152	161	56	14,7	15,5	17,2	17,9
Калининградская область	16	13	17	40	150	9,5	7,6	8,9	20,7
Республика Коми	17	36	20	39	129	9,4	19,8	10,6	20,7
Архангельская область без автономного округа	32	29	39	36	13	14,5	13,1	17,0	15,7
Вологодская область	35	25	32	36	3	15,5	11,0	12,9	14,4
Новгородская область	6	6	19	18	200	5,5	5,5	16,2	15,3
Мурманская область	23	15	17	15	-35	15,7	10,2	11,0	9,7
Ленинградская область	19	23	14	13	-32	7,0	8,5	4,6	4,2
Псковская область	15	10	12	10	-33	13,6	9,1	10,3	8,6
Республика Карелия	9	12	11	10	11	7,6	10,1	8,7	7,9
Ненецкий автономный округ	—	—	1	3	—	—	—	8,3	24,9

* Ранжировано в порядке убывания абсолютных значений показателя в 2018 году.

Источник: Социально значимые заболевания населения России в 2018 г. (стат. материалы). М., 2019. 73 с.; Социально значимые заболевания населения России в 2018 г. (стат. материалы). М., 2014. 71 с.

наблюдается в Мурманской (на 35 %), Псковской (на 33 %) и Ленинградской областях (на 32 %). Относительные показатели заболеваемости в этих регионах также заметно снизились (табл. 2).

Приведенные данные указывают на существенную региональную дифференциацию уровней и динамики заболеваемости детей злокачественными новообразованиями в Северо-Западном федеральном округе. Можно выделить 3 группы регионов: первая — высокие и интенсивно растущие показатели заболеваемости (ситуация наименее благоприятна); вторая — уровень заболеваемости средний, рост ее показателей медленный (ситуация относительно стабильна); третья — показатели заболеваемости низкие или средние, при этом наблюдается их снижение (ситуация наиболее благоприятна). К регионам первой группы относятся г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Республика Коми, Новгородская область. К регионам второй группы — Архангельская и Вологодская области, Республика Карелия. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Мурманской, Ленинградской и Псковской областях. Сложно сделать однозначный вывод относительно Ненецкого автономного округа: с одной стороны, регистрируются единичные случаи злокачественных новообразований у детей, с другой стороны — при общей малочисленности детей в этом регионе каждый такой случай требует особого внимания и контроля со стороны медицинских служб.

Таким образом, для большинства регионов Северо-Западного федерального округа проблема заболеваемости детей злокачественными новообразованиями остается актуальной, что ставит вопрос о том, насколько доступны для населения (в том числе, детского) услуги системы здравоохранения в части ранней диагностики и лечения данных заболеваний. Данная проблематика станет предметом наших дальнейших исследований в этой сфере.

Список источников

1. *Альбицкий В. Ю., Терлецкая Р. Н.* Младенческая смертность в Российской Федерации в условиях новых требований к регистрации рождения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. № 24 (6). С. 340–345. DOI: 10.18821/0869–866–2016–24–6–340–345.

2. *Баранов А. А., Альбицкий В. Ю.* Состояние здоровья детей России, приоритеты его сохранения и укрепления // Казанский медицинский журнал. 2018. № 4. С. 698–705. DOI: 10.17816/KMJ2018–698.

3. *Баранов А. А., Намазова-Баранова Л. С., Терлецкая Р. Н., Антонова Е. В.* Проблемы детской инвалидности в современной России // Вестник Российской академии медицинских наук. 2017. Т. 72. № 4. С. 305–312.

4. *Баранов А. А., Терлецкая Р. Н.* О перспективах научных исследований в области профилактики детской инвалидности: обзор литературы // Вопросы современной педиатрии. 2018. № 6. С. 426–433. DOI: 10.15690/vsp.v17i6.1972.

5. *Иванов Д. О., Орёл В. И., Александрович Ю. С., Прометной Д. В.* Младенческая смертность в Российской Федерации и факторы, влияющие на ее динамику // Педиатр. 2017. Т. 8. № 3. С. 5–14.

6. *Кондакова Н. А.* Оценка здоровья детей Вологодской области за 1995–2019 гг.: метод когортного анализа // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1118/30/lang,ru/. (дата обращения: 10.05.2020). DOI: 10.21045/2071–5021–2019–65–6–5.

7. *Кондакова Н. А., Нацун Л. Н.* Инвалидность детского населения как медико-социальная проблема // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15). С. 285–296.

Информация об авторе

Нацун Лейла Натиговна (Россия, г. Вологда) — научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

L. N. Natsun

Incedence of Malignant Neoplasms in Children in the Regions of the North-Western Federal District

Malignant neoplasms are one of the most significant threats to the health of children in Russia. The purpose of this work is to identify and characterize the scale of regional differentiation of the incidence of children with malignant neoplasms on the example of the North–Western Federal district. The information base of the study was made up of scientific works of domestic authors, as well as open statistics from Federal State Statistic Service and the Ministry of health of the Russian Federation. The paper presents a grouping of regions of the North-Western Federal district by the level and dynamics of absolute indicators of the incidence of children with malignant neoplasms. It is established that the majority of the considered regions are characterized by an increase in absolute and relative indicators of morbidity, which determines the relevance of further research on the availability and quality of cancer care for the children's population.

Keywodrs: children's health, morbidity, malignancies, provision of medical care, regional differentiation

Author

Natsun Leila Natigovna (Russia, Vologda) — researcher, FSBIS Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky Street, 56a; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

References

1. Albitskii V. Yu., Terletskaya R. N. 2016. The infant mortality in the Russian Federation conditions of new requirements to birth registration // Problems of social hygiene, public health and history of medicine. No. 24 (6). P. 340–345. DOI: 10.18821/0869–866–2016–24–6–340–345.

2. Baranov A. A., Albitskiy V. Yu. State of health of children in Russia, priorities of its preservation and improving // Kazan medical journal. 2018. No. 99 (4). P. 698–705. DOI: 10.17816/KMJ2018–698.

3. Baranov A. A., Namazova-Baranova L. S., Terletskaya R. N., Antonova E. V. Problems of Children's Disability in Modern Russia // Annals of the Russian academy of medical sciences. 2017. No. 72 (4). P. 305–312. DOI: 10.15690/vramn823.

4. Baranov A. A., Terleckaya R. N. On the Prospects for Child Disability Prevention Research // Voprosy sovremennoi pediatrii–CurrentPediatrics. 2018. No. 17 (6). 426–433. DOI: 10.15690/vsp.v17i6.1972.

5. Ivanov D. O., Aleksandrovich Yu. S., Oryol V. I., Prometnoy D. V. Infant mortality in Russian Federation and influence on its dynamic factors // Pediatrician. 2017. No. 8 (3). P. 5–14. DOI: 10.17816/PED83–14.

6. Kondakova N. A. Assessment of children's health in the Vologda region for 1995–2019: the method of cohort analysis. Social'nyeaspektyzdorov'anaselenia // Social aspects of population health. 2019. No. 65 (6). P. 5. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1118/30/lang,ru/. (accessed: 10.05.2020). DOI: 10.21045/2071–5021–2019–65–6–5.

7. Kondakova N. A., Natsun L. N. Disability of the child population as a medical and social problem // Health, Physical Culture and Sports. 2019. No. 4 (15). P. 285–296. URL: http://journal.asu.ru/index.php/zosh.

УДК 316.65

И. Н. Разварина, А. Н. Гордиевская

ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ[1]

В статье приведены результаты опроса родителей о влиянии здоровья детей 15–17 лет на профессиональное самоопределение. По этим данным авторы выявили зависимость выбора образовательной организации и специальности, по которой подросток хотел бы обучаться в будущем, от состояния здоровья, здоровьесберегающих навыков, осознанного отношения к здоровью как ценности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, навыки здоровьесбережения, воспитательные практики

В современном обществе существует рассогласование между системой образования и рынком труда — статистические данные свидетельствуют о несоответствии квалификации работников профессиональным требованиям [6]. Зачастую профессию человек выбирает не в соответствии со своими способностями, возможностями и интересами. Это может сопровождаться проблемами, связанными с неудовлетворенностью работой и создаваемыми условиями, а также потерями в заработной плате по сравнению с теми, у кого направление трудоустройства совпадает с полученной специальностью. Наряду с «потерями» на индивидуальном уровне в организации могут быть дополнительные затраты на переобучение и переподготовку кадров. Отсюда следует, что необходимо обращать более пристальное внимание на вопросы профессионального самоопределения молодежи и изучать этот феномен. Являясь составной частью человеческого капитала, здоровье влияет на поведение и положение работника. Это инструментальная ценность, необходимая для получения отдачи от других видов человеческого капитала — образования, социокультурных навыков. В работе представлены выборочные данные исследований ФБГУН «Вологодский научный центр РАН», характеризующие влияние на выбор профессии состояния здоровья детей как одного из компонентов человеческого потенциала.

Мы предположили, что подростки 15–17 лет, имеющие хорошее и удовлетворительное состояние здоровья, определяются с выбором профессии лучше, чем дети, имеющие проблемы со здоровьем.

Профессиональное самоопределение — это результат профориентационных мероприятий, принятие осознанного решения человеком в выборе профессионального направления в определенный период жизненного цикла. Своевременность изучения факторов, влияющих на выбор профессии в детском возрасте, подтверждается исследованиями ученых. Базовым изучением жизненного цикла занималась Ш. Бюлер: она выявила и описала

[1] © Разварина И. Н., Гордиевская А. Н. Текст. 2020.

пять фаз профессиональной деятельности человека [10][1]. Е.А. Климовым выделено два уровня профессионального самоопределения: 1) гностический (перестройка сознания и самосознания); 2) практический (реальные изменения социального статуса человека). Ученым разработана общая структура личного профессионального плана, в которую входят собственные возможности, способности к обучению и, что немаловажно, состояние здоровья [3]. В работах Г. Беккера, П.И. Калью, Е.В. Фахрутдиновой, Р.Х. Ягудина и многих других авторов здоровье представлено как составляющая человеческого капитала [1, 7, 11].

Рассмотрим ранее выявленные учеными характеристики здоровья, влияющие на реализацию профессиональных планов. Например, доказано, что ухудшение состояния здоровья может снижать количество времени, необходимое для трудовой деятельности, а если взять школьный возраст, — то препятствовать получению достойного образования [4]. Наблюдается и такой вариант развития событий, когда подростки с более низким уровнем здоровья заранее настраивают себя на неудачи при устройстве на работу и исключают некоторые профессии из потенциально возможного выбора. С другой стороны, препятствием для людей с плохим здоровьем к определенным видам профессий могут служить и медицинские ограничения при поступлении в вузы, что затрудняет доступ к высокооплачиваемым должностям [5]. Изучением здоровья молодежи во взаимосвязи с профессиональной идентичностью для поиска социальных ресурсов его улучшения занимались белорусские исследователи. На основе эмпирико-социологического анализа самооценок здоровья молодежи Беларуси выявлено, что соответствие профессии способностям, склонностям и призванию позволяет предсказывать более высокие показатели здоровья и качества жизни молодых людей, чем несоответствие [8]. Эти данные подтверждаются и исследованиями ученых Вологодского научного центра в 2018 г. Из числа респондентов, трудоустроенных в соответствии со способностями и склонностями, имеют отличное здоровье 55,9 %, в несоответствии — 37,3 %. Из числа работающих по призванию 57,4 % имеют отличное здоровье, работающие не по призванию — только 36,1 %[2].

[1] Пять фаз профессиональной деятельности человека: первая — от рождения до 16–20 лет — период, предшествующий самоопределению человека в профессии; вторая — с 16–20 до 25–30 лет — пробы разных видов профессиональной деятельности; третья — с 25–30 до 45–50 лет — постоянная профессиональная деятельность, реальная оценка своих возможностей, постановка в соответствии с этим жизненных целей и продвижение к ним; четвертая фаза — с 45–50 до 65–70 лет — завершение профессиональной деятельности, подведение итогов и пересмотр целей; пятая фаза — с 65–70 лет до смерти — уход от профессиональной деятельности, отказ от достижения недостигнутых целей.

[2] Данные опроса ВОЛНЦ РАН «Мониторинг трудового потенциала», 2018 г. Объектом исследования является население Вологодской области в трудоспособном возрасте. Объем выборки составляет 1 500 чел. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной

Снижение уровня здоровья влияет в первую очередь на демографическую ситуацию, в том числе в отношении детского населения, и это подтверждено статистическими данными и результатами научных исследований. Наиболее существенное сокращение численности детского населения страны пришлось на 1990–2011 гг. — на 13 926,8 тыс. чел. или 35 % (с 40 178,5 до 26 251,7 тыс. чел.). С 2012 г. и по настоящее время отмечено увеличение численности детей (на 3 697,9 тыс. чел., или 12 %). Согласно прогнозным данным Федеральной службы государственной статистики, позитивные тенденции сохранятся до начала 2020-х гг., после чего детское население снова начнет снижаться. Рост численности будет наблюдаться лишь в старшей возрастной группе детей 15–17 лет (на 678,6 тыс. чел.), но он не сможет положительно повлиять на динамику общей численности детского населения России[1].

В динамике численности детского населения Вологодской области наблюдались тенденции, схожие с общероссийскими. В период с 1990 по 2010 гг. детское население региона сократилось на 148,4 тыс. чел., или 40,3 %. С 2011 г. в регионе зародилась тенденция увеличения численности детей, в результате к 2019 г. она достигла 250,3 тыс. чел. (т. е. прирост составил 30,1 тыс. чел., или 12 %). Однако, как и в целом по стране, в регионе в третьем десятилетии XXI в. численность детского населения вновь начнет сокращаться. По прогнозу Росстата к 2035 г., по сравнению с 2019 г., она снизится на 55,4 тыс. чел. и достигнет 194,9 тыс. чел. Увеличение численности прогнозируется только для детей в возрасте 15–17 лет, но оно так же, как и в целом по России, будет незначительным (3,2 тыс. чел.) и не сможет компенсировать численные потери других возрастных групп[2].

Учитывая, что сензитивный возраст профессионального самоопределения человека — 15–17 лет, а также прогнозируемое увеличение численности этой группы, важно было проанализировать состояние здоровья подростков этого возраста. За период с 2010 по 2018 гг. в РФ доля детей 15–17 лет с различными патологиями снизилась на 0,7 % (с 224 162,4 на 100 тыс. населения до 222 401,6). Тем не менее, отмечается рост показателя общей заболеваемости по таким патологиям, как новообразования, болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения. Можно сказать, что в России ситуация с заболеваемостью подростков остается серьезной проблемой, несмотря на некоторое снижение показателей по отдельным патологиям.

ошибки выборки: 3–4 % при доверительном интервале 4–5 %.

[1] Единая межведомственная информационно–статистическая система // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 30.04.2020); Предположительная численность населения Российской Федерации: стат. сб. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ doc_1140095525812 (дата обращения: 30.04.2020).

[2] Единая межведомственная информационно–статистическая система // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 02.05.2020); Прогноз Росстата (средний вариант).

Более углубленно охарактеризовать здоровье подростков как компонента человеческого потенциала позволило исследование ученых Вологодского научного центра РАН, проведенное в 2018–2019 гг. в рамках проекта РФФИ «Инструменты повышения потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества». Под человеческим потенциалом детского населения понимается совокупность врожденных способностей и приобретаемых в ходе жизнедеятельности качеств (навыков), динамически изменяющихся по мере взросления, которые необходимы для успешного развития личности, ее социализации и адаптации к меняющимся условиям среды [2]. В качестве методической базы данного исследования использован деятельностный подход, заложенный в основу возрастных норм развития детей, которые опираются на смену ведущих типов деятельности [9]. В соответствии с ним человеческий потенциал ребенка понимается с позиций сформированности навыков с учетом возрастных особенностей развития, в отношении здоровья — это навыки физической активности, гигиены, соблюдения режима питания и отдыха, поддержания нормального психического состояния, стрессоустойчивости и т. д.

Для данного исследования было проанализировано состояние здоровья и развития подростков 15–17 лет, сформированность качеств, с которыми они подходят к возрасту профессионального самоопределения. Важно было определить факторы, влияющие на выбор будущей профессии.

Информационная база исследования представлена выборочными результатами опроса родителей детей в возрасте от 15 до 17 лет, проведенного в 2018 г. в Вологодской области.

Опрос осуществлялся методом раздаточного анкетирования родителей. Приняли участие 244 родителя, имеющие детей в возрасте от 15 до 17 лет, в городах Вологде и Череповце и 8 муниципальных районах области. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); возрастной структуры детского населения области. Квоты для формирования выборки определялись на основании статистических данных о возрастно-половом составе населения Вологодской области по состоянию на 1 января 2017 г. Ошибка выборки не превышала 3 % при доверительном интервале 4–5 %. Для выявления влияния состояния здоровья на выбор профессии из первого блока анкеты «Семья и семейное воспитание» были выбраны для анализа следующие вопросы: «*Каким ценностям вы уделяете внимание при воспитании ребенка? (здоровье, образование, работа, карьера, личностный рост)*»; «*Оцените степень развития тех или иных навыков у вашего ребенка (навыки физической активности, навыки поддержания нормального психического состояния, навыки общения)*». Во втором блоке «Здравоохранение» анализировались ответы на вопрос «*Как вы можете охарактеризовать состояние здоровья ребенка?*». В третьем

блоке «Образование» для интерпретации результатов были выбраны вопросы: «*Оцените, пожалуйста, как учится ваш ребенок?*»; «*В классе какого профиля учится ваш ребенок?*»; «*Определился ли ваш ребенок, в какой образовательной организации будет продолжать обучение после окончания школы?*»; «*Кем по профессии хочет стать ваш ребенок в будущем?*».

По результатам исследования выявлено, что 63,9 % родителей охарактеризовали своих детей как здоровых, 27 % — имеющих незначительные нарушения, 9 % — с третьей и четвертой группой здоровья.

Прежде чем оценить влияние здоровья на выбор профессии, считаем правильным представить данные зависимости успеваемости школьников 15–17-летнего возраста от состояния здоровья, т. к. в подростковом возрасте ведущей деятельностью является учебная как предшествующая трудовой. Половина опрошенных родителей отметила, что их ребенок хорошо справляется с учебной программой; 44 % указали в качестве основных оценок их ребенка «3» и «4»; не справляются с учебной программой 5,4 % подростков.

В группе детей с хорошим здоровьем самая высокая доля тех, кто учится на «4» и «5» (52 %), в то время как среди детей, имеющих хронические заболевания, препятствующие привычному образу жизни, самая высокая доля учеников, которые не справляются с учебной программой (14,3 % среди детей 3–5 группы здоровья). Однако стоит отметить, что среди подростков с 3–5 группой здоровья более 40 % учатся в классах с углубленным изучением отдельных предметов, т. е. они имеют более высокую учебную нагрузку, что также оказывает негативное влияние на детское здоровье; среди детей, не имеющих проблем со здоровьем, в классах с профильными предметами учатся 29 % опрошенных детей, а со 2-й группой здоровья еще меньше — всего 13,6 %.

Дети подросткового возраста, имеющие хорошее и удовлетворительное состояние здоровья, определяются с выбором профессии лучше, чем больные дети: среди детей, имеющих 3–5 группу здоровья, 41 % не определился с выбором профессии, в то время как среди детей с хорошим и удовлетворительным здоровьем таких в 2 раза меньше — 20–21 %. Около 40 % подростков с 1–2 группой здоровья выбрали и образовательную организацию, и специальность, по которой хотят продолжить обучение; среди детей 3–5 группы здоровья таких всего 13,6 % (табл. 1).

Следующие данные являются ответом на вопрос, а что же нужно делать, чтобы ребенок мог правильно сделать свой профессиональный выбор. Дети, чьи родители уделяют первостепенное внимание формированию здоровья как ценности, определяются с выбором профессии лучше (62,4 %), чем те дети, родители которых такие воспитательные практики не используют (9,5 %) (табл. 2).

Дети, у которых, по мнению родителей, очень хорошо сформированы навыки, характеризующие здоровье, в большем проценте случаев определяются с выбором профессии, чем те подростки, у которых такие навыки

Таблица 1

Профессиональное самоопределение детей 15–17 лет в группах с различным состоянием здоровья и в целом по опросу, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Среднее	Состояние здоровья ребенка		
		1 группа	2 группа	3–5 группа
*Кем по профессии хочет стать Ваш ребенок в будущем?**				
Ребенок определился с выбором	77,9	80,1	78,8	59,0
Нет ответа, еще не определился	22,1	19,9	21,2	40,9
Определился ли Ваш ребенок, в какой образовательной организации будет продолжать обучение после окончания школы?				
Да, выбрал организацию и специальность	39,3	42,3	40,9	13,6
Да, выбрал образовательную организацию	20,9	19,2	21,2	31,8
Нет, не определился	39,8	38,5	37,9	54,5

* Вопрос задавался в открытой форме, варианты сгруппированы на основе ответов респондентов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Каким ценностям Вы уделяете внимание при воспитании ребенка?» среди родителей детей 15–17 лет, в % от числа опрошенных

Каким ценностям Вы уделяете внимание при воспитании ребенка?	Дети 15–17 лет	Кем по профессии хочет стать Ваш ребенок в будущем?		Определился ли Ваш ребенок, в какой образовательной организации будет продолжать обучение после школы?	
		Еще не определился	Определился с выбором	Нет, не определился	Да, выбрал образовательную организацию
Здоровье					
1–3 балла — не уделяем внимания	12,3	22,2	9,5	14,6	10,9
4 балла	28,4	29,6	28,0	32,3	25,9
5 баллов — уделяем первостепенное внимание	59,3	48,1	62,4	53,1	63,3
Средний балл	4,5	4,2	4,5	4,4	4,5

сформированы плохо или неполностью (51,3 % и 19,7 % соответственно) (табл. 3).

Проведенное исследование в отношении детей 15–17-летнего возраста выявило, что более активны в профессиональном самоопределении и определились с дальнейшим образовательным маршрутом следующие группы:

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Оцените степень развития тех или иных навыков у Вашего ребенка» среди родителей детей 15–17 лет*, в % от числа ответивших

Оцените степень развития тех или иных навыков у Вашего ребенка по шкале от 1 (навык не сформирован) до 5 (навык очень хорошо сформирован)	Дети 15–17 лет	Кем по профессии хочет стать Ваш ребенок в будущем?		Определился ли Ваш ребенок, в какой образовательной организации будет продолжать обучение после школы?	
		Еще не определился	Определился с выбором	Нет, не определился	Да, выбрал образовательную организацию
Навыки физической активности: занимается физкультурой и спортом (в т. ч. на уроках физкультуры)					
1–3 балла — навык плохо сформирован	22,7	33,4	19,7	24,7	21,3
4 балла	29,2	29,6	29,1	28,9	29,5
5 баллов — навык очень хорошо сформирован	48,1	37,0	51,3	46,4	49,3
Средний балл	4,2	4,0	4,3	4,2	4,2
Навыки поддержания нормального психического состояния: стрессоустойчив (умеет преодолевать стресс, расслабляться)					
1–3 балла — навык плохо сформирован	27,9	42,6	23,9	39,2	20,5
4 балла	38,3	29,6	40,7	24,7	47,3
5 баллов — навык очень хорошо сформирован	33,7	27,8	35,4	36,1	32,2
Средний балл	4,0	3,8	4,1	3,9	4,1

— дети подросткового возраста, имеющие, по мнению родителей, хорошее и удовлетворительное здоровье, чем их сверстники с симптоматическими и хроническими заболеваниями различной степени тяжести;

— подростки, у которых сформированы навыки здоровьесбережения лучше, по сравнению с детьми той же возрастной категории с плохо сформированными навыками;

— дети, родители которых уделяют внимание формированию этой ценности.

Таким образом, гипотеза подтвердилась: дети подросткового возраста, имеющие хорошее и удовлетворительное состояние здоровья, определяются с выбором профессии более эффективно, чем больные дети. Полученные данные могут быть использованы в качестве методологической базы для создания здоровьесберегающей среды в образовательных организациях. Необходимым условием является целенаправленное сотрудничество, организация внутреннего и внешнего взаимодействия педагогов, специалистов, администрации образовательных организаций,

здравоохранения, социальной защиты в вопросах охраны здоровья детей с применением партисипативного подхода — включения участников в процесс принятия решений и разделения ответственности с ними.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18–011–01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества».

Список источников

1. *Калью П. И.* Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М., 1988. С.33–35.

2. *Короленко А. В., Гордиевская А. Н.* Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. 2018. № 5 (17). URL: http://socialarea-journal.ru/article/28003 (дата обращения: 15.04.2020). DOI: 10.15838/sa.2018.5.17.3.

3. *Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения. М. : ACADEMA, 2004. 223 с.

4. Методические рекомендации для специалистов, участвующих в организации здоровьесбережения в образовательных учреждениях и в скрининговых осмотрах дошкольников, учащихся и студентов» Воронеж : Воронежский государственный университет, 2011. 326 с.

5. *Попова Н. В.* Система социально-трудовых отношений в рыночной экономике ИВД. 2012. № 4–1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialno-trudovyh-otnosheniy-v-rynochnoy-ekonomike (дата обращения: 29.04.2020).

6. *Устинова К. А.* Институциональные барьеры, препятствующие воспроизводству человеческого капитала // Human Progress. 2019. Т. 5, Вып. 6. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_6/ (дата обращения: 02.05.2020).

7. *Фахрутдинова Е. В., Ягудин Р. Х.* Качество жизни населения и демографическая ситуация: диалектика взаимодействия // Экономические науки. 2011. № 85. С. 90.

8. *Шухатович В. Р.* Самоактуализация: поиск ресурсов улучшения здоровья и развития человеческого потенциала // Социологический альманах. 2017. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samoaktualizatsiya-poisk-resursov-uluchsheniya-zdorovya-i-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala (дата обращения: 30.04.2020).

9. *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 66–86.

10. *Bühler Ch.* Basic theoretical concepts of humanistic psychology // Amer. Psychol. 1971. V. 26. No. 4.

11. *Becker G.* Uman capital. URL: http://www.econlib.org/library/Enc/HumanCapital.html (accessed: 11.04.2020).

Информация об авторах

Разварина Ирина Николаевна (Россия, Вологда) — младший научный сотрудник лаборатории исследования проблем управления социальной сфере отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; irina.razvarina@mail.ru).

Гордиевская Александра Николаевна (Россия, Вологда) — младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; alessu85@mail.ru).

I. N. Razvarina, A. N. Gordiyevskaya

Health as a Factor of Professional Self-Determination of Teenagers

In the article reveals the dependence of the choice of educational organization and specialty in which a teenager would like to study in the future, on the state of health, health-saving skills, and the value of health. The study is based on the results of a survey of parents about the impact of the health of children 15–17 years old on professional self-determination.

Keywords: professional self-determination, health-saving skills, educational practices

Authors

Razvarina Irina Nikolaevna (Russia, Vologda) — Junior Researcher of the Laboratory for Research of the Problems of Social Sphere Management of the Department for the Study of the Level and Lifestyles of the Population Federal State Budget Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (160014, Vologda, Gorky Street, 56a; e-mail: irina.razvarina@mail.ru).

Gordievskaya Aleksandra Nikolaevna (Russia, Vologda) — Junior Research Associate at the Department for Standards of Living and Lifestyles Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" (160014, Vologda, Gorky Street, 56a; e-mail: alessu85@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number № 18–011–01039.

References

1. Kalyu P. I. Essential characteristics of the concept of «health» and some issues of health care restructuring: overview information. M., 1988. P. 33–35.

2. Korolenko A. V., Gordievskaya A. N. Human potential of the child population: understanding and assessment // Social space. 2018. No. 5 (17). URL: http://socialarea-journal.ru/article/28003DOI: 10.15838/sa. (accessed: 15.04.2020).

3. Klimov E. A. Psychology of professional self-determination. M. : ACADEMA, 2004. 223 p.

4. Methodological recommendations for specialists involved in the organization of health care in educational institutions and in screening examinations of preschoolers, students and students. Voronezh : Voronezh state University, 2011. 326 p.

5. Popova N. V. System of social and labor relations in the market economy IVD. 2012. No. 4–1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialno-trudovyh-otnosheniy-v-rynochnoy-ekonomike (accessed: 29.04.2020).

6. Ustinova K. A. Institutional barriers that prevent the reproduction of human capital // Human Progress. 2019. Vol. 5, Iss. 6. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_6/ (accessed: 02.05.2020).

7. Fakhrutdinova E. V., Yagudin R. H. Quality of life of the population and demographic situation: dialectics of interaction // Economics. 2011. No. 85. P. 90.

8. Shuchatowitz V. R. Self-actualization: finding resources to improve health and human development // A sociological almanac. 2017. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samoaktualizatsiya-poisk-resursov-uluchsheniya-zdorovya-i-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala (accessed: 30.04.2020).

9. Elkonin D. B. On the problem of periodization of mental development in childhood // Question of psychology. 1971. No. 4. P. 66–86.

10. Bühler Ch. Basic theoretical concepts of humanistic psychology // Amer. Psychol. 1971. Vol. 26. No. 4.

11. Becker G. Uman capital. URL: http://www.econlib.org/library/Enc/HumanCapital.html (accessed: 11.04.2020).

УДК 616

М. А. Фельдман, К. А. Виноградова

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБОВАНИЯ И ЗАДАЧИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ[1]

В статье рассмотрены существующие проблемы детской онкологии и современные требования и задачи для решения проблем с детской онкологией. Авторами проанализирован Национальный проект «Здравоохранение» и его разделы, федеральные проекты «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» и «Борьба с онкологическими заболеваниями».

Ключевые слова: детская онкология, здравоохранение, злокачественные новообразования, дети, организация медицинской помощи, качество медицинской помощи, заболеваемость, смертность

Детская онкология — это часть медицины, которая в корне отличается от онкологических заболеваний у взрослых структурой заболеваемости, числом первичных пациентов, а также подходами к лечению. Многие опухоли характерны именно для детей и не выявляются у взрослых, при этом наиболее встречающиеся опухоли среди взрослого населения у детей не обнаруживаются [1]. Одной из важных проблем профилактики злокачественных новообразований у детей на протяжении нескольких лет остается недостаточное финансирование со стороны государства [2, с. 5]. В результате часть больных, в том числе и детей, обращаются к различным фондам за помощью в денежных средствах.

С одной стороны, отмеченное обстоятельство указывает на вовлеченность общества в решение актуальной проблемы, с другой стороны, на недостаточное внимание государства. Главный внештатный онколог Министерства здравоохранения М. Давыдов на пресс-брифинге в НИИ детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Н.Н. Блохина в 2017 г. подчеркивал: «Проблема детской онкологии в нашей стране до сих пор остается крайне острой и требует особых усилий и мер поддержки со стороны государственной власти. Сегодня вопросы обеспечения детей дорогостоящими инновационными препаратами иногда решаются при помощи фондов. Но это задача не фондов, а государства»[2]. Позволим себе дополнить специалиста: и государства, и фондов.

Состояние медицинской помощи детям с онкологическими заболеваниями в Российской Федерации оставляет желать лучшего: так, в 2017 г. в 30 субъектах РФ (35,3 % от общего числа) отсутствуют отделения детской

[1] © Фельдман М. А., Виноградова К. А. Текст. 2020.

[2] Проблемы детской онкологии: запущенность болезни и дефицит финансирования // Медицинский портал medportal.ru. URL: https://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/05/660childrenscancer (дата обращения: 05.03.2020).

Таблица

Динамика заболеваемости детейзлокачественными новообразованиями в 2012–2018 гг. [4]

Показатель	Значение показателей по годам							
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2012 г. в %
Число детей, состоящих под диспансерным наблюдением, всего	19065	19621	21217	22484	24207	25805	26955	1,413
Число детей в возрасте 0–14 лет со злокачественными новообразованиями	14858	15360	16540	17515	19136	20370	21248	1,430
Число детей в возрасте 15–17 лет со злокачественными новообразованиями	4207	4261	4677	4969	5071	5435	5707	1,356

онкологии. В 12 субъектах РФ (14,1 %) отсутствуют детские онкологи, а 6 субъектов (7 %) данные не предоставили [2, с. 5].

По данным Росстата, в 2018 г. зафиксировано рекордное число детей со злокачественными новообразованиями — почти 27 тыс. чел. Число детей до 14 лет со злокачественными образованиями составило почти 21,3 тыс. чел. — это на 4,3 % больше, чем за тот же период годом ранее. Если сравнивать с 2008 г., то общее число детей с новообразованиями выросло на 36,9 %[1]. Как видно, показатели заболеваемости неутешительные и продолжают расти.

Все же, по данным Росстата по заболеваемости детей злокачественными новообразованиями, количество детей, состоящих под диспансерным наблюдением, в конце 2018 г. составляло 26 955 чел.

Исходя из статистики, представленной в таблице, ежегодное увеличение показателей примерно одинаковое с 2014 г., что говорит об отсутствии прогресса в диагностике заболеваемости и профилактических мерах. На основании данного вывода становится очевидной проблема, заключающаяся в раннем выявлении злокачественных образований. Как отмечают специалисты, если раньше начать узконаправленное лечение, то вероятность благоприятного исхода для пациента повышается. Кроме того, проблема связана с особенностями протекания онкологических заболеваний

[1] По данным Росстата. URL: https://www.gks.ru/folder/13807 (дата обращения: 05.03.2020).

и их редкостью, что, в свою очередь, приводит к отсутствию «онкологической настороженности» у врачей первичного звена — участковых педиатров[1]. Квалификация и профессионализм педиатров значительно влияют на частичное решение проблемы, т. к. они должны обладать базовыми знаниями диагностики онкологических заболеваний детей.

Ученые, изучающие указанную проблему, отмечают: в число первостепенных мер, направленных на совершенствование организации медицинской помощи детям с онкопатологиями, входят объединение отделений детских онкологических больниц всех уровней в единую электронную базу данных и анализ потребности субъектов в количестве коек в детских больницах и в детских специалистах-онкологах. Для максимально эффективного использования свободных коек необходимо внедрить критерии отбора пациентов на свободные места в больничных платах, уменьшить дефицит врачей-детских онкологов с постепенным увеличением их числа (на 62,5 % к 2030 г.), а также рассмотреть возможность увеличения числа детских онкологических коек (на 70 % к 2030 г.) [2].

Научное сообщество онкологов в 2017 г. подготовило Проект реформы онкологической помощи, о котором рассказал в интервью профессор А. Старченко, член Общественного совета по защите прав пациентов при Росздравнадзоре: «В России выстраивается новая система оказания онкологической помощи. Самые современные виды лечения: радиологию и протонную терапию, сложные операции — пациенты будут получать бесплатно. Диагностика и химиотерапия, поддерживающая лечение, тоже включены в обязательное мед. страхование. В каждом регионе будут организованы центры амбулаторной онкологической помощи с дневными стационарами, в которых будет проводиться диагностика при подозрении на наличие онкологического заболевания и при необходимости лечения»[2].

13 ноября 2017 г. на V Всероссийском совещании профильной комиссии по специальности «Онкология», состоявшемся в Москве, был принят проект Национальной стратегии по борьбе с онкологическими заболеваниями на долгосрочный период до 2030 г., в котором определены приоритеты государственной политики по борьбе с онкологическими заболеваниями [4]. В 2017 г. указанный проект не трансформировался в государственную Программу. Тем не менее, в 2018 г. ряд основных положений Проекта вошел в Национальный проект «Здравоохранение». В одном из его разделов, федеральном проекте «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», были сформулированы следующие задачи: 1) оснащение детских

[1] Проблемы детской онкологии: запущенность болезни и дефицит финансирования // Медицинский портал medportal.ru. URL: https://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/05/660childrenscancer (дата обращения: 05.03.2020).

[2] Ирина Невинная. Быстро и бесплатно // Российская газета. 30 мая 2019. URL: https://rg.ru/2019/05/30/starchenko-vse-issledovaniia-po-onkologii-dolzhny-byt-provedeny-za-14-dnej.html (дата обращения: 03.03.2020).

поликлиник/детских поликлинических отделений медицинских организаций субъектов РФ медицинскими изделиями; 2) формирование в поликлиниках внутренних пространств, обеспечивающих комфортность пребывания; 3) принципиально иные подходы к качеству диагностики и к диспансерному наблюдению детей [5, с. 4].

В еще одном разделе Нацпроекта — федеральном проекте «Борьба с онкологическими заболеваниями» — присутствуют следующие дополняющие задачи: 1) создать 18 референс-центров иммуногистохимических, патоморфологических и лучевых методов исследований; 2) не менее 45 федеральных медицинских организаций, имеющих в своей структуре онкологические подразделения, переоснащать медицинским оборудованием [6, с. 3].

В рамках указанных проектов в качестве одной из важных задач ставится формирование групп риска. При определении ребенка в группу риска развития злокачественных новообразований должно быть обеспечено проведение не менее двух раз в год более углубленных профилактических осмотров. Определяющие факторы, влияющие на попадание в группу риска развития онкозаболеваний — медицинское обеспечение, условия и образ жизни, генетические факторы, состояние окружающей среды. Можно заметить, что, помимо генетики, все факторы являются модифицируемыми, что означает возможность влияния человека на них. Отсюда следует вывод, что одна из современных задач детской онкологии заключается в минимизации случаев заболевания детей злокачественными новообразованиями посредством распространения доступной информации о факторах риска не только среди сотрудников медицинской сферы, но и среди всего общества[1] [7].

В рамках совершенствования состояния медицинской помощи детям с онкопатологиями в Российской Федерации приоритетной программой Национального проекта «Здравоохранение» является федеральный проект «Борьба с онкологическими заболеваниями», который вступил в действие в 2019 г.[2]В указанном Проекте, рассчитанном до 2024 г., определены основные цели деятельности государственных органов и направления государственной политики в области борьбы с указанной болезнью. Все цели направлены непосредственно на снижение смертности от онкологических заболеваний, в том числе у детей. Главной же целью является снижение смертности от новообразований, в том числе от злокачественных (с 191,7 в 2019 г. до 185 случаев на 100 тыс. населения) [4, с. 1].

Достигнуть этой цели планируется за счет:

[1] Кузьмин В. Вместе против рака // Российская газета. 2018. №161. URL: https://rg.ru/2018/07/25/medvedev-nazval-glavnye-zadachi-v-oblasti-borby-s-onkologiej.html (дата обращения: 04.03.2020).

[2] Проблемы детской онкологии: запущенность болезни и дефицит финансирования // Медицинский портал medportal.ru. URL: https://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/05/660childrenscancer (дата обращения: 05.03.2020).

— разработки региональных программ борьбы с онкологическими заболеваниями;

— профилактики развития онкологических заболеваний;

— проведения информационно-коммуникационной кампании, направленной на раннее выявление онкологических заболеваний и повышение приверженности к лечению;

— финансового обеспечения оказания медицинской помощи больным с онкологическими заболеваниями в соответствии с клиническими рекомендациями и протоколами лечения;

— организации сети центров амбулаторной онкологической помощи в 85 субъектах РФ;

— переоснащения сети региональных медицинских организаций, оказывающих помощь больным онкологическими заболеваниями (диспансеров/больниц) в 85 субъектах РФ;

— развития сети федеральных медицинских организаций, оказывающих помощь больным онкологическими заболеваниями, в том числе создания федеральных центров протонной терапии;

— создания (федеральных и межрегиональных) референсцентров иммуногистохимических, патоморфологических исследований и лучевых методов исследований;

— кадрового обеспечения онкологической службы [4, с. 1].

Одной из главных задач детской онкологии является развитие инфраструктуры. Доступность диагностики и профилактики онкологии с младенчества должна присутствовать в каждом населенном пункте для сокращения сроков постановки анамнеза и начала лечения. Последствием выполнения данной задачи может стать ликвидация проблем не только детской онкологии, но и российской медицины в целом. Для минимального исполнения требуется увеличение количества медицинских учреждений, а также медицинского персонала по специальностям «педиатр» и «терапевт», с которыми происходит первое взаимодействие больных граждан и которые должны обладать базовыми знаниями определения симптомов злокачественных образований.

На данный момент Министерство здравоохранения предложило стимулировать медицинских работников денежными средствами за выявление рака у пациентов во время диспансерного и профилактического осмотра. Средства на эти цели из расчета 1000 руб. за каждый случай впервые выявленного онкозаболевания будут выделены за счет обязательного медицинского страхования[1].

Список источников

1. *Рыков М. Ю.* Общенациональная программа по борьбе с онкологическими заболеваниями: детская онкология // Рос. вестник перинатальной помощи. 2018. URL: https://

[1] Николай Жуков. Доплата за диагноз // Российская газета. 29 июля 2019. URL: https://rg.ru/2019/07/29/minzdrav-predlozhil-premirovat-vrachej-za-vyiavlenie-raka.html (дата обращения: 26.02.2020).

cyberleninka.ru/article/n/obschenatsionalnaya-programma-po-borbe-s-onkologicheskimi-zabolevaniyami-detskaya-onkologiya (дата обращения: 05.03.2020).

2. *Рыков М. Ю.* Медицинская помощь детям с онкологическими заболеваниями в Российской Федерации: текущая ситуация и перспективы развития // Онкопедиатрия. 2019. № 6 (1). С. 5–15.

3. *Рыков М. Ю., Поляков В. Г.* Клинические проявления и диагностика злокачественных новообразований у детей: что необходимо знать педиатру // Рос. вестнперинатол и педиатр. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klinicheskie-proyavleniya-i-diagnostika-zlokachestvennyh-novoobrazovaniy-u-detey-chto-neobhodimo-znat-pediatru/viewer (дата обращения: 05.03.2020).

4. Национальная стратегия по борьбе с онкологическими заболеваниями на долгосрочный период 2030 года // Национальная онкологическая программа. URL: http://nop2030.ru/files/2017/11/national-strategy.pdf (дата обращения: 05.03.2020).

5. Паспорт федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям». URL: https://static-2.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/046/707/original/FP_Razvitie_detskogo_zdravooxraneniya.pdf?1565343919 (дата обращения: 03.03.2020).

6. Паспорт федерального проекта «Борьба с онкологическими заболеваниями». URL: https://static-1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/046/709/original/FP_Bor'ba_s_onkologicheskimi_zabolevaniyami.pdf?1565344164 (дата обращения: 04.03.2020).

7. Методические рекомендации "Организация проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения" (утв. Министерством Здравоохранения 22 октября 2019 г.) // Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/73036994/#ixzz6K9D87Un5 (дата обращения: 04.03.2020).

Информация об авторах

Виноградова Кристина Александровна (Россия, г. Екатеринбург) — студентка факультета государственного муниципального упаравления УИУ РАНХиГС (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: vikrial10@bk.ru).

Фельдман Михаил Аркадьевич (Россия, г. Екатеринбург) — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

K. A. Vinogradova, M. A. Feldman

Modern Problems, Requirements and Tasks of Medical Care for Children with Cancer

The social significance of pediatric Oncology and attention to the problems of treating children as figures of authority and community as a whole, a small number of primary patients detected annually, the shortage of doctors pediatric oncologists and pediatric cancer beds explain the problems and at the same time require new approaches based on scientific calculations, the organization of medical care of these patients.[1] the Federal project «Fight against cancer» is an integral part of the national Health care project. A special place in it is occupied by children's Oncology. This is due to its absolute differences in adult Oncology. The article deals with the existing problems of pediatric Oncology and modern requirements and tasks for solving problems with pediatric Oncology.

Keywords: children's Oncology, health care, malignancies, children, organization of medical care, quality of medical care, morbidity, mortality

Authors

Kristina Vinogradova (Russia, Yekaterinburg) — student of the faculty of state municipal administration of the UIU Ranepa (620144, Yekaterinburg, st. March 8, 66; e-mail: vikrial10@bk.ru).

Mikhail A. Feldman (Russia, Yekaterinburg) — doctor of economics, professor; professor of the Department of public administration and political technologies Ural Institute of management — branch of Ranepa (620144, Yekaterinburg, st. March 8, 66; e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

References

1. Rykov M. Yu. National program for the fight against cancer: children's Oncology // Russian journal of perinatal care. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschenatsionalnaya-programma-po-borbe-s-onkologicheskimi-zabolevaniyami-detskaya-onkologiya (accessed: 05.03.2020).

2. Rykov M. Yu. Medical care for children with cancer in the Russian Federation: current situation and development prospects // Oncopediatrics. 2019. No. 6 (1). P. 5–15.

3. Rykov M. Yu., Polyakov V. G. Clinical manifestations and diagnostics of malignant neoplasms in children: what a pediatrician needs to know // ROS Vestnperinatol and pediatrician. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klinicheskie-proyavleniya-i-diagnostika-zlokachestvennyh-novoobrazovaniy-u-detey-chto-neobhodimo-znat-pediatru/viewer (accessed: 05.03.2020).

4. National strategy for the fight against cancer for the long-term period of 2030 // National Cancer Program. URL: http://nop2030.ru/files/2017/11/national-strategy.pdf (accessed: 05.03.2020).

5. Federal project «Development of children's health care, including the creation of a modern infrastructure for providing medical care to children». URL: https://static-2.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/046/707/original/FP_Razvitie_detskogo_zdravooxraneniya.pdf?1565343919 (date accessed: 03.03.2020).

6. Federal project «Fight against cancer». URL: https://static-1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/046/709/original/FP_Bor'ba_s_onkologicheskimi_zabolevaniyami.pdf?1565344164 (accessed: 04.03.2020).

7. Methodical recommendations «Organization of preventive medical examination and medical examination of certain groups of the adult population" (approved by the Ministry of Health on October 22, 2019) // System GARANT. URL: http://base.garant.ru/73036994/#ixzz6K9D87Un5 (date accessed: 04.03.2020).

УДК 314.14

А. С. Шастин, В. Г. Газимова, О. Л. Малых, А. А. Федорук, С. Р. Гусельников

К ВОПРОСУ О РАСЧЕТЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ»[1]

В статье исследованы публичные данные федеральных органов исполнительной власти о дополнительном показателе «Число случаев временной нетрудоспособности» в национальном проекте «Демография». Установлено, что в исследованных источниках отсутствует унифицированный методический подход к расчету этого показателя. Применение представленных федеральными органами исполнительной власти методических походов к расчету заявленного показателя является нецелесообразным. Для оценки уровня заболеваемости с временной утратой трудоспособности на региональном и федеральном уровнях рекомендуется использовать показатель «на 100 занятых в экономике».

Ключевые слова: национальный проект, демография, временная нетрудоспособность

Качество трудового потенциала в значительной степени определяет возможности экономического развития национальной экономики. Здоровье экономически активного населения должно рассматриваться как стратегически важный компонент экономической политики государства.

Согласно данным Федеральной службы статистики, доля населения трудоспособного возраста в долгосрочной перспективе останется на стабильно низком уровне. В соответствии с прогнозом предположительной численности населения России Федеральной службы статистики в долгосрочном периоде возраст трудоспособного населения будет расти [1, с. 21; 8, с. 13]. Повышение среднего возраста работающего населения будет неминуемо сопровождаться увеличением времени болезней [7, с. 19, 62–69]. С экономической точки зрения уровень заболеваемости с временной утратой трудоспособности (далее — ЗВУТ) является наиболее важным показателем для оценки качества трудовых ресурсов [5, с. 20]. Показатель временной нетрудоспособности (далее — ВН) включен в перечень дополнительных целевых показателей Национального проекта «Демография».

Установлено, что в различных официальных источниках указаны разные единицы измерения показателя. Во всех случаях источником данных для расчета показателя указана форма федерального статистического наблюдения № 16-ВН «Сведения о причинах временной нетрудоспособности», утвержденная приказом Федеральной службы государственной статистики от 25.12.2014 N 723 (ред. от 30.12.2015) «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством здравоохранения Российской Федерации федерального статистического наблюдения в сфере здравоохранения» (далее — форма 16-ВН).

[1] © Шастин А. С., Газимова В. Г., Малых О. Л., Федорук А. А., Гусельников С. Р. Текст. 2020.

Методика расчета предусматривает сбор сведений о сумме случаев временной нетрудоспособности от всех причин для обоих полов. На сайте МЗ РФ представлен паспорт федерального проекта «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек». В качестве одного из дополнительных показателей представлено «Число случаев временной нетрудоспособности, на 100 000 населения»[1].

Приказом Министерства здравоохранения РФ от 18.04.2019 г. № 226 «Об утверждении методик расчета показателей национального проекта «Демография» и входящего в него Федерального проекта «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» (далее — приказ МЗ РФ № 226) утверждена методика расчета дополнительного показателя «Число случаев временной нетрудоспособности (на 1 тыс. населения)» [4, с. 5].

В единой межведомственной информационно-статистической системе в числе показателей социально-экономического развития Российской Федерации, необходимых для мониторинга достижения показателей национальных проектов, представлен показатель «Число случаев временной нетрудоспособности (на 100 работающих)» со ссылкой на методику расчета, утвержденную указанным выше приказом МЗ РФ № 226[2].

По представленным выше методическим подходам и единицам измерения сделан расчет уровня ЗВУТ в целом по РФ за 5 лет. Источник данных о количестве случаев ВН — Единая межведомственная информационно-статистическая система (далее — ЕМИСС)[3]. По состоянию на 11.03.2020 г. данные о ВН в ЕМИСС представлены за период с 2005 по 2016 гг. (табл. 1).

В то же время в паспорте Федерального проекта «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» представлен базовый показатель — 1,32. Целевой показатель 2024 г. — 1,26. Получение такого показателя возможно только при расчете количества случаев ВН по всем причинам на 10 чел. населения. Данная единица измерения не представлена ни в одном из исследованных документов.

Таким образом, необходимо констатировать, что в рамках национального проекта «Демография» отсутствует унифицированный методический подход к расчету дополнительного показателя «Число случаев временной нетрудоспособности».

Существующие демографические тренды в России на ближайшие десятилетия оцениваются как неблагоприятные. Прогнозируются сокращение численности и изменение структуры репродуктивных контингентов,

[1] Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: https://bitly.su/PRjCuW3 (дата обращения: 13.03.2020).

[2] Единая межведомственная информационно-статистическая система URL: https://www.fedstat.ru/organizations/ (дата обращения: 11.03.2020).

[3] Там же.

Таблица 1

Уровень ЗВУТ по количеству случаев временной нетрудоспособности по всем причинам в целом по Российской Федерации

Показатель	Значение показателя по годам				
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Число случаев временной нетрудоспособности, на 100 тыс. чел.*	18 341,98	18 159,77	17 499,53	13 430,41	13 332,11
Число случаев временной нетрудоспособности (на 1 тыс. населения) [4]	183,42	181,60	175,00	134,30	133,32
Число случаев временной нетрудоспособности (на 100 работающих)**	57,2	56,7	54,8	43,6	43,3

* Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: https://bitly.su/PRjCuW3 (дата обращения: 13.03.2020).

** Единая межведомственная информационно-статистическая система URL: https://www.fedstat.ru/organizations/ (дата обращения: 11.03.2020).

а также последующее сокращение числа рождений, активное сокращение численности населения трудоспособного возраста, усугубление проблемы старения населения, т. е. увеличение доли людей старше трудоспособного возраста в общей структуре населения [6, с. 6]. Некоторые специалисты оценивают уровень снижения рождаемости как катастрофический [2, с. 7].

Указанные тренды со всей очевидностью указывают на возможные искажения относительного показателя случаев временной нетрудоспособности при расчете на все возрастные категории населения.

По данным ГАУЗ СО «Медицинский информационно-аналитический центр», доля случаев временной нетрудоспособности по причине ухода за больным в предыдущие 10 лет в Свердловской области составила $23{,}18 \pm 4{,}73$ % ($p < 0{,}05$) (табл. 2).

В большинстве таких случаев листки нетрудоспособности выдаются по уходу за больными детьми. При прогнозируемом снижении рождаемости следует ожидать пропорционального снижения абсолютного количества случаев временной нетрудоспособности по уходу за больным ребенком.

При увеличении доли людей старше трудоспособного возраста в общей структуре населения следует ожидать уменьшения относительной доли граждан, получающих листки временной нетрудоспособности, поскольку заболеваемость с временной утратой трудоспособности регистрируется только у работающих граждан.

Таким образом, позитивная динамика относительных показателей временной нетрудоспособности по исследованным методикам может достигаться по естественным негативным демографическим причинам.

Таблица 2

Доля случаев временной нетрудоспособности по уходу за больным от общего количества случаев временной нетрудоспособности по всем причинам (в % от общего количества случаев)

Значение показателя по годам	
2009	19,73
2010	20,61
2011	20,81
2012	21,86
2013	22,11
2014	28,73
2015	23,93
2016	23,68
2017	25,16
2018	25,17

На протяжении десятилетий отечественные специалисты в сфере охраны общественного здоровья и медицины труда при оценке показателей заболеваемости с временной утратой трудоспособности используют расчет относительных показателей по количеству случаев и дней временной нетрудоспособности на 100 работающих [3, с. 40]. Такой же показатель представлен в ЕМИСС[1]. Изменение методики расчета сделает невозможным ретроспективную оценку заболеваемости с временной утратой трудоспособности. Следует отметить, что расчет ВН на 100 работающих предусмотрен и сводной отчетной формой 16-ВН органов управления здравоохранением субъектов РФ.

При этом совместным Приказом Минэкономразвития России N 192, Минздравсоцразвития России N 323н, Минфина России N 45н, Росстата N 113 от 10.04.2012 «Об утверждении Методологии расчета экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения» предусматривается, в частности, расчет экономических потерь от заболеваемости населения как суммы упущенной выгоды в производстве ВВП (объем недопроизведенного ВВП) из-за временного выбытия человека из сферы производства в результате временной нетрудоспособности. Оценка экономических потерь рассчитывается на 100 человек, занятых в экономике Российской Федерации.

Полагаем целесообразным вместо заявленного приказом МЗ РФ № 226 дополнительного показателя использовать в рамках национального проекта «Демография» показатели числа случаев и дней ВН на 100 занятых в экономике.

[1] Единая межведомственная информационно-статистическая система URL: https://www.fedstat.ru/organizations/ (дата обращения: 11.03.2020).

Список источников

1. *Аганбегян А. Г.* Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 4–23.

2. *Аганбегян А. Г.* Сбережение населения России под вопросом // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 4–13.

3. *Ноткин Е. Л.* Об углубленном анализе данных заболеваемости с временной утратой трудоспособности // Гигиена и санитария. 1979. № 5. С. 40–46.

4. Об утверждении методик расчета показателей национального проекта «Демография», и входящего в него Федерального проекта «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек». URL: http://docs.cntd.ru/document/554599002 (дата обращения: 13.03.2020).

5. *Ревич Б. А., Харькова Т. Л.* Чем болеют и от чего гибнут россияне трудоспособного возраста // Демоскоп Weekly. 2016. № 691–692. С. 1–20.

6. *Рязанцев С. В.* Демографическое развитие России: старые вызовы и новые решения // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 2019. С. 6–8.

7. *Стародубов В. И., Сон И. М., Сененко А. Ш., Савченко Е. Д., Дзюба Н. А., Захарченко О. О., Терентьева Д. С.* Итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Российской Федерации, 2013–2018 гг. Информационно-аналитический обзор // ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения Российской Федерации. М., 2019. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39409780_48377663.pdf (дата обращения: 13.03.2020).

8. *Шастин А. С., Газимова В. Г., Гагарина М. С., Малых О. Л., Гусельников С. Р.* Возможности анализа заболеваемости с временной утратой трудоспособности субъектов предпринимательской деятельности // Профилактическая медицина. 2019. Т. 22. № 4–2. С. 12–16.

Информация об авторах

Шастин Александр Сергеевич (Россия, Екатеринбург) — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела организации медицины труда, ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промышленных предприятий Роспотребнадзора» (620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30; e-mail: shastin@ymrc.ru).

Газимова Венера Габдрахмановна (Россия, Екатеринбург) — кандидат медицинских наук, руководитель отдела организации медицины труда, ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промышленных предприятий Роспотребнадзора» (620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30; e-mail: venera@ymrc.ru).

Малых Ольга Леонидовна (Россия, Екатеринбург) — кандидат медицинских наук, начальник отдела социально-гигиенического мониторинга, Управление Роспотребнадзора по Свердловской области (620078, г. Екатеринбург, пер. Отдельный, 3; e-mail: malykh_ol@66.rospotrebnadzor.ru).

Федорук Анна Алексеевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат медицинских наук, руководитель отдела медицины труда, ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промышленных предприятий Роспотребнадзора» (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30; e-mail: annaf@ymrc.ru).

Гусельников Станислав Реамюрович (Россия, Екатеринбург) — врач-терапевт консультативно-поликлинического отделения, ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промышленных предприятий Роспотребнадзора» (620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30; e-mail: guselnikov@ymrc.ru).

A. S. Shastin, V. G. Gazimova, O. L. Malykh, A. A. Fedoruk, S. R. Guselnikov

The Question of Separate Indicators Calculation of Demography National Project

Public records of federal executive authorities concerning additional indicator "Number of cases of temporary incapacity for work" in the national project "Demography" were investigated. It has been found that there is no unified methodological approach for this indicator calculation in the sources studied. It is inappropriate to apply methodological approaches, submitted by federal executive authorities, to calculation of the declared indicator. Indicator "for every 100 men occupied in the economy" is recommended to be used in evaluation of morbidity with temporary incapacity for work both at regional and federal levels.

Keywords: national project, demography, temporary incapacity for work

Authors

Shastin Alexander Sergeevich (Russia, Yekaterinburg) — PhD, candidate of sciences degree in medicine, senior researcher at the department of occupational health organization, Yekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection in Industrial Workers (620014, Yekaterinburg, Popova Street, 30; e-mail: shastin@ymrc.ru).

GazimovaVenera Gabdrakhmanova (Russia, Yekaterinburg) — PhD, candidate of sciences degree in medicine, head of the department of occupational health organization, Yekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection in Industrial Workers (620014, Yekaterinburg, Popova Street, 30; e-mail: venera@ymrc.ru).

Malykh Olga Leonidovna (Russia, Yekaterinburg) — PhD, candidate of sciences degree in medicine, head of the department of social and hygienic monitoring, Rospotrebnadzor of the Sverdlovsk region (620078, Yekaterinburg, Odelny Lane, 3; e-mail: malykh_ol@66.rospotrebnadzor.ru).

Fedoruk Anna Alekseevna (Russia, Yekaterinburg) — PhD, candidate of sciences degree in medicine, head of occupational health department, Yekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection in Industrial Workers (620014, Yekaterinburg, Popova Street, 30; e-mail: annaf@ymrc.ru).

Guselnikov Stanislav Reamyurovich (Russia, Yekaterinburg) — internist at consulting and outpatient unit, Yekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection in Industrial Workers (620014, Yekaterinburg, Popova Street, 30; e-mail: guselnikov@ymrc.ru).

References

1. Aganbegyan A. G. Demographic drama on the path of perspective development of Russia // Population. 2017. No. 3 (77). P.4–23.

2. Aganbegyan A.G. Saving of the Russian population is questionable // Population. 2018. No. 21 (4). P. 4–13.

3. Notkin E. L. More analysis of the data on morbidity with temporary incapacity for work // Hygiene and sanitation. 1979. No. 5. P. 40–46.

4. On approval of methods for indicators calculation of the national project "Demography" and the federal project "Formation of motivation system for citizens to a healthy lifestyle, including healthy nutrition and discarding bad habits. URL: http://docs.cntd.ru/document/554599002 (accessed: 13.03.2020).

5. Revich B. A., Kharkova T. L. What do working-age Russians get sick and die from? // DemoskopWeekly. 2016. No. 691–692. P. 1–20.

6. Ryazantsev S. V. Demographic development of Russia: old challenges and new solutions. In: Youth cultural space: meanings and practices. Materials of the all-Russian research and practice conference. Under general editorship of T. K. Rostovskaya. 2019. P. 6–8.

7. Starodubov V. I., Son I. M., Senenko A. Sh., Savchenko E. D., Dzyuba N. A., Zakharchenko O. O., Terentyeva D. S. 2013–2018 results of health check-ups in a particular adults' group in the Russian

Federation. Quarterly-published review // Central Research Institution of Health Organization and Informatization of the Ministry of Health of the Russian Federation. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39409780_48377663.pdf (accessed: 10.05.2020).

8. Shastin A. S., Gazimova V. G., Gagarina M. S., Malykh O. L., Guselnikov S. R. Diseases with temporary disability: analytic tools as available to private companies. 2019; 22 (4–2). P. 12–16.

УДК 613.6

А. С. Шастин, В. Г. Газимова, Т. С. Устюгова

УТРАТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ. НЕИССЛЕДОВАННЫЕ МАСШТАБЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ[1]

В статье рассмотрены причины отстранения от работы лиц, занятых на работах во вредных и (или) опасных условиях труда. Авторами проанализировано количество человек с медицинскими противопоказаниями, которые могут рассматриваться в качестве показателя для оценки прямых и косвенных экономических потерь.

Ключевые слова: медицинские противопоказания, утрата профессиональной пригодности, экономические потери

Сбережение здоровья работающих граждан — один из ключевых факторов развития экономики РФ. Здоровье экономически активного населения должно рассматриваться в качестве стратегического компонента государственной экономической политики. Оценка экономических потерь, обусловленных утратой здоровья, имеет большое значение для выработки оптимальных решений на всех уровнях государственного и корпоративного управления.

Существует значительное количество работ и методических подходов, посвященных оценке экономических потерь (ущербов), обусловленных утратой здоровья экономически активного населения. Как правило, исследование экономических потерь базируется на показателях смертности, инвалидизации, заболеваемости (общей, впервые выявленной, по отдельным классам болезней, нозологическим группам, профессиональной, производственного травматизма).

До настоящего времени не имеет должной оценки такая причина экономических потерь, как утрата профессиональной пригодности, обусловленная болезнями, не являющимися профессиональными заболеваниями [1, с. 107]. По объявленным данным Министерства здравоохранения РФ на Совещании профильной комиссии по специальности «Профпатология» Экспертного Совета в сфере здравоохранения Минздрава РФ, постоянные медицинские противопоказания к работе в профессии в 2019 г. по результатам периодических медицинских осмотров выявлены более чем у 120 000 работников [3].

Сохранение здоровья работающих и продление профессионального долголетия являются одной из приоритетных задач государства. Охрана здоровья работающего населения реализуется в рамках системы создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер на основе системного межведомственного взаимодействия с участием органов государственной власти, работодателей и общественных организаций.

[1] © Шастин А. С., Газимова В. Г., Устюгова Т. С. Текст. 2020.

Одним из важнейших элементов этой системы является Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12.04.2011 г. № 302н (далее — приказ № 302н) [2].

Одна из целей проведения периодических медицинских осмотров (далее — ПМО) — выявление заболеваний, не допускающих продолжение работы в заявленных на ПМО условиях труда. Медицинские противопоказания являются причиной отстранения от работы в профессии. Приказ № 302н устанавливает перечень медицинских противопоказаний к допуску для выполнения работ с вредными и (или) опасными условиями труда.

По завершении ПМО медицинская организация оформляет заключительный акт, в котором, в том числе, указывает данные о численности работников, имеющих временные и постоянные медицинские противопоказания к работе.

Наиболее актуальна проблема утраты профессиональной пригодности по медицинским причинам для регионов с высокой концентрацией предприятий, имеющих значительную долю рабочих мест с вредными и опасными производственными факторами [4, прил. 16]. Отдельные показатели, характеризующие масштабы трудовых потерь по медицинским причинам, приведены на примере Свердловской области.

Свердловская область является старопромышленным регионом с высокой концентрацией предприятий горнодобывающей, металлургической и машиностроительной отраслей.

Согласно данным общероссийского мониторинга условий труда, за 2018 г. удельный вес работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в Российской Федерации составлял 37,9 % (в Уральском федеральном округе в целом — 43,4 %, в Свердловской области — 45,4 %) [4, прил. 16].

На протяжении длительного периода в Свердловской области ежегодно проходят ПМО 300–400 тыс. работников, занятых на рабочих местах с вредными и опасными производственными факторами, в том числе около 37–50 тыс. в центрах профпатологии (рис.).

Уровень впервые выявленной профессиональной заболеваемости в Свердловской области имеет устойчивый тренд к понижению, как и в целом по Российской Федерации. При этом количество медицинских противопоказаний на 10 000 работающих, по сравнению с профессиональной заболеваемостью, остается на чрезвычайно высоком уровне.

Нами исследованы данные 17 565 заключительных актов ПМО медицинских организаций (далее — МО) и Центров профессиональной патологии (далее — ЦП) Свердловской области за 2012–2017 гг.

Сведения об общем количестве работников с выявленными медицинскими противопоказаниями к работе с заявленными производственными факторами, по данным исследованных заключительных актов МО Свердловской области за 6 лет, представлены в таблице 1.

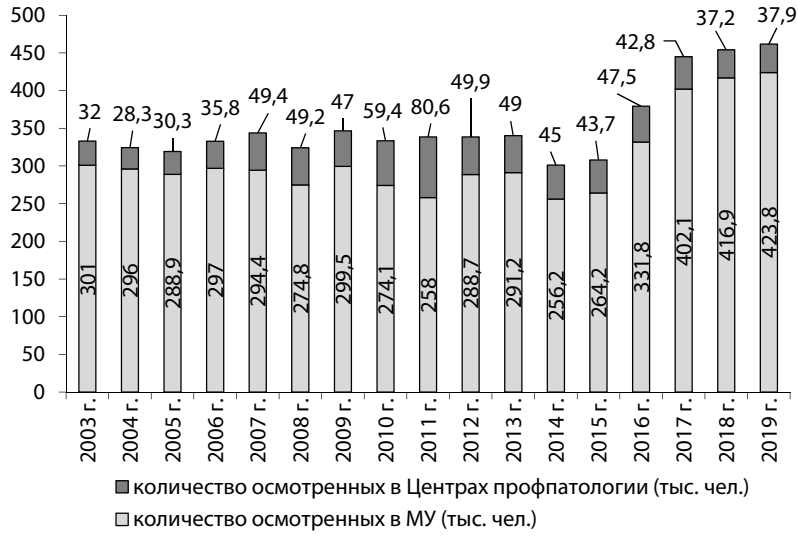


Рис. *Количество работников, прошедших ПМО в Свердловской области в 2003–2019 гг.*

Таблица 1

Количество работников с выявленными медицинскими противопоказаниями к работе с заявленными производственными факторами по данным заключительных актов МО Свердловской области

Показатель	Значение показателей по годам						Итого
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	
Количество, прошедших ПМО (тыс. чел.)	63,37	92,10	175,57	170,69	158,91	170,57	831,21
Количество работников с постоянными медицинскими противопоказаниями (тыс. чел.)	1,24	1,46	3,96	3,13	4,00	4,08	17,86
Доля работников с постоянными медицинскими противопоказаниями (% от числа прошедших)	1,95	1,59	2,26	1,83	2,52	2,39	2,15

Сведения об общем количестве работников с выявленными медицинскими противопоказаниями к работе с заявленными производственными факторами, по данным заключительных актов ЦП Свердловской области за 6 лет, представлены в таблице 2.

На крупных промышленных предприятиях доля работников с выявленными медицинскими противопоказаниями превышает среднеобластной показатель на 35 %. Количество медицинских противопоказаний

Таблица 2

Количество работников с выявленными медицинскими противопоказаниями к работе с заявленными производственными факторами по данным заключительных актов ЦП Свердловской области

Показатель	Значение показателей по годам						Итого
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	
Количество осмотренных (тыс. чел.)	54,95	49,53	47,22	46,64	48,12	42,84	289,29
Количество работников с постоянными медицинскими противопоказаниями (тыс. чел.)	2,26	1,97	1,87	1,90	2,012	1,62	11,65
Доля работников с постоянными медицинскими противопоказаниями (% от числа прошедших)	4,11	3,98	3,97	4,07	4,19	3,79	4,03

на 10000 работающих в исследованный период остается на чрезвычайно высоком уровне и превышает уровень впервые выявленной заболеваемости в 6–40 раз.

В условиях прогрессирующей трудонедостаточности в Российской Федерации это является серьезной проблемой сохранения стажированных квалифицированных работников. В Свердловской области темпы снижения доли населения в категории «трудоспособный возраст» почти вдвое превышают общероссийский показатель [5, с. 504].

Выявленные при проведении ПМО постоянные медицинские противопоказания не характеризуют состояние здоровья работника в целом, но свидетельствуют о несоответствии требованиям, предъявляемым к состоянию здоровья для допуска к отдельным видам работ с конкретными условиями и факторами рабочей среды.

При выявлении таких противопоказаний на основании заключения врача-профпатолога либо заключения врачебной комиссии работодатель обязан отстранить работника от выполнения работ с заявленными условиями труда.

Следствием выявления медицинских противопоказаний к работе в профессии являются вынужденные меры работодателя по замене работников на рабочих местах. Зачастую такие случаи приводят к прекращению трудовых отношений с работником, если работодатель не может предоставить работу без тех факторов рабочей среды, наличие которых не позволяет продолжать трудовую деятельность в профессии.

На примере нескольких предприятий Свердловской области проведено исследование возрастной структуры работников, у которых выявлены медицинские противопоказания к работе в профессии при заявленных предприятиями производственных факторах и видах работ: ОКВЭД 07.10.1

Таблица 3

Средний возраст работников трудоспособного возраста, прошедших ПМО, с выявленными противопоказаниями

Показатель	Значение показателей ОКВЭД		
	ОКВЭД 07.10.1	ОКВЭД 24.44	ОКВЭД 24.20
Численность прошедших ПМО (чел.)	2277	5297	3403
Средний возраст прошедших ПМО работников	44,7	45,0	43,0
Число работников с постоянными противопоказаниями от прошедших ПМО (абс.)	160	364	126
Число работников с постоянными противопоказаниями от прошедших ПМО (%)	7,0	6,9	3,7
Средний возраст работников с выявленными постоянными противопоказаниями	51,7	48,6	48,9

«Добыча железных руд подземным способом»; ОКВЭД 24.44 «Производство меди»; ОКВЭД 24.20 «Производство стальных труб, полых профилей и фитингов» [1].

Данные о среднем возрасте работников, в котором выявлены постоянные медицинские противопоказания, представлены в таблице 3.

В 82,3 % случаев медицинские противопоказания на указанных предприятиях выявлены у работников в категории «трудоспособный возраст», т. е. в возрасте, когда и квалификация работника уже отвечает наивысшим уровням ожиданий работодателя, и участие работника в производстве валового регионального продукта можно расценивать в качестве максимального.

Данные о среднем возрасте работников с установленными постоянными медицинскими противопоказаниями в категории «трудоспособный возраст» представлены в таблице 4.

Утрата профессиональной трудоспособности в достаточно молодом возрасте при сохранении общей трудоспособности может служить показателем для определения косвенных потерь общества (непроизведенный валовый продукт, недополученные доходы бюджетов разных уровней, др.) и косвенных потерь работодателей, связанных с вынужденной заменой работников. Данные ПМО позволяют учитывать половозрастную и профессиональную структуру работников с выявленными медицинскими противопоказаниями.

На граждан, отстраняемых от работы по таким медицинским противопоказаниям, не распространяются социальные гарантии, гарантируемые Федеральным законом № 125 «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных

Таблица 4

Средний возраст работников с установленными постоянными медицинскими противопоказаниями в категории «трудоспособный возраст»

Предприятие		Значение показателя по годам				
		2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
ОКВЭД 07.10.1	всего	47,7	50,8	48,1	50,2	—
	муж.	48,0	50,8	48,0	50,4	—
	жен.*	—	—	—	—	—
ОКВЭД 24.44	всего	44,8	46,8	48,0	45,3	46,1
	муж.	45,9	48,0	49,0	46,3	46,0
	жен.	41,7	44,1	44,6	40,2	47,0
ОКВЭД 24.20	всего	41,8	39,0	48,0	51,9	47,7
	муж.	41,6	40,5	48,4	51,9	47,6
	жен.*	—	—	—	—	—

* Средний возраст женщин не рассчитывался в связи со статистически незначимым объемом наблюдений (9 и 6 случаев соответственно).

заболеваний». Перевод на другую работу в связи с медицинскими противопоказаниями и, тем более, прекращение трудовых отношений не гарантируют работнику сохранение уровня доходов, что приводит к прямым потерям работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда.

Учитывая количество работников, отстраняемых от выполнения профессиональных обязанностей по состоянию здоровья, полагаем целесообразным рассматривать результаты периодических медицинских осмотров для целей оценки прямых и косвенных экономических потерь (ущербов) общества и субъектов предпринимательской деятельности, прямых потерь населения (домохозяйств).

Эффективной формой организации проведения оценки таких экономических потерь может стать сотрудничество специалистов в сфере медицины труда и экономики труда.

Межведомственное взаимодействие научных учреждений Роспотребнадзора, региональных Центров профессиональной патологии и научных учреждений в сфере экономики позволят оценить трудовые и экономические потери, обусловленные утратой профессиональной пригодности, на микро-, мезо- и макроэкономических уровнях.

Список источников

1. *Гурвич В. Б., Шастин А. С., Газимова В. Г., Плотко Э. Г., Устюгова Т. С.* Причины утраты профессиональной пригодности для работы во вредных и (или) опасных условиях труда // Медицина труда и промышленная экология. 2019. Т. 59. №2. С. 107–113.

2. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.04.2011 N 302н (ред. от 18.05.2020) «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых

работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда». С изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120902/ (дата обращения: 15.04.2020).

3. Совещание профильной комиссии по специальности «Профпатология» Экспертного Совета в сфере здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: https://chelovekilekarstvo.ru/broadcast/kongress-2/ (дата обращения: 15.04.2020).

4. Результаты мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2018 году: доклад // Минтруд России: Единая общероссийская справочно-информационная система по охране труда. 2019. URL: https://eisot.rosmintrud.ru/attachments/article/47/2018.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

5. *Шастин А. С., Газимова В. Г.* Медико-демографические аспекты экономического развития промышленных предприятий России // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. статей VIII Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. Т. 2. С. 504–508.

Информация об авторах

Шастин Александр Сергеевич (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат медицинских наук, научный сотрудник отдела организации медицины труда, ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Роспотребнадзора (620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30; e-mail: shastin@ymrc.ru).

Газимова Венера Габдрахмановна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат медицинских наук, заведующая отделом организации медицины труда, ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Роспотребнадзора (620014, г. Екатеринбург ул. Попова, 30; e-mail: venera@ymrc.ru).

Устюгова Татьяна Сергеевна (Россия, г. Екатеринбург) — заведующая отделением планирования и внедрения НИР, ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Роспотребнадзора (620014, г. Екатеринбург ул. Попова, 30; e-mail: ustyugova@ymrc.ru).

A. S. Shastin, V. G. Gazimova, T. S. Ustyugova

Loss of Occupational Fitness and Unexplored Scope of Economic Damages

Medical contraindications identified during mandatory periodic medical examinations is the ground to suspend people working in harmful and (or) hazardous conditions. Compulsory replacement of employees results in direct and indirect economic damages to society and economic entities. Suspension from work results in direct economic damages to citizens. Identified permanent medical contraindications may be considered as an indicator for assessing direct and indirect economic damages.

Keywords: medical contraindications, loss of occupational fitness, economic damages

Authors

Shastin Alexander Sergeevich (Russia, Yekaterinburg) — PhD (candidate of Sciences degree in medicine), researcher at the department of occupational medicine organization, Yekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection in Industrial Workers (YMRC) (620014, Yekaterinburg, Popova Street, 30; e-mail: shastin@ymrc.ru).

Gazimova Venera Gabdrakhmanova (Russia, Yekaterinburg) — PhD (candidate of Sciences degree in medicine), head of the department of occupational medicine organization at Yekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection in Industrial Workers (YMRC) (620014, Yekaterinburg, Popova Street, 30; e-mail: venera@ymrc.ru).

Ustyugova Tatyana Sergeevna (Russia, Yekaterinburg) — head of the department of planning and research work implementation at Yekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and

Health Protection in Industrial Workers (YMRC) (620014, Yekaterinburg, Popova Street, 30; e-mail: ustyugova@ymrc.ru).

References

1. Gurvich V. B., Shastin A. S., Gazimova V. G., Plotko E. G., Ustyugova T. S. Causes of lost vocational fitness for work in jeopardy and (or) hazardous work conditions. Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology. 2019. No. 59 (2). P. 107–113. (In Russ).

2. Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated 04.12.2011 N 302n (as amended on 05.18.2020) «On approval of the lists of harmful and (or) hazardous production factors and work, during the performance of which mandatory preliminary and periodic medical examinations (examinations) are carried out, and the Procedure for conducting mandatory preliminary and periodic medical examinations (examinations) of workers employed in heavy work and in work with harmful and (or) dangerous working conditions». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120902/ (accessed: 15.04.2020).

3. Session of the field-specific commission in «Occupational pathology» of the Advisory council in the field of health of the Ministry of Health of the Russian Federation. URL: https://chelovekil-ekarstvo.ru/broadcast/kongress-2/ (accessed: 15.04.2020).

4. Monitoring results of working conditions and safety in the Russian Federation in 2018: report. Ministry of Labor and Social Protection: Unified all-Russian reference and information system for labor protection. 2019. URL: https://eisot.rosmintrud.ru/attachments/article/47/2018.pdf (accessed: 15.04.2020).

5. Shastin A. S., Gazimova V. G. Medical and demographic aspects of the economical development of Russian industrial enterprises / Demographic capacity of the EAEU countries: collected papers of 8th Ural demographic forum with international participation. Yekaterinburg : Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 2. P. 504–508.

УДК 314.74

Е. Б. Бедрина, А. Р. Фаизова

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ ИСХОДА[1]

Цель исследования — обоснование роли трансграничных денежных переводов мигрантов в социально-экономическом развитии территории исхода и разработка предложений для поддержки данных переводов в неблагоприятных экономических условиях, вызванных COVID-19 и введенными ограничениями. Анализ трансграничных денежных переводов мигрантов проведен в региональном разрезе. Сделан вывод, что в современных условиях они становятся устойчивым источником валютных поступлений, особенно для стран со средним и низким уровнем дохода. Предложено с целью поддержки социально-экономического развития стран, зависящих от трансграничных денежных переводов мигрантов, особое внимание уделить развитию финансовой инфраструктуры и решениям, позволяющим снизить стоимости трансграничных денежных переводов мигрантов, передающихся через официальные каналы.

Ключевые слова: трудовая миграция, трансграничные денежные переводы, социально-экономическое развитие территории, стоимость денежного перевода, региональное развитие, COVID-19

Благодаря миграции в мире появился еще один поток международных финансовых трансакций, надежно обеспечивающий страны валютными поступлениями — трансграничные денежные переводы мигрантов. В XXI в. этот поток имел значительный рост и к 2019 г., по данным Всемирного, банка достиг 653 млрд долл. США.

Характерной особенностью данного потока валютных поступлений является его устойчивость. В частности, в отличие от динамики прямых иностранных инвестиций, очень чувствительных к рыночной конъюнктуре, он поступательно увеличивается. Исключение составили 2009 и 2016 гг., когда произошло незначительное сокращение данного потока валютных поступлений на 5 % и 2 % соответственно (рис. 1). В целом за период с 2008 г. по 2018 г. общий поток денежных переводов мигрантов увеличился почти в 2 раза, в то время как поток прямых зарубежных инвестиций за этот же период сократился в 3 раза. Причем объем разового перевода мигрантов в большинство стран даже возрос. Понимая, что мигранты

[1] ©Бедрина Е. Б., Фаизова А. Р. Текст. 2020.

Рис. 1. *Динамика трансграничных денежных переводов мигрантов в 1970–2019 гг.*

являются наиболее уязвимой категорией на рынке труда и в большей мере, чем коренное население, подвержены риску увольнения, можно предположить, что они сознательно увеличивают долю заработанных средств, отправляемых на родину в кризисный период.

Поток трансграничных денежных переводов мигрантов особенно существенен для стран с низким и средним уровнем дохода, доля которых в настоящее время составляет 78 %. Более того, в этой группе стран в 2019 г. поток трансграничных денежных переводов мигрантов впервые превысил объемы прямых иностранных инвестиций. В настоящее время трансграничные денежные переводы мигрантов для этих стран являются первым по величине источником внешнего финансирования и более чем в три раза превышают официальную помощь в целях устойчивого развития. Особую важность данный поток имеет для стран, в которых в связи неблагоприятной экономической ситуацией произошло снижение экспорта или торговый баланс был отрицательным.

Интересно, что в 2019 г., несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию, в большинстве регионов мира наблюдался рост трансграничных денежных переводов мигрантов. Так, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна они возросли на 7,8 % и составили 97 млрд долл. США. Естественно, что наибольший поток пришелся на Китай, второе место заняли Филиппины, третье — Вьетнам. В странах Южной Азии их рост составил 6 %, а сумма — 140 млрд долл. США. Причем лидером по объему трансграничных денежных переводов, как в Южной Азии, так и в мире, оказалась Индия, которая в 2019 г. получила валютной выручки в виде трансграничных денежных переводов на сумму 83,1 млрд долл. США. В странах Ближнего Востока и Северной Африки данные переводы возросли на 2,7 % и составили 61 млрд долл. США. В этой группе стран абсолютным лидером оказался Египет. В станах Европы и Центральной Азии они возросли на 0,7 % и составили 185 млрд долл. США. Лидером в данном регионе оказалась Украина, второе место заняла Россия, которая является

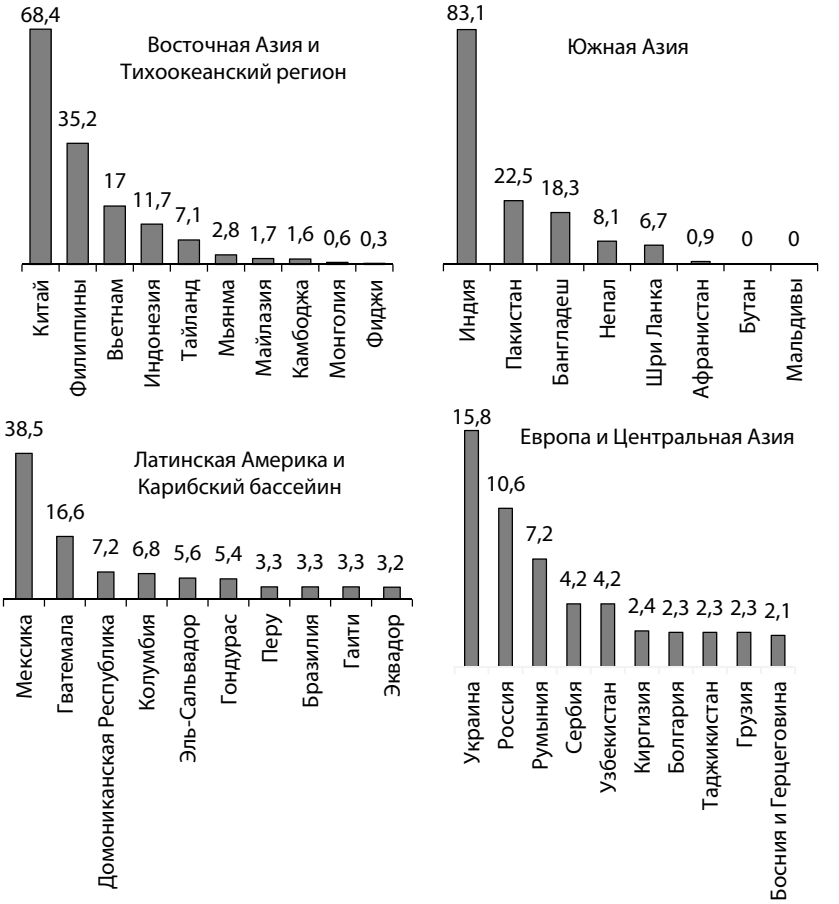
одновременно и страной-донором и страной — реципиентом международной миграции. Среди стран Центральной Азии в группу лидеров вошли страны — доноры трудовых ресурсов в Россию: Узбекистан, Киргизия и Таджикистан.

А вот в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона трансграничные переводы мигрантов сократились на 2,7 % и составили 113 млрд долл. США, в странах Африки к югу от Сахары — на 0,6 % и составили 48 млрд долл. США (рис. 2).

В 2019 г. доля трансграничных денежных переводов мигрантов в странах с низким уровнем доходов составила около 5 %. Согласно классификации Всемирного банка, в 2019 г. к данной группе была отнесена 31 страна, чей доход на душу населения оказался 1035 долл. США и менее. Из стран постсоветского пространства в этой группе оказался Таджикистан. В странах с низким уровнем дохода трансграничные денежные переводы мигрантов являются основным источником снижения бедности, они улучшают качество питания, обеспечивают рост расходов на образование, ведут к сокращению масштабов детского труда и способствуют созданию новых рабочих мест [3, 4, 9]. К примеру, в Таджикистане трансграничные денежные переводы мигрантов внесли большой вклад в борьбу с бедностью населения. За период с 2000 г. по 2018 г. в Таджикистане удалось снизить уровень бедности с 80 до 30 %, при этом доля денежных переводов в ВВП в указанный период была одной из самых больших в мире, а в 2008 г. достигла своего пика в 49 % ВВП.

В 2019 г. доля трансграничных денежных переводов мигрантов в странах со средним и низким уровнем дохода составила 1,6 %, для стран с низким уровнем дохода — 6,8 %. Однако влияние трансграничных переводов мигрантов на уровень благосостояния ряда стран остается существенным. В частности, лидером по доле трансграничных денежных переводов мигрантов в ВВП выступает Тонга (Восточная Азия и Тихоокеанский регион) — 37,6 %. Доля трансграничных денежных переводов мигрантов в ВВП в Гаити составила 37,1 %, в Гондурасе — 22 %, в Сальвадоре — 21 % (страны Латинской Америки и Карибского бассейна). Достаточно существенной она остается в странах Африки к югу от Сахары: в Южном Судане 34,4 %, в Лесото — 21,3 %, в Гамбии — 15,5 %. В Южной Азии лидером по данному показателю выступает Непал — 27,3 %, на Ближнем Востоке — Палестина — 16,3 %, среди стран Европы и Центральной Азии: Киргизия — 29,2 %, Таджикистан — 28,2 % и Черногория — 25,4 %.

Важнейшим условием социально-экономического развития стран является эффективность использования валютных поступлений. Естественно, что трансграничные денежные переводы мигрантов в странах — донорах трудовых ресурсов тратятся, прежде всего, на потребление. Особенно это характерно для стран, где значительная часть трудоспособного населения, обычно мужчины, находится на заработках за рубежом в связи с низкой деловой активностью и высоким уровнем безработицы в странах исхода.



Продолжение рис. 2 на след. стр.

Семьи мигрантов трансграничные денежные переводы тратят на закупку товаров первой необходимости, покупая пищу, оплачивая коммунальные услуги, образование, медицинские услуги, а также откладывают их на проведение свадьбы с большим количеством родственников и соседей в соответствии с вековыми традициями или покупку недвижимости. Реже эти средства вкладываются в создание семейного бизнеса, организацию и финансирование малых и средних предприятий [5, 6]. В связи с чем эффект влияния трансграничных денежных переводов мигрантов на макроэкономические показатели стран — доноров трудовых ресурсов неоднозначен. С одной стороны, денежные переводы тратятся в основном на текущее потребление и незначительно инвестируются в экономическое развитие

Рис. 2. *Топ стран-реципиентов по объему трансграничных денежные переводы мигрантов по регионам в 2019 г., млрд долл. США*

стран, с другой стороны, благодаря денежным переводам происходит поддержка и развитие человеческого капитала, что в долгосрочной перспективе должно оказать положительный эффект на экономическое развитие данных стран.

Одним из факторов, влияющих на объем денежных переводов, выступает их стоимость. Стоимость денежных переводов различается в зависимости от региона и канала перемещения. Как видно на рисунке 3, банки являются самым дорогим каналом отправки денежных переводов, а почтовые отделения — самыми дешевым [10].

Нередко мигранты используют нелегальные каналы денежных переводов. В этнических сообществах — это «Хавала» для переводов в исламские страны или «Тайбей» для переводов в Китай. Причин для этого несколько: недоверие к официальным каналам переводов ввиду низкой финансовой грамотности трудовых мигрантов, отсутствие необходимых документов,

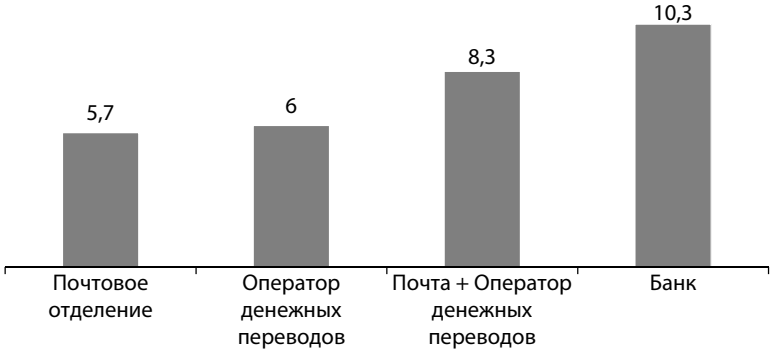


Рис. 3. *Средняя стоимость денежных переводов по типу провайдера в первом квартале 2019 г., %*

нелегальное нахождение в стране и нелегальная занятость, нежелание выплачивать высокую комиссию за трансакцию и языковые трудности мигрантов в общении с персоналом официальных финансовых организаций, а также неразвитость финансовой инфраструктуры в стране исхода трудовых мигрантов [1, с. 45; 2, с. 18].

Согласно данным Всемирного банка, средняя стоимость отправки 200 долл. США в страны со средним и низким уровнем дохода в первом квартале 2020 г. снизилась на 0,1 % и составляла 6,8 %. Самыми дорогими каналами для перемещения денежных переводов из-за низких объемов, слабой конкуренции и нерешенных нормативных вопросов остаются каналы перемещения из Великобритании в Афганистан, из Таиланда в Индию, из Пакистана в Афганистан, из Пакистана в Бангладеш, из ЮАР в Индию. Средняя стоимость отправки 200 долл. США в рамках данных коридоров составляет более 10 %. Понимая важность трансграничных денежных переводов мигрантов для социально-экономического развития территорий исхода, ООН установила в рамках Целей устойчивого развития целевой показатель в 3 % от стоимости трансакции к 2030 г.

В связи с COVID-19 в ближайшее время ожидается значительный спад мировой экономики. В соответствии с отчетом Всемирного банка, реальный мировой ВВП сократится на 7,7 % [8, p. 4]. По данным Глобального партнерства в области знаний по миграции и развитию (KNOMAD), в 2020 г. в связи с экономическим кризисом, вызванным COVID-19, ожидается сокращение потоков денежных переводов мигрантов в страны с низким и средним уровнем дохода примерно на 20 %. Объем денежных переводов сократится во всех регионах, причем больше всего — в странах Европы и Центральной Азии (27,5 %), за которой следуют страны Африки к югу от Сахары (23,1 %), Южная Азия (22,1 %), Ближний Восток и Северная Африка (19,6 %), Латинская Америка и Карибский бассейн (19,3 %) и Восточная Азия и Тихоокеанский регион (13 %) [9].

Сокращение потока денежных переводов может привести к крайне негативным последствиям в области социально-экономического развития территорий исхода трудовых мигрантов, особенно в вопросах сохранения и поддержки здоровья населения в период эпидемии, вызванной COVID-19. Ограничение на трансграничную трудовую мобильность сужает возможности использования нелегальных каналов денежных переводов, в связи с чем особенно актуализируется вопрос стоимости денежного перевода у официальных провайдеров. Для снижения стоимости трансграничных денежных переводов мигрантов требуется принятие управленческих решений, направленных на поддержку финансовых структур с целью стимулирования снижения стоимости данных трансакций.

Благодарность

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–010–01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Список источников

1. Ревинова С. Ю. Некоторые аспекты денежных переводов мигрантов // Вестник РУДН. 2013. № 3. С. 38–46.

2. Седых И. А. Рынок международных денежных переводов. М.: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Центр развития, 2016. 60 с.

3. Adams R. H., Page J. Do international migration and remittances reduce poverty in developing countries? // World development. 2005. Т. 33, № 10. С. 1645–1669.

4. Adams R. H., Cuecuecha A. Remittances, household expenditures and investment in Guatemala // World Development. 2010. № 11. P. 1626–1641.

5. Ajaero C. K., Nzeadibe C. T., Obisie-Nmehielle N., Ike C. C. The linkages between international migration, remittances and household welfare in Nigeria // Migration and Development. 2018. № 7. P. 40–54.

6. Brown R. P. C., Leeves G. Comparative effects of migrants' remittances on composition of recipient household income in two small, island economies //Applied Economics. 2011. № 27. P. 3965–3976.

7. COVID-19 Crisis through a migration lens. Migration and Development Brief 32 April 2020 // Migration and Remittances Team Social Protection and Jobs World Bank URL: [Электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33634/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens.pdf?sequence=5 (дата обращения 28.06.2020).

8. Global Economic Prospects, June 2020 // World Bank Group. URL: [Электронный ресурс] https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748 (дата обращения 28.06.2020).

9. Jongwanich J. Workers' remittances, economic growth and poverty in developing Asia and the Pacific countries // UNESCAP Working Papers, 2007. P. 1–27.

10. Ratha D., De S., Kim E. J., Plaza S., Seshan G., Yameogo N. D. Remittances to low- and middle-income countries on track to reach $551 billion in 2019 and $597 billion by 2021, 19 Oct 2019 // World bank globs. URL: [Электронный ресурс] https://blogs.worldbank.org/peoplemove/data-release-remittances-low-and-middle-income-countries-track-reach-551-billion-2019 (дата обращения 28.06.2020).

Информация об авторах

Бедрина Елена Борисовна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доц., кафедра Международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ст. науч. сотр. центра исследования социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН, Bedrina1967@mail.ru.

Фаизова Анастасия Рафиковна (Россия, г. Екатеринбург) — студентка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, faizova99@mail.ru.

E. B. Bedrina, A. R. Faizova

Cross-Border Remittances of Migrants as a Factor of Socio-Economic Development in the Territory of Origin

The main idea and purpose of the study are to substantiate the role of cross-border remittances of migrants in the socio-economic development of the Exodus territory and develop proposals to support these transfers in the adverse economic conditions caused by COVID-19 and the restrictions imposed. The analysis of cross-border remittances of migrants was carried out in the regional context. It is concluded that in modern conditions they are becoming a stable source of foreign exchange earnings, especially for middle-and low-income countries. To support the socio-economic development of countries that depend on cross-border migrant remittances, it is proposed to pay special attention to the development of financial infrastructure and solutions that reduce the cost of cross-border migrant remittances transmitted through official channels.

Keywords: labor migration, cross-border money transfers, socio-economic development of the territory of migrants ' Exodus, the cost of money transfer, regional development, COVID-19.

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 18–010–01049.

Authors

Elena Bedrina (Russia, Yekaterinburg) — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of International Economics and Management Department Ural Federal University named after the first Russian President B.N. Yeltsin, Institute of Economics: The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Bedrina1967@mail.ru.

Anastasia Faizova (Russia, Yekaterinburg) — undergraduate, Ural Federal University named after the first Russian President B.N. Yeltsin, faizova99@mail.ru.

References

1. Revinova S. Yu. Some aspects of migrant money transfers // Vestnik RUDN. 2013. no. 3. P. 38–46.

2. Sedykh I. A. Market of international money transfers-Moscow: national research University. Higher school of Economics; center for development, 2016. 60 p.

3. Adams R. H., page J. do international migration and remittances reduce poverty in developing countries? // World developments, 2005, Vol. 33, No. 10, Pp. 1645–1669.

4. Adams R. H., Cuecuecha A. money transfers, household expenditures and investments in Guatemala // World development. 2010, No. 11, Pp. 1626–1641.

5. Brown R. P. S., Livz G. comparative impact of migrant remittances on the composition of recipient household income in two small island economies //Applied Economics, 2011, No. 27, Pp. 3965–3976.

6. COVID-19 Crisis through a migration lens / migration and Development Brief 32 April 2020 / Migration and money transfers team Social protection and jobs world Bank URL: [Electronic resource] https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33634/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens.pdf?sequence=5 (accessed 28.06.2020).

7. Global Economic Prospects, June 2020 / World Bank Group. URL: [Electronic resource] file: / / / C: / Users/1/Downloads/9781464815539. pdf (accessed 28.06.2020).

8. Chongvanich J. Workers ' remittances, economic growth and poverty in developing countries of the Asia-Pacific region / / UNESCAP working papers, 2007. Pp. 1–27.

9. Ratha D., De S., Kim E.J., Plaza S., Seshan G., Yameogo N.D. Remittances to low- and middle-income countries on track to reach $551 billion in 2019 and $597 billion by 2021, 19 Oct 2019 // World bank globs. URL: [Electronic resource] https://blogs.worldbank.org/peoplemove/data-release-remittances-low-and-middle-income-countries-track-reach-551-billion-2019 (accessed 28.06.2020).

10. Ajaero C. K., Nzeadibe C. T., Obisie-Nmehielle N., Ike C. C. the relationship between international migration, remittances and household welfare in Nigeria // Migration and development, 2018, No. 7, Pp. 40–54.

УДК 314.7

Д. Н. Бухаров

ГРАФОВАЯ МОДЕЛЬ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НАСЕЛЕНИЯ[1]

Предложена модель миграционных потоков населения в графоаналитическом приближении. Моделируемая система представляется как случайный взвешенный ориентированный граф, где вершины играют роль регионов-источников и регионов — приемников мигрантов, а дуги описывают миграционные потоки и их направления. Вершины графа распределяются в расчетной области случайным образом, а также обладают случайным количеством ребер, причем изолированные вершины и петли отсутствуют (внутренняя миграция не рассматривается). Веса играют роль сил пропорциональных миграционному притяжению, нормируются и вычисляются в соответствии с гравитационной моделью. Модель реализована в относительных единицах в среде MATLAB с использованием специализированного инструментария GraphToolbox. По предложенной модели приведены оценки миграционных потоков как кратчайшее расстояние с минимальным весом по алгоритму Беллмана — Форда для заданных параметров. Разработанная модель может быть использована для оценки миграционных потоков между регионами, а также изменения их численности населения в первом приближении.

Ключевые слова: миграционные потоки, моделирование, ориентированный взвешенный граф, гравитационная модель, MATLAB, алгоритм Беллмана — Форда

Сегодня во время перехода страны и ее регионов на инновационные рельсы развития оценка и управление миграционными процессами становятся важными задачами социально-экономического развития как на федеральном, так и на региональном уровне [8]. В связи с этим миграция населения при кажущейся простоте ее механизма до сих пор является предметом пристального изучения [3, 7, 12]. Одним из удобных методов исследования такого рода процессов является использование возможностей математического и компьютерного моделирования [4, 8, 10].

Поскольку процессы миграции индивидов между регионами, по сути, образуют направленную сеть, считается, что теория графов может быть применена для наглядного и количественного отображения процессов такого характера [1, 11].

Для анализа процессов миграции используем модель в виде случайного (вероятностного) взвешенного ориентированного графа G (M, V, W) без дуг-«петель» (учитывается только миграция между регионами, то есть, внутренняя миграция в регионе из модели исключается) [5]. В данном графе множество вершин $M = \{m_1, m_2, m_3, \ldots, m_n\}$ — это регионы, а каждая дуга из $A = \{A_1, A_2, A_3, \ldots, A_m\}$ — возможный миграционный поток между парой сотрудников, причем каждая вершина может иметь несколько входящих

[1] © Бухаров Д. Н. Текст. 2020.

и исходящих дуг, что соответствует случаю, когда миграция происходит в несколько регионов, множество $W = \{w_1, w_2, w_3, \ldots, w_m\}$ — веса, где элемент w_{ij} описывает характеристики потока между i и j регионами. Вес вычисляется в соответствии с базовой гравитационной моделью миграции:

$$w_{ij} = G \times p_i \times p_j / d_{ij}^2,$$

где w_{ij} сила миграционного притяжения между регионами i и j; $p_i \times p_j$ — численность населения в регионах i и j соответственно; d_{ij} — расстояние между этими регионами; G — определенная статистическим путем постоянной «гравитации» [13].

Тогда измерение численности населения можно оценить вычитая из текущего значения суммы величины $\Delta p_i^+ \Delta p_i$ по всем ребрам графа, где $\Delta p_i^+ = p_i + w_{ij}$ — в случае притока мигрантов и $\Delta p_i^- = p_i - w_{ij}$ — в случае оттока населения.

На основе матрицы связности [5] оценивались значения показателей степени (количество ребер, принадлежащих вершине), полувалентности исхода (количество ребер, для которых текущая вершина — конец) и захода (количество ребер, для которых текущая вершина — начало) для вершины графа. Эти показатели позволяли выявлять регионы, популярные для иммигрантов, с максимальным значением полувалентности захода, для эмигрантов — с максимальным значением полувалентности исхода, в общем для мигрантов — с максимальной степенью.

Для оценки миграционных потоков вычисляется кратчайшее расстояние с минимальным весом между интересующими вершинами-регионами с использованием метода Беллмана — Форда [6]. Таким образом, можно оценить минимальный поток миграции. С другой стороны, задав величины, обратные весам, можно оценить максимальный поток миграции между указанными регионами. Так же, оценив степени вершин сгенерированного графа, можно определить регионы с наибольшей степенью оттока или притока мигрантов.

Предложенная выше модель была реализована в системе MATLAB с применением специализированных инструментов работы с графами (Graph Toolbox). Взвешенный ориентированный граф генерировался с помощью функции *digraph* с указанием количества его вершин. Расположение вершин графа в расчетной области генерировалось с использованием встроенного в MATLAB генератора целых случайных чисел с равномерным распределением — *randi*() [2], которые соединялись друг с другом случайным числом ребер. Веса, описывающие относительные силы миграционного притяжения, задавались в соответствии с гравитационной моделью, где G равнялось числу вершин, $p_i = 10 + randi(100)$; $d_i = 100 + randi(1000)$, где *randi*(10) и *randi*(1000) — случайные целые числа из первой десятки и тысячи.

На рисунке приведено изображение для 10 регионов, между которыми происходит взаимная миграция. На рисунке отмечен кратчайший

миграционный поток между наиболее удаленными друг от друга в расчетной области регионами (5 и 1). В него входят регионы 7 и 4, а относительная сила притяжения составляет величину $d = 14{,}0308$. Также выделен кратчайший миграционный поток между регионом с наиболее активной миграцией (1 — с максимальным количеством ребер) и самым уделенным (6). В него входят регионы 8, 10, 3 и $d = 18{,}4418$. Оценка степеней и полувалентностей вершин позволили выделить регион, наиболее популярный для миграции. Им оказался регион 1 со степенью 6, причем он популярен среди иммигрантов (полувалентность захода 5), а эмиграция из него имеет слабый поток — полувалентность исхода 1.

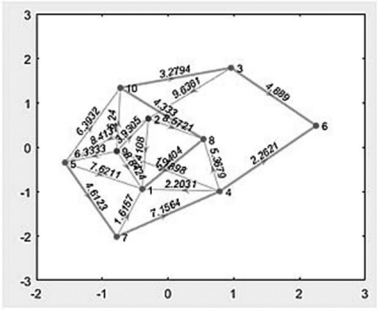


Рис. *Графовая модель миграции между 10 регионами: поток миграции между наиболее удаленными регионами — ломаная 5–6, поток миграции между наиболее популярным для миграции регионом 1 и наиболее удаленным 6 — ломаная 1–6*

Таким образом, переходя от относительных единиц к абсолютным, становится возможно оценить потоки миграции (иммиграции и эмиграции) для регионов, а также рассчитать изменение численности населения. В связи с этим предложенная модель может быть полезна для оценки миграции населения и классификации регионов по величине миграционных потоков в первом приближении.

Список источников

1. Анализ влияния стран в сети международной миграции / Алескеров Ф. Т., Мещерякова Н. Г., Резяпова А. Н., Швыдун С. В. // Политическая наука. 2016. № 4. С. 137–158.

2. Ануфриев И. Е., Смирнов А. Б., Смирнова Е. Н. MATLAB 7. СПб. : БХВ-Петербург, 2005. 1104 с.

3. Волох В. А. Новая Россия. Политика и управление миграционными процессами. Самара : Бахрах-М, 2015. 192 с.

4. Дмитриев М. Г., Юдина Т. Н. Миграционные процессы. Модели анализа и прогнозирования // Труды ИСА РАН. 2017. Т. 67, № 2. С. 3–14.

5. Домнин Л. Н. Элементы теории графов: учебное пособие. Пенза : ПГУ, 2007. 144 с.

6. Иглин С. П. Математические расчеты на базе MATLAB. СПб. : БХВ-Петербург, 2005. 634 с.

7. Ионцев В. А., Ивахнюк И. В. Изучение миграции населения // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 3–4 (121–122). С. 72–80.

8. Лукина А. А., Прасолов А. В. Анализ и математическое моделирование международной трудовой миграции // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 146–156.

9. Огородников П. И., Макарова Н. А. Моделирование миграционных потоков в регионе // Экономика региона. 2013. № 2. С. 168–176.

10. Уразаева Л. Ю., Манюкова Н. В., Мамедли Р. Э. Математическое моделирование миграционных процессов // Математические структуры и моделирование. 2019. № 4(52). С. 83–92.

11. Charyyev B., Gunes M. H. Complex network of United States migration // Computational Social Network. 2019. No 6. P. 1.

12. Khavinson M. Yu., Kulakov M. P., Mishchuk S. N. Prediction of Foreign Labor Migration Dynamics at the Regional Level // Studies on Russian Economic Development. 2013. Vol. 24, № 2. P. 170–178.

13. Khavinson M. Y., Kulakov M. P. Gravity model of population dynamics // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Mathematical Modelling, Programming & Computer Software (Bulletin SUSU MMCS). 2017. Vol. 10, № 3. P. 80–93.

Информация об авторе

Бухаров Дмитрий Николаевич (Россия, г. Владимир) — старший преподаватель, Владимирский государственный университет (600000, г. Владимир, ул. Горького, 87, buharovdn@gmail.com).

D. N. Bukharov

Graph Model of Migration Population Flows

A model of migration flows of the population in the graphoanalytic approximation is proposed. The simulated system is presented as a random weighted oriented graph, where the vertices play the role of regions of the sources and receivers of migrants, and the arcs describe the migration flows and their directions. The vertices of the graph are distributed randomly in the computational domain, and they also have a random number of edges, and there are no isolated vertices and loops (internal migration is not considered). Weights play forces proportional to migratory attraction, normalized and calculated in accordance with the gravitational model. The model is implemented in relative units in the MATLAB environment using specialized GraphToolbox tools. According to the proposed model, estimates of migration flows as the shortest distance with minimum weight according to the Bellman-Ford algorithm for given parameters are given. The developed model can be used to assess migration flows between regions, as well as changes in their population in a first approximation.

Keywords: migration flows, modeling, oriented weighted graph, gravity model, MATLAB, Bellman-Ford algorithm

Author

Bukharov Dmitry Nikolaevich (Russia, Vladimir) — Senior Lecturer, Vladimir State University (600000, Vladimir, 87 Gorky St., buharovdn@gmail.com).

References

1. Aleskerov F. T., Meshcheryakova N. G., Rezyapova A. N., Shvydun S. V. Analysis of the influence of countries in the network of international migration // Political Science. 2016. No. 4. C. 137–158.

2. Anufriev I. E., Smirnov A. B., Smirnova E. N. MATLAB 7. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2005. 1104 p.

3. Volokh V. A. New Russia: politics and management of migration processes: a monograph. Samara: Bahrakh-M, 2015.192 p.

4. Dmitriev M. G., Yudina T.N. Migration processes: models of analysis and forecasting // Transactions of ISA RAS. 2017.Vol. 67. No. 2. P. 3–14.

5. Domnin L. N. Elements of graph theory: Textbook. Penza: PSU, 2007.144 s.

6. Iglin S. P. Mathematical calculations based on MATLAB. St. Petersburg. : BHV-Petersburg, 2005.634 p.

7. Iontsev V. A., Ivakhnyuk I. V. Study of population migration // Living standards of the population of the regions of Russia. 2008. No. 3–4 (121–122). S. 72–80.

8. Lukina A. A., Prasolov A. V. Analysis and mathematical modeling of international labor migration // Management Consulting. 2015. No. 10. P. 146–156.

9. Ogorodnikov P. I., Makarova N. A. Modeling of migration flows in the region /// Economy of the region. 2013. No. 2. P. 168–176.

10. Urazaeva L. Yu., Manyukova N. V., Mamedli R. E. Mathematical modeling of migration processes // Mathematical structures and modeling. 2019.No. 4 (52). S. 83–92.

11. Charyyev B., Gunes M. H. Complex network of United States migration. Comput Soc Netw. 2019.6.1.

12. Khavinson M. Yu., Kulakov M. P., Mishchuk S. N. Prediction of Foreign Labor Migration Dynamics at the Regional Level // Studies on Russian Economic Development. 2013. Vol. 24, No. 2. P. 170–178.

13. Khavinson M. Y., Kulakov M. P. Gravity model of population dynamics // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Mathematical Modeling, Programming & Computer Software (Bulletin SUSU MMCS). 2017. Vol. 10. No. 3, pp. 80–93.

УДК 314.7

Ю. В. Дмитриева

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ[1]

В статье определяется возможность применения новых технологий в миграционном управлении («миграционный менеджмент»), позволяющая получить наибольший эффект от трудозатрат при использовании новых инструментов в управлении процессом. Показано, что оптимизация и преобразование потока данных в управлении позволяют отказаться от малоэффективных и устаревших инструментов исследования, что создаст условия для облегчения работы в системе управления и повлияет на эффективность работы системы в целом. Обоснованы возможности применения новых технологий в процессе управления миграционными процессами с использованием алгоритмов исследования данных и извлечения из них информации для предсказания будущих тенденций. Доказано, что применение новых технологий в анализе данных о миграции населения будет способствовать ускорению и повышению точности научных исследований в области миграции населения с использованием информации и связи как внутри научной области, так и между областями знаний.

Ключевые слова: миграционное управление, искусственный интеллект, большие данные, машинное обучение

Управление миграционными процессами решает насущные проблемы, возникающие в процессе управления. Однако эффективное управление любым процессом — это управление, направленное на поиск новых возможностей. Если мы направим поиск новых возможностей в миграционном управлении (назовем это миграционным менеджментом), то скорее всего получим и наибольший эффект от наших трудозатрат, так как приобретем новые инструменты управления процессом. Оптимизация всех ресурсов в управлении позволит отказаться от малоэффективных и устаревших инструментов и механизмов управления и создать условия для облегчения работы в системе управления, что повлияет на эффективность работы системы в целом.

Далее на первое место в эффективной системе управления любым процессом выходит маркетинг — управленческий процесс, который выявляет, предвидит и удовлетворяет требования потребителя (в данном случае государства) при соблюдении принципов эффективности и прибыльности (в данном случае от воспроизводственных процессов). Безусловно, любой процесс, в первую очередь, управление требует постоянного совершенствования и использования знаний. Кроме того, необходимо следить за тем, чтобы происходящие события в системе управления не определяли,

[1] © Дмитриева Ю. В. Текст. 2020.

что делать, что решить, что отложить, что принять, — нужно предупреждать события и быть к ним готовым.

Прогнозирование миграционных процессов, предупреждение негативных событий и явлений возможны и необходимы. Эффективность данного инструмента во многом будет зависеть от того, насколько руководству организации удастся систематизировать данные о процессе и преобразовать в инструмент, который способен сделать управление интеллектуально грамотным, качественным и, что самое важное, повысить скорость принятия решений. Миграционные процессы — это процессы, в которых изменения наступают быстро в зависимости от социально-экономической и политической обстановки в обществе, а управленческие решения вырабатываются годами. Поэтому применение новых технологий, а именно — современных программ и методов обработки данных, в процессе миграционного управления необходимо.

В настоящее время для аналитического процесса используются программы статистической обработки данных, а именно SPSS для Windows. Этот программный продукт предназначен для всех этапов аналитического процесса — планирования, сбора данных, доступа к данным и управления данными, анализа, создания отчетов и распространения результатов. SPSS позволяет проводить частотный анализ, корреляционный анализ, дисперсионный анализ, кластерный анализ, факторный анализ, а также регрессионный анализ данных. Казалось бы, совершенный продукт, лучшее программное обеспечение, позволяющее решить исследовательские задачи, используя статистические методы.

Однако стремительное развитие технологий и постоянно увеличивающийся объем данных, которые необходимо анализировать, стали причиной радикальных изменений, хотя порой мы просто их не замечаем. Именно благодаря новым технологиям поисковая машина понимает, какие результаты показывать в ответ на ваш запрос в интернете. Ваша электронная почта очищена от спама с помощью самообучающихся алгоритмов.

Термин «большие данные» получает все большее распространение и уже обозначает новую прикладную область, которая формируется при поиске способов быстрого анализа огромных объемов информации. Самым распространенным и перспективным подходом к анализу больших данных считается машинное обучение. Использование машинного обучения, на наш взгляд, способно кардинально изменить систему подходов к анализу данных. Статистические методы исследования предназначены для того, чтобы доказать связь между переменными или делать выводы из существующих данных. Тогда как машинное обучение позволяет составить максимально точный прогноз события, явления, процесса и т. п., используя огромные объемы разнородной информации. Еще одно существенное различие: статистический анализ данных использует описательный, исследовательский, прогнозирующий и причинный аспекты анализа,

а машинное обучение фокусируется только на интеллектуальном моделировании. Другими словами, компьютер сможет найти в массивах данных изначально неизвестные взаимосвязи и закономерности. Статистические модели — это вероятностные модели, любой анализ начинается с предположения. Машинное обучение не привязано к вероятности и может использовать другие подходы к решению проблемы.

Другими словами, машинное обучение — это процесс, который обучает искусственный интеллект принимать правильные решения, то есть компьютер должен не просто использовать составленный алгоритм, а сам обучаться решению поставленной задачи. Машинное обучение состоит из данных, признаков и алгоритмов. Безусловно, данные — это самое важное в машинном обучении, каким бы не был используемый алгоритм, если данные некачественные, то и результат будет соответствующим. Здесь следует отметить, что с помощью машинного обучения мы можем анализировать изображения. Раньше это не мог сделать ни один компьютер. Сейчас компьютер может видеть и читать одновременно.

В настоящее время актуальной темой машинного обучения должна стать тема прогнозирования в области демографических явлений, миграционных процессов, что, безусловно, будет являться эффективным и качественным инструментом управления. Например, у нас есть данные о 100 тыс. мигрантов в Москве, причем нам известны их возрастная, половая структура, национальный состав, причины нахождения на территории России, частота переездов с места на место, места выхода и входа мигрантов и др. Кроме того, у нас есть данные о количестве мигрантов. Нашей задачей будет построить модель, которая на основе данных признаков будет предсказывать количество и мигрантов в будущем. Это пример решения задачи с «учителем», где есть данные по населению (возраст, пол, национальность и т. п.) и отклики (количество мигрантов). Мы сможем предвидеть рост или снижение миграционного потока заранее, что позволит принимать грамотные и взвешенные решения задолго до грядущих событий, другими словами, мы будем способны их предотвратить или сделать так, чтобы они приносили государственный эффект. Это задача машинного обучения решается с помощью «учителя» и называется регрессией. Можно привести и другие примеры: на основании показателей уровня образования мигрантов можно определить, какие качественные характеристики будут преобладать в том или ином миграционном потоке.

В целом, задачи машинного обучения можно разделить на два вида: это задачи обучения с «учителем» и задачи обучения «без учителя». Задачи, которые мы решаем с «учителем» (см. пример выше) — это когда у нас есть данные, на основании которых мы будем делать прогноз, и есть некоторые гипотезы. Задачи, решаемые «без учителя», оснащены только данными, свойства которых мы и должны узнать.

Необходимо отметить, что самое сложное в данной области — это собрать всю информацию в единое целое. С каждым днем объем информации

растет, и самый легкий способ раскрыть тему исследования полностью — это выбрать узкую область специализации, чтобы не потеряться в информационном потоке данных. Именно здесь на помощь приходит машинное обучение, которое способно обработать литературу в поисках нужной информации, а также найти связь между областями и внутри них.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в управлении миграционными процессами позволит решать комплекс миграционных проблем России более эффективно и результативно, корректно выделяя приоритеты и формулируя текущие задачи, учитывая национальные, прежде всего, геополитические интересы страны в целом.

Список источников

1. Айвазян С. А., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика. Основы моделирования и первичная обработка данных. М.: Финансы и статистика, 1983.

2. Воронцов К. В. Математические методы обучение по прецедентам. М. : МФТИ, 2006.

3. Mitchell T. Machine Learning // McGraw-Hill Science Engineering. 1997. Math.

Информация об авторе

Дмитриева Юлия Викторовна (Российская Федерация, г. Москва) — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории проблем воспроизводства населения, ФГБУН Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32) e-mail: julia9770@mail.ru.

Yu. V. Dmitrieva

Big Data Analysis in the Management of Migration Processes

The article defines the possibility of using new technologies in migration management («migration management»), which will allow to obtain the greatest effect from labor costs, when using new tools in process management. It is shown that the optimization and transformation of the data flow in management will make it possible to abandon inefficient and outdated research tools and to create conditions for easier work in the management system and affect the efficiency of the system as a whole. The possibilities of applying new technologies in the process of migration management are based on using algorithms to study data and extract meaningful information from them to predict future trends. It is proved that the application of new technologies in the analysis of migration data will contribute to the acceleration and high accuracy of scientific research in the field of population migration, using information and links both within the scientific field and between areas of knowledge.

Keywords: migration management, artificial intelligence, big data, machine learning

Author

Dmitrieva Yulia (Russian Federation) — Moscow, PhD (Economics), FSBIS Institute of social and economic studies of population RAS ((117218, Russian Federation, Moscow, Nahimovskiy prospekt 32) e-mail: julia9770@mail.ru.

References

1. Ayvazyan S. A., Enyukov I. S., Meshalkin L. D. Applied statistics: the basics of modeling and primary data processing. M.: Finance and Statistics, 1983.

2. Vorontsov K. V. Mathematical teaching methods on precedents. MIPT. 2006.

3. Mitchell T. Machine Learning. — McGraw-Hill Science/Engineering/Math, 1997.

УДК 316.444

Н. С. Киселева

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ ОТДАЛЕННЫХ РАЙОНОВ Г. ПЕРМИ[1]

Статья посвящена рассмотрению соотношения образовательных планов и их реального воплощения учащимися выпускных классов школ г. Перми. Установлено, что большая часть школьников планирует получать высшее образование за пределами своего региона, но эти планы по большей части не реализуются. Причины нереализации планов могут заключаться в неравенстве возможностей поступления в вуз на основе результатов ЕГЭ.

Ключевые слова: образовательная миграция, выпускники школ, выбор города, образовательные планы, молодежь

При актуализации вопроса получения высшего образования учащиеся старших классов, как правило, заранее продумывают образовательные планы: выбор направлений, вузов и предполагаемых городов для дальнейшего обучения. Это важные решения, которые определяют дальнейшую образовательную траекторию выпускников. В частности, перед учащимися стоит задача выбора предметов для сдачи ЕГЭ, который дает свободу в выборе места получения образования. Введение ЕГЭ способствует росту интенсивности образовательной миграции, так как благодаря данной возможности выпускники 11-х классов выстраивают образовательные маршруты за пределы родного города.

Проблема заключается в том, что планируют покинуть свой регион в целях получения образования больше молодых людей, чем в действительности могут это осуществить. Причины, по которым планы молодых людей не реализуются, могут заключаться в неравенстве возможностей поступления в вуз на основе результатов ЕГЭ для абитуриентов из различных категорий, поскольку по-прежнему существует необходимость во временных и материальных инвестициях в процессе подготовки для абитуриентов с низкими социальными показателями, и выбор вуза для данной категории по-прежнему является ограниченным [3, с. 368]. При формально равных правах на выбор образовательной траектории их фактическая реализация зависит от уровня подготовленности учащегося, так как индивиды, совершающие инвестиции в дополнительную подготовку, получают более высокие шансы поступить в высокоселективный вуз [2]. Так, подготовленность зависит не только от индивидуальных способностей и прилежания учащегося, но и от степени развития образовательной сети. Если посмотреть на рейтинг школ, можно увидеть, что «сильные» школы (по количеству выпускников, поступивших в ведущие вузы России) концентрируются в центральных районах города: школа № 146 с углубленным изучением математики, физики, информатики;

[1] Киселева Н. С. Текст. 2020.

гимназия № 17, лицей № 2, школа № 9 им. А.С. Пушкина с углубленным изучением предметов физико-математического цикла, лицей № 1[1]. Таким образом, жители периферийных районов находятся в заведомо проигрышном положении.

Здесь можно говорить о том, что механизм отбора работает эффективно: «качественное» образование получают лучшие абитуриенты. В этом смысле ЕГЭ, с одной стороны, расширил возможности выбора вуза, с другой стороны, требует от индивида быть конкурентоспособным при выходе на образовательный рынок. Конкуренция за талантливую молодежь становится существенным фактором развития регионов ввиду постоянно повышающейся конкуренции как среди молодых людей, так и среди вузов регионов, стремящихся привлечь «лучших» абитуриентов. В связи с этим изучение образовательных траекторий в связке «планы — реализация» способно показать, как работает механизм селекции.

Цель данной статьи заключается в анализе миграционных намерений и их реализации выпускниками общеобразовательных организаций школ отдаленного района города Перми в условиях высокой конкуренции как среди выпускников (по баллам ЕГЭ и, соответственно, количеству поступивших в лучшие вузы), так и среди вузов регионов. На первом этапе в ходе авторского социологического исследования (25 апреля — 8 мая 2019 г.) было опрошено 88 учащихся 11-х классов. Исследование было проведено методом сплошного анкетирования в школах Орджоникидзевского района г. Перми. Выборка формировалась на основании доступности на момент проведения исследования. В опросе приняли участие те, кто находился в момент опроса в школе. Результаты исследования обладают лишь внутренней валидностью, возможности их обобщения для отдаленных от центра города районов ограниченны. Стоит отметить, что по результатам деятельности общеобразовательных школ за 2017/2018 учебный год в рейтинге качества образования среди всех школ г. Перми занимают позиции ниже 40-й[2].

На втором этапе для сравнения миграционных планов и реализации намерений нами были запрошены данные из школ о том, куда действительно поступили их выпускники. Такое сопоставление дает возможность узнать о реальном распределении учащихся в вузах городов, а также проверить искренность ответов респондентов. Ограничение анализа заключается, во-первых, в том, что опрос был анонимный. Поэтому сопоставлялись обобщенные данные и, соответственно, мы не можем говорить о реализации планов конкретного индивида. Во-вторых, отсутствует информация о планах выбора дальнейшего места обучения учащимися, которые не были опрошены (табл. 1).

[1] Рейтинг школ Пермского края. URL: https://raex-rr.com/education/schools/volga_schools/rating_of_schools_of_Perm_territory#table (дата обращения: 03.03.2020).

[2] Результаты деятельности общеобразовательных школ за 2017–2018 учебный год. URL: https://permedu.ru/Pages/Analytics/SchoolRating2018.aspx (дата обращения: 19.11.2019).

Таблица 1

Планируемые вузы городов для подачи документов выпускниками 11-х классов, чел.

Школа	Вариант ответа на вопрос «Скажите, пожалуйста, в вузы каких городов Вы планируете подавать документы?»				Итого:
	только в вузы другого города	только вузы г. Пермь	и в вузы другого города, и в вузы г. Пермь	затрудняюсь ответить	
№ 101	3	6	7	2	18
№ 37	2	12	14	3	31
Гимназия № 3	5	12	22	0	39
Итого:	10	30	43	5	88

В ходе анализа данных мы выяснили, что основная часть респондентов (почти две трети) рассматривают возможность получения высшего образования за пределами своего региона: каждый десятый опрошенный школьник ограничивает свой выбор иногородними вузами, каждый второй — планирует учиться либо в Перми, либо в другом городе. Ограничение выбора только пермскими образовательными организациями характерно для трети опрошенных.

Основными «точками притяжения» пермских выпускников являются столичные города (Москва, Санкт-Петербург), а также соседние регионы, опережающие Пермь по уровню социально-экономического развития (Екатеринбург, Казань) (рис.). Часть школьников в своих ответах указали, что планируют получить высшее образование за рубежом, называя такие страны, как Словения, Латвия, Китай.

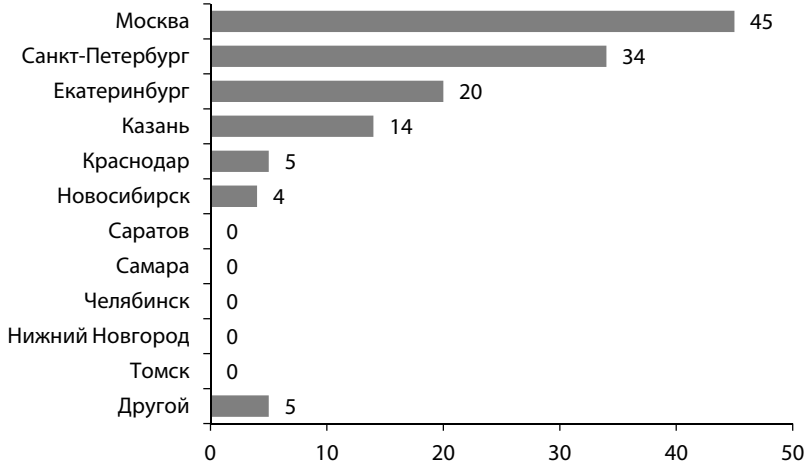


Рис. *Планируемые города для подачи документов в вузы, чел., от намеренных продолжать обучение в других городах*

Таблица 2

Реальная реализация планов выпускников 11-х классов среди поступивших на программы обучения высшего образования (чел.)

Школа	Вариант реализации планов выпускников 11-х классов			Итого
	вузы другого города/ страны	вузы г. Пермь	вне высшего образования	
№ 101	5	20	6	31
№ 37	4	20	7	31
Гимназия № 3	12	46	3	61
Итого:	21	86	16	123

Основными причинами возможного отъезда являются более широкие возможности, которые открываются молодым людям в других городах и регионах с точки зрения как условий для реализации образовательных потребностей (вариант «более качественное обучение»), так и дальнейшей жизни в этих территориях («можно лучше устроиться», «более высокий уровень развития», «выше шансы трудоустройства» и т. п.). Таким образом, наше исследование подтверждает полученные ранее выводы об основных мотивах образовательной миграции. Это возможность решить сразу две задачи: получить образование и в дальнейшем найти работу в этом же регионе [1, с. 196].

Половина опрошенных сообщили, что в случае поступления в университет другого города возвращаться в Пермь не собираются. Этот факт подтверждает известный тезис, что образовательная миграция создает риски для человеческого потенциала регионов-доноров.

Результаты опроса показывают, что, несмотря на декларацию отъезда из Перми с целью получения высшего образования лишь ограниченное число школьников (18 чел.) предпринимают конкретные усилия для реализации своих планов: участвуют в олимпиадах, конференциях для школьников на базе выбранного вуза, в днях открытых дверей, подыскивают варианты места жительства в выбранном регионе (табл. 2).

Полученные данные о реальном поступлении выпускников школ позволяют сделать вывод, что категория не определившихся с выбором города учащихся (и вузы другого города, и вузы г. Пермь) в большинстве перешла в категорию «только вузы г. Перми». Так, по реальным данным, в вузы другого города поступил 21 абитуриент, в вузы г. Пермь — 86. Ввиду того, что в опросе принимали участие учащиеся, находившиеся в школе, по полученным данным, в момент опроса отсутствовали 35 чел. По данным о реализации планов учащимися, сообщившими о намерении поступления в вузы других регионов (в том числе и вузы другого города, и вузы г. Перми), реальным местом для получения высшего образования в другом городе стали следующие города: Санкт-Петербург (6), Екатеринбург (5), Москва (4), Казань (2), Новосибирск (1) и страны Армения (1), Чехия (1), Словения (1).

При анализе полученных данных о планируемом выборе другого города для подачи документов и реальном поступлении абитуриентов мы сталкиваемся с тем, что, во-первых, в период планирования своих образовательных траекторий выпускники меньше ориентируются на город Пермь, а больше — на другие города. Во-вторых, молодые люди планируют поступать в другие крупные города, однако в действительности поступают в вузы г. Перми: только 1/6 выпускников школ действительно уезжает получать образование в другом городе или стране. Мы можем предположить, что учащиеся рассматривают Пермь в качестве запасного варианта, на случай, если не удастся реализовать поступление в вузы других городов.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, при которой выпускники школ рассматривают и другие города, и город Пермь для поступления в высшие учебные заведения, но пополняют преимущественно пермские вузы. Это говорит о противоречии между желанием уехать в другой город и трудностью реализации данного выбора. Трудность реализации миграционных намерений заключается в постоянно повышающейся конкуренции между абитуриентами и, соответственно, ограничении доступа к качественному высшему образованию по причине заинтересованности вузов в том, чтобы по результатам ЕГЭ к ним поступали «лучшие» выпускники. Абитуриенты, получившие высокие баллы ЕГЭ, поступают в наиболее селективные вузы (ЕГЭ справляется с функцией фильтрации абитуриентов). При этом на итоговый выбор вуза влияют факторы, напрямую не связанные со способностями учащегося. Например, характеристики семьи, уровень школы, подготовка к поступлению. Так, выпускники школ с углубленным изучением предметов оказываются в более селективных вузах по сравнению с выпускниками обычных общеобразовательных школ. В условиях массового высшего образования вузы с высокой степенью конкуренции за бюджетные места, которые, как правило, предлагают образовательные программы высокого качества, могут быть по-прежнему доступны не для всех [2].

Список источников

1. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России. Комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. Т. 13, № 3. С. 169–203.

2. Прахов И. А. Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ. Семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 88–117.

3. Прахов И. А. Анализ формирования ожидания абитуриентов относительно результатов ЕГЭ // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 2 / Под ред. Е. Г. Ясина. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 361–372.

4. Самофалова Е. И. Образовательная миграция. Проблемное поле и основные характеристики. URL: https://clck.ru/Kqrja (дата обращения: 09.12.2019).

Информация об авторе

Киселева Надежда Сергеевна (Россия, Пермь) — магистрант, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15), e-mail: kiseleva.nadyaa@gmail.com.

Kiseleva N. S.

Educational Intentions of School Graduates from Remote Areas of Perm

The article is devoted to the correlation between plans for higher education and their implementation by the school-leavers of the city of Perm. It has been found out that most of the students plan to get higher education outside Perm region, but these plans are rarely implemented. The reason may be that there are unequal opportunities for university admission based on the results of the Unified State Exam.

Keywords: educational migration, school graduates, city selection, educational plans, young people

Author

Kiseleva Nadezhda Sergeevna (Russia, Perm) — Master's Degree Student, Perm State University (614990, Perm, Bukireva St., 15), kiseleva.nadyaa@gmail.com.

References

1. Kashnitsky I. S., Mkrtchyan N. V., Leshukov O. V. Interregional migration of youth in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics / I.S. Kashnitsky, N.V. Mkrtchyan, O. V. Leshukov // Education Issues. 2016. T. 13. No. 3. P. 169–203.

2. Prakhov I. A. Barriers to access to high-quality higher education in the context of the USE: family and school as constraining factors // Education Issues. 2015. No. 1. S.88–117.

3. Prakhov I. A. Analysis of the formation of applicants' expectations regarding the results of the exam. XII International Scientific Conference on the Development of Economy and Society. Book 2. Edited by: EG Yasin Kn. 2.M .: Publishing house of the National Research University Higher School of Economics, 2012.S. 361–372.

4. Samofalova E. I. Educational migration: problem field and main characteristics. URL: https://clck.ru/Kqrja (date of access: 09.12.2019).

УДК: 314.724

Е. А. Надеина

ВЛИЯНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ТРЕНД ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОНОГОРОДА[1]

В статье обосновано, что одним из вариантов решения проблемы усиления тренда образовательной миграции молодого населения небольшого моногорода выступает совершенствование системы менеджмента его базового предприятия путем внедрения концепции управления талантами. Доказательственную базу данного обоснования составили выводы, полученные в ходе опросов учеников одиннадцатых классов школ, студентов техникумов и вузов г. Нижний Тагил. В качестве конкретных рекомендаций по снижению миграционного оттока молодежи определены следующие положения: концепция управления талантами на промышленном предприятии имеет не только корпоративную, но и территориальную результативность в решении социально-демографических проблем города, необходимо минимизировать не столько трудовую, сколько образовательную миграцию молодого населения, поскольку она имеет трансформационный характер и устойчивую форму проявления, программы управления талантами должны быть адаптированы к условиям функционирования узкоспециализированных городов.

Ключевые слова: образовательная миграция, менеджмент, промышленное предприятие, моногород, управление талантами

В данной статье речь пойдет о промышленных предприятиях моногородов, деятельность которых оказывает существенное влияние на социально-экономическое положение территории их локализации и качество жизни ее населения. Среди актуальных проблем таких городов в силу их узкой специализации одна из актуальных проблем — подверженность кризисным экономическим ситуациям и отток молодого населения трудоспособного возраста, который вызван как притягательными чертами столичных городов, так и наличием выталкивающих факторов, связанных с неблагоприятной экономической ситуацией предприятия, спровоцированной низкой конкурентоспособностью продукции, износом оборудования, высокими издержками производства, а также отсутствием возможности развития и повышения своих профессиональных компетенций. В свою очередь, отрицательная трудовая миграция молодежи обусловливает нехватку квалифицированных специалистов, тормозящую выход экономики моногородов на уровень устойчивого развития и самостоятельного решения проблем на местах. Поэтому решать эту проблему нужно в срочном порядке, не преуменьшая роль самих промышленных предприятий.

Моногорода теряют в основном молодежь в возрасте от 16 до 35 лет, жизненные планы которой жизненные связаны с учебой и работой.

[1] © Надеина Е. А. Текст. 2020.

Таблица

Доля выпускников нижнетагильских школ, выбирающих учебу в вузах, %

Год	Доля выпускников нижнетагильских школ, выбирающих учебу в вузах по вузам, %			
	Нижнетагильский технологический институт (филиал УрФУ)	Нижнетагильский социально-педагогический институт	другие филиалы вузов в г. Нижний Тагил	иногородние вузы
2012	26	25	25	24
2013	13	12	12	63
2014	14	8	9	69
2015	12	12	9	68
2016	12	9	5	74

Причинами такой негативной динамики является отсутствие в небольших городах качественного образования и неспособность удовлетворить спрос на нормально оплачиваемую работу. Кроме того, традиционные профессии жителей моногородов России — железнодорожники, металлурги, работники других промышленных предприятий — мало привлекают молодежь. Например, в г. Нижний Тагил это привело к тому, что после окончания 11 класса остаться планируют лишь только 17,3 % респондентов, в то время как 79,8 % респондентов уверены, что они будут жить в более крупном населенном пункте, чем их родной город (всего было опрошено 730 школьников). Такие намерения доказывают снижение доли поступающих в местные вузы, подтверждая, что тенденция утечки молодежи имеет устойчивую форму развития, которая началась с 2013 года (табл.).

Для выявления основных факторов, влияющих на образовательную миграцию молодежи, было опрошено 100 студентов техникумов и 100 студентов вузов. На первом месте респонденты отметили отсутствие перспективных должностей, а также перспектив роста и развития, которые можно получить лишь в крупных городах с диверсифицированной экономикой, обусловливающей возможности трудоустроиться в успешные крупные компании (100 % респондентов) (рис. 1).

Первенство данного фактора также подтверждается общероссийским и международным трендом, связанным с тем, что треть респондентов по миру и 37 % в России выбирают данный критерий в качестве первостепенного преимущества работодателей. Кроме того, 98 % респондентов отмечают, что возможность работы под руководством более опытных коллег и наставников является важным фактором профессионального развития любого начинающего специалиста.

На втором месте опрошенные респонденты отметили низкую заработную плату, которая выше в столичных городах, чем в периферийных (87 % респондентов), и существенно отличается от качества полученного образования в вузах (рис. 1). Третьим фактором студенты зафиксировали недостаточность центров для досуга и отдыха, а также низкий уровень

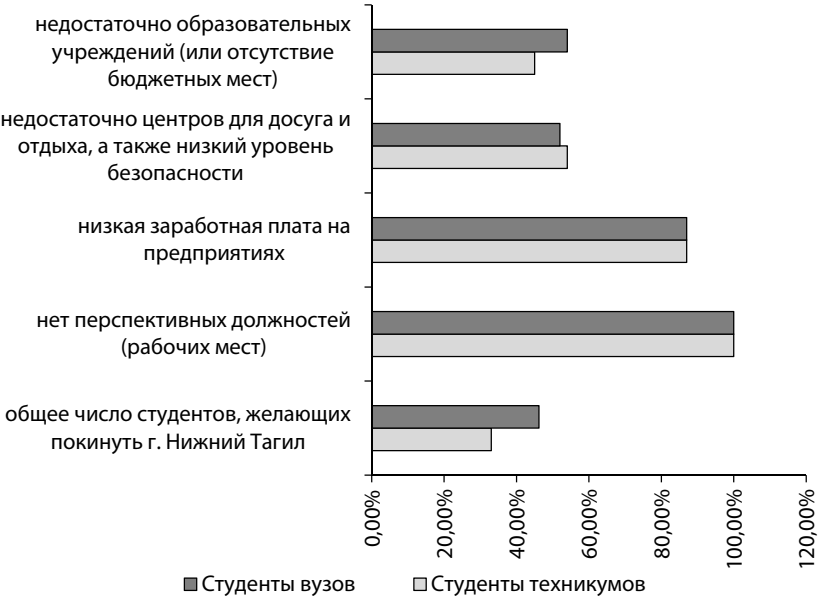


Рис. 1. *Факторы миграции молодого населения из г. Нижний Тагил*

Рис. 2. *Ответы на вопрос «Где мечтаете работать?» (всего опрошено 250 студентов), %*

безопасности, обусловленный социальным напряжением местного общества (53 % респондентов). Поэтому ближайшим городом, притягивающим молодежь, является Екатеринбург, культура общества которого историческими корнями уходит во времена Петра I и связана с формированием

общеуральского горнозаводского центра с выгодным пересечением торговых путей и богатством природных ресурсов, отвечающих за становление горнозаводской промышленности. Немаловажно и расположение в Екатеринбурге 39 высших учебных заведений, многие из которых занимают высокие места в российском рейтинге университетов по качеству образовательных услуг и престижности учебы в них. В свою очередь, это служит основанием для переезда молодежи и поступления в них, и решает проблему г. Нижний Тагил, связанную с недостаточностью образовательных учреждений или отсутствием бюджетных мест.

Таким образом, представленные выше факторы служат основой для формирования образовательного тренда миграции молодежи. Для определения его устойчивости приведем результаты ответов студентов ведущих уральских вузов г. Екатеринбурга на вопрос «*Где мечтаете работать?*» (рис. 2).

Результаты опроса демонстрируют не желание студентов возвращаться обратно домой, а стремление остаться и трудоустроится либо в городе, где учиться (50 % респондентов), либо перебраться в другой город (14 % респондентов), либо мигрировать в другую страну (9 % опрошенных респондентов). Лишь только 5 % опрошенных респондентов хотят вернуться работать в г. Нижний Тагил. Представленные ответы подтверждают устойчивый миграционный тренд молодежи и трансформацию его образовательной формы в трудовую.

Представленные выше факторы, обозначенные как основа образовательной миграции, в итоге выступают первичными факторами трудовой миграции молодежи. Поэтому именно они должны быть минимизированы градообразующими предприятиями, чтобы удержать молодежь трудоспособного возраста в узкоспециализированных городах.

Так, в г. Нижний Тагил основные промышленные предприятия — АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», и АО ЕВРАЗ НТМК — совместно обеспечивают занятость более 20 % населения трудоспособного возраста. Они обладают возможностями осваивать современные технологии, успешно разрабатывать и внедрять в серийное производство новые модели транспорта и спецтехники, осваивать производство широкого спектра гражданской продукции и выпускать эксклюзивную военную продукцию в РФ. Все это говорит о высоком потенциале влияния этих предприятий на миграционные потоки молодежи, разработав сетевую программу сотрудничества «предприятие — вуз — молодежь — предприятие», ориентированную на создание привлекательного пространства для образования, творчества и работы, предприняв ряд управленческих шагов.

Во-первых, управленческий акцент этих промышленных предприятий должен быть сделан на образовании [1]. Для этого нужны специальные программы сотрудничества с ведущими профильными вузами, которые заключаются «в целевой подготовке специалистов». Данные программы также позволят выращивать инженерные кадры предприятий на основе

последовательного формирования квалификаций от простых к более сложным, от овладения рабочей профессией к технику, инженеру, ведущему инженеру. Содержательный контекст этих программ должен предполагать активное участие промышленных предприятий при обучении на производственных площадках с привлечением специалистов с производства, встраивании студентов в корпоративные нормы организации производства и производственных отношений, участии студентов в решении реальных производственных задач. Экономическим результатом здесь станет минимизация затрат на адаптацию молодых специалистов на новых рабочих местах.

Во-вторых, управленческий акцент должен быть сосредоточен на инвестициях в человеческий капитал [2], носителем которого являются не только трудоустроенная молодежь, но и будущие потенциальные кадры — студенты вузов. В первом случае постоянно нужно повышать квалификацию и проводить профессиональную переподготовку сотрудников на базе индивидуального подхода к обучению молодых специалистов на местах в форме наставничества. Во втором случае промышленному предприятию совместно с вузами-партнерами необходимо проводить экскурсии с целью ознакомления молодежи с деятельностью предприятия и поднятия имиджа технического профессионала. Кроме того, интересными будут для учащихся конкурсы инженерных проектов, руководителями которых должны быть как преподаватели вузов, так и технические профессионалы самого предприятия. Кроме того, градообразующее предприятие обладает потенциалом организации летних профильных образовательных смен, объединяющих студентов вузов и молодых специалистов предприятий-партнеров.

В-третьих, управленческий акцент этих предприятий должен коснуться системы мотивации персонала [3, 4], которая должна сочетать материальное и нематериальное стимулирование в сфере повышения профессиональных и новаторских компетенций, что обеспечит привлечение и удержание квалифицированного персонала, повысит заинтересованность трудящейся молодежи в результатах труда. Поэтому материальное стимулирование должно учитывать и быть нацелено на новаторскую активизацию трудоустроенной молодежи. Нематериальное стимулирование должно быть связано с участием предприятия в подготовке и повышении квалификации педагогических кадров, участвующих в реализации программ, представленных выше, а также в создании и развитии материально-технической базы для реализации нового формата дуального образования.

При такой триаде действий будет снижаться миграционный отток молодежи путем реализации современной и адаптированной к условиям хозяйственной практики конкретного города концепции управления талантами в виде сквозной траектории современного инженерно-технического образования. Она должна иметь три ступени влияния на формирование

личности: сначала проявляться в установочных мероприятиях в школах / техникумах, проводимых руководителями промышленных предприятий, затем переходить на обучающую ступень в вузах, организованную совместно с базовым бизнесом территории, а потом сменяться корпоративными «на местах» мероприятиями, направленными на развитие и удержание молодежи на промышленных предприятиях узкоспециализированного города. Только в таком случае концепция «управления талантами» получит не только эндогенную, но и экзогенную социально-экономическую результативность.

Список источников

1. Бухарина А. Ю. Управление талантами. Чему учить сотрудников сегодня, чтобы выжить завтра // Социальная психология и общество. 2017. № 8 (1). С. 144–162.

2. Dries N. The psychology of talent management: a review and research agenda // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23. P. 272–285.

3. Gallardo-Gallardo E., Dries N., González-Cruz T. F. What is the meaning of 'talent' in the world of work? // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23. P. 290–300.

4. Одегов Ю. Г. Управление талантами — реальность современного менеджмента // Вестник Омского университета. 2015. № 1.С. 92–99. (Экономика).

Информация об авторе

Надеина Елена Анатольевна (Россия, Екатеринбург) — аспирант, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, ул. 8-е Марта, 62, e-mail: nadeina_y@inbox.ru).

E. A. Nadeina

Influence of Industrial Management on the Educational Migration Trend of Single-Industry Town

The article substantiates that one of the solutions to the problem of strengthening the trend of educational migration of the young population of a small single-industry town is the improvement of the management system of its base enterprise by introducing the concept of talent management. The evidence base of this justification was made by the findings of the input of surveys of students of the eleventh grades of schools in Nizhny Tagil, students of technical schools and universities of this city. The following provisions have been identified as specific recommendations to reduce the migration outflow of youth: the concept of talent management at an industrial enterprise has not only corporate, but also territorial effectiveness in solving the socio-demographic problems of the city; it is necessary to minimize not so much labor as educational migration of the young population, since it has a transformational character and a stable form of manifestation; talent management programs should be adapted to the functioning of highly specialized cities.

Keywords: educational migration, management, industrial enterprise, single-industry town, talent management

Author

Nadeina Elena Anatolyevna (Russia, Yekaterinburg) — graduate student, Ural State Economic University (Yekaterinburg, 8 Marta street, 62, e-mail: nadeina_y@inbox.ru).

References

1. Bukharina A. Yu. Talent management: what to teach employees today to survive tomorrow // Social Psychology and Society. 2017. Vol. 8 (1). P.144–162.

2. Dries N. The psychology of talent management: a review and research agenda // Human Resource Management Review. 2013 .Vol. 23. P. 272–285.

3. Gallardo-Gallardo E., Dries N., González-Cruz T. F. What is the meaning of 'talent' in the world of work? // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23. P. 290–300.

4. Odegov Yu. G. Talent management — the reality of modern management // Bulletin of the Omsk University. Series: Economics. 2015. Vol.1.P. 92–99.

УДК 314.7 (476)

Ю. Н. Петракова

МИГРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В ПРЕДДВЕРИИ ПАНДЕМИИ[1]

Республика Беларусь на протяжении своего суверенного существования является активным участником глобального миграционного перемещение населения. По официальным статистическим данным, Беларусь выступает реципиентом в миграционном обмене между странами, однако уровень миграционного оборота невысок и не оказывает значительного влияния на демографическое и социально-экономическое развитие страны. Трудовая миграция, по официальным данным, также незначительна с преобладанием импорта рабочей силы.

По экспертным оценкам и официальным данным стран назначения белорусских мигрантов, Беларусь ежегодно теряет население в результате долгосрочной и краткосрочной миграции, поэтому уже сейчас можно констатировать, что пандемия внесет значительные коррективы в направления и масштаб миграции в Республике Беларусь, особенно в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: международная миграция, трудовая миграция, студенческая миграция, пандемия

В силу ряда особенностей миграция в Республике Беларусь всегда рассматривалась как постоянная составляющая политического, экономического и демографического развития общества. В Беларуси, как и в большинстве стран северного полушария, наблюдается естественная убыль населения, соответственно, миграция выступает единственной возможностью восполнения населения, и в первую очередь трудовых ресурсов страны. Несмотря на невысокий уровень экономического развития относительно большинства стран региона, по официальным данным, сальдо миграции в Республике Беларусь всегда оставалось положительным (рис.), а в 2013–2016 гг. даже перекрывало естественную убыль населения. Основной прирост населения происходил за счет граждан стран СНГ, в частности России и Украины. С 2008 г. при обмене населением со странами дальнего зарубежья также наблюдается миграционный прирост.

Однако, по оценочным данным некоторых белорусских исследователей [1–3], в результате недоучета численности выбывших сальдо международной миграции Республики Беларусь всегда оставалось отрицательным, о чем свидетельствует значительное сокращение численности населения по итогам переписей. Так, за счет недоучета мигрантов по результатам переписи 1999 г. население Беларуси на начало 2000 г. составило на 133,9 тыс. чел. меньше ожидаемого, по результатам переписи 2009 г. — на 158,3 тыс. чел., предварительные данные переписи 2019 г. зафиксировали недоучет 41,4 тыс. чел.

[1] © Петракова Ю. Н. Текст. 2020.

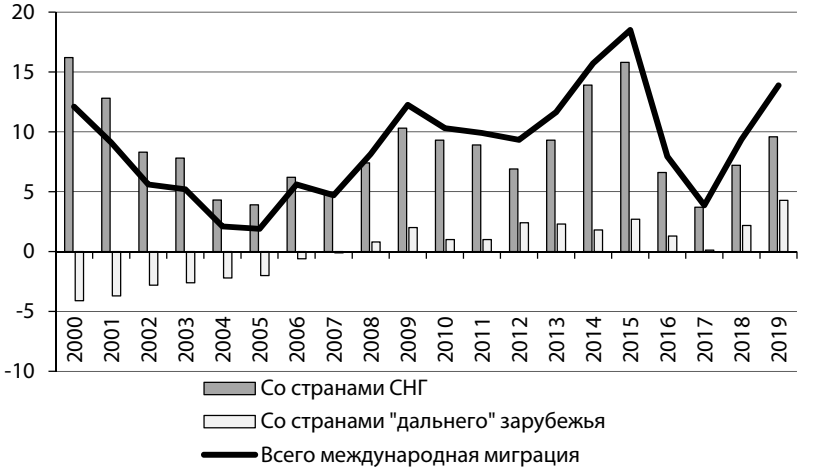


Рис. *Динамика сальдо международной миграции населения Беларуси по основным потокам, тыс. чел.*

В сфере трудовой миграции также существуют значительные расхождения между официальной белорусской статистикой и данными стран приема трудовых мигрантов. Этот недоучет еще существеннее, так как в данные белорусской статистики попадают лишь трудящиеся эмигранты, выехавшие по рабочим договорам, заключенным аккредитованными в Беларуси фирмами по трудоустройству за рубежом, однако большая часть мигрантов выезжает и трудоустраивается самостоятельно. Оценить численность трудовых мигрантов в странах приема довольно проблематично, так как не все попадают в официальную статистику, особенно это касается России.

По данным официальной статистики, в Беларуси с 2009 г. численность трудящихся иммигрантов преобладает над численностью эмигрантов. По данным МВД, численность международных трудовых иммигрантов в 2014 г. достигла максимального показателя в 37,9 тыс. чел., а сальдо трудовой миграции составило 32,4 тыс. чел. Основными странами — поставщиками трудовых ресурсов являются Украина, Россия и другие страны СНГ. В последнее десятилетие наблюдается неуклонный рост трудовых мигрантов из Китая (более 7 тыс. чел. прибывало в 2015–2016 гг.), большинство из них заняты на объектах, возводимых китайской стороной на основе соглашений по выделенным Китаем кредитов.

С 2015 г. наблюдается рост численности трудящихся эмигрантов. В 2019 г. по официальным данным экспорт рабочей силы составил 9 тыс. чел. Чаще всего граждане Беларуси трудоустраиваются в России, с 2016 г. значительно выросла трудовая миграция в Литву и Польшу. Официальные данные МВД фиксируют правдоподобную картину относительно

направления миграционных потоков, однако являются лишь вершиной айсберга в количественной оценке граждан Беларуси, трудоустроенных за рубежом. Так, последние доступные статистические данные по итогам выборочного обследования домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения[1] указывают, что в 2017 г. за пределами страны работало 74 тыс. чел., из них 61 тыс. чел. — в России. По данным МВД РФ в 2017 г. для трудоустройства въехало 124,6 тыс. граждан Беларуси, в 2019 г. — 134,7 тыс. чел.

Девальвация российского рубля в 2014–2015 гг. способствовала переориентации белорусских трудовых мигрантов на западное направление. С 2015 г. по 2019 г. количество полученных белорусами разрешений на работу в Польше увеличилось с 1,9 тыс. до 27 тыс., кроме того легально трудоустраиваться в стране могут обладатели «Карты поляка», среди которых лидирующую позицию занимают граждане Беларуси. Большинство белорусов трудоустраивается в сфере строительства, транспорта и логистики. В аналогичных сферах заняты граждане Беларуси и в Литве, где ежегодно растет количество выданных белорусам разрешений на работу.

Еще один вид краткосрочной миграции, который в дальнейшем может перерасти в трудовую и даже долгосрочную, — образовательная миграция. Последнее десятилетие Республика Беларусь проводит активную политику по привлечению зарубежных студентов, предлагая конкурентные среди стран региона условия по соотношению цены и уровня предлагаемых образовательных услуг. Однако численность иностранных студентов вузов остается невысокой. В 2018/2019 учебном году в стране обучалось 16,6 тыс. иностранных граждан, из них 47,8 % граждане Туркменистана, 10,2 % Китая и 8,7 % России[2]. При этом в стране наблюдается преобладание эмиграции студентов над иммиграцией. По данным ЮНЕСКО[3], в 2017 г. за пределами Беларуси обучалось 22,3 тыс. студентов, из них 11,6 тыс. в России, 5 тыс. в Польше, 1,2 тыс. в Литве, 1,1 тыс. в Германии. За последние пять лет в студенческой миграции, как и в трудовой, происходила переориентация на западное направление — численность белорусских студентов постоянно сокращалась в России и возрастала в странах ЕС.

Таким образом, в преддверии пандемии COVID-19, которая была объявлена в марте 2020 г., Республика Беларусь являлась активным участником международного рынка труда и образования, а также донором долгосрочных мигрантов в развитые страны мира. Несмотря на то, что на государственном уровне в стране не было объявлено чрезвычайного положения и введено запрета на пересечение границы, закрытие

[1] Труд и занятость в Республике Беларусь. 2018. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. С. 47.

[2] Образование в Республике Беларусь. 2019. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. С. 154.

[3] Inbound internationally mobile students by country of origin / UNESCO Institute for Statistics — Mode of access: http://data.uis.unesco.org/ (date of access: 12.04.2020).

границ и ограничительные меры, принятые в большинстве стран мира, отразились на миграционной ситуации в Республике Беларусь.

Первоначальные беспрецедентные меры по ограничению перемещения населения и неравный доступ к услугам здравоохранения и социальной помощи в ряде стран продемонстрировали уязвимость проживания или пребывания в стране в качестве мигранта. Первыми под удар попали фронтальеры, ежедневно пересекающие границы внутри ЕС или других интеграционных образований, в последующем пострадали все мигранты, даже долгосрочные. Остановка производств, закрытие предприятий торговли, замораживание строительных объектов привели к лишению доходов значительной части мигрантов, занятых в этих сферах производства. Если местным жителям, отправленным на вынужденный карантин, гарантировалось сохранение части дохода, то иностранные работники в условиях резкого падения доходов у работодателей увольнялись без каких-либо выходных пособий [4]. В некоторых случаях долгосрочные мигранты, находящие в момент закрытия границ за пределами страны проживания, были вынуждены вернуться в страну гражданства. Так, введение Российской Федерацией ограничений на въезд не позволило гражданам Беларуси, которые на протяжении многих лет постоянно проживали и работали в России без оформления вида на жительство и в момент закрытия границ временно находились за пределами страны, въехать в Россию. Данное обстоятельство в будущем может привести к увеличению числа белорусов, которые для урегулирования своего статуса будут стремиться получить российское гражданство. Формально данная тенденция, возможно, даже не отразится в официальной белорусской статистике численности выбывших, однако в реальности в долгосрочной перспективе снижается возможность возвращения данной категории граждан на родину.

В краткосрочной перспективе последствия пандемии сильнее всего отразятся на трудовой и, отчасти, образовательной миграции. Станы ЕС как основные реципиенты трудовых мигрантов уже ощущают нехватку трудовых ресурсов, особенно в сезонном низкооплачиваемом сельскохозяйственном секторе. Несмотря на существующие ограничения на пересечение границ, Великобритания и Германия с апреля 2020 г. разрешили привлечение сезонных рабочих из стран Восточной Европы, в частности Румынии, в Польше рекрутинговые агентства рекламируют сезонную работу в Германии и Нидерландах [5]. Миграция трудовых ресурсов не ограничивается внутренним рынком ЕС: Финляндия, Великобритания организуют чартерные рейсы для импорта трудовых ресурсов из Украины, Польша также испытывает нехватку трудовых мигрантов из этой страны.

В сложившейся ситуации пока неясно, насколько в ближайшие месяцы будут востребованы белорусские трудовые мигранты в Польше и Литве и получат ли они возможность трудоустройства в этих странах. При любом развитии событий рынок труда Республики Беларусь подвергнется серьезным испытаниям. Вырастет численность безработных за счет лишившихся

места трудоустройства во время локдауна и вернувшихся на родину трудовых мигрантов, грядущий мировой экономический кризис приведет к сокращению рабочих мест внутри страны. В первую очередь под угрозой окажутся низкоквалифицированные трудовые ресурсы, которые ранее имели возможность трудоустроиться за рубежом. Постепенное снятие ограничительных мер позволяет рассчитывать на открытие внутреннего рынка труда ЕАЭС, а значит, в ближайшее время возможна частичная переориентация белорусских трудовых мигрантов с западного вектора на восточный.

Меры по ограничению перемещения людей способствовали внедрению во многих отраслях экономики удаленных форм занятости. Если в сфере информационных технологий данные формы уже широко применялись, то для большинства секторов экономики дистанционная занятость нетипична. После окончания пандемии стоит ожидать более масштабного вовлечения сотрудников в удаленные формы занятости, что вызовет рост так называемой виртуальной или дистанционной миграции. Это позволит гражданам развивающихся стран без издержек на переезд стать востребованными на международном рынке труда. Высококвалифицированные специалисты из Беларуси будут конкурентоспособны на международном рынке дистанционных профессий в силу высокого уровня профессионализма и более низкого, относительно представителей высокоразвитых стран, уровня оплаты труда. Виртуальная миграция имеет ряд преимуществ для отправляющей страны, однако главным недостатком, как и в случае с реальной «утечкой умов», является отток квалифицированных специалистов с внутреннего рынка труда.

Пандемия закончится и перемещение населения между странами возобновится. Наверняка противоэпидемиологические мероприятия внесут определенные коррективы в существующую миграционную политику ряда стран, а грядущий экономический кризис может изменить конъюнктуру международного рынка труда, что, в свою очередь, отразится на масштабах и направлениях миграционных потоков, в том числе и в Республике Беларусь.

Список источников

1. Елисеев А. Большой статистический обман // BISS Блиц, BB #07/2013RU, 2013. URL: https://belinstitute.com/ru/node/818. (дата обращения: 25.02.2020).

2. Загорец В. С., Загорец И. В. Методологические аспекты исследования процессов миграции населения // Журнал международного права и международных отношений. 2019. № 1–2 (88–89). С. 72–84.

3. Злотников А. Г. Сальдо миграции Беларуси. Положительное или отрицательное? // Журнал Белорусского государственного университета. 2017. № 1. С. 91–97. (Социология).

4. Ivakhnyuk I V (2020) Coronavirus pandemic challenges migrants worldwide and in Russia // Population and Economics. 2020. 4(2). P. 49–55.

5. Monica Andriescu. Under Lockdown Amid COVID-19 Pandemic, Europe Feels the Pinch from Slowed Intra-EU Labor Mobility // Migration Policy Institute, May 2020. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/covid19-europe-feels-pinch-slowed-intra-eu-labor-mobility (date of access: 5.05.2020).

Информация об авторе

Петракова Юлия Николаевна (Беларусь, Минск) — старший научный сотрудник, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» (г. Минск, ул. Сурганова 1, корп. 2, petra13@mail.ru).

Y. N. Petrakova

Migration in the Republic of Belarus on the Eve of the Pandemic

The Republic of Belarus has been an active participant in the global migration movement of the population throughout its sovereign existence. According to official statistics, Belarus acts as a recipient in the migration exchange between countries. The level of migration turnover is not high and does not significantly effect on the demographic and socio-economic development of the country. According to official data, labor migration is also not significant with a predominance of labor imports.

According to expert estimates and official data of the destination countries of Belarusian migrants, Belarus annually loses its population due to long-term and short-term migration. Therefore, we can already say that the pandemic will make significant adjustments to the direction and scale of migration in the Republic of Belarus, especially in the short term.

Keywords: international migration, labor migration, student migration, pandemic

Author

Petrakova Yuliya Nikolaevna (Belarus, Minsk) — Senior Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganova str., 1 build. 2, Minsk, Belarus 220072; petra13@mail.ru).

References

1. Eliseev A. Big statistical deception / A. Eliseev. BISS Blitz, BB # 07 / 2013RU, 2013 [Electronic resource]. Mode of access: https://belinstitute.com/en/node/818. Date of access: 02.25.2020.

2. Zagorets V. S. Methodological aspects of the study of population migration processes / V. S. Zagorets, I. V. Zagorets. Journal of international law and international relations. 2019. № 1–2 (88–89). P. 72–84.

3. Zlotnikov A. G. Belarus migration balance: positive or negative? / A. G. Zlotnikov // Zh. Byelorussian. state University. Sociology. 2017. № 1. P. 91–97.

4. Ivakhnyuk I. V. (2020) Coronavirus pandemic challenges migrants worldwide and in Russia. Population and Economics 4(2): 49–55.

5. Monica Andriescu. Under Lockdown Amid COVID-19 Pandemic, Europe Feels the Pinch from Slowed Intra-EU Labor Mobility. Migration Policy Institute, May 2020. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.migrationpolicy.org/article/covid19-europe-feels-pinch-slowed-intra-eu-labor-mobility. Date of access: 5.05.2020.

УДК 314.151

С. С. Ходячих

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА[1]

В статье проанализированы актуальные показатели миграции населения и ее роль в демографическом развитии Белгородской области. В условиях демографического кризиса роль миграции возрастает, так как она становится средством сглаживания демографических проблем, способствует стабилизации численности населения, обеспечивая общий прирост, улучшает половозрастную структуру населения, увеличивая долю молодого и среднего возраста, изменяя соотношение мужчин и женщин.

Ключевые слова: миграция населения, демографическое развитие, демографический кризис, численность населения, естественный прирост, миграционный прирост

Миграция населения является одним из самых значимых процессов в современном мире. По данным ООН, количество мигрантов в мире составляет 232 млн чел., а по оценкам специалистов — достигло 1,2 млрд чел. Актуальность проблемы миграции населения в регионах России, и в частности в Белгородской области, определяется большой значимостью миграционных процессов и той ролью, которую миграция играет в демографическом развитии региона.

Целью исследования является обоснование роли миграции населения в демографическом развитии Белгородской области в условиях демографического кризиса. В рамках поставленной цели решались следующие задачи:

1. Уточнить понятийный аппарат, связанный с миграцией населения.
2. Охарактеризовать демографическую ситуацию в Белгородской области.
3. Исследовать изменение роли миграции в демографическом развитии в условиях демографического кризиса.
4. Обосновать роль миграции в демографическом развитии Белгородской области.

Предметом исследования является изменение роли миграции населения в условиях демографического кризиса. Объектом исследования выступает миграция населения.

Под миграцией мы понимаем территориальную подвижность населения, связанную с его перемещением по территории под влиянием разнообразных факторов и условий. Миграционное движение включает в себя все типы передвижений, а именно: внутреннюю, внешнюю и международную миграцию.

Приведем определение международной миграции, данное профессором В. А. Ионцевым: «Международная миграция населения представляет

[1] © Ходячих С. С. Текст. 2020.

собой территориальные передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленные различными факторами (семейными, национальными, политическими)». По мнению В. А. Ионцева, именно безвозвратная международная миграция является демографическим процессом, который оказывает прямое воздействие на демографическое развитие [1, с. 75–87]. Рассмотрим явление миграции на примере Белгородской области.

Современную демографическую ситуацию в Белгородской области определяют процессы снижения рождаемости и роста естественной убыли населения. Количество умерших ежегодно превышает количество родившихся. Лучшее соотношение этих показателей отмечено в 2014 г.: 21,6 и 17,8 тыс. чел. Для сравнения: в 2000 г. — 23,3 и 12,1 тыс. В 2018 г. разрыв между количеством умерших и родившихся опять увеличивается.

Далее мы проанализировали динамику миграционного процесса за период с 1992 г. по 2019 г. В 1992–1999 гг. в регионе зафиксирована повышенная интенсивность миграции — 319 мигрантов на 10 тыс. чел. населения, это больше, чем в других областях ЦФО и по России за тот же период.

По материалам региональных источников[1], в течение последних десятилетий в регионе наблюдалась ежегодная положительная динамика миграционного прироста населения, так, в 1993 г. он составил 23.1 тыс. чел. (максимальный показатель), в 1997 г. по 2002 г. миграционный прирост стабилизировался на уровне 17–16 тыс. чел. в год. Далее мы видим падение показателя в 2003–2004 гг. до 8, 5 тыс. и его дальнейший рост в 2007 г. до 12,7 тыс. чел. Далее идет некоторое снижение прироста: в 2012 г. показатель снизился до 8,6 тыс. чел., в 2015 г. до 6 тыс. чел., в 2016 г. он равнялся 7 тыс. чел. Заметно показатель миграционного прироста снизился в 2017 г. до 2,8 тыс. чел. Причина падения — массовое возвращение украинцев. Уже в 2018 г. мы наблюдаем дальнейшее увеличение показателя на 45 % к уровню 2017 г. (4,1 тыс. чел.).

Начиная с 2007 г. отмечается рост естественного прироста населения за счет увеличения рождаемости, максимальных показателей рождаемости удалось достичь в 2014–2016 гг., однако прирост все еще остается отрицательным, так как велики показатели смертности. Поэтому возрастает роль миграционного прироста, который с 2007 г. по 2016 г. компенсирует естественную убыль населения в регионе на 180–200 % и является постоянным фактором роста численности населения.

Анализ динамики численности населения Белгородской области, по данным переписей 2002 и 2010 гг, показывает, что за 8 лет население увеличилось на 21,1 тыс. человек (на 1,4 %) за счет превышения миграционного прироста над естественной убылью, за этот период это третий показатель в ЦФО после Москвы и Московской области [2, с. 382–440]. За последние десять лет произошло увеличение на 40,5 тыс. чел. (2,6 %), в 2019 г. показатель достиг значения 1547 тыс. чел.

[1] Белгородская область в цифрах. 2019. Крат. стат. сб. / Белгородстат. 2019. С. 36–49.

Мы осуществили анализ данных международной миграции за период с 2000 г. по 2019 г. Миграционные процессы между странами дальнего зарубежья невелики и не оказывают значительного влияния на демографическую ситуацию в регионе. Основная доля миграции приходится на потоки из стран СНГ — 93,9 %. Структура миграции из стран СНГ в 2018 г. может быть представлена следующим образом: большую долю мигрантов составляют жители Украины (75,6 %), Казахстана (9 %), Узбекистана (3,3 %), Молдовы (3 %).

Анализ показывает, что международная миграция оказывает влияние на структуру населения. Среди мигрантов преобладают люди молодого и среднего возраста, а именно 15–45 лет. Возрастная структура населения региона улучшается за счет непосредственного увеличения численности и доли в этих возрастных категориях, а также благодаря увеличению количества детей, которые могут родиться у прибывших.

По данным статистики, в структуре миграционного прироста наблюдается снижение численности женщин за счет увеличения доли мужчин, что влечет за собой изменения в половой структуре населения. Так в 2006 г. на 1000 мужчин приходилось 1,18 тыс. женщин, начиная с 2013 г. этот показатель составлял 1,17, в 2018 г. — 1,16, то есть соотношение мужчин и женщин становится более благоприятным.

Таким образом, в условиях демографического кризиса возрастает роль миграции, она становится средством сглаживания демографических проблем, так как способствует стабилизации численности населения, обеспечивая общий прирост, улучшает возрастную структуру за счет увеличения населения молодого и среднего возраста, осуществляет стабилизацию половой структуры населения, изменяя соотношение численности мужчин и женщин.

Подводя итог, следует отметить ведущую роль миграции в демографическом развитии Белгородской области, именно благодаря миграции в последние десятилетия растет численность населения, при этом мигранты, вливаясь в состав коренного населения, выполняют омолаживающую функцию, вносят позитивный вклад в рождаемость, что оказывает положительное влияние на демографическую ситуацию в регионе.

Список источников

1. Ионцев В. А., Прохорова Ю. А. Формирование нового населения в свете концепции 4-го демографического перехода // Вестник Московского университета. 2012. № 4 С. 75–87. (6. Экономика).

2. Население России 2017. Двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед, ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 480 с.

3. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Трудовая миграция как потенциал роста населения России // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 58–67.

Информация об авторе

Ходячих Сергей Сергеевич (Россия, Белгород) — студент, 4 курс, Белгородский государственный университет, институт социальных наук и массовых коммуникаций (г. Белгород, ул. Преображенская 78, e-mail: seeregey@mail.ru).

S. S. Khodiachikh

Role of Migration in Demographic Development of the Belgorod Region under the Conditions of the Demographic Crisis

The article analyses current indicators of population migration and its role in the demographic development of the Belgorod region. In the context of the demographic crisis, the role of migration increases, as it becomes a means of smoothing demographic problems. Migration ensures the overall growth of population, improvement of age structure of the population, the increase in the proportion of youth and middle age, changing the ratio of men and women.

Keywords: population migration, demographic development, demographic crisis, population size, natural growth, migration growth

Author

Khodiachikh Sergei Sergeevich (Russia, Belgorod) — 4th year student, Belgorod state University, Institute of social Sciences and mass communications. (Belgorod, Preobrazhenskaya str. 78, e-mail: seeregey@mail.ru).

References

1. Iontsev V. A., Prokhorova Yu. A. Formation of a new population in the light of the concept of the 4th demographic transition // Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. 2012. no. 4 P. 75–87.

2. Population of Russia 2017: twenty-third annual demographic report / ed. S. V. Zakharov; National research, Higher school of Economics, Moscow: Publishing house of Higher school of Economics, 2019. 480 p.

3. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Labor migration as the growth potential of the Russian population / / Population. 2018. Volume 21, No. 4. Pp. 58–67.

УДК 314.7(517.6)

Е. Е. Чайка, У. В. Мизеровская

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА: СЛУЧАЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА[1]

В данной работе исследуются причины, следствия и специфика миграционных процессов, наблюдающихся на территориях Крайнего Севера Дальнего Востока России в начале XXI в. в аспекте их дальнейшего устойчивого развития. Выявляются как структурные особенности миграционных потоков (трудовой характер миграции, возрастная и половая дифференциация мигрирующего населения, временный характер миграции), так и факторы, определяющие сложившуюся тенденцию высокого отрицательного миграционного прироста (моноотраслевой, ресурсодобывающий, а следовательно, чрезвычайно уязвимый в долгосрочной перспективе характер экономики данных регионов, низкий уровень комфортности проживания, отдаленность от крупных образовательных и культурных центров). По итогам изучения статистических данных Федеральной службы государственной статистики оцениваются масштабы убыли населения как в исследуемых регионах в целом, так и в различных типах населенных пунктов, расположенных на их территориях. Доказывается, что с учетом выявленных особенностей миграционной ситуации поселки городского типа являются наименее устойчивыми поселениями в условиях Крайнего Севера.

Ключевые слова: миграционные процессы, Крайний Север, Дальний Восток, миграционный отток, динамика населения, ресурсодобывающие регионы

На Крайнем Севере Дальнего Востока сосредоточены значительные залежи полезных ископаемых (нефть, драгоценные металлы, уголь, железная руда и др.), что делает эти территории важной ресурсной базой дальнейшего промышленного развития России. Однако сверхбыстрые темпы обезлюдивания дальневосточных регионов в постсоветский период, вызванные стремительным миграционном оттоком, могут стать препятствием возможности их более глубокого освоения. Изменение сложившихся тенденций в системе расселения северных территорий Дальнего Востока невозможно без изучения причин, особенностей и специфики миграционной убыли населения, которая приводит к постепенному исчезновению и так немногочисленных существующих здесь опорных пунктов развития. Именно эти вопросы определяют актуальность и являются задачами данного исследования.

В качестве статистической базы исследования были использованы данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также оценочные данные Федеральной службы государственной статистики о численности населения России на 1 января 2019 г. Дополнительно анализируется

[1] © Чайка Е. Е., Мизеровская У. В. Текст. 2020.

статистика территориальных органов Росстата по социально-экономическому развитию исследуемых регионов.

Необходимо отметить, что для сопоставимости данных сделано несколько допущений: во-первых, административные границы субъектов Дальнего Востока РФ рассматриваются по состоянию на начало 2019 г., во-вторых, в зону Крайнего Севера в данном исследовании включаются только непосредственно территории Крайнего Севера, а не приравненные к таковым. Таким образом, в диапазон территорий, исследуемых в данной работе, согласно Перечню районов Крайнего Севера[1], полностью вошли Магаданская область, Чукотский автономный округ, Республика Саха, Камчатский край и северные части Хабаровского края и Сахалинской области.

Общие тенденции демографических процессов, сложившиеся к настоящему времени на всей территории Крайнего Севера России, были изучены в работах А. Л. Синицы [3], который, в частности, проводит анализ оттока населения через призму различных видов миграций, показывая, что она происходит как внутри самих регионов, так и между ними (при этом наиболее сильно влияние именно межрегиональной миграции из северных регионов в центральные и южные). В работе А. Е. Шапарова [6] утверждается, что северные регионы в целом обладают высокомобильным миграционным населением, что особенно четко видно на примере Арктики. В свою очередь, И. А. Ефремов [1] обнаруживает, что миграционная убыль в северных территориях формируется по четким возрастным критериям — за счет людей пенсионного и предпенсионного возраста. Коллектив исследователей (В. В. Фаузер, Т. С, Лыткина, Г. Н. Фаузер, А. В. Смирнов) [4–5] выявил, что миграции населения из северных территорий препятствуют постарению населения, однако негативно влияя на качество этого населения, что может приводить к снижению потенциала устойчивого развития территории. Последние два исследования особо акцентируют внимание на существовании возрастных особенностей «северной» миграционной убыли: пожилое население предпочитает перебираться в места с более благоприятными для жизни условиями, а молодое, наоборот, привлекают заработки с потенциально высоким доходом. Данный факт определяет еще одну особенность, характерную для всех районов Крайнего Севера — абсолютное преобладание трудового фактора во входящих миграционных потоках.

Трудовая причина входящей миграции в сочетании с «возрастным» оттоком приводит в итоге к негативным последствиям в виде восприятия Севера прибывающими мигрантами как временного пункта пребывания, что снижает мотивацию к качественным изменениям в развитии местных территорий и также работает на стимулирование миграционного

[1] Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 №12. Ред. от 27.02.2018. URL:www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/6b62003cddbf7056e4456256deb5643fe7358625/.

оттока. Этот «кратковременной» подход к пребыванию на Крайнем Севере без цели обосноваться на новом месте достигает своего наиболее яркого проявления в вахтовом методе работы, при котором местное население лишается части рабочих мест и тоже в итоге присоединяется к миграционному оттоку.

Еще одной особенностью миграционных потоков на Крайнем Севере является разница в половой структуре входящей и исходящей миграции. Если миграционная убыль гендерно сбалансирована, то миграционный приток, как правило, формируют мужчины в трудоспособном возрасте, что обуславливается, в первую очередь, современными отраслевыми особенностями экономики Крайнего Севера.

Что касается Крайнего Севера Дальнего Востока, то к общим для северных территорий России особенностям формирования миграционных потоков здесь добавляются также миграционные тенденции, присущие всем дальневосточным регионам. Речь идет о так называемом западном дрейфе [2] — миграционном оттоке населения из восточных регионов страны на запад, в Сибирь и европейскую часть России. При этом миграционная убыль не переходит в миграционный прирост даже на фоне экономического разворота России на восток: интенсификации экономических связей с Китаем, развития транспортной инфраструктуры (от мостов до космодрома Восточный) и локализации научно-исследовательских центров в отдельных городах Дальневосточного федерального округа: Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском. Периферийность положения дальневосточных регионов по отношению к столице и другим городам-миллионникам страны, отдаленность от крупных центров общественной и культурной жизни все еще играют ведущую роль в поддержании западного дрейфа. На общий фактор периферийности Дальнего Востока в его северных регионах накладываются еще и экономические условия, а именно дороговизна проживания: более высокие цены на продовольствие и значительные расходы на ЖКХ. Так, доля продуктов питания в потребительских расходах населения дальневосточного Крайнего Севера составляет 37,2 % (при средней по ДФО 31,6 %), а доля расходов на жилищно-коммунальные услуги — 13 % (при средней по ДФО 10,5 %, а по России в целом — 9,6 %).

Исследуя отличительные черты миграционных процессов северных районов Дальнего Востока, необходимо также вспомнить исторические особенности освоения данных территорий. Если европейский Крайний Север России имеет продолжительную историю освоения (первые города там начали закладываться еще в XIII-XIV вв.), что к настоящему времени обеспечило довольно развитую транспортную инфраструктуру и определенную «оседлость» в менталитете жителей, то развитие севера Дальнего Востока началось фактически только в прошлом веке (за исключением Якутска, местные северные города были основаны в конце XIX — нач. XX вв.) и проходило в значительной мере насильственным путем

через труд заключенных, что находит свое отражение в восприятии обществом данных территорий как непривлекательных для жизни мест, мест-наказаний. При этом несмотря на относительно недолгую историю освоения данных территорий, к настоящему времени они являются одними из лидеров по ветхости жилья: жилищный фонд здесь состоит преимущественно из строений, возведенных еще в советские времена, а количество современных зданий катастрофически мало, что также снижает привлекательность проживания на данных территориях и подталкивает к переезду. В цифрах это выглядит следующим образом: количество аварийного жилья в общем фонде жилья по Крайнему Северу Дальнего Востока составляет 3,8 % (самая катастрофичная ситуация наблюдается в Якутии — 7,9 %), в то время как по ДФО — 2,2 %, а по России в целом — 0,7 %.

Согласно переписи 2002 г., на Крайнем Севере Дальнего Востока проживало 1645051 чел., что составляло на тот момент 24,58 % от населения ДФО. Но уже через 8 лет, по итогам переписи 2010 г., население этих территорий сократилось на 75587 чел. (–4,6 %), а к началу 2019 г. уменьшение населения составило 2,2 % и 6,7 % в сравнении с 2010 и 2002 гг. соответственно. Уменьшение численности населения дальневосточного Крайнего Севера за исследуемый период сформировано именно за счет миграционной убыли, значение которой в наибольшей степени определяет динамику населения Магаданской области и Камчатского края, в которых она в среднем обеспечивает 90 % общего уменьшения численности населения, оставляя оставшиеся 10 % на естественную убыль. Менее подвержены данному явлению Чукотский АО и Республика Саха, в которых естественный прирост населения в течение всего исследуемого периода имеет положительные значения, что несколько сглаживает влияние миграционного оттока.

При анализе структурных составляющих миграционной убыли по видам населенных пунктов, из которых происходит отток, выявляется, что отток населения из поселков городского типа в условиях Крайнего Севера идет более высокими темпами, чем даже из сельских населенных пунктов. Причем эта особенность характерна для всех северных территорий России. Так, общая численность населения пгт, расположенных на территориях Крайнего Севера Дальнего Востока, с 2002 г. сократилась на 33,7 % (33 % в среднем по Крайнему Северу России), в то время как сельские населенные пункты потеряли за это время 9,7 % населения (8,8 % по всему Крайнему Северу). В то же время население городов незначительно подросло: на 4,2 % на Крайнем Севере Дальнего Востока и на 8,77 % на Крайнем Севере России в целом. Таким образом, наиболее уязвимым типом населенных пунктов для Крайнего Севера в настоящее время является пгт.

Подтверждением их уязвимости служит динамика количества данных населенных пунктов за исследуемый период времени (рис., табл.).

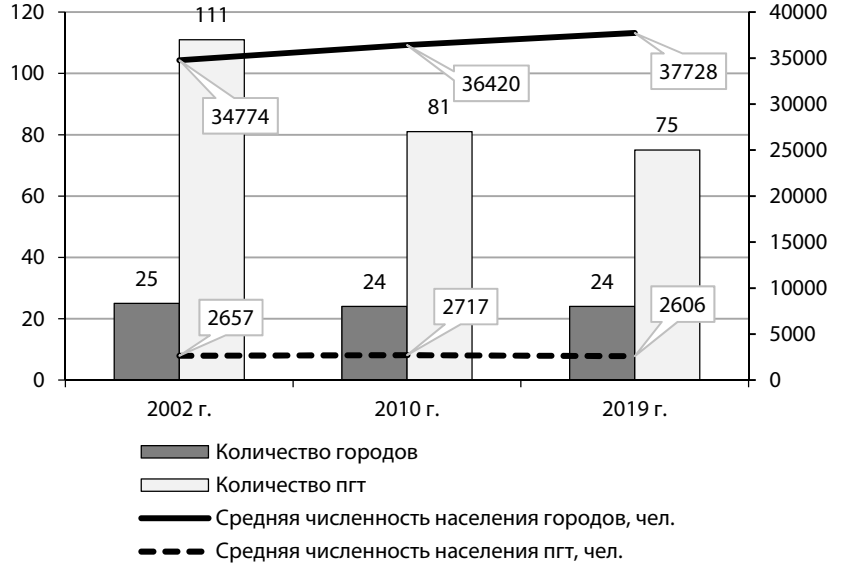


Рис. *Динамика количества городских населенных пунктов и средней численности их населения на Крайнем Севере Дальнего Востока в 2002–2019 гг. (источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата (Всероссийские переписи населения // База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/vpn_popul (дата обращения 03.05.2020)))*

На 2002 г. на Крайнем Севере Дальнего Востока насчитывалось 111 пгт и 25 городов. Число городов к настоящему времени уменьшилось на один, а вот число пгт — на 27 % к 2010 г. и на 32,4 % к 2019 г. (в сопоставлении с 2002 г.). Учитывая тот факт, что темп миграционного оттока населения больше темпа уменьшения количества пгт, средняя численность пгт также заметно снизилась. Снижение числа городов было вызвано резким уменьшением численности населения г. Ключи в Камчатском крае, из-за чего он был преобразован обычный поселок, минуя фазу пгт. Что касается уменьшения количества пгт, то причины их исчезновения различны. Два из 36 вошли в черту города Якутска и стали районами города (Кангалассы и Марха), 16 — потеряли градообразующую отрасль (добывающую) и вследствие последовавшего оттока населения поменяли свой статус на сельские населенные пункты, 18 оставшихся не смогли функционировать в качестве сел и поселков и пришли в полное запустение, из-за чего были либо ликвидированы, либо заброшены. Из характерных примеров тут можно привести следующие: пгт Ленинградский в Чукотском АО был ликвидирован после истощения близлежащего золотоносного прииска, золотодобывающая компания пгт Карамкен в Магаданской области была признана банкротом, что впоследствии привело к его ликвидации, пгт Эльгинский в Якутии был

ликвидирован через некоторое время после истощения месторождения золота и т. д.

Рассмотрим ситуацию в каждом из исследуемых регионов по отдельности. Все они являются добывающими, подтверждением чего служит высокая доля добывающей отрасли в промышленном производстве. Единственным исключением является Камчатский край, о чем будет рассказано далее.

Самый простой случай представляет собой Хабаровский край, на относящейся к Крайнему Северу территории которого находятся только один пгт и несколько сельских населенных пунктов. Данная территория включает два северных района края — Аяно-Майский и Охотский, — основу экономики которых составляет добыча золота и серебра (89,5 % всего промышленного производства). В результате миграции за 17 лет почти в 1,5 раза сократилось сельское население, чуть в меньшей степени (на 42,5 %) сократилось население единственного пгт Охотска. В абсолютном выражении сокращение численности, правда, смотрится не столь устрашающе (уменьшение на 2440 чел.). Сокращение численности населения было связано с закрытием нескольких золотодобывающих предприятий.

Более сильно, как в абсолютных показателях, так и в относительных, пострадала от миграционной убыли Магаданская область, специализацией которой является также золото- и серебродобыча (85,3 % всего промышленного производства региона). Сельское население области в 2002–2019 гг. уменьшилось более чем на 60 %, пгт — на 36 %, городов — на 10 % при общем сокращении числа поселков городского типа на 14 %. Данный регион испытывает сильнейшую депопуляцию, которую не могут остановить ни растущий с 2014 г. объем добычи золота, ни создание инновационных кластеров с добывающими компаниями в составе. Местное население, несмотря на высокие средние зарплаты, предпочитает покидать регион, поскольку все преимущества нивелируются высокими ценами на услуги ЖКХ и продовольствие, которое из-за перевозки авиасообщением резко возрастает в цене. Однако на такие условия согласны рабочие-вахтовики, прибывающие из других субъектов, поскольку им зачастую покрывают расходы и на питание, и на проживание.

Также снижения численности населения не избежали ни Сахалинская область, ни Камчатский край, несмотря на отличную от Магаданской области и севера Хабаровского края специализацию. Северные регионы Сахалинской области специализируются на разработке месторождений нефти, что объясняет самый высокий на изучаемой территории показатель доли добывающего сектора в промышленном производстве (94,4 %). В свою очередь, Камчатский край выбивается из регионов добывающей промышленности: его соответствующий показатель 12,3 %, при том что объемы добычи золота у него сопоставимы с объемами в Чукотском АО. Однако значение золотодобычи здесь перекрывается развитием рыбной промышленности. В обоих субъектах существовавшее в 2002 г. количество

Таблица

Сравнительная динамика общей численности населения территорий Крайнего Севера Дальнего Востока и населения пгт с 2002 г. по 2019 г., %

Территория	Количество пгт	Население пгт	Население городов	Сельское население	Общее население
Магаданская обл.	–14,3	–36,1	–10,1	–60,4	–22,7
Сахалинская обл. (Районы: Курильский, Ногликский, Охинский, Северо-Курильский и Южно-Курильский)	–71,4	–11,5	–25,4	–11,1	–18,3
Респ. Саха	–25,5	–30,8	+18,6	–2,9	+1,9
Камчатский край	–71,4	–78	–10,5	–21,5	–16,6
Хабаровский край (Охотский и Аяно-Майский районы)	0	–42,5	—	–48	–45,9
Чукотский АО	–61,5	–25,8	+12,5	–19,4	–7,7

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата (численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/folder/11110/document/13282 (дата обращения 03.05.2020)).

пгт (по 7 в каждом) уменьшилось на 71,4 % (до 2 в каждом). При этом, как уже отмечалось ранее, в Камчатском крае исчез один город, превратившийся в поселок. Более того, там же произошло резкое снижение численности проживающих в пгт — в связи с ликвидацией большинства них и переездом людей в города. Случай же Сахалинской области доказывает, что даже высокодоходная нефтяная отрасль не способна длительное время удерживать население на Крайнем Севере Дальнего Востока.

Несмотря на общую отрицательную динамику населения, в двух регионах — Чукотском АО и Республике Саха — зафиксированы положительные приросты в населении городов, а в последней еще и незначительное увеличение совокупной численности населения. Если на Чукотке, ведущей отраслью которой (как и у ее соседа — Магаданской области) является золото- и серебродобыча (доля в промышленном производстве региона 86,7 %), прирост населения городов вызван преимущественно внутрирегиональной миграцией из ликвидированных пгт и немногочисленных сельских населенных пунктов, то в Якутии, в которой аналогично ведется добыча драгметаллов, а также разработка алмазных месторождений (совокупная доля в промышленном производстве — 88,1 %), это дополняется еще и административными преобразованиями (включением двух крупных пгт в состав городской черты разросшегося Якутска), а также превышающим цифры миграционной убыли естественным приростом.

Общая динамика по дальневосточным регионам Крайнего Севера такова, что в среднем по причине миграционного оттока города потеряли 8,6 % населения, в то время как аналогичный показатель у поселков городского типа почти в 2,2 раза выше (снижение в среднем на 18,5 %), что подтверждает более быстрое обезлюдивание именно мелких населенных пунктов, нежели крупных городов. Ведущей причиной столь сильных изменений является потеря экономической эффективности преимущественно монопрофильных пгт, что приводит к исчезновению данных населенных пунктов и порождает неравномерность распределения населения и развития территорий. А это, в свою очередь, вкупе со сложными условиями еще больше затрудняет освоение данных перспективных территорий.

Существующая проблема миграционной убыли дальневосточных регионов Крайнего Севера, помимо трудностей в пространственном освоении указанных территорий, как уже было отмечено выше, имеет и другие негативные эффекты. Разработка месторождений вахтовым методом пусть и является более выгодной в краткосрочном временном промежутке ввиду отсутствия необходимости возведения сложной и качественной инфраструктуры, в долгосрочной перспективе может иметь отрицательные экологические и социальные последствия. Приезжающим трудовым мигрантам часто не интересен регион их работы с точки зрения долговременного устойчивого развития, что может спровоцировать небрежное, потребительское отношение к окружающей среде, в условиях преобладания в структуре промышленного производства добывающей отрасли такое отношение особенно опасно, учитывая хрупкость экосистемы Крайнего Севера.

Тем не менее, очевидно, что миграционная убыль из регионов Крайнего Севера России, помимо перечисленных и проанализированных выше причин, обусловлена также устаревшей схемой системы расселения на данных территориях, которая сложилась в советское время. В этой схеме пгт для освоения Севера играли даже более важную роль, чем города — вследствие меньших затрат по их основанию, они обеспечивали динамичное освоение новых пространств. Однако к настоящему времени пгт, имеющие характерные также и для городов проблемы, связанные, прежде всего, с развитием сферы ЖКХ, но при этом не имеющие их преимуществ в виде агломерационной экономии и, кроме того, обладающие максимально неустойчивой к кризисам монопрофильной ориентацией, стали абсолютно непривлекательным типом населенных пунктов.

Список источников

1. Ефремов И. А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 140–159.

2. Мкртчян Н. В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4

3. Синица А. Л. Демографическое развитие районов Крайнего Севера в 2000–2015 гг.: итоги миграции // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. №2(12). С. 53–57.

4. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. 2018. Т. 14, №4. С. 1370–1382.

5. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н., Смирнов А. В. Влияние миграций на численность и трансформацию социально-демографических структур населения российского севера // Известия Коми научного центра УрО РАН. –018. №4 (36). С. 111–121.

6. Шапаров А. Е. Миграционные процессы в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Россия. Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М. : ИНИОН РАН, 2019. С. 626–631.

Информация об авторах

Чайка Егор Евгеньевич (РФ, Москва) — студент, Российский университет дружбы народов (117198, ЮЗАО, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6), e-mail: jkzitr2499@mail.ru.

Мизеровская Ульяна Викторовна (РФ, Москва) — кандидат экономических наук, доцент кафедры Региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов (117198, ЮЗАО, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6), e-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru.

E. E. Chaika, U. V. Mizerovskaya

Features of Migration Processes in the Mining Region of the Extreme North: the Case of the Far East

In this paper, we study the causes, effects and specifics of migration processes observed in the Extreme North of the Russian Far East in the beginning of the 21st century in the aspect of their further sustainable development. The structural features of migration flows (the labor nature of migration, age and gender differentiation of the migrant population, the temporary nature of migration), as well as factors determining the prevailing trend of high negative migration growth (single industry, resource extraction, and therefore extremely vulnerable in the long term, the nature of the data economy are revealed). regions, low level of living comfort, remoteness from large educational and cultural centers). Based on the results of studying the statistical data of the Federal State Statistics Service, the extent of population decline is estimated both in the studied regions as a whole and in various types of settlements located in their territories. It is proved that, taking into account the identified features of the migration situation, urban-type settlements are the least stable settlements in the Extreme North.

Keywords: migration processes, Extreme North, Far East, migration outflow, population dynamics, resource-extracting regions

Authors

Chaika Egor Evgenevich (Russia, Moscow) — student, RUDN University (117198, South-Western Administrative District, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6), e-mail: jkzitr2499@mail.ru.

Mizerovskaya Uliana Viktorovna (Russia, Moscow) — Ph.D., Associate Professor, Department of Regional Economics and Geography, RUDN University (117198, South-Western Administrative District, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6), e-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru.

References

1. Efremov I. A. Modern migration processes in the Extreme North of Russia // Regionology. 2016. No. 4 (97). p. 140–159.

2. Mkrtchyan N. V. “Western drift” of intra-Russian migration // Domestic notes. 2004. No. 4

3. Sinitsa A. L. Demographic development of the Extreme North in 2000–2015: migration results // Bulletin of Surgut State University. 2016. No. 2 (12). p. 53–57.

4. Fauser V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Sustainable development of the northern regions: demographic dimension // Economika regiona. 2018. T. 14, No. 4. p. 1370–1382.

5. Fauser V. V., Lytkina T. S., Fauser G. N., Smirnov A. V. The effect of migration on the number and transformation of socio-demographic structures of the population of the Russian north // Bulletin of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 4 (36). p. 111–121.

6. Shaparov A. E. Migration processes in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation // Yearbook "Russia: Trends and Prospects of Development". 2019. p. 626–631.

Научное издание

Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов

XI Уральский демографический форум
Международная научная конференция

Сборник статей

Том II

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол №3 от 30.06.2020 г. Рег. № 04 (№2 от 29.06.2020).

Редактор О. Л. Сафьянова.
Компьютерная верстка С. В. Кузовкой.

Подписано в печать 01.12.2020.
Формат 60x90 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная
Усл. п. л. 16. Уч.-изд. л. 17.
Тираж 300 экз. Заказ № …

Оригинал-макет подготовлен Институтом экономики УрО РАН
620014, Екатеринбург, ул. Московская 29

Отпечатано в типографии ООО «Юника»
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29